

ВВЕДЕНИЕ

Уже более столетия проблема эргативности является объектом пристального внимания языковедов. К настоящему времени вокруг нее сложилась обширная специальная литература, отражающая значительное разнообразие точек зрения как по общим, так и по частным вопросам. Успехи, достигнутые в изучении проблемы эргативности — особенно в дескриптивном плане, — несомненны. Вместе с тем попытки теоретического истолкования ее сущности поставили перед исследованием много новых задач, еще ожидающих своего решения. Достаточно, например, заметить в этой связи, что мнение о том, что «истинная природа образования... эргативного строя предложения... до сих пор окончательно не выяснена»¹, имеет под собой самые реальные основания. Состояние разработки проблемы красноречиво отражает и факт отсутствия по сей день определения эргативной конструкции, выдержанного в синтаксических терминах (как известно, существующие дефиниции последней сводятся к описанию морфологической специфики ее компонентов). Если к тому же учесть, что объем вовлекаемого в орбиту исследования языкового материала продолжает существенно расширяться, то станет очевидным, что проблема эргативности и в настоящее время составляет весьма перспективную область сравнительно-типологических исследований.

Ее решение представляется особенно важным с точки зрения так называемой «контенсивной» типологии, которая в отличие от большинства типологических схем, справедливо охарактеризованных Э. Сениром в качестве чисто технических, ориентирована на содержание языковых форм. Несмотря на явно преобладавшую в последние годы тенденцию представить конкретные манифестации эргативности в виде явлений, обусловленных исключительно структурным контекстом (например, своеобразным характером отношения глагольной основы к именной), уже такие концепты,

¹ См.: Б. А. Серебренников. Развитие человеческого мышления и структуры языка. «Ленинизм и теоретические проблемы языкоизнания». М., 1970, стр. 334.

как субъект и объект, переходное и непереходное действие, на передачу которых она в значительной степени ориентирована, заставляют вернуться к мысли о том, что в конечном счете она может составлять одно из проявлений органической связи, существующей между языком и мышлением. Если согласиться с этим допущением, то такие сопоставимые с эргативностью явления, как номинативность, активность и другие, также должны отражать собой специфическое «глубинное» содержание, под углом зрения которого каждое из них передает отношения действительности. Было бы естественным ожидать, что в случае оправданности подобного подхода истолкование каждого из этих явлений как структурного принципа, определяющего целостный типологический облик языков, могло бы пролить дополнительный свет на диалектику взаимоотношения языка и мышления.

Успешная разработка этой проблематики невозможна без строгого разграничения трех разной степени сложности, но одинаково фундаментальных для теории эргативности понятий: эргативная конструкция предложения, эргативная структура (// типология) предложения, эргативный строй.

Эргативная (по менее употребительной терминологии — «активная») конструкция предложения представляет собой один из важнейших фрагментов глубинной синтаксической структуры очень большого числа языков, в котором со всей очевидностью выстунает тесная взаимообусловленность языковых фактов. Хотя в каждом конкретном языке она включается в совокупность только для него характерных связей морфологического и синтаксического порядка, четко повторяющаяся по языкам специфика этой конструкции обычно побуждала усматривать ее зависимость от экстраваригистических факторов (главным образом — от определенного уровня развития мышления), управляющих языковой эволюцией, и даже использовать ее в качестве некоторого критерия стадиальной периодизации последней. Оба названных обстоятельства всегда делали эргативную конструкцию предложения одним из наиболее притягательных объектов синтаксического исследования.

Изучение эргативной конструкции предложения с логической необходимостью выдвинуло на повестку дня исследования более общую проблематику структуры (// типологии) предложения в знающих ее языках, поскольку эта конструкция противопоставлена здесь абсолютной, а передко и некоторым другим моделям предложения, по целому комплексу характерных признаков несущим очевидный отпечаток структурного единства. Именно на фоне разработки этой широкой проблематики становится возможным подчеркнуть в противовес решительно преобладающему в работах по эргативности морфологическому направлению синтаксическое своеобразие эргативной конструкции по сравнению с номинативной конструкцией предложения языков номинативного строя. С другой стороны, четкое определение признаков

эргативной структуры предложения создает предпосылки для ограничения ранее обычно смешивавшейся с ней особой активной структуры предложения.

Однако проблематика эргативности уже не ограничивается в настоящее время и аспектом структуры предложения. В ходе изучения последней все более отчетливым образом обозначаются и ее внесинтаксические аспекты. Они находят свое выражение в различных импликациях эргативности, имеющих морфологический, лексический и, наконец, семантический характер. Для обозначения всей совокупности морфологических, синтаксических, а также лексических явлений, непосредственно связанных с функционированием в языке эргативности, в настоящей работе и используется термин «эргативный строй».

Как известно, эргативная структура предложения засвидетельствована в языках различной генетической принадлежности. Очень разнообразными оказываются и частные типологические параметры этих языков: среди них имеются, например, фузионные, агглютинативные и приближающиеся к изолирующим. Ареал распространения эргативности на современной лингвистической карте мира настолько обширен, что нет никаких оснований (особенно если принять во внимание ее, несомненно, рациональную обусловленность) усматривать ее какую-либо экзотичность. При этом лишь в отдельных случаях эргативность, возможно, выступает на правах собственно ареального явления.

Этот ареал охватывает не только такие ставшие уже «классическими» для разработки теории эргативности языки, как кавказские, представленные тремя группами (абхазско-адыгской, картвельской и нахско-дагестанской), генетические взаимоотношения которых остаются неясными, эскимосско-алеутские и баскский. Он включает целый ряд древних языков Ближнего Востока — хурритско-урартские, шумерский, возможно, эламский и древнеегипетский² (оговорки в двух последних случаях связаны с тем обстоятельством, что имеются некоторые основания для квалификации типологии обоих как активной). В него входит, далее, большое число современных иранских, дардских и ипидийских языков, бурунди и некоторые китайско-тибетские³. Эргативными являются многочисленные пануасские и австралийские языки, ряд полинезийских⁴, чукотско-камчатские (за

² См.: И. М. Дьяконов. Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения (на материале языков Древнего Востока). — Сб. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов». Л., 1967 (в сокращении ЭКПЯРТ); М. А. Коростовцев. Эргативный «падеж» в египетском языке. «Древний Египет и древняя Африка». М., 1967.

³ См.: Н. Марсего. Notes sur la morphologie du tibéto-birman et du munda. — BSLP, 1947—1948, t. 44, fasc. 1.

⁴ См.: P. W. Hohepa. The Accusative-to-Ergative Drift in Polynesian Languages. «The Journal of the Polynesian Society», 1969, v. 78 (№ 3).

возможным исключением ительменского), а также очень большое число северно- и центральноамериканских (относящихся к группам чинук-цимшиан, салиш, алгонкин-ритва, ченутья, юто-ацтек, майя-киче и др.). Имеются, наконец, пока не проверенные свидетельства о распространении ареала эргативности также на некоторые из южноамериканских языков (при этом, в частности, называются молуче в Аргентине и кунибо в Бразилии)⁵.

Значительное число языков — главным образом среди индо-иранских (как современных, так и, отчасти, средневековых), кавказских и полинезийских, а также язык бурунгаски — характеризуется невыдержаным эргативным строем, поскольку их структурный тип содержит немало черт номинативности. Возникшее впечатление, что с непоследовательно проводимой эргативностью имеем дело в кетском языке Западной Сибири, не оправдывается (в этом, но-видимому, в опроводимом номинативном языке присутствуют скорее черты не эргативного, а активного строя)⁶. Следует также особо выделить ряд языков, которые при очевидном господстве номинативного строя знают лишь весьма ограниченное функционирование эргативной конструкции предложения. К их числу относятся некоторые индоиранские и китайско-тибетские языки, а также, возможно, хантыйский⁷.

Необходимо отметить, наконец, что большое число северноамериканских языков, ранее нередко рассматривавшихся в специальной литературе в качестве эргативных, а также целый ряд языков Южной Америки ввиду резкой специфики их структуры, характеризующейся, в частности, противопоставлением не транзитивных и интранзитивных глаголов, а активных и стативных, должны быть типологически отождествлены в качестве представителей особого строя, называемого в последующем изложении активным. Самый термин «активный строй» условен и поэтому не должен вводить в заблуждение⁸: он произведен от названия встречающейся в некоторых из этих языков особой падежной единицы —

⁵ Ср.: T. M i l e w s k i. Analyse typologique de la langue Ojibwa. — В кн.: T. M i l e w s k i. Études typologiques sur les langues indigènes de l'Amérique. Kraków, 1967, стр. 118; ср. также: G. T e s s m a n n. Die Tschamah-Sprache. «Anthropos. Revue International d'Ethnologie et de Linguistique», Bd XXIV, N. 1—2. Wien, 1929, стр. 253 и 261—262.

⁶ Ср.: Б. А. Успенский. Замечания по типологии кетского языка. «Вопросы структуры языка». М., 1964, стр. 155—156; Г. К. Вернер. Индоевропейско-енисейские типологические параллели. «Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы». М., 1972, стр. 7—9.

⁷ Ср.: А. Н. Баландин. Обско-угорские конструкции глагольного предложения со «скрытым субъектом». — ЭКПЯРТ, стр. 302—304; J. G u l y a. Aktiv, Ergativ und Passiv im Vach-Ostjakischen. «Symposium über Syntax der uralischen Sprachen. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen», 1970.

⁸ Ср. иной смысл, вкладываемый в термины «активность», «активный падеж» И. И. Мещаниновым: см., например, его книгу «Новое учение о языке. Стадиальная типология» (Л., 1936, стр. 329—335).

активного падежа (ср. аналогичное соотношение терминов «эргативный строй» и «эргатив», «номинативный строй» и «номинатив»).

Эмпирические исследования конкретных языков эргативной типологии предложения результируют в построении частных теорий эргативности (или было бы точнее сказать — эргативной конструкции), применимых к весьма ограниченному набору языков — североамериканских, кавказских, индоиранских, а иногда, как это имеет место в баскологии, даже к единственному языку. Поэтому проблема эргативности, уже не говоря о том ограничительном понимании, которое обычно вкладывалось в ее содержание вследствие почти исключительного интереса исследователей к собственно эргативной конструкции предложения, почти всегда решалась не столько в масштабах сравнительно-типологического исследования, сколько в рамках характерологического.

Единственное исключение в этом смысле составляет направление работ, развиваемое на материале разноструктурных языков трудами таких отечественных лингвистов, как И. И. Мещанинов, С. Д. Кацнельсон и С. Л. Быховская. По-видимому, не будет преувеличением сказать, что именно эти исследования закладывают фундамент общей теории эргативности.

Конечно, едва ли приходится сомневаться в самостоятельном значении характерологических исследований как таковых. Однако не менее очевидно и то, что параллельно с последними должна разрабатываться и своего рода метатеория — общая теория эргативности. Построение ее важно для ограничения всего случайного от необходимого и тем самым для того, чтобы исключить возможность частного решения проблемы, которая возникает во всех случаях характерологического подхода, имеющего дело с определенным образом ограниченным языковым материалом. В противном случае гарантии того, что принципиально важные стороны эргативности не останутся вне сферы рассмотрения, могут оказаться минимальными. Вместе с тем, только в условиях исследования, ограниченного рамками характерологии, могло возникнуть понятие особого «кавказского подлежащего» (*kaukasisches Subjekt*), выдвинутое К. Боудой по отношению к фактическому прямому дополнению эргативной конструкции предложения в нахско-дагестанских языках⁹.

В настоящей работе автор стремился к дальнейшему развитию ряда идей, в явном или неявном виде содержащихся в основополагающих для общей теории эргативности трудах отечественных эргативистов. С другой стороны, не менее важной задачей работы является по возможности полная систематизация результатов изучения проблематики, достигнутых к настоящему времени самыми различными направлениями соответствующих штудий.

⁹ См.: K. Bouda. Beiträge zur kaukasischen und sibirischen Sprachwissenschaft. 3. Das Tabassaranische. «Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», 1939, Bd XXII, № 1, стр. 91 и 101.

Многочисленные публикации последних двух-трех десятилетий по языкам эргативного строя, рассматривающие ряд типовых схем предложения эргативной структуры, освобождают автора от необходимости специально останавливаться на дескриптивном анализе функционирования эргативности в конкретных языках. Поэтому в отличие от большинства других исследований, посвященных этой теме, настоящая работа представляет собой опыт рассмотрения теоретической проблематики эргативности, реализующейся в широком комплексе лексических и грамматических явлений языка. Естественно, что в центре внимания автора находится не только типология предложения языков эргативного строя, но и коррелирующие с ней факты лексической и морфологической систем.

Книга строится из пяти основных разделов. В первой главе дается сжатый обзор истории изучения эргативности. Вторая глава содержит опыт определения основных понятий, которыми оперирует теория эргативности — эргативной конструкции предложения, эргативной типологии (// структуры) предложения, эргативного строя языка. Наряду с этим здесь содержится описание морфологической специфики членов предложения в эргативных языках. Предмет третьей главы составляет исследование внутреннего механизма синхронного функционирования эргативности (здесь характеризуются основные лексические, синтаксические и морфологические импликации и фреквенталии эргативного строя). Наиболее очевидные диахронические закономерности эргативного строя рассматриваются в четвертой главе. Наконец, заключающая работу пятая глава посвящена исследованию вопроса генезиса эргативного строя и определению его исторического места среди других аналогичных ему целостных систем. В ней, в частности, формулируется гипотеза об эргативности как особой фазе преобразования активного строя языка в номинативный.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЭРГАТИВНОСТИ

В течение длительного времени изучение эргативности велось на весьма ограниченном языковом материале. На начальном этапе исследования объектами внимания являлись очень немногие языки эргативного строя: классический тибетский, пушту, баскский, отдельные кавказские. Почти исключительный предмет рассмотрения при этом составляла эргативная конструкция предложения. Самое понятие последней, долго не ограничивавшейся от некоторых параллельных ей в языках эргативного строя моделей предложения (особенно — от аффективной), формировалось в науке лишь постепенно. На развитии теории эргативности самым неблагоприятным образом сказывалась разрозненность усилий исследователей.

Центральное место в истории изучения эргативности всегда занимало исследование эргативной конструкции предложения. В разработке ее теории можно выделить два направления, которые с точки зрения залоговой интерпретации выступающего в составе эргативной конструкции транзитивного глагола-сказуемого должны быть соответственно охарактеризованы как концепции ее пассивности и нейтральности. С самого начала необходимо оговориться, однако, что разграничение обеих не всегда оказывалось абсолютным, так как в целом ряде случаев их элементы встречаются в пределах воззрений одного исследователя на ее сущность (такое положение, в частности, связано с постепенным переходом некоторых авторов с позиций первой из них на позиции второй¹). Важно подчеркнуть вместе с тем и то обстоятельство, что относительность конкретных представлений исследователя к одной из этих концепций еще не может рекомендовать последние с точки зрения общей адекватности решения рассматриваемой проблемы. Иногда в специальной литературе постулируют еще один подход к разработке теории эргативности, квалифицируемый в качестве осо-

¹ См., например: C. Régamey. *Considérations sur le système morphologique du tibétain littéraire*. «Cahiers Ferdinand de Saussure», 1946—1947, 6; ср. также: Е. Бертельс. Стой языка пушту. Л., 1936.

бой «концепции активности» эргативной конструкции. Ниже будет показано, однако, что говорить об этом подходе едва ли правомерно, поскольку имеющиеся при этом в виду представления фактически не выходят за пределы концепции ее залоговой нейтральности.

Концепция пассивности эргативной конструкции, сложившаяся значительно раньше концепции ее нейтральности и почти безраздельно господствовавшая в науке примерно с середины XIX в. до конца первой трети XX в., была продиктована восприятием фактов языков эргативного строя сквозь призму номинативной синтаксической структуры индоевропейских языков.

Как справедливо пишет С. Д. Кацнельсон, «вышколенному в нормах традиционной грамматики уму эргативный строй представляется чудовищным извращением всех грамматических канонов. Совмещение двух, казалось бы, несовместимых позиционных функций (субъекта и нрямого объекта) в одном падеже и существование двух параллельных падежей в единой функции субъекта противоречит глубоко укоренившимся взглядам на основные надежки и их синтаксические функции. Стремясь примирить повые для них факты с привычными представлениями, многие исследователи стали доказывать, что на самом деле никакого противоречия не существует и эргативный строй может быть так или иначе сведен к структурным особенностям номинативного строя»².

Если оставить в стороне отдельные интересные наблюдения, сделанные на материале эргативного построения в языке пушту еще нетербургским академиком Б. Дорионом, не давшим, однако, последнему сколько-нибудь определенной структурной квалификации³, то впервые в истории исследования к концепции пассивности эргативной конструкции обратился, по-видимому, Г. фон Габеленц, выдвинувший ее для объяснения эргативной конструкции предложения в классическом тибетском языке⁴.

Эргативное построение приравнивалось концепцией пассивности к страдательному обороту индоевропейских языков, характеризующемуся ностановкой при форме страдательного залога транзитивного глагола-сказуемого подлежащего в именительном падеже и косвенного дополнения в творительном. Основания для этого усматривались в оформлении именных компонентов рассматриваемой конструкции в именительном и косвенном (чаще всего — творительном) падежах и в «согласовании» глагольного сказуемого с именем в форме именительного падежа. Отсюда

² С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 68—69.

³ Ср.: B. D o r i o n. Grammatische Bemerkungen über das Pushtu oder die Sprache der Afghanen. «Mémoires de l'Académie des Sciences de SPb», 1840, ser. VI, t. V; О н же. Zusätze zu den grammatischen Bemerkungen über das Pushtu.— Там же, 1845, t. V.

⁴ См.: H. C. von G a b e l e n z. Über das Passivum. Eine Sprachvergleichende Abhandlung. «Abhandlungen der Kön. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften, Philol.-hist. Klasse», III. Leipzig, 1861.

делался вывод о страдательном или пассивном характере переходного глагола в языках эргативного строя. Последнее обстоятельство в свою очередь как будто объясняло факт отсутствия в этих языках винительного падежа.

Известный русский кавказовед П. К. Услар, очень последовательно развивавший пассивную интерпретацию эргативной конструкции предложения на материале нахско-дагестанских языков, в частности, приходил к следующему выводу: «В чеченском языке вовсе нет глаголов действительных, транзитивных, а одни лишь глаголы средние и страдательные. Мы, например, говорим «я люблю брата...», но можем дать и другой оборот, а именно, сказать: «брать любим мною...». Этот последний оборот есть единственно возможный в чеченском языке; еще ближе подойдем мы к строению чеченских предложений, если переведем их носредством «мне любится брат»»⁶ (следует отметить, что приводимый П. К. Усларом пример небезупречен фактически ввиду того, что чечён. *субна ваша виёза* 'я брата люблю' должно трактоваться как образец не эргативной, а аффективной конструкции предложения).

Пожалуй, наибольшей популярностью эта концепция пользовалась применительно к эргативной конструкции в баскском языке. Она лежала в основе взглядов А. Ф. Потта, Фр. Мюллера, Г. Шухардта, В. Штеппфа, К. Уленбека, Ж. Лакомба и мн. др. Судя по всему, она не может считаться изживой и в современной баскологии, где ее в той или иной степени придерживаются такие известные авторы, как К. Боуда и А. Товар⁶.

Очень широкой популярностью пользовалась эта концепция в кавказском языкоznании и индоиранистике.

На фактическом материале различных групп кавказских языков она отстаивалась П. К. Усларом, А. Шифнером, Р. Эркертом, Г. Шухардтом, Н. Я. Марром, а в более поздний период — К. Боудой, А. Хашбой, отчасти Н. С. Трубецким⁷. Более детальным образом на ее обосновании останавливались П. К. Услар, Г. Шухардт и Н. Я. Марр. Поскольку подход первого к проблеме был уже коротко охарактеризован выше, а точка зрения второго отличается весьма специфическим пониманием пассивности (см. ниже, стр. 16—17), здесь целесообразно остановиться лишь на соответствующей аргументации, выдвинувшейся Н. Я. Марром.

⁶ П. К. Услар. Чеченский язык. «Этнография Кавказа. Языкоznание», II. Тифлис, 1888, стр. 64.

⁶ Ср., например: Г. Шухардт. Баскский язык и языкоznание.— В кн.: Г. Шухардт. Избранные статьи по языкоznанию. М., 1950, стр. 149—154; А. Товар. The Basque Language. Philadelphia, 1957, стр. 79—81.

⁷ Ср.: N. Troubetzkoy. Le rapport entre le déterminé, le déterminant et le défini. «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally». Genève, 1939, стр. 77—78; О же. Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchétchénoléghienヌ (caucasiennes-orientales).— BSLP, 1929, т. XXIX, fasc. 3, стр. 170—171; А. Насба. Die passive Konstruktion des abkasischen transitiven Verbums. «Яфетический сборник», VI. Л., 1930, стр. 205—212.

Н. Я. Марр взял на себя практически невыполнимую задачу обоснования пассивного характера эргативной конструкции предложения на материале грузинского языка. Отвечающие такому пониманию признаки он усматривал как в именных компонентах этой конструкции (ср., например, древнегруз. *spasa-lag-tan ქრიბა ლაშკარ-ი* 'военачальник собрал войско'), так и в ее глагольном сказуемом. Грузинский самостоятельный эргатив имени логического субъекта *-тан* > *-м(а)* рассматривался Н. Я. Марром в качестве косвенного падежа, так называемого «дательного местоименного» — в отличие от собственно дательного на *-с*. С точки зрения концепции пассивности оказывается вполне закономерной и постановка имени логического объекта в именительном падеже на *-и*. Наконец, в глагольной словоформе этого построения он видел специальные показатели страдательности. Таковыми ему представлялись аористный суффикс *-е*, а также гласные элементы *и* и *а* ряда глагольных основ (ср. *ქრიბ-ა* 'он собрал то', *თო-უ-ქალ* 'я убил то')⁸. Под мнимую пассивную структуру эргативного предложения в грузинском и других картвельских языках Н. Я. Марром подводилось и объяснение экстралингвистического порядка. Согласно его предположению, «в глаголах действия производитель (субъект) являлся страдающим, работающим, а произведение (объект) — состоянием покоя; потому первоначально субъект (логический субъект) выражался падежом страдания // действия (прямой винит. // дательн.), а объект (логический объект) — падежом состояния (прямой именит.). Вноследствии такое положение сбытовалось чисто формально в пассивной конструкции»⁹. Таким образом, первоначальная «внутренняя форма» приведенного древнегрузинского примера могла бы быть передана при таком понимании как 'военачальнику собрано войско'.

На сомнения в адекватности подобной интерпретации эргативной конструкции в грузинском наводит уже то обстоятельство, что некоторые из аргументов Н. Я. Марра основаны на проведении им далеко идущих аналогий в структуре картвельских и семитских языков (ср. прежде всего рассмотрение им гласных характеристик в качестве формообразующих элементов слова). Такое понимание полностью расходится с современными представлениями картвелистики о структурных особенностях грузинского языка. Так, эргативный падеж подлежащего составляет в грузинском самостоятельную величину, которую невозможно свести к дательному. Сама глагольная форма сказуемого принадлежит здесь не страдательному, а действительному залогу. Наконец, гласные

⁸ См.: Н. Я. Марр. Грамматика древнелитературного грузинского языка. Л., 1925, стр. 147 и след.; ср.: О н ж е. Грамматика чанского (лазского) языка с хрестоматией и словарем. «Материалы по яфетическому языкоизанию», II. СПб., 1910, стр. 9—12.

⁹ Н. Я. Марр. Грамматика древнелитературного грузинского языка, стр. 174.

и а в приводившихся Н. Я. Марром иллюстрациях составляют принадлежность корня, а конечное -е, характеризующее часто формы 1-го и 2-го лица аориста, не имеет никакого отношения к передаче залогового значения глагола.

Идею пассивности эргативной конструкции предложения развили на протяжении XIX — начала XX в. все исследователи в области индоиранского языкознания. Она отчетливо проходит через работы таких авторов, как В. Гейгер, Р. Гернле, Дж. А. Гриerson и др.¹⁰ Она, несомненно, дает о себе знать и во многих современных иранистических и в некоторых индологических исследованиях. В них констатируется пассивная семантика конструкции с транзитивным глаголом в прошедших временах. В соответствии с этим оказываются и так называемые буквальные переводы рассматриваемых построений. Так, например, фразе на одном из малых языков юго-западного Ирана авромани *āda edā-š kiāstēna* 'она послала ее' Д. Маккензи приписывает буквальный перевод 'that one, this one by her has been sent'¹¹.

Некоторое распространение эта концепция получила в хурритско-урартском и эскимосско-алеутском языкознании. В разработке грамматики урартского языка она получила отражение в исследованиях К. Леман-Гаупта, Н. Я. Марра, И. Фридриха, а также в ранних работах И. И. Мещанинова¹². На материале хурритского языка она защищалась Э. А. Спайзером и И. Фридрихом¹³. В эскимосско-алеутских языках пассивную интерпретацию эргативная модель предложения получила в трудах К. Уленбека, В. Талбитцера, отчасти И. И. Мещанинова, Г. А. Меновщикова и некот. др.¹⁴

¹⁰ Ср.: R. H o e r n l e. A comparative Grammar of the Gaudian Languages. London, 1880; W. G e i g e r. Die Passivconstruction des Präteritums transitiver Verbe im Iranischen.— В сб.: «Festgruss an Rudolf v. Roth». Stuttgart, 1893, стр. 1—5; G. A. G r i e r s o n. Kāshuīrī. «Linguistic Survey of India», v. VIII, pt II. Specimens of the Dardic or Pis'ācha Languages (including Kashmīrī). Calcutta, 1919.

¹¹ D. N. M a c K e n z i e. The dialect of Awroman (Hawrāmān-ī Luhōn). Grammatical sketch, texts and vocabulary. København, 1966, стр. 51; ср. также: H. P e n z l. A Grammar of Pushto: a descriptive study of the dialect Kandahar. Washington, 1955, стр. 98; E. Y a g - S h a t e r. A grammar of Southern Tati dialects. The Hague—Paris, 1969, стр. 153, 331 и след.; W. K. M a t t h e w s. The ergative construction in modern Indo-Aryan. «Lingua», 1953, v. III, pt 4, стр. 394, 399.

¹² Ср., например: J. F r i e d r i c h. Einführung ins Urartäische. «Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft», Bd XXXVII. Leipzig, 1933, стр. 19; И. И. М е щ а н и н о в. Язык Ванской клинописи (Die Van-Sprache). II. Структура речи. Л., 1935, стр. 71—125.

¹³ Ср.: E. A. S p e i s e r. Introduction to Hurrian. «Annual of the American School of Oriental Research», 20. New Haven, 1941, стр. 135 и след.; J. F r i e d r i c h. Kleine Beiträge zur churrithischen Grammatik. «Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft», Bd XLII, N. 2. Leipzig, 1939, стр. 6.

¹⁴ Ср.: W. T h a l b i t z e r. Eskimo. «Handbook of American Indian Languages», pt I. Washington, 1911, стр. 1057—1059; И. И. М е щ а н и н о в. К вопросу о генезисе пассивного строя переходного глагола.— Сб. «Па-

В других конкретных отраслях языкоznания рассматриваемая концепция не смогла пустить сколько-нибудь глубоких корней. Любопытно отметить, в частности, что в американистике она имела весьма кратковременную популярность. Среди ее приверженцев можно назвать немецкого автора Э. Зелера, интерпретировавшего основу транзитивного глагола в языке майя как именную и с пассивным значением¹⁵. По существу одним из ее последних активных пропагандистов здесь был К. Уленбек, усматривавший, например, признаки пассивности алгонкинского переходного глагола в двух следующих чертах: во-первых, в передаче субъекта интранзитивного глагола и объекта транзитивного одним и тем же глагольным аффиксом и, во-вторых, в структурной близости так называемой центростремительной транзитивной формы глагола с «пассивом» (ср. в языке оджибва *ninwābamig* 'он видит меня', *kiwābamig* 'он видит тебя' при *ninwābamigo* 'я видел', *kiwābamigo* 'ты виден')¹⁶. Решающую роль в преодолении концепции пассивности эргативной конструкции сыграло широкое направление американистических исследований, требовавшее описания строя автохтонных языков Америки в адекватных им грамматических категориях и дававшее себя знать еще с конца XIX в.¹⁷

На первый взгляд подобный подход как будто действительно дает удовлетворительное объяснение основным особенностям эргативной конструкции предложения. Однако при ближайшем рассмотрении проблемы обнаруживаются его многочисленные слабости. Решающей ошибкой в структурной квалификации этой модели концепцией пассивности, в свою очередь послужившей предысылкой для целой совокупности дальнейших заблуждений, явилось то обстоятельство, что сущность эргативной конструкции определялась при этом не сопоставлением последней с коррелирующей с ней абсолютной конструкцией тех же эргативных языков, а путем ее непосредственного сопоставления с моделями предложения, функционирующими в языках номинативного строя¹⁸ (необходимо отметить, впрочем, что концепция пассивности не

мяти академика Н. Я. Марра (1864—1934)». М.—Л., 1938, стр. 182—189; Г. А. Меновщикова. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. 1. М.—Л., 1962, стр. 158, 139.

¹⁵ Ср.: E. Seeler. Das Konjugationssystem der Maya-Sprachen.— В кн.: E. Seeler. Gesammelte Abhandlungen zur Amerikanischen Sprach- und Alterthumskunde. Berlin, 1902, v. 1, стр. 89.

¹⁶ См.: C. C. Uhlenbeck. Het passieve karakter van het verbum transitivum of van het verbum actionis in talen van Noord-Amerika. «Verslagen en mededeelingen der Akademie Amsterdam». Aft. Letterkunde, 1917, V, t. 2, стр. 188.

¹⁷ Ср., например: E. Saarig. Рец. на: C. C. Uhlenbeck. Het passieve karakter van het verbum transitivum of van het verbum actionis in talen van Noord-Amerika.— IJAL, 1917—1920, v. I, стр. 82—86.

¹⁸ Ср.: В. Н. Сидоров и И. С. Ильинская. К вопросу о выражении субъекта и объекта действий в современном русском литературном языке. «Изв. АН СССР» ОЛЯ, 1949, т. VIII, вып. 4, стр. 350.

видела и типологических отличий, существующих между абсолютной и номинативной конструкциями предложения).

Тем не менее очень рано было замечено, что «страдательному» обороту в языках эргативного строя не может быть противопоставлен действительный, вследствие чего последовательным сторонникам рассматриваемой концепции приходилось, подобно П. К. Услару, квалифицировать все транзитивные глаголы в этих языках как глаголы «страдательного залога». Вместе с тем во все возраставшем числе языков оказалось невозможным трактовать косвенный падеж имени реального субъекта в составе эргативной конструкции как творительный: в одних случаях он совпадает с другими косвенными, в других — представляет собой морфологически самостоятельную единицу (не менее важен и тот факт, что во многих из этих языков вообще отсутствует падежная система). Довольно давно была высказана и догадка о том, что «именительный» падеж эргативных языков функционально не совпадает с одноименной величиной представителей номинативного строя: по справедливому замечанию Ч. Филлмора, одним из стимулов к идентификации эргативной модели предложения со страдательным оборотом и послужила квалификация немаркированного в плане выражения абсолютного падежа рассматриваемых языков как номинатива¹⁹. Вскоре было обращено внимание на языки (лакский, даргинский), в которых глагольное сказуемое могло согласоваться с обоими именными компонентами эргативной конструкции, вследствие чего уже П. К. Услару пришлось выделять и действительные формы транзитивного глагола. На особые трудности наталкивается пассивная интерпретация эргативной конструкции в тех языках, где эргативная и номинативная модели предложения функционируют параллельно, имея лишь формально разграниченную сферу употребления (так, применительно к языку пушту К. А. Лебедев с основанием замечает: «Вряд ли один и тот же переходный глагол или глаголы типа *жаръл* 'плакать' в настоящем времени имеют активное, а в прошлом времени пассивное значение. Трудно себе представить, чтобы одно и то же действие, в зависимости от категории времени, осознавалось говорящим то активным, то пассивным»²⁰). Ко всем перечисленным фактам присоединилось наблюдение, согласно которому в языках эргативной типологии предложения, знающих залоговую дифференциацию глагола, форма глагольного сказуемого в составе эргативной конструкции принадлежит не страдательному, а действительному залогу. Наконец, перед неразрешимыми трудностями всегда ставило эту концепцию и то хорошо

¹⁹ См.: Ch. J. Fillmore. The Case for Case. «Universals in Linguistic Theory». N. Y., 1968, стр. 59.

²⁰ К. А. Лебедев. Построение предложения с переходным глаголом в прошедшем времени в пушту (эргативная конструкция). «Ученые записки Ин-та международных отношений», вып. 7. (Серия филологическая). М., 1961, стр. 86.

известное обстоятельство, что речевым сознанием носителей рассматриваемых языков данные построения воспринимаются как активные. В настоящее время против интерпретации эргативной конструкции предложения как пассивной можно привести и некоторые другие аргументы (ср., например, инвертированный по сравнению со структурой страдательного оборота порядок ее компонентов).

При всем сказанном нельзя пройти и мимо того обстоятельства, что самое понятие пассивности, использовавшееся сторонниками рассматриваемой концепции, далеко не всегда получало сколько-нибудь единообразное толкование. Так, если в одних случаях страдательный залог по существу трактовался в качестве некоторой лексической характеристики глагола, то в других речь шла о пассивности, выраженной теми или иными грамматическими средствами языка.

В частности, своеобразное обоснование концепции пассивности эргативной конструкции, объективно явившееся шагом к признанию ее залоговой нейтральности, предпринял на материале баскского и кавказских языков Г. Шухардт. В его работах уже отсутствует смешение «пассивности» глагола в составе эргативного построения со страдательным залогом в его противопоставлении действительному, наблюдающемуся в номинативных языках, например в большинстве современных индоевропейских. Отправным пунктом рассуждений Г. Шухардта по этому вопросу служит следующее положение: «Переходный глагол (я имею в виду то, что обычно называют основой глагола) нейтрален и не может быть иным. Активным или пассивным он становится только в сочетании с именными (или местоименными) элементами, образуя при этом глагольную форму. Глагольное имя типа *Schlag* «удар» дает наиболее полное представление об этой нейтральности, в то время как *schlagen* «ударить» даже вне подобного сочетания не вполне удовлетворяет этому требованию, тем более, что возможно образование *geschlagen werden* «быть ударенным». Форма именных элементов и их место в предложении определяют собой характер переходного глагола... В предложении *der Vater ruft dich* 'отец зовет тебя' (два последних слова следует рассматривать при этом как единое выражение, отказавшись здесь от возможной дифференциации) *der Vater* 'отец' является реальным и одновременно логическим субъектом, которому грамматически соответствует форма подлежащего — именительный падеж. Второе предложение *dich ruft der Vater* (или *es ruft dich der Vater*) 'тебя зовет отец' имеет объективно то же содержание, но оно не равнозначно первому. Здесь реальный субъект выступает как логическое сказуемое: отец мыслится как виновник того, что высказано словами *dich ruft* 'тебя зовет'; употребление именительного падежа в этом случае обусловлено только внешней языковой формой, с точки же зрения внутренней языковой формы за ним скрывается активный падеж. Короче говоря, первое предложение носит

активный характер, а второе пассивный»²¹. Столъ своеобразно понимаемым активной и пассивной структурам предложений Г. Шухардт сочинил следующие формальные определения. «Признаками пассивного характера предложения являются: 1) субъект стоит после глагола, 2) существительное, стоящее в активном падеже, = реальному субъекту, 3) чистая основа имени = реальному объекту; признаками же активного характера предложения будут: 1) субъект стоит перед глаголом, 2) чистая основа имени = реальному субъекту, 3) существительное, стоящее в винительном падеже, = реальному объекту»²². В соответствии с этими критериями Г. Шухардт утверждал, что в грузинском языке переходная конструкция с глаголом в презентной серии времен является чисто активной, а та же конструкция с глаголом в форме аориста, т. е. эргативная, — пассивно-активной. В то же время в баскском языке, по его мнению, настоящее время носит чисто пассивный характер, имперфект же — частично активно-пассивный²³. Из сказанного нетрудно понять утверждение Г. Шухардта о том, что «пассиву... в реальной действительности ничего не соответствует»²⁴.

К подобному пониманию эргативной конструкции предложения в какой-то мере приближаются в своих работах Н. С. Трубецкой и Ж. Дюмезиль, говорящие о «пассивном» характере транзитивного глагола в кавказских языках с долей условности. Так, точка зрения первого на проблему может быть проиллюстрирована следующим высказыванием: «Следует, конечно, остерегаться понимать термин «пассивный» слишком «по-индоевропейски». Однако, — при всех оговорках, — употребление чечено-лезгинского (т. е. нахско-дагестанского. — Г. К.) глагола, несомненно, скорее более напоминает «пассивный» глагол в индоевропейских языках, чем «активный»²⁵. Ж. Дюмезиль также отдает себе отчет в том, что переходный глагол кавказских языков трудно привязать к таковому индоевропейским и по крайней мере в своих ранних исследованиях онерирует условными понятиями «transitif» и «intransitif»²⁶.

Трудности, с которыми был сопряжен подход к адекватной интерпретации эргативного построения, паглядно иллюстрирует точка зрения Н. Финка, отстаивавшего активный характер этой конструкции. Представление о таком взгляде дает следующее его

²¹ Г. Шухардт. Об активном и пассивном характере переходного глагола. «Эргативная конструкция предложения», стр. 103—104.

²² Г. Шухардт. Указ, соч., стр. 104.

²³ Там же, стр. 105.

²⁴ H. Schuchardt. *Exkurs zur Sprachursprung*, III. «Berichten der Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1921, стр. 207.

²⁵ N. Troubetzkoy. *Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchétchéno-icsghiennes (caucasiennes orientales)*. — BSLP, 1929, t. XXIX, fasc. 3, стр. 171.

²⁶ Сп.: G. Dumézil. *Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest. (Morphologie)*. Paris, 1932, стр. 49, 156.

высказывание по грузинскому материалу: «При аористе имени-
тельный падеж служит для обозначения того, что в переводе
является объектом; субъект же обозначается особой формой
имени — активным падежом на -шв, -та, -т, например *deda-t*
(активн. п.) *dainaxa mtxovara* (им. п.) ‘мать увидела нищего’.
Очевидно, что в аористе мы имеем иное восприятие (по сравнению
с формами презенса.— Г. К.), и предложение *dedat dainaxa*
mtxovara означает буквально ‘матерью уведен нищий’. Однако
этот перевод неточен; об этом свидетельствует тот факт, что аорист
наравне с настоящим временем актива обладает особыми формами
для каждого лица... Известное представление о предложении
dedat dainaxa mtxovara мог бы дать оборот ‘матерью она уви-
дела нищего’. Мы говорим «известное» потому, что в грузинском
языке помимо этой формы имеется еще пассивная конструкция,
в которой деятель обозначается не активным, а родительным (или
орудийным) падежом с послелогом -ган, выражющим происхож-
дение»²⁷. Легко заметить, что подобное понимание отражает со-
вершенно нетипичную для языков эргативного строя принадлеж-
ность формы глагола-сказуемого эргативной конструкции в гру-
зинском и других картвельских языках к действительному залогу.

Ввиду всех трудностей, с которыми встретилась концепция
пассивности эргативной конструкции, известный кавказовед
прошлого А. Дирр фактически отказался от анализа этой модели
предложения. В своем обобщающем исследовании по кавказским
языкам после рассмотрения ее морфологической специфики он
пишет, в частности, следующее: «Из этого ясно, что рассматриваемая
проблема крайне сложна, и признаюсь, что и не в состоянии
ее разрешить. Вместо того, чтобы говорить о пассивной конструкции,
я буду везде употреблять выражения: эргативная конструкция
(логический субъект стоит в эргативе), аффективная кон-
струкция (логический субъект в дательном или аффективном
надеже...), номинативная конструкция (логический субъект стоит
в именительном падеже...)»²⁸. Даже при столь беглой характе-
ристике позиции А. Дирра нельзя, однако, пройти мимо одного
его значительно более раннего высказывания, так и яе получив-
шего развития в его последующих работах: «Говорят, что он
(в виду имеется транзитивный глагол нахско-дагестанских язы-
ков.— Г. К.) страдательного характера (*passiver Sinn*). Не лучше
ли сказать прямо, что характера нейтрального»²⁹.

²⁷ F. N. Fink. Der angeblich passivische Charakter des transitiven Verbs.
«Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», 1907, T. 41, стр. 242
(русск. перев. в кн.: «Эргативная конструкция предложения». М., 1950,
стр. 127).

²⁸ См.: A. D i r r. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen.
Leipzig, 1928, стр. 76 (русск. перев.: А. М. Дирр. Глагол в кавказских
языках. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 32).

²⁹ А. Дирр. Арчийский язык. «Сборник материалов для описания местно-
стей и племен Кавказа», вып. XXXIX, отд. II. Тифлис, 1908, стр. IV.

Концепция нейтральности эргативной конструкции предложения в отличие от рассмотренной выше характеризуется стремлением ироникнуть в структурное своеобразие языков эргативного строя и описать типологию их предложения в адекватных ему терминах. Сущность ее сводится в общих чертах к признанию несоответствия формы глагольного сказуемого с противопоставлением действительного и страдательного залогов ввиду обычного отсутствия последнего в этих языках (такая оппозиция возможна лишь в языках с непоследовательно проводимой эргативностью).

Эта концепция, ответившая на целый ряд вопросов, выдвинутых исследованием проблемы эргативности, нашла свою разработку в трудах А. Тромбетти, А. А. Бокарева, С. Л. Быховской, И. И. Мещанинова, С. Д. Кацнельсона, Н. Ф. Яковлева, А. С. Чикобава, Х. Фогта, Е. Кирилловича, А. Мартине и ряда других авторов. Ее бурный прогресс относится к 30—40-м годам текущего столетия, когда она довольно быстро завоевала себе широкое признание в целом ряде частных отраслей языкоznания. В настоящее время концепция нейтральности решительно господствует как в работах по теории эргативности, так и в конкретных описаниях языков эргативного строя.

Необходимо вместе с тем подчеркнуть, что факт признания нейтральности эргативной конструкции предложения в залоговом отношении оставляет широкий простор для ее конкретной интерпретации. Поэтому в работах сторонников такого подхода встречаемся со значительной вариацией точек зрения, создающей почву для серьезных дискуссий. Достаточно сказать, например, что отдельным из них такая общая позиция не мешала упускать из виду даже самые движущие силы синтаксического механизма рассматриваемых языков. Так, в частности, А. Тромбетти усматривал в функционировании эргативной конструкции следствие «естественног» стремления подчеркнуть особым падежом эмфатического характера действующее лицо в отличие от инертного³⁰, в результате чего он, по сираведливой оценке С. Д. Кацнельсона, проходит мимо основных специфических сторон эргативности (к тому же далеко не все выдвинутые им в адрес концепции пассивности этой конструкции возражения можно признать адекватными). Тем не менее уже в значительно более позднее время к точке зрения А. Тромбетти склонялся и другой итальянский лингвист К. Тальявини, видевший в грузинском эргативе иа -та(п) эмфатический падеж³¹.

³⁰ См.: A. Trombetti. *Elementi di glottologia*. Bologna, 1923, стр. 279—289 (русск. перев.: А. Тромбетти. О теории пассивного характера глагола. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 152—165).

³¹ Ср.: C. Tagliavini. *Osservazioni sull'ergativo georgiano. «Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacques van Ginneken»*. Paris, 1937, стр. 191—192.

Развитие науки показало, что из возможной совокупности точек зрения, основанных на концепции нейтральности, перспективными в плане объяснения движущих сил эргативной конструкции оказались лишь те, которые усматривали последние в специфике морфологической структуры транзитивного глагола в языках эргативного строя. Эти точки зрения сводятся к двум основным вариациям. Одни исследователи видят такую специфику в неразличении в транзитивном глаголе эргативных языков морфологической категории залога. Другие приходят к еще более далеко идущему предположению об именном характере основы транзитивного глагола.

Хотя уже в 1923 г. А. Тромбетти осознавал, что «для того, чтобы конструкция была подлинно пассивной, глагол должен иметь пассивную форму, отличную от активной»³², впервые исследовательскую формулировку концепция залоговой нейтральности эргативной конструкции предложения получила в работах А. А. Бокарева и С. Л. Быховской.

В частности, А. А. Бокарев подчеркивал, что решение проблемы «пассивной» конструкции при аварском транзитивном глаголе возможно только на основе анализа его основы, являющейся в отношении залоговой дифференциации нейтральной. Движущий механизм эргативности автор усматривал в том, что в таких языках, как аварский и ачкий, сохранились многочисленные следы «доглагольного» строя. «Очевидно, — писал он, — что в период, предшествовавший выделению глагола как самостоятельной части речи, существовали слова только одной общей грамматической категории, не определяемой еще ни как имя, ни как глагол... В самом глагольном корне, т. е. именно в том элементе глагола, который сохраняет лучше всего пережитки прежних стадий, мы не наблюдаем различия специфических глагольных категорий — активности и пассивности»³³.

Не менее отчетливым образом тезис о нейтральном характере эргативной конструкции предложения был сформулирован С. Л. Быховской. Особенno показательным для характеристики ее понимания представляется следующее высказывание: «Является ли, однако, эта мнимая пассивная конструкция активной в том же смысле, как активная конструкция в языках индоевропейских? На этот вопрос приходится ответить отрицательно: в индоевропейских языках имеется рядом с активной конструкцией и конструкция пассивная, в яфетических языках, как правило, ее нет. При отсутствии противопоставления пассивности, — заключает

³² А. Тромбетти. О теории пассивного характера глагола, стр. 159. Ср. также: G. Schmidt. Zum Konjugationssystem des Abchasischen. «*Studia Orientalia*», I. Helsingforsiae, 1925, стр. 251.

³³ А. А. Бокарев. О «пассивном» характере аварского переходного глагола. Канд. дисс. (рукопись). Л., 1934, стр. 41—42 (автор благодарит Л. Е. Бокареву-Лопатину за предоставленную ему возможность ознакомиться с текстом рукописи).

С. Л. Быховская, — едва ли может быть речь об активности... Все данные говорят за то, что разбираемую конструкцию можно понять только как такую, в которой диффузно слиты активность и пассивность...»³⁴

В конце 30-х годов переходит на позиции залоговой нейтральности эргативной конструкции предложения И. И. Мещанинов. «...В яфетических языках Кавказа, — пишет он в этот период, — там, где имеется субъектно-объектное построение глагола (горские языки), нет еще ни действительного, ни страдательного залогов, как двух формальных способов построения предложения с нерекурентным глаголом. Они оба слитно заключены в их глаголе, находясь еще в нерасщепленном состоянии. Процесс этого расщепления на две противоположности по формальному согласованию с субъектом или объектом, каждый раз выступающими в роли подлежащего, и является характерным для номинативного строя предложения»³⁵.

Взгляды на сущность эргативной конструкции предложения, высказанные Н. Ф. Яковлевым, в принципе также находят себе место в рамках концепции нейтральности, поскольку в его работах при подчеркивании активной семантики этой модели в языках эргативного строя не отмечается противопоставления действительного и страдательного залогов. Наиболее четким образом они отражаются в следующей формулировке, связанной с критикой им концепции пассивности эргативной конструкции в изложении К. Уленбека: «Как нет в природе активных и пассивных от рождения народов или рас..., так не существует и рас или народов, с одной стороны, с активным и, с другой, — с пассивным строем речи...»³⁶

Х. Фогт, анализировавший рассматриваемую конструкцию на материале грузинского языка, где глагол знает оппозицию действительного и страдательного залогов, справедливо приходит к выводу, согласно которому форма глагольного сказуемого здесь не только имеет активную семантику, но и принадлежит действительному залогу³⁷.

Одну из наиболее популярных в настоящее время вариаций такой точки зрения представляет собой теория об именном характере транзитивного глагола или его основы в языках эргативного строя. Иногда ее сторонники апеллировали при этом к факту постановки подлежащего эргативной конструкции в некоторых из этих языков в форме родительного падежа (что давало повод

³⁴ С. Л. Быховская. «Пассивная конструкция в яфетических языках. «Язык и мышление», II. Л., 1934, стр. 68—89.

³⁵ И. И. Мещанинов. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940, стр. 221.

³⁶ Н. Ф. Яковлев. Древние языковые связи Европы, Азии и Америки. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1946, т. V, вып. 2, стр. 145; ср. также: Он же. Синтаксис чеченского литературного языка. М.—Л., 1940, стр. 45—51.

³⁷ См.: H. Vogt. Un aspect du problème actif-passif dans le verbe. «Journal de psychologie normale et pathologique». Janvier—Mars, 1950, стр. 134—136.

усматривать в глагольном сказуемом его историческое «определяемое»), иногда же — к идентичности личных аффиксов глагола-сказуемого с притяжательными аффиксами имени, вследствие чего эту вариацию можно было бы назвать «концепцией посессивности» эргативной конструкции предложения. Уже французский языковед Р. де ля Грассери, уловивший специфику эргативного построения под названием *«le médio-passif primitif»* в отличие от страдательного оборота (*«le passif normal ou hystérogène»* — по его терминологии), высказывал мнение об отыменном происхождении глагола в рассматриваемых языках³⁸. Более прямолинейно в этой связи высказывался Н. Финк: «Я считаю само собой разумеющимся, что за немиогими исключениями, то, что в наших глазах выражается глаголом, как правило, является по происхождению именем»³⁹. Подобная точка зрения защищается в отношении эскимосского языка Г. Хендриксеном, в отношении баскского — П. Нартом⁴⁰. Несколько отличную вариацию такого взгляда выдвигает на материале кавказских языков А. С. Чикобава. Согласно его мнению, исходящему из исторического примата именного начала над глагольным, эргативная конструкция предложения обусловлена именным характером основы переходного глагола, в конечном счете — исторической недифференцированностью глагольной основы от именной⁴¹.

К посессивной теории происхождения эргативного строя, по-видимому, положительно относился со второй половины 30-х годов И. И. Мещанинов, допускавший в это время между посессивностью и эргативностью отношения двух исторически смежных ступеней в развитии типологии предложения. Необходимо подчеркнуть, однако, что он рассматривал такую последовательность в качестве лишь одного из возможных путей формирования эргативности. «Казалось бы, — писал в этой связи И. И. Мещанинов, — что отсюда (в виду имеется данный им анализ генезиса эргативной конструкции в ряде языков. — Г. К.) только один шаг к установлению законов исторического развития предложения с признанием эргативного строя как результата трансформации предшествующего посессивного. Я не спешу, однако, с выводами подобного рода, наоборот, полагаю, что монизм языкового развития, обусловливающий преемственность языковых форм, не устанавливает только единственный путь исторического пере-

³⁸ См.: R. de la Grasse rie. *De la catégories des voix*. Paris, 1899, стр. 212—213, О п. ж. е. *De la conjugaison pronomiale notamment du prédictif et du possessif*. Paris, 1900, стр. 24, 165—168.

³⁹ Ф. Н. Финк. О якобы пассивном характере переходного глагола. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 136.

⁴⁰ Ср.: H. Hendriksen. *The Active and Passive*. «Uppsala Universitets Aarsskrifts», 1948, № 13, стр. 72—75; P. N a e g t. *Le verbe basque est-il passif?* «*Studia Linguistica*», Аппеэ X, 1956, № 1, стр. 46—47.

⁴¹ Ср.: А. С. Чикобава. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках, II. Теории сущности эргативной конструкции. Тбилиси, 1961, стр. 126—128 (на груз. яз.), 168—169.

хода из одного качественного состояния в другое. Эргативная конструкция в ряде языков могла иметь и иные исходные моменты...»⁴² Г. А. Меновщиков допускает, что можно говорить о посессивном происхождении эргативной конструкции предложения в эскимосско-алеутских языках⁴³.

К теории посессивности обращается при объяснении сущности эргативной модели предложения и У. Аллен, утверждающий, что во многих языках имеется связь между выражением субъекта, особенно — субъекта переходного действия, и посессивностью (possession) или «аквизиционностью» (acquisition), иногда ограниченная перфектными или перфективными формами глагола⁴⁴.

При оценке различных вариантов именной интерпретации переходного глагола в языках эргативного строя необходимо не упускать из виду два обстоятельства. Во-первых, следует учитывать, что встречающиеся в специальной литературе ссылки на генитивное оформление в некоторых языках подлежащего эргативной конструкции обычно оказываются либо неадекватными, либо нерелевантными для решения данной проблемы. В одних случаях, например по отношению к эскимосскому языку, они обязаны ошибочной квалификации общекосвенного, т. е. совмещающего эргативно-косвенного надежда в качестве родительного; в других, например в случае лакского языка, не учитывается, что совмещающий функции родительного падежа эргатив исторически восходит, как это впервые было отмечено еще Г. Шухардтом, к общедагестанскому творительному на *-di. Во-вторых, необходимо иметь в виду, что едва ли имеются достаточные основания говорить о происхождении глагола от имени, поскольку понятия этих обоих фундаментальных классов слов, судя по всему, соотносительны (в кавказском языкоизании гипотеза об именном характере основы транзитивного глагола, возможно, восходит к следующему известному высказыванию Н. Я. Марра: «Частей речи еще не было. Постепенно из частей предложения выделяются имена, которые служат основою для образования действия, т. е. глаголов переходных и вноследствий непереводных»⁴⁵). В лучшем

⁴² См.: И. И. Мещанинов. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940, стр. 152.

⁴³ Г. А. Меновщиков. Об основных конструкциях простого предложения в эскимосско-алеутских языках (в связи с эргативной конструкцией). — ЭКПЯРТ, стр. 264.

⁴⁴ См.: W. S. Allen. Transitivity and Possession. «Language», 1964, v. 40, № 3, стр. 337—343; ср., однако: X. K. Уленбек. Идентифицирующий характер посессивной флексии в языках Северной Америки («Эргативная конструкция предложения», стр. 202—203), где устанавливается совпадение посессивной флексии имен с субъектным показателем преимущественно непереводного глагола.

⁴⁵ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. II. Л., 1936, стр. 417.— Ср. также его тезис о том, что «основы глаголов, спрягаемых согласно объективной конструкции, являются собственно именами»: см. N. Magg. Verba impersonalia, defectiva, substantiva und auxilaria. «Изв. АН СССР», сер. VII, 1932, № 8, стр. 722.

случае единственное в своем роде исключение может составлять в этом плане принимаемое в индоиранистике отыменное происхождение глагола-сказуемого эргативной конструкции в этих языках, поскольку он формируется здесь в итоге преобразования страдательного причастия на *-ta в форму транзитивного глагола⁴⁶.

В связи со сказанным нетрудно объяснить неудовлетворенность многих языковедов пассивной и посессивной интерпретацией эргативности. Так, еще в 1928 г. немецкий исследователь Э. Леви подчеркивал, что он видит одинаково мало оснований как для пассивной интерпретации этой конструкции у Г. Шухардта, так и для посессивистического взгляда Н. Финка⁴⁷. В 1936 г. к аналогичному выводу пришел С. Д. Кацнельсон: «как пассивистическая, так и посессивистическая точка зрения оказываются, таким образом, несостоительными: первая односторонне переносит в первобытность позднюю языковую категорию — глагольный предикат, который немыслим без именного субъекта, другая же односторонне исходит из имени существительного, не замечая, что лишь наличие глагола превращает имя в имя существительное»⁴⁸.

Одним из немногих вопросов теории эргативности, с самого начала исследования с необходимостью выходивших по своему содержанию за пределы изучения эргативной конструкции предложения, был вопрос о специфике строения надежной парадигмы языков эргативного строя.

Отличия последней от парадигмы номинативных языков оказались замечеными уже на раннем этапе знакомства с этими языками, хотя и были интерпретированы с позиций концепции пассивности эргативной конструкции. Прежде всего бросалось в глаза отсутствие в их падежном инвентаре аккузатива. Известный отечественный кавказовед П. К. Услар, подчеркнувший этот факт в серии опубликованных им дескриптивных грамматик нахско-дагестанских языков, едва ли ни первым в науке объяснил его страдательным характером их транзитивного глагола. Ср. его известные формулировки, что в чеченском языке «винительного падежа не может существовать но самому свойству чеченского глагола»⁴⁹ и что «винительного падежа нет в аварском языке по

⁴⁶ См.: E. Benveniste. La construction passive du parfait transitif. — BSLP, 1952, t. 48, fasc. 1, стр. 52—62; ср. также: G. Cardona. The Indo-Iranian Construction *mama* (*mama* k *rtam*). «Language», 1970, v. 46, № 1.

⁴⁷ См.: E. Lewy. Possessivisch und Passivisch. «Kleine Schriften». Berlin, 1961, стр. 28.

⁴⁸ С. Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения. «Труды Ин-та языка и мышления им. Н. Я. Марра». IV. Серия Romano-Germanica. М.—Л., 1936, стр. 76.

⁴⁹ П. К. Услар. Чеченский язык. «Этнография Кавказа. Языкознание», II. Тифлис, 1888, стр. 65 (книга написана в 1861 г.; ср. литографированное издание 1862 г.). Целесообразно отметить, что еще известный грузинский грамматист XVIII в. Антоний Первый поставил под сомнение наличие аккузатива в грузинском; ср.: Е. А. Бабунашвили. Антоний и вопросы грузинской грамматики. Тбилиси, 1970, стр. 87—88 (на груз. яз.).

самому существу аварского глагола»⁵⁰ (оба высказывания интересны и в том отношении, что они уже обнаруживают отчетливое понимание факта глагольной доминации в эргативной конструкции предложения). Своеобразное отражение нашло это обстоятельство в тезисе А. Потта о наличии в языках эргативного строя двух именительных падежей⁵¹. Следующий шаг был сделан в этом плане Фр. Мюллером, отметившим, исходя из той же концепции пассивности переходного глагола в баскском языке, что в нем «совершенно отсутствует восприятие как именительного, так и винительного падежа, как оно присутствует в наших языках»⁵². Примерно в это же время в итоге специального исследования целого ряда кавказских языков к аналогичному выводу пришел и Г. Шухардт, считавший, что «говорить о существовании и именительного и винительного падежей в кавказских языках было бы совершенно неверно»⁵³.

Наиболее важное наблюдение — опять-таки исходя из концепции пассивности транзитивного глагола в рассматриваемых языках, — сохранившее свое значение и для современного этапа изучения эргативности, было сделано К. Уленбеком, впервые отметившим, что место именительного и винительного падежей языков номинативного строя здесь занимают специфические падежи, названные им *Agens* и *Patiens*. В 1901 г. он констатировал: «...Не говоря уже о языках коренных обитателей Америки, — хотя гренландский и дакотский языки и дают нам основания привлечь их для доказательства, — баски также проводят различие не между именительным и винительным падежами, но между *Agens* и *Patiens*»⁵⁴. Необходимо учитывать, однако, что в дальнейшем подобное противопоставление основных грамматических падежей языков эргативного строя проводилось в рамках весьма варьированной терминологии. Важно и то, что даже в тех случаях, когда использовался традиционный для грамматической теории термин «именительный падеж» (это имело место прежде всего в кавказоведческих работах, оказавшихся под влиянием метаязыка грузинской грамматической традиции, в которой его

⁵⁰ П. К. Успар. Аварский язык. «Этнография Кавказа. Языкознание», III. Тифлис, 1889, стр. 122—123 (книга написана в 1863 г., ср. литографированное издание 1866 г.).

⁵¹ A. F. Pott. Unterschied eines transitiven und intransitiven Nominativs. «Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung», VII, 1873, стр. 73 и след.

⁵² Fr. Müller. Grundriss der Sprachwissenschaft, Bd III, Abt. 2. Wien, 1885, стр. 7.

⁵³ Г. Шухардт. О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках, стр. 39.

⁵⁴ Х. К. Уленбек. *Agens* и *Patiens* в падежной системе indoевропейских языков, стр. 102; в работе, опубликованной полвека спустя, он вновь подчеркивал, что «противопоставление транзитива интранзитиву (иная терминология падежей *Agens* и *Patiens*. — Г. К.) несопоставимо с классическим противопоставлением именительного и винительного»; см.: C. C. Uhle p. b. e s k. La langue basque et la linguistique générale. «Lingua», 1950, v. I, № 1, стр. 72.

употребление имеет достаточные основания), подчеркивалось его функциональное отличие от одноименой величины языков номинативного строя. Если термин «эрративный падеж» впервые был предложен, по-видимому, А. Дицом⁵⁵, то термин «абсолютный падеж» восходит к описанию падежной парадигмы языков эскимосско-алеутской группы у В. Талбитцера⁵⁶, несколько позднее принятому В. Г. Богоразом и в учебной литературе по некоторым северным языкам СССР.

В то же время различие между основными «грамматическими» падежами языков эргативного и номинативного строя, интерпретированное уже с позиций залоговой нейтральности эргативной конструкции предложения, по-видимому, впервые стало отставать в работах отечественных языковедов⁵⁷.

В течение длительного времени понятие эргативной и параллельных ей конструкций предложения оставалось в науке очень ограниченным. Сама констатация этой модели связывалась с облигаторным наличием в языке парадигмы склонения, так или иначе различающей падежи *Agens'a* и *Patiens'a*. Не приходится поэтому удивляться тому обстоятельству, что А. Диц при описании эргативности в кавказских языках не останавливается на соответствующих фактах абхазского языка, не знающего падежной системы⁵⁸. Аналогичным образом, исходя из отсутствия в абхазско-адыгских языках специального дательного падежа, Ж. Дюмезиль ставил здесь под сомнение наличие аффективной конструкции предложения и класса аффективных глаголов⁵⁹ (впрочем, в еще совсем недавнем прошлом отдельные кавказоведы квалифицировали беспадежный вариант эргативной конструкции предложения в качестве особой «индефицитной» конструкции). Хотя более широкому пониманию этой модели немало способствовал уже своей работой о «пассивном характере» транзитивного глагола в североамериканских языках К. Уленбек, решающий вклад в ее объяснение внесли работы советских лингвистов 30-х годов. Их фактическим итогом явилось представление об эргативной конструкции как некоторой глубинной синтаксической структуре, характеризующейся формальным противопоставлением в именах или ее глагольном компоненте «эрративного» и «абсолют-

⁵⁵ См.: A. D i r r. *Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen*. Leipzig, 1928, стр. 76.

⁵⁶ См.: W. T a l b i t z e r. *Eskimo. «Handbook of American Indian Languages»*, pt I. Washington, 1911, стр. 1016.

⁵⁷ Ср., например: С. Д. К а п и е л ь с о п. К генезису номинативного предложения. «Труды Ин-та языка и мышления имени Н. Я. Марра», IV. М.—Л., 1936, стр. 56—57; И. И. М е щ а н и н о в. Эргативный строй предложения. «Проблемы сравнительной филологии». (Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского). М.—Л., 1964, стр. 24—25.

⁵⁸ Ср.: А. Диц. Глагол в кавказских языках, стр. 29.

⁵⁹ См. об этом: J. V e n d g u e s. *Sur les verbes qui expriment l'idée de «voir»*.—«Comptes rendues de l'Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres». Paris, 1932, стр. 195.

ного» начал, которая получает весьма варьирующую от языка к языку реализацию.

Уже в течение длительного времени ведущая роль в разработке проблемы эргативности принадлежит отечественной лингвистике. Еще в 30—40-х годах исследования наших языковедов в этой области составили одно из наиболее плодотворных направлений типологического изучения языков. Эти работы вовлекли в орбиту своего рассмотрения очень широкий фактический материал. Их другой характерной чертой явилась постановка на повестку дня исследования исторического аспекта проблемы. Непродолжительный отход от типологических исследований, имевший место в отечественном языкоznании в первой половине 50-х годов, был компенсирован быстрым возрождением интереса к вопросам эргативности уже на основе более прогрессивной методической базы. Представление о состоянии разработки теории эргативности в разных направлениях современного отечественного языкоznания дает сборник докладов, зачитанных на посвященной обсуждению этой проблематики конференции, состоявшейся 7—11 декабря 1964 г. в Ленинграде⁶⁰.

Существенной особенностью истории изучения эргативной конструкции предложения явилось то обстоятельство, что почти во всех случаях исследование приводило к построению некоторых теорий, основанных па большем или меньшем ограничении языкового материала, т. е. к частным теориям (среди последних несколько более широкой является концепция пассивности эргативной конструкции, разработанная К. Уленбеком на материале североамериканских и баскского языков)⁶¹.

Единственное в этом смысле исключение составляет направление работ, развиваемое на материале языков различной типологии трудами целого ряда отечественных лингвистов. Особое место среди них принадлежит многочисленным работам И. И. Мещанинова, создавшего целую эпоху в разработке рассматриваемой

⁶⁰ См.: «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов» (в сокращении ЭКПЯРТ). Л., 1967. Ср. также: «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. (Тезисы докладов)». Л., 1964.

⁶¹ Ср.: С. С. Uhlenbeck. Het passieve karakter van het verbum transitivum of van het verbum actionis in talen van Noord-Amerika. «Verslagen en mededeelingen der Akademie Amsterdam». Aft. Letterkunde, V, 1917, t. 2, стр. 187—216 (франц. перевод: С. Уленбек. Le caractère passif du verbe transitif. «Revue Internationale des Etudes Basques», 1922, XIII, 3, стр. 399 и след.; русск. перевод: Х. К. Уленбек. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 74—96); А. С. Чикобава. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского литературного языка. Тбилиси, 1948 (на груз. яз.); II. Теория сущности эргативной конструкции предложения. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.); Л. А. Пирейко. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968.

проблематики ⁶². Центр тяжести исследований С. Д. Кацнельсона и С. Л. Быховской приходится на историческую интерпретацию конкретных вопросов эргативности. Прежде всего, усилиям этих исследователей обязана своим становлением общая теория эргативности. Вместе с тем одним из важнейших итогов работ отечественных языковедов в этой области явилось понимание эргативности как некоторого комплекса системно соотнесенных явлений языковой структуры, выходящего за пределы собственно эргативной конструкции предложения (ср., например, положение С. Д. Кацнельсона о том, что «не следует смешивать ту или иную конструкцию со строем предложения» ⁶³, подводившее автора вплотную к рассмотрению разноуровневых коррелятов эргативности).

Существенную роль в дальнейшем прогрессе теории эргативности играют и ведущиеся в СССР дескриптивные исследования в области синтаксиса языков эргативного строя. Они не только вводят в обиход науки новый фактический материал, но и зачастую содержат его теоретическое осмысление. Наиболее богато такими работами отечественное кавказоведение. Среди них в первую очередь следует назвать «Синтаксис чеченского литературного языка» (М., 1940) Н. Ф. Яковлева, «Синтаксис аварского языка» (М.—Л., 1949) А. А. Бокарева, «Синтаксис лезгинского языка, ч. I. Простое предложение» (Махачкала, 1954) М. М. Гаджиева, «Очерки по синтаксису табасаранского языка» (Махачкала, 1970) Б. Г.-К. Ханмагомедова, «Очерки по синтаксису даргинского языка» (М., 1971) З. Г. Абдуллаева. В значительной мере проблемам эргативности была посвящена 4-я региональная сессия по сравнительно-историческому изучению кавказских языков ⁶⁴.

Значительный вклад в разработку теории эргативности внесла французская лингвистика, представители которой обычно отталкивались от частной теории эргативной конструкции предложения, строившейся на фактической базе баскского языка. Для французской лингвистики в большей степени, чем для других линий зарубежной эргативистики, характерен и контакт с идеями советских исследователей проблемы, особенно заметный в работах К. Регамэ и Р. Лафона.

⁶² Помимо множества его специальных статей ср., монографии: И. И. Мещанинова. Язык Ванской клинописи (Die Van-Sprache). II. Структура речи. Л., 1935; Он же. Новое учение о языке. Стадиальная типология. Л., 1936; Он же. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940; Он же. Структура предложения. М.—Л., 1963; Он же. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967.

⁶³ С. Д. Кацнельсон. Эргативная конструкция и эргативное предложение. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1947, т. VI, вып. 1, стр. 44.

⁶⁴ См.: «Четвертая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков». (Тезисы докладов). Нальчик, 1971.

Уже труды Р. де ля Грассери, исследовавшего, в частности, структуру ряда американских языков, были интересны пониманием специфики эргативности и невозможности отождествления эргативной модели предложения со страдательным оборотом. В функционировании последней он усматривает прием, направленный на то, чтобы при историческом переходе от древней итранзитивной конструкции к транзитивной сохранить исходный порядок слов⁶⁵.

Несколько специальных работ по вопросам эргативности принадлежит К. Регамэ⁶⁶. Преодолев концепцию пассивности эргативной конструкции предложения, автор считает единым структурным центром такого предложения глагол, образно называемый «*verbe sujet*», в то время как все именные компоненты рассматриваемого построения трактует в качестве дополнений. К. Регамэ полагает, что в языках эргативного строя глагол и имя не разграничены: это дает ему основания считать, что с точки зрения морфологической глагол ведет себя как имя.

Идея о «концентрическом» характере структуры предложения в языках эргативного строя получила дальнейшее развитие в серии статей А. Мартине, построенных на баскском материале⁶⁷. Положение об односоставности баскского предложения он обосновывает тезисом об отсутствии в языках подобного типа подлежащего. Специфику эргативной конструкции А. Мартине объясняет особенностью структуры транзитивного глагола, не знающего залоговых противопоставлений, вследствие чего отсутствует возможность выбора различных средств для выражения отношений между действием и участвующими в нем актантами. Автор считает, что подтверждением его мысли о том, что баскская эргативная конструкция составляет последовательность «определений»—дополнений к глаголу, является тяготение здесь глагола к крайней правой позиции в предложении и нормальный препозитивный характер определений (чему все же противоречит порядок

⁶⁵ Ср.: R. de la Grasse. *De la catégorie des voix*. Paris, 1899; О н же. *De la conjugaison pronomiale notamment du prédictif et du possessif*. Paris, 1900.

⁶⁶ См.: C. Regamey. *Consideration sur le système morphologique du tibétain littéraire*. «Cahiers Ferdinand de Saussure», 6. Genève, 1948, стр. 26—46; О н же. *A propos de la «construction ergative» en Indo-Aryen moderne. «Sprachgeschichte und Wortbedeutung. Festschrift Albert Debrunner»*. Bern, 1954, стр. 363—381; О н же. *La problème de l'ergatif*. «Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague. 1941—1965». Bull. VIII—XXXI. Copenhague, 1970, стр. 111—112.

⁶⁷ См.: A. Martine. *La construction ergative et les structures élémentaires de l'énoncé*. «Journal de psychologie normale et pathologique», 1958, № 3, стр. 377—392 (статья перепечатаана также в сборнике его работ «*La linguistique synchronique. Études et recherches*». Paris, 1968, стр. 206—222. В дальнейшем ссылки даются на это издание); О н же. *Reflexions sur la phrase. «Language and Society. Essays presented to A. M. Jensen on his seventieth birthday»*. Copenhagen, 1961, стр. 115; О н же. *Le sujet comme fonction linguistique et l'analyse syntaxique du basque*.—BSLP, 1962, т. 57, fasc. 1, стр. 73—82.

членов атрибутивной синтагмы: ср. баскск. *etxe berri* 'дом новый'). А. Мартине отдает себе, впрочем, отчет в том, что далеко не все языки можно расклассифицировать на знающие подлежащее, с одной стороны, и имеющие эргативную конструкцию, с другой, и что, несомненно, встречаются языки, в которых оба типа синтаксической структуры существуют.

Проблема эргативности входит в круг интересов и французского басколога и кавказоведа Р. Лафона, в работах которого очевиден контакт с идеями советских исследователей проблемы⁶⁸:

Небезынтересно коротко остановиться на характеристике той роли, которую сыграл в истории изучения эргативности конкретный языковый материал.

В течение длительного времени наибольее значительное место в этих исследованиях занимали факты баскского, эскимосско-алеутских и кавказских языков. Баскский язык, равно как и эскимосский (существенно, его разновидность, представленная языком гренландских эскимосов), явились фактически первыми более или менее удовлетворительно исследованными языками эргативного строя, в которых рассмотрение эргативной конструкции оказалось возможным на фоне всей имплицирующей ее типологии предложения.

Очень инструктивным из-за большого разнообразия проявлений эргативности, к тому же реализующейся здесь в эргативной и абсолютной («номинативной») конструкциях предложения при наличии аффективной и нередко посессивной, явился материал различных групп кавказских языков. Нет почти ни одного крупного эргативиста, не обращавшегося к соответствующим картвельским, абхазско-адыгским или нахско-дагестанским фактам. И понятие кавказские языки предоставляют в распоряжение исследователей самое широкое поле для наблюдений в этой области. Не будет, вероятно, преувеличением сказать, что особый интерес при этом вызывают данные языков картвельской группы — грузинского, мегрельского, чанского и сванского, красноречиво свидетельствующие об их «полистадиальности» и, в частности, как это впервые подчеркнул И. И. Мещанинов, о переходном характере типологии их предложения от эргативности к номинативности (мнение, согласно которому эргативная конструкция предложения в грузинском является собой «классический образец» этой конструкции, высказывалось, но-видимому, только неспециалистами). С другой стороны, имеются основания усматривать в картвельских языках и пережитки их более древней синтаксической структуры. При всем сказанном очень важно, что благодаря наличию у грузинского языка древнеписменной тра-

⁶⁸ Ср.: R. Lafon. L'expression de l'auteur de l'action en basque. — BSLP, 1960, t. 55, fasc. 1, стр. 186—221; О н. ж. e. Notes explicatives a l'article de M. A. Chanidzé sur le verbe géorgien. — BSLP, 1963, t. 58, fasc. 1, стр. 27—40; О н. ж. e. Principes du rôle syntaxique du verbe en basque. — BSLP, 1967, t. 62, fasc. 1, стр. 134—164.

диции (памятники с V в. н. э.) здесь существует возможность детального контроля за тенденциями в функционировании эргативности.

Также в силу видимой переходности типологии предложения интересен в рассматриваемом плане и материал целого ряда полинезийских языков (ниуеа, тонганского, самоанского, сикайя, пукапука и др.), иллюстрирующих, как предполагают некоторые авторы, обратный процесс формирования эргативного строя на базе номинативного⁶⁹.

Все более интересный и достоверный материал поступает в распоряжение исследователей и с прогрессом изучения древних языков Ближнего Востока⁷⁰. Наконец, данные некоторых австралийских и особенно американских языков оказываются очень ценными в плане понимания генезиса эргативного строя. Значительное разнообразие форм эргативности, тесная связь многих из них с активным строем, представленные в североамериканских и отчасти в центральноамериканских языках, делают их в высшей степени перспективными предметами внимания эргативистов. Между тем в рассматриваемом отношении эти языки едва затронуты исследованием (в частности, в силу своих известных теоретических целеустановок отнюдь мало дали в этой связи работы представителей американской дескриптивной лингвистики). Что же касается австралийского языкоznания, то оно представлено работами чисто дескриптивного плана. К тому же об уровне лингвистического описания в них свидетельствует, например, тот факт, что здесь по сей день встречается использование таких концептов, как «непереходный поминатив» (*intransitive nominative*), совпадающий с «аккузативом» (*accusative*), с одной стороны, и «переходный номинатив» (*transitive nominative*), с другой, напоминающих понятийный аппарат ранних европейских исследователей проблемы эргативности⁷¹.

С точки зрения разработки общей теории эргативности все большее значение приобретает в настоящее время анализ материала ряда индоевропейских языков — иранских, дардских и индийских, явно недооценивавшихся в рассматриваемом отношении еще в недавнем прошлом. Этот материал уникален в том смысле, что он располагает документально засвидетельствованной исто-

⁶⁹ Ср.: G. B. M ilner. Active, Passive, and Perfective in Samoan. A Fresh Appraisal of the Problem. «The Journal of the Polynesian Society», 1962, v. 71, № 2, стр. 151—161; P. W. H o h e r a. The Accusative-to-Ergative Drift in Polynesian Languages. «The Journal of the Polynesian Society», 1969, v. 78, № 3, стр. 295—329.

⁷⁰ Ср.: И. М. Дьяконов. Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения (на материале языков Древнего Востока). — ЭКПЯРТ, стр. 95—115.

⁷¹ Ср., например: H. Hershberger. Case marking affixes in Gugu-Yala-nji. «Papers on the Languages of Australian Aborigines. Occasional Papers in Aboriginal Studies», № 3. Canberra, 1964, стр. 73—82; L. A. Negus. The Languages of Victoria: A Late Survey, pt. I. «Australian Aboriginal Studies», № 17. Canberra, 1960, стр. 161—163.

рией как становления, так и в целом ряде случаев последующей деградации эргативной конструкции. Между тем в свете позднейших работ не остается оснований сомневаться в эргативном характере соответствующей модели предложения, широко распространенной в этих многочисленных языках. Так, например, специально исследовавшая этот вопрос Л. А. Пирейко констатирует, что «в эргативной конструкции современных индоиранских языков мы имеем такое соотношение морфологических форм и синтаксических конструкций, которое характерно для типично эргативных языков»⁷².

Целесообразно более подробным образом остановиться на том дополнительном стимуле к разработке общей теории эргативности, заданном со стороны той по крайней мере эргативообразной модели предложения, к которой приводят многих компаративистов внутренняя реконструкция общепроиндоевропейского языкового состояния.

Хотя впервые догадку об эргативном прошлом индоевропейских языков высказал еще Г. Шухардт, выдвижение соответствующей более или менее законченной гипотезы связано с именем К. Уленбека. На основании некоторых особенностей распределения надежных показателей по именам разных родов К. Уленбек предположил наличие в древнейшем общепроиндоевропейском состоянии оппозиции всего двух падежей — «активного» и «пассивного», функционально аналогичных эргативному и абсолютно падежам таких языков эргативного строя, как эскимосский или баскский⁷³.

Дальнейшее развитие эта гипотеза получила в целом ряде работ исследователей истории индоевропейского именного склонения, и в своем современном облике она предполагает, что общепроиндоевропейский номинатив на *-s восходит к историческому эргативу, противопоставлявшемуся немаркированному в плане выражения абсолютному падежу, давшему в свою очередь начало позднейшему аккузативу (показатель последнего -sh/-n признается обобщенным на все основы в более позднюю эпоху)⁷⁴.

⁷² Л. А. Пирейко. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968, стр. 7; см. также: С. Регамеу. *A propos de la «construction ergative» en Indo-Aryen moderne*, стр. 365 и 374.

⁷³ См.: H. C. Uhlenbeck. *Agens und Patiens im Kasussystem der indogermanischen Sprachen*. «*Indogermanische Forschungen*», 1901, Bd XII, стр. 170—171 (русск. перев. см. в сб. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 101—102).

⁷⁴ N. van Wijk. *Der nominale Genetiv Singular im Indogermanischen*. Zwolle, 1902. Ср.: K. Brugmann. *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Berlin, 1904, стр. 626; H. Pedersen. *Neues und Nachträgliches*. «*Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*», 1907, Bd XL, стр. 152—153; О. же. *Hittitisch und die anderen indoeuropäischen Sprachen*. Копенгаген, 1938, стр. 83—85; A. Vaillant. *L'ergative indo-européen*. — *BSLP*, 1938, t. 37, fasc. 2, стр. 93—108; H. Hendriksen. *Quelques faits à lumière d'un système casuel indo-européen comportant un cas transitif et un cas intransitif*. «*Bulletin du Cercle Lin-*

Именной аспект проблемы эргативного прошлого индоевропейских языков был впервые расширен в специальной монографии С. Д. Кацнельсона, непосредственно связавшего его с апализом древнейших структурных особенностей индоевропейского глагола и прежде всего с перенесением в последнем морфологической категории залога⁷⁵. Новым в этой работе явилось и то, что некоторые вероятные пережитки эргативного строя были прослежены ее автором в материале уже исторически засвидетельствованных германских языков. При реконструкции индоевропейской эргативности автор использует структурно-типологические зависимости, наиболее характерные для современных языков эргативного строя.

В дальнейшем, по-видимому, независимо от основных путей разработки этой проблемы, П. Кречмер высказал точку зрения о существовании в праиндоевропейском состоянии объектного сопряжения у семантически транзитивного глагола, опиравшуюся на образования вторичных претеритов с функционально пеясными фермантами -s, -t, -w и -k, в которых он усматривал пережиточные объектные показатели⁷⁶. Эта линия исследования пашла свое более глубокое развитие в интересной статье Й. Кноблоха, увязывающей ее с именным аспектом проблемы и использовавшего в целях типологической верификации своих реконструкций эргативную модель предложения типа засвидетельствованной в некоторых из абхазско-адыгских языков⁷⁷.

Однако более перспективным в разработке глагольного аспекта проблемы, по-видимому, следует считать встречающее все большую поддержку предположение о том, что оппозиции транзитивного и интранзитивного глаголов в праиндоевропейском должно было предшествовать противопоставление активных и стативных глаголов, т. е. глаголов действия и глаголов состояния⁷⁸.

guistique de Copenhague», 1940, t. 5; А. Н. Савченко. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке.— ЭКПЯРТ, стр. 74—90.

⁷⁵ См.: С. Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения. «Труды Ин-та языка и мышления имени Н. Я. Марра», IV. М.—Л., 1936. Ср.: Н. Н. Uhlenbeck. Рец. на кни: С. Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения. «Museum», 1937, Ig. 44, № 9, стр. 225—227.

⁷⁶ См.: P. Kretschmer. Objektive Konjugation im Indogermanischen. «Sitzungberichte der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philol. hist. Klasse», 1947, Bd 225, Abh. 2, стр. 3—49; ср. также: H. Kronasser. Die Nasalpräsentia und Kretschmers objektive Konjugation im Indogermanischen. «Studia Philologica», 235/2. Wien, 1962, стр. 5—31.

⁷⁷ См.: J. Knobloch. La voyelle thématique *e/o* serait-elle un indice d'objet indo-européen? «Lingua», 1953, v. III, 4, стр. 407—420.

⁷⁸ Из советских работ см. в этой связи: А. В. Деницкая. Из истории развития категории глагольной переходности.— Сб. «Памяти академика Льва Владиличовича Щербы». Л., 1951, стр. 136—144; А. Н. Савченко. Происхождение среднего залога. Ростов-на-Дону, 1960; М. М. Гуман. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964.

С противопоставлением эргативного падежа абсолютному и активных глаголов стативным тесно связывается предполагаемое большинством индоевропеистов для этого уровня деление имен существительных на две лексические группы — активный и инактивный классы (первый из них включал преимущественно названия одушевленных денотатов, второй — неодушевленных)⁷⁹.

Можно подчеркнуть при этом, что дополнительный материал для положительного решения проблемы индоевропейской эргативности дал большой прогресс сравнительно-исторических исследований, достигнутый в более позднее время в области анатолийских языков⁸⁰. Особый подход к положительному решению вопроса, основанный на факте передкого функционирования в языках эргативного строя аффективной («дативной») конструкции предложения, содержит работы М. М. Гухман, согласно которым наличие индоевропейской дативной конструкции может быть истолковано в пользу исторического существования коррелировавшей с ней эргативной⁸¹. Наконец, целая серия работ А. В. Десницкой посвящена уже проблеме номинативизации строя индоевропейских языков⁸².

В целом мысль об эргативном прошлом индоевропейских языков в настоящее время находит себе среди исследователей довольно много сторонников. Это кажется неслучайным, особенно если учесть замечание О. Есперсена о том, что «такие гипотезы помогают объяснить ряд особенностей нашей системы грамматического рода, а также системы падежей»⁸³. Вместе с тем едва ли можно сомневаться в том, что совокупность приведенных в рамках этой гипотезы фактов нуждается в дальнейшей систематизации⁸⁴ и особенно в критическом рассмотрении в свете современных представлений о типологических характеристиках языков эргативного строя. В частности, нельзя недооценивать важности доказательства синхронного функционирования постулирован-

⁷⁹ Ср., например: И. М. Троцкий. К семантике множественного числа в греческом и латинском языках. «Уч. зап. ЛГУ», № 69. Серия филол. наук, 1946, вып. 10, стр. 61.

⁸⁰ Ср., например: Вяч. Вс. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, стр. 135 и след.; О и ж е. Эргативная конструкция в общеминдоевропейском. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов». (Тезисы докладов). Л., 1964, стр. 17—21; О и ж е. Общеминдоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 51—54.

⁸¹ См.: М. М. Гухман. Конструкции с дательным-винительным лицом в индоевропейских языках. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1945, т. 4, вып. 3—4; О и ж е. Конструкции с дательным-винительным лицом и проблема эргативного прошлого индоевропейских языков.— ЭКПЯРТ, стр. 58—73.

⁸² Ср.: А. В. Десницкая. Именные классификации и проблема индоевропейского склонения. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1941, № 3, стр. 49—55; О и ж е. К вопросу о происхождении винительного падежа в индоевропейских языках. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1947, № 6, стр. 493—499; О и ж е. Из истории развития категории глагольной переходности.

⁸³ О. Есперсен. Философия грамматики. М., 1958, стр. 190.

⁸⁴ Ср.: W. P. Lehmann. On Earlier Stages of the Indo-European Nominal Inflection. «Language», 1958, v. 34, № 2, стр. 190.

ных черт индоевропейской эргативности. Однако одно существенное замечание по поводу данной гипотезы может быть сделано, по-видимому, уже в настоящее время. Судя по синтаксической специфике реконструируемой здесь модели предложения, опирающейся на разграничение не переходных и ненеходных глаголов, а активных и стативных (в индоевропеистической терминологии — глаголов действия и состояния соответственно), речь должна идти не об эргативной, а о структурно близкой ей в ряде отношений активной конструкции предложения и об активном строе языка в целом (к характеристике последнего см. стр. 215—226 настоящей работы). В этом случае становится оправданной и квалификация основных грамматических падежей протоиндоевропейского как активного и инактивного⁸⁵.

Наиболее слабой стороной в разработке проблемы эргативности, особенно проявившейся в изучении эргативной конструкции предложения, по-видимому, следует считать ее акцент на описании морфологического своеобразия реализации соответствующих структур, ущербно сказывавшийся на раскрытии их синтаксической сущности. Естественным следствием этого явился недостаточный контакт существующих концепций эргативности с идеями общесинтаксической теории, что дает себя знать прежде всего в довольно очевидном морфологизме в подходе к решению этой значительно более широкой по своему содержанию проблематики (впрочем, несомненно, нуждаются в дальнейшей разработке и некоторые собственно морфологические понятия, которыми пользуется теория эргативности). Именно применительно к данному случаю оказывается вполне приложимым известное высказывание Л. Теньера, согласно которому «большая часть синтаксических концепций, созданных на протяжении столетия, суть морфологические синтаксисы»⁸⁶.

В этой связи необходимо подчеркнуть, например, что до настоящего времени не существует определения эргативной конструкции предложения, выдержанного в синтаксических терминах (его место занимают описания специфики морфологического оформления ее компонентов), и даже встречается точка зрения, согласно которой проблема эргативности может в определенных случаях, например в случае беспадежного абхазского языка, всецело сводиться к морфологическому аспекту структуры транзитивного глагола. Эргативная конструкция и соответствующая ей типо-

⁸⁵ Ср.: Х. К. Уленбек. *Agens и Patiens в падежной системе индоевропейских языков*; А. Девальпег. *Lautgesetz und Analogie. «Indogermanische Forschungen», 1933, I, стр. 289; J. K. и гу Iowicz. *Etudes indo-européennes*, I. Kraków, 1935, стр. 161—165.*

⁸⁶ L. Tенир. *Éléments de syntaxe structurale*. Paris, 1959, стр. 34. Ср. также замечание О. П. Суника о том, что классическая теория эргативной конструкции предложения «направлена главным образом на описание формальных особенностей эргативной конструкции в различных языках, а не на объяснение ее синтаксической природы»; см.: О. П. Суник. К вопросу о «неноминативном» строе предложения.— ЭКПЯРТ, стр. 43.

логия предложения, как правило, не отграничиваются от синтаксически отличной от нее активной и всего включающего последнюю строю. До последнего времени имеют некоторое распространение не только такие частные положения, как безоговорочная квалификация эргативного падежа подлежащего эргативной конструкции в качестве косвенного, отнесение прямого дополнения в языках эргативного строя к составу главных членов предложения на основании «управления» им формой глагольного сказуемого, ориентация на форму абсолютного («именительного») падежа имени при определении подлежащего в предложении эргативной, аффективной и possessивной конструкции, но даже и фактический отказ от синтаксического анализа различных моделей предложения эргативной типологии в терминах членов предложения, выражающийся в оперировании понятиями «реального субъекта» и «реального объекта». (Следует учитывать, что у впервые использовавшего оба последних Г. Шухардта они еще определенным образом соотносились с лежащими в плоскости собственно синтаксического рассмотрения понятиями подлежащего и дополнения⁸⁷.)

Вместе с тем, очень широкий комплекс проблем общей теории эргативности — как в плане ее дескриптивного анализа, так и в историческом аспекте, — оказался по существу вне поля зрения предшествовавших исследований.

Хотя немало работ было посвящено функциональному анализу эргативного и абсолютного падежей, в целом парадигма склонения языков эргативного строя еще не получала своей характеристики. Еще меньше внимания обращалось на импликации эргативного строя на уровне глагольной морфологии. Почти не изученными остаются такие вопросы, как синтагматическая структура основных моделей предложения и порядок следования их определяющих компонентов. Совершенно неразработанной — и, очевидно, даже не замеченной — оказалась интересная проблема лексических импликаций и квазимимпликаций эргативного строя. Между тем им принадлежит очень важное место в иерархии межуровневых отношений, характерных для эргативных языков. Естественно, что такое положение мешало увидеть ту целостную систему языковых явлений, которая квалифицируется в настоящей работе как эргативный строй языка.

Далеко не достаточно изучена и проблема генезиса эргативного строя (в этом плане показательно обычное смешение последнего с активным). Остаются неразработанными такие важные вопросы, как относительная неустойчивость эргативного строя (хотя некоторое освещение получил более частный вопрос о большей стабильности эргативной типологии предложения при глагольном сказуемом в формах из серии «аористных», т. е. прошедших не-

⁸⁷ Ср.: Г. Ш у х а р д т. Об активном и пассивном характере переходного глагола. «Эргативная конструкция предложения», стр. 103—106.

длительных времен). Неясны принципы периодизации ступеней функционирования эргативности в языке.

В некоторых концепциях эргативности налицо тесная, однако в большинстве случаев неадекватная конкретная увязка теории эргативной типологии предложения с широкой глоттогонической проблематикой. Свое наиболее яркое отражение она нашла в ряде неудачных попыток положить признак наличия или отсутствия эргативной конструкции предложения в основу стадиально-типологической периодизации развития языка и мышления (К. Уленбек, Ж. ван Гиннекен, некоторые неогумбольдтианцы). Очень показательной явилась в этом отношении эволюция интересов И. И. Мещанинова, перешедшего после настойчивых, но не давших конкретных результатов поисков решения этого вопроса к более углубленному анализу места эргативной конструкции предложения в синхронно рассматриваемой синтаксической системе языка.

Вместе с тем неадекватность выдвинутых в этом плане гипотез не могла скомпрометировать самой идеи о возможной обусловленности эргативного строя языка особенностями общественных «норм сознания». Эта неадекватность во всяком случае не смогла привести к отказу от изучения генезиса эргативности и его полному вытеснению синхронно-описательными исследованиями. Достаточно отметить в данной связи, что в последнее время историческое сопоставление эргативной и номинативной типологии предложения является, например, предметом внимания представителей неогумбольдтианства, подчеркивающего, как известно, что за структурными различиями языков всегда стоит выражение целостных представлений соответствующих языковых коллективов об окружающем мире⁸⁸.

В заключение следует отметить, что нуждается в унификации терминологический аппарат исследований, во все более возрастающем масштабе ведущихся в этой области. Существующие в метаязыках конкретных работ расхождения в значительной степени обусловлены взаимной разобщенностью усилий языковедов, разрабатывающих проблематику эргативности, и их обычным ограничением рамками характерологии. Так, например, до настоящего времени отсутствует единство в номенклатуре важнейших элементов морфологической структуры рассматриваемых языков, в частности единиц их падежной парадигмы, глагольных аффиксов, передающих отношения эргативности, и некот. др. Характерные для большей части эргативных языков лексические классы имен существительных, с одной стороны, и принципиально отличная морфологическая категория класса, присущая син-

⁸⁸ Ср.: H. H. Holtz. Sprache und Welt. Probleme der Sprachphilosophie. Frankfurt a. Main, 1953, стр. 111—112; H. Schulte-Herbrüggen. El lenguaje y la visión del mundo. Santiago, 1963, стр. 132—137; G. Höpp. Evolution der Sprache und Vernunft. Berlin—Heidelberg—N. Y., 1970, стр. 93—146.

таксически связанным с этими именами глаголам, прилагательным и т. п., с другой стороны, передко покрываются единым термином «грамматический класс». Обращает на себя внимание встречающаяся в некоторых — преимущественно кавказоведческих — работах замена давно сложившихся в общесинтаксической теории терминов для обозначения членов предложения нелингвистической поменклатурой (ср. «реальный субъект», «реальный объект», «ближайший объект»), введение которых едва ли может способствовать изучению проблемы эргативности, поскольку они переносят обсуждение из сферы синтаксического исследования непосредственно в мир соответствующих денотатов (к тому же, как справедливо подчеркивает О. П. Суник, невозможно отказать в реальности и грамматическим субъекту и объекту ⁸⁹).

Ввиду того, что решение терминологических вопросов обуславливается не процедурой открытия, а исключительно выбором, автор настоящей работы следует в основном традиции, преобладающей в трудах отечественных лингвистов и представляющейся более удобной.

⁸⁹ См.: О. П. Суник. К вопросу о «неноминативном» строе предложения, стр. 44.

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ ТЕОРИИ ЭРГАТИВНОСТИ

Представляется очевидным, что дальнейший прогресс общей теории эргативности был бы затруднен без достаточно четкого размежевания основных понятий, которыми она оперирует. Бессспорно и то, что с поступательным ходом исследования время от времени возникает задача их переформулировки в соответствии с достигнутым на каждом этапе уровнем знаний. Эта задача кажется особенно актуальной в настоящее время, когда стремительный рост эмпирических знаний, обусловленный вовлечением в орбиту исследования все новых представителей эргативного строя, начинает все более ощутимым образом опережать разработку призванной их обслуживать общей теории эргативности.

Ввиду того, что в прошлом в центре внимания языковедов обычно оказывалась эргативная конструкция предложения, в огромном большинстве случаев только она и служила предметом тех или иных определений. Однако современный этап исследования проблематики позволяет внести и в них существенные коррективы. Вместе с тем, более широкая тематика настоящей работы предполагает формулировку дефиниций не только эргативной и функционирующих параллельно с ней других конструкций предложения (прежде всего — абсолютной и аффективной), но и соответствующей целостной типологии предложения, включающей эргативную и абсолютную конструкции на правах коррелятивных величин. Понятие этой типологии предложения было впервые отчетливо сформулировано в поздних работах И. И. Мещанинова в соответствующих терминах: «эргативный строй предложения», «эргативная система построения предложения», «эргативная конструкция предложения» и, наконец, «эргативная структура предложения»¹. Наконец, исследование всего контекста языковой структуры, в котором предложение характеризуется эргативной типологией, с логической необходимостью приводит

¹ Ср.: И. И. Мещанинов. Основные грамматические формы эргативного строя предложения.— ЭКПЯРТ, стр. 7—9; Он же. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967, стр. 47—61.

к формулировке еще одного фундаментального для теории эргативности понятия — понятия эргативного строя языка в целом. Последнее соотносится с очень широкой совокупностью разноуровневых (лексических, синтаксических и морфологических) импликаций эргативности.

Рассмотрение основных понятий теории эргативности целесообразно начать с определения более узких и вместе с тем тесно взаимосвязанных понятий эргативной конструкции и эргативной типологии предложения.

Несмотря на более чем столетнюю историю изучения эргативности, до настоящего времени не сформулировано определения эргативной конструкции предложения, которое подобно всем другим синтаксическим определениям было бы выдержано в терминах синтаксиса. В литературе, посвященной дескриптивному анализу отдельных языков эргативного строя, равно как и в характерологических исследованиях, полностью господствуют хотя и довольно содержательные, но в принципе очень пестрогие definicijii эргативной конструкции типа: «эргативная конструкция — это конструкция предложения, характеризующаяся постановкой подлежащего при транзитивном глаголе в эргативном падеже и прямого дополнения в императивном». Обычно немногим отличаются от последнего и definicijii эргативной конструкции, использующиеся в исследованиях по теории эргативности.

Уже не говоря о том, что эти определения соотносятся только с одной из поверхностных морфологических реализаций эргативной конструкции, нетрудно заметить, что они никоим образом не отражают синтаксической специфики рассматриваемой модели предложения и по своему существу почти полностью сводятся к описанию морфологического оформления ее членов. Вполне очевидно, что с точки зрения критерев разграничения структурных моделей предложения, поступающих общесинтаксической теорией, подобные описания неудовлетворительны и поэтому в лучшем случае могут претендовать на временную роль эвристических средств исследования некоторых представителей эргативного строя.

Учитывая сказанное, в последующем изложении прежде всего будут затронуты два вопроса: а) попытка сформулировать определение эргативной конструкции, выдержанное в синтаксических терминах, и б) более полное описание ее морфологических особенностей.

Приступая к рассмотрению этих вопросов, следует с самого начала отметить, что в специальной литературе прямо или косвенно уже обращалось внимание на ряд слабых мест, содержащихся в известных определениях эргативной конструкции предложения. Так, например, отмечается существующее в подобных приведенному описаниям противоречие между характеристикой именных компонентов этой конструкции по морфологическому признаку и характеристикой глагольного по признаку синтакси-

ческому, а иногда и семантическому (уже не касаясь случаев, когда понятие транзитивного глагола вообще остается неконкретизированным). С другой стороны, в своем большинстве эти определения оперируют понятием именительного падежа прямого дополнения, адекватность которого применительно к структуре языков эргативного строя уже неоднократно ставилась под сомнение.

Внести в существующие дефиниции уточнения представляется тем более необходимым, что в исследовательской практике встречаются не только факты неразличения выдержанной эргативной конструкции и построений промежуточного типа, которые в лучшем случае можно квалифицировать как эргативообразные, но и даже случаи ее смешения с другими конструкциями предложения, постулированными А. Дицром для языков эргативного строя, — абсолютной («номинативной») и аффективной («дативной»)². Понятому, подобное положение чаще всего оказывается обусловленным догматическим использованием универсальной синтаксической схемы, оперирующей ограниченным набором структурных эталонов предложения. Однако существующая ситуация усугубляется и тем обстоятельством, что нередко не выдерживаются даже принимаемые нестрогие определения, вследствие чего под класс эргативных подводятся и построения, не отвечающие по своим параметрам предлагаемому морфологическому эталону эргативной конструкции предложения. Именно данным обстоятельством объясняются случаи констатации этой конструкции в английском (ср. *she was drowned by him*), восточнославянских (ср. белор. *У лго будуецца дача*) и некоторых других языках³.

На этом фоне весьма показателен предпринятый Б. А. Успенским опыт более строгого определения эргативной конструкции предложения в трансформационных терминах, впрочем, онятых апеллирующий к морфологическим характеристикам ее компонентов. Согласно последнему «эргативная конструкция может быть охарактеризована как такая, в которой при «сложении с общим V» V не меняется (не считая возможных изменений в согласовании), а N меняет падеж; тем самым она отличается от номинативной, где меняется V (и может меняться N)...»⁴. Автор использовал при этом правила трансформации двух предложений с общим глаголом (например, аварск. *Мухамад цГалуле вуго* 'Мухаммед читает' и *тIехъ цГалуле вуго* 'Книга читаема')

² См.: А. М. Дицр. Глагол в кавказских языках. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 32.

³ См.: J. Anderson. Ergative and nominative in English. «Journal of General Linguistics», 1968, 4, № 1; А. Я. Михневич. Эргативная конструкция в восточнославянских языках? — «Проблемы беларусской филологии». Минск, 1968. Ср.: М. Габинский. Спикурир дин руса ворбіто. «Лімбашы литература молдовеняскa», 1970, № 4.

⁴ Б. А. Успенский. Опыт трансформационного исследования синтаксической типологии. «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 58. В приводимой цитате V символизирует глагол, N — имя.

в единое предложение (аварск. *Мухамад-ица тIехъ цГалуслеб* буго 'Мухаммед читает книгу').

Несомненно, однако, что дефиниция эргативной конструкции предложения может быть уточнена и в рамках таксономической грамматики. При этом следует только иметь в виду, что она окажется достаточно эффективной лишь при том условии, что жесткую характеристику получат в свою очередь и другие модели предложения, встречающиеся в языках эргативного строя. И того и другого настоятельно требуют до сих пор имеющие место в исследовательской практике случаи смешения эргативной конструкции с абсолютной и особенно с аффективной.

Одним из наиболее значительных достижений общей теории эргативности явилось осознание факта, что эргативная конструкция предложения может быть реализована морфологически существенно различными построениями⁵. В зависимости от того, в каких членах предложения находят свое выражение отношения эргативности (в структуре глагольного сказуемого они обычно передаются противопоставлением личных аффиксов эргативного и абсолютного рядов, в составе именных компонентов — оппозицией форм эргативного и абсолютного наименований), все это разнообразие может быть в конечном счете сведено к трем морфологическим типам. Последние могут быть с долей условности квалифицированы как «глагольный» (ср. абхаз. *a-савərg a-рəзə d-a-igəlwojт* 'правда покойника воскрешает'), «смешанный» (ср. баскск. *pi-k uга da-kar-t* 'я воду приношу') и «именной» (ср. лезг. *буба-ди къиаб къачуна* 'отец книгу взял'). В первом из них отношения эргативности передаются вседело в словоформе глагола-сказуемого (последнее обстоятельство, естественно, не означает, что он представлен лишь в тех языках, где падежная система вообще отсутствует). Во втором типе эти отношения выступают в структуре как глагольного сказуемого, так и обоих связанных с ним именных членов. Наконец, в третьем они отражаются исключительно в составе подлежащего и прямого дополнения. Все три типа отчетливо разграничивались И. И. Мещаниновым еще в 1935 г., когда он детально обосновал функциональное тождество «пассивной конструкции» в картвельских, абхазском и лезгинском языках⁶.

Эти морфологические вариации эргативной конструкции, если к тому же учесть наиболее характерный для представителей эргативного строя словопорядок, могут быть переданы следующими

⁵ Ср.: С. Л. Быховская. «Пассивная» конструкция в яфетических языках. «Язык и мышление», II. Л., 1934, стр. 56—57; С. Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения. «Труды Ин-та языка и мышления имени Н. Я. Марра», IV. Серия Romano-Germanica. М.—Л., 1936, стр. 57—63; И. И. Мещанинов. Проблема стадиальности в развитии языка. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1947, вып. 3, стр. 177.

⁶ См.: И. И. Мещанинов. Язык Ванской клинописи (*Die Van-Sprache*). II. Структура речи. Л., 1935, стр. 191—201.

схемами:

1. $N - N - V_{erg.abs}$
2. $N_{erg} - N_{abs} - V_{erg.abs}$
3. $N_{erg} - N_{abs} - V$

Польский исследователь З. Голомб постулирует еще один тип этой конструкции, называемый в его терминологии «развитым» (developed type), который схематически обозначается как $A_{erg} - trV + p + a - P_{abs}$, т. е. с субъектно-объектным принципом спряжения глагола-сказуемого (согласно принятой З. Голомбом системе нотации A — «агенс», P — «пациенс», а соответствующие строчные буквы обозначают их репрезентантов в морфологической структуре глагола). Однако обоснование этого типа от постулируемого тем же исследователем типа $A_{erg} - trV + p - P_{abs}$, т. е. типа с чисто объектным принципом спряжения глагола-сказуемого, не выходит за рамки разграничения двух подтипов единого «смешанного» типа⁷.

В целом ряде случаев некоторые из этих морфологических вариаций существуют в рамках единой языковой системы, что оказывается весьма интересным в плане их соотношения в диахронии. Чаще всего этот факт бывает обусловлен существующими по языкам различиями в словоизменении имени существительного и личного местоимения (таково, например, положение в картвельских, ряде нахско-дагестанских, дардских и других языков). Однако в целом каждый из них имеет довольно определенную сферу функционирования.

По-видимому, наиболее широко распространенным является «смешанный» морфологический тип эргативной конструкции. Он засвидетельствован в баскском, в подавляющем большинстве кавказских (за исключением абхазского, абазинского, лезгинского, агульского, а также — с некоторыми оговорками — картвельских), в хурритско-урартских, шумерском, в целом ряде индоиранских, бурупаки, в отдельных папуасских (в частности, в языке бонгу на Берегу Маклая⁸), во многих австралийских, в чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских и некоторых североамериканских (например, немену⁹, фокс и др.) языках.

Поскольку эргативные и абсолютные аффиксы глагольного сказуемого, с одной стороны, и показатели эргативного и абсолютного падежей, с другой, выполняют тождественные синтаксиче-

⁷ См.: Z. G o l o b. Subject as a Linguistic Category. «General Linguistics», 1969, v. 9, № 1, стр. 5.

⁸ См.: Н. А. Бутинов. Языки народов Меланезии. «Народы Австралии и Океании». М., 1956, стр. 377.

⁹ См.: И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов, стр. 124—139; ср. также: H. Aoki. Nez Perce Grammar. «University of California Publications in Linguistics», 62. Berkeley—Los Angeles—London, 1970, стр. 105—108.

ские функции, казалось бы, этот морфологический тип мог быть охарактеризован в качестве избыточного. Однако имеются основания полагать, что «смешанный» морфологический тип функционирует в тех случаях, когда выражение отношений эргативности в структуре глагола оказывается по той или иной причине недостаточным. Так, если наличие его в грузинском и сванском языках объясняется непоследовательным противопоставлением аффиксов эргативного и абсолютного ряда в глагольной словоформе (например, аффиксы, обычно выступающие в презентных и аористных формах глагола в качестве абсолютных, в неочевидных его формах играют роль эргативных), то в нахско-дагестанских языках он обусловлен, по-видимому, тем обстоятельством, что большая часть глаголов относится в них к так называемым «неклассным», т. е. к глаголам, не изменяющимся по морфологической категории класса и, таким образом, не передающим в условиях характерного для них классного принципа сирражения отношений эргативности (по подсчетам С. М. Хайдакова в лакском из общего числа всего около 210 первообразных глаголов лишь 77 имеют классный префикс).

Наиболее ограниченное распространение имеет по языкам «именной» морфологический тип эргативной конструкции. Его представители встречаются среди китайско-тибетских языков (ср., например, китайский, классический тибетский, некоторые из бирманских), австралийских (ср. аранта, лоритъя), отдельных индоиранских (ср. некоторые из намирских, непали). На Кавказе он палило в одном из картвельских — чапском и в нахско-дагестанских языках. В двух из последних — близкородственных лезгинском и агульском, а также в южном диалекте табасаранского — это единственно возможный тип эргативного ностроения (ср. лезгин. *буба-ди қтаб қъачуна* ‘отец книгу взял’, агульск. *пагIа-ла ғъургъал акъуне* ‘курица яйцо снесла’). В остальных нахско-дагестанских языках он реализуется в конструкции с так называемыми неклассными глаголами. Этот тип засвидетельствован и в баскском языке, где находит, впрочем, очень узкую сферу применения (только с глагольным сказуемым в форме так называемого прошедшего несовершенного времени).

К «именному» морфологическому типу эргативной конструкции относятся соответствующие построения языков изолирующей типологии. Так, ему принадлежит эргативная модель предложения в китайском языке, которая использует специальные служебные слова (см. ниже, стр. 63—64). К нему же должна быть отнесена и ее другая вариация, теоретически допустимая для языков этой типологии, поскольку необходимый критерий эргативности в них, по-видимому, может выявляться лишь в имени (если учитывать принимаемое выше определение понятия *падеж* на уровне «глубинной» морфологии, оппозиция эргативного и абсолютного надежей может быть здесь реализована в виде супплетивизма форм местоименного подлежащего).

Значительно более широко представлен «глагольный» тип эргативной конструкции предложения, засвидетельствованный в абхазском и абазинском языках, эламском (в той мере, в какой его структура приближается к схеме эргативного строя), папуасских, а также в подавляющем большинстве северно- и центральноамериканских языков (семей чинук-цимшиаи, алгонкин-ритва, салиш, майя-киче и др.). Известный польский американист Т. Милевский отмечает, в частности, что за исключением тихоокеанского побережья и сопредельных областей «все остальные области Северной Америки были заняты до вторжения белых концентрическими языками, предикат в которых благодаря включению местоименных аффиксов, указывающих на подлежащее и дополнение (в номинативных языках.— Г. К.), или агепс и дополнение (в эргативных языках.— Г. К.), составляет схему предложения, а именные компоненты фразы являются лишь приложениями к субъектным и объектным аффиксам предиката»¹⁰.

Следует подчеркнуть, что именно к «глагольному» типу эргативной конструкции предложения принадлежат построения, квалифицируемые отдельными кавказоведами исключительно на основании падежной неоформленности их подлежащего и прямого дополнения в качестве так называемой «индефинитной конструкции». Сюда относятся, в частности, предложения с именными компонентами, представленными несклоняемыми формами указательных или личных местоимений (в частности, в баскском языке в их число входят местоимения *zuek* 'вы', *oek* 'эти', *oiek//aek* 'те', в картвельских языках — все личные местомения 1-го и 2-го лица), а иногда также и с именными компонентами, выраженными собственными или некоторыми другими именами: ср., например, груз. *შე თ ა-აკ* 'ты меня похвалил', табас. *უ უ ა გურა-ვა-აუ* 'ты меня ишешь', адыгейск. *татэ тхылъ қъысфи-щэфягъ* 'папа купил мне книгу'. Кажется при этом показательным, что иногда один и тот же автор характеризует по-разному — то как эргативные, то как «индефинитные» — типологически тождественные по своей структуре предложения. Если припять во внимание то обстоятельство, что глагольная словоформа в языках подобного типа обычно способна содержать и некоторые авербальные элементы, а иногда и показатели косвенных объектов, то станет понятной ее образная квалификация как «алгебраической формулы мысли», данная в свое время Ж. Вандриесом¹¹.

Известный факт широкой вариативности но языкам способов передачи отношений эргативности делает совершенно очевидным вывод, что определение эргативной конструкции предложения

¹⁰ T. M i l e w s k i. *La structure de la phrase dans les langues indigènes de l'Amérique du Nord*. — В кн.: T. M i l e w s k i. *Études typologiques sur les langues indigènes de l'Amérique*. Kraków, 1967, стр. 78.

¹¹ Ср., напр.: И. О. Гецаадзе. К вопросу об эргативной конструкции в абхазском языке. «Труды Абхазского НИИ», т. XXXI. Сухуми, 1960, стр. 198—217.

В терминах синтетической морфологии не только не способно отразить ее синтаксической сущности, но и вообще является едва ли выполнимой задачей. Невозможно сформулировать дефиницию этой конструкции и на уровне «глубинной» морфологии¹². Так, например, не говоря о том, что широкую морфологическую вариацию допускает и собственно падежное понимание эргатива (в одних случаях — это специальный, т. е. не совмещающий функций косвенных падежей эргатив; в других — это совмещающий последние эргативно-косвенный падеж: «творительный», «родительный», «дательный», один из локативов и т. д.), на уровне «глубинной» морфологии существует возможность апеллировать к такому понятию эргативного падежа, под которое подводятся столь различные способы оформления, как собственно падежное, послеложное, предложное. В частности, не составляет труда увидеть аналитические соответствия эргатива: это аналитические и полуаналитические образования, имеющие аналогичные синтаксические функции (ср., например, построение на языке панджаби типа *pe nāgāngī khādī* ‘мальчик апельсин съел’, где при транзитивном глаголе-сказуемом подлежащее оформлено эргативным послелогом *pe*, а прямое дополнение имеет бес послеложную характеристику¹³). Очевидно, однако, что и подобный подход не способен обнаружить тот структурный инвариант, который лежит в основе всех трех морфологических типов эргативной конструкции.

Более того, даже поверхностно-синтаксические признаки, по-видимому, оказывающиеся общими для всех вариаций рассматриваемой модели предложения (ср. доминацию сказуемого над обоими связанными с ним именными компонентами, принадлежность по крайней мере одного из последних к группе сказуемого), не могут послужить основой для ее узлового определения, так как они присущи не только эргативной конструкции предложения. Не говоря уже о том, что аналогичные признаки присущи параллельным последней аффективной и посессивной конструкциям, они свойственны и основным моделям предложения активной типологии. Нельзя к тому же не учитывать того обстоятельства, что в современной теории эргативности названные синтаксические признаки получают весьма противоречивую трактовку. Так, если одни авторы полагают, что именные компоненты

¹² О соотношении поверхностных и глубинных структур в грамматике см.: P. M. Postal. *Underlying and Superficial Linguistic Structure*. «Harvard Educational Review», 1964, 34, стр. 246—266; D. S. Worth. *Surface Structure and Deep Structure in Slavic Morphology*. «American Contributions to the Sixth International Congress of Slavists», I. 's-Gravenhage, 1968.

¹³ Ср.: W. K. Matthews. *The ergative construction in modern Indo-Aryan*. «Lingua», 1953, v. III, 4, стр. 393 и след.; Т. Я. Елизаренкова. Эргативная конструкция в новоиндийских языках. — ЭКПЯРТ, стр. 116—118; М. А. Коростовцев. Эргативный «падеж» в египетском языке. «Древний Египет и древняя Африка». М., 1967, стр. 83—94.

эргативного построения всецело управляются сказуемым, то другие считают, что все его определяющие единицы находятся в координатной связи, при которой наряду с относительной доминацией в предложении сказуемого имеется и направление зависимости, идущее от именных членов к сказуемому (существует, впрочем, и понимание координации как взаимоуправления вполне равноправных компонентов эргативного построения). Целесообразно отметить, наконец, что в недавнее время сложился взгляд на управление как форму лексической связи, существующей между транзитивным глаголом (глагольной лексемой) и другой лексемой (дополнением).

Таким образом, все сказанное выше подготавливает к выводу, что адекватное определение эргативной конструкции предложения в принципе оказывается возможным только на уровне глубинной синтаксической структуры, т. е. на том абстрактном уровне, где синтаксические категории могут быть поставлены в некоторое соответствие с понятийными. Во избежание возможных недоразумений следует подчеркнуть отличие принимаемого здесь словоупотребления от того, которое, по-видимому, характерно для большинства современных исследований¹⁴. В последних описание глубинных структур оказывается в большей или меньшей степени сведенным к определенному набору семантических универсалий, получающих самым широким образом выражющее по языкам грамматическое отражение. Нельзя не заметить, однако, что такая вариация возможна исключительно за счет того, что универсальный семантический субстрат управляет соответствующими поверхностными реализациями не непосредственно (в противном случае эти последние имели бы во всех языках тождественный облик), а опосредованно — преломляясь через специфические для разнотипных языков глубинные структуры. Именно изучение этих структур, обусловливающих определенную типологию языкового строя в целом, например номинативную, эргативную, активную и др., и соответствующую типологию его предложения в частности, представляется одной из наиболее актуальных задач современных сравнительно-типологических исследований.

Нетрудно, увидеть, что наиболее общее требование к определению эргативной конструкции предложения должно заключаться в том, чтобы в нем подчеркивалась глубинная синтаксическая специфика этой конструкции прежде всего по отношению к номинативной и активной, каждая из которых характеризует принципиально отличную типологию предложения. Более частное требование должно состоять в том, чтобы в этом определении раскрывалось поверхностно-синтаксическое отличие от коррели-

¹⁴ Ср.: Ch. J. Fillmore. The Case for Case. «Universals in Linguistic Theory». N. Y., 1968; W. L. Chafe. Meaning and the Structure of Language. Chicago and London, 1970.

рующей с ней абсолютной. Исходя из этих соображений, предлагаемая ниже дефиниция с необходимостью опирается на характеристику эргативной типологии предложения в целом.

На глубинно-сintаксическом уровне в качестве эргативной типологии предложения следует рассматривать такую типологию, в рамках которой субъект переходного действия трактуется иначе, чем субъект непереводного, а объект первого — так же, как субъект второго (естественно, что используемые при этом понятия глубинных субъекта и объекта предполагаются заданными извне и совершенно безотносительными к тому, в каких членах предложения они находят свое выражение). Отсюда вытекает, что эргативная конструкция — это модель транзитивного предложения эргативной типологии, а абсолютная конструкция — это модель ее интранзитивного предложения.

Если соопоставить данное определение с известным положением И. И. Мещанинова, согласно которому «общим для всех языков с эргативным строем предложения остается противопоставление переходного действия непереводному, выражаемое разными грамматическими формами субъекта»¹⁵ (в виду имеется его отражение как падежными аффиксами имен, так и личными аффиксами глагола), то станет очевидным, насколько близко, даже по сравнению с многими исследователями последующего периода, он подошел к пониманию эргативной конструкции как некоторой глубинной синтаксической структуры. Ср., в частности, значительно менее удовлетворительное по указанной причине определение, предлагаемое Ч. Филлмором, по которому «эргативной системой» называется такая типология предложения, которая «приписывает один падеж (эргатив) субъекту транзитивного глагола и другой — субъекту интранзитивного и объекту транзитивного»¹⁶. Последнее фактически повторяет следующую известную дефиницию, данную еще в 1937 г. Н. С. Трубецким: «Под эргативной конструкцией (точнее: эргативной типологией предложения.— Г. К.) мы понимаем такой грамматический строй, при котором подлежащее переходного глагола имеет не ту же форму, что подлежащее непереводного глагола. Например, аварск. *vac векерула* ‘мальчик бегает’, *vac-as тIил босула* ‘мальчик палку берет’»¹⁷. Апелляция в обоих случаях к поверхностным морфологическим признакам не вызывает никакого сомнения. По существу в этом же плане выдержано

¹⁵ И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов, стр. 89.

¹⁶ Ch. J. Fillmore. The Case for Case, стр. 14; ср. также: K. H. Schmidt. Beiträge zur einer typologisch-vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. «Münchener Studien zur Sprachwissenschaft», 1967, N. 22, стр. 81; ср. еще менее удачную формулировку в кн.: Ch. F. Hockett. A Course in Modern Linguistics. N. Y., 1958, стр. 235.

¹⁷ Н. С. Трубецкой. Мысли об индоевропейской проблеме.— ВЯ, 1958, № 1, стр. 73.

и определение эргативной конструкции, предлагавшееся позднее Г. Деетерсом¹⁸.

Представляется, что только дефиниции, подобные сформулированным выше, из которых, между прочим, отчетливо видна субъектно-объектная семантическая детерминанта эргативного строя (и, следовательно, ориентация его структуры на передачу субъектно-объектных отношений), оказываются в соответствии с описанными в предшествовавшем изложении его различными поверхностными реализациями в конкретных языках. Может показаться, что определение предложения эргативной типологии недостаточно адекватно ввиду того, что под него подводится и корреляция действительного и страдательного оборотов номинативной конструкции. Нельзя, однако, упускать из вида то обстоятельство, что в обоих последних различия в трактовке субъекта не выходят за рамки предложения, передающего переходное действие.

Если наличне других членов (косвенных дополнений, определений обстоятельств) в предложении эргативной конструкции только распространяет ее, то несколько более сложной оказывается квалификация построений, характеризующихся ограниченным составом компонентов. При этом необходимо различать два случая.

Несомненно, что высказывания с контекстуальным эллипсисом отдельных определяющих его структуру членов типа аварск. *Рашид-ица б-ачана* 'Рашид и пригнал (его)', в котором подразумевается прямое дополнение, относящееся к III семантическому классу, или бече *б-ачана* '(я//ты//он (а), мы//вы//оны) теленка пригнал (-а/-и)', где опущено подлежащее в форме эргативного падежа, следует рассматривать как эргативные (впрочем, нельзя не учитывать, что существуют языки, в которых опущение подлежащего в составе эргативной конструкции невозможно: так, например, в нутту при нормальном *ма махала ликъла* 'я статью писал' предложение *махала ликъла* оказывается недопустимым¹⁹).

Однако, если отсутствие этих членов не может быть объяснено явлением эллипсиса, соответствующее построение нельзя признать эргативным. Не видно, в частности, оснований рассматривать в качестве последнего груз. *bawšw-та icosa* 'ребенок ползal', *zar-та daic̄riala* 'звонок зазвенел' и аналогичные предложения, не предполагающие наличия прямого дополнения (не говоря уже о том, что сказуемое в обоих представлено интранзитивным глаголом).

В одном из своих вариантов формально аналогичная эргативной конструкция предложения, известная в целом ряде североамериканских (например, в сепировской «большой» семье на-дене) и в некоторых южноамериканских языках, не соответствует пред-

¹⁸ См.: G. Deeters. Die Stellung der Kharthwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen. «Bedi Karthlisa», № 23 (№ 5). Paris, 1957, стр. 13.

¹⁹ Ср.: Н. А. Дворяков. О главных членах предложения с эргативной конструкцией в пашто. «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 106.

ложенной дефиниции уже потому, что ее специфику задает не транзитивный глагол, а активный, т. е. передающий активное действие вообще (в частности, глагол движения и других форм активности, не предполагающей направленности действия на объект). Вместе с тем на глубинно-синтаксическом уровне языков активного строя выступают уже не субъект и объект действия, а активный и инактивный актанты. Поскольку данная конструкция, которую вслед за К. Уленбеком и Э. Сепиром²⁰ целесообразно квалифицировать как активную, не без основания рассматривается в работах некоторых исследователей в качестве непосредственного прообраза эргативной, в историко-типологическом плане ее можно было бы охарактеризовать как «неэргативную», если бы не известные случаи непосредственного преобразования активной конструкции предложения в номинативную. В связи со сказанным нет оснований усматривать эргативную конструкцию и в таких двучленных построениях языков эргативного строя, которые представляют собой реликты активной конструкции. Именно под этим углом зрения следует, по-видимому, смотреть на грузинские построения типа *deda-m ičira* ‘мать плакала’, *bawšw-ma ičoca* ‘ребенок ползal’ и т. п.

Здесь, однако, оставлен в стороне даже не ставившийся в предшествовавших исследованиях по теории эргативности вопрос о возможности трактовки в качестве эргативных или эргативообразных двучленных построений с транзитивным глаголом в форме новелительного наклонения (типа чанск. *хе щосиг!* ‘руку нокажи (мне)?’, *щја domigorit!* ‘молока разыщите (мне)?’). В большинстве случаев его решение наталкивается на осложнения как из-за нередкой несклоняемости возможного подлежащего соответствующего предложения, так и из-за обычной специфики в передаче субъектно-объектных отношений в составе его глагольного сказуемого, что делает обращение к критерию выражения глубинных субъекта и объекта недостаточно эффективным. При всем соблазне квалифицировать подобные построения в языках эргативного строя по крайней мере в качестве эргативообразных (см. ниже) нельзя не признать неподготовленность его решения в существующей традиции.

Представляется важным подчеркнуть, что реально свидетельствуемые в том или ином языке построения могут не полностью отвечать моделям эргативной или абсолютной конструкции. Между тем, если обратиться к истории разработки проблемы эргативности, то можно заметить немало иррэцедентов моделирования соответствующих построений, всецело ориентировавшегося на ограниченный набор постулированных общесинтаксической теорией структурных схем предложения. Так, например, в кавказо-

²⁰ Ср.: Ed. Sapir. Reç. na kn.: C. C. Uhlenbeck. Het passieve karakter van het verbum transitivum of van het verbum actionis in talen van Noord-Amerika.— IJAL, 1917, v. I, стр. 88; Ch. J. Fillmore. The Case for Case, стр. 54.

ведении недавнего прошлого вопрос, как правило, ставился в виде бинарной альтернативы, согласно которой рассматривающееся построение может быть либо эргативным, либо абсолютным («номинативным»). Должно быть, однако, очевидным, что подобная постановка вопроса упускает из вида зачастую более сложный характер языковой реальности по сравнению с набором принимаемых типовых схем предложения, обусловленный существованием в языках очень интересных для теории эргативности промежуточных ностроений, которые допускают ту или иную однозначную квалификацию только с существенными оговорками.

В этом контексте естественно коротко остановиться на понятии эргативообразной конструкции предложения, введенном в относительно недавнее время в специальной литературе (ср. термин «эргативообразная конструкция» у Т. Я. Елизаренковой и «эргативоидная конструкция» у З. Г. Абдуллаева) ²¹, под которое чаще всего подводится построения с каким-либо косвенным падежом подлежащего в функции эргатива или с формами глагольного склоняемого, не имеющего объектного «согласования».

Должно быть очевидным, однако, что если соотносить признаки эргативообразности конкретных конструкций с уровнем морфологии, то они далеко не всегда в состоянии затронуть синтаксическую специфику той или иной модели предложения. Тем не менее названный термин удобно использовать для характеристики целого ряда построений, моделирование которых вызывает некоторые трудности. Его целесообразно соотнести с такими, строго говоря, неэргативными построениями, которые по своему морфологическому оформлению внешне приближаются к эргативным. Во-первых, понятие эргативообразной конструкции может быть составлено построениям упомянутого выше бинарного типа с подлежащим в эргативном падеже при интранзитивном глаголе-склоняемом и, следовательно, не предполагающим наличия прямого дополнения. Во-вторых, оно должно быть соотнесено с некоторыми трехчленными построениями.

Так, в качестве эргативообразных следует рассматривать грузинские конструкции, представляющие собой видимые пережитки активной модели предложения (схемы *изнзулა* 'лошадь бегала (рысцой)', *деда-ш ішіга* 'мать плакала', *баш-ш ма ікоса* 'ребенок ползal'). Невозможно отождествить с эргативной конструкцией и встречающиеся в некоторых языках бинарные образования типа даргин. *Гъали-ни ғъан-дуциб* 'Али выдержал, вытерпел', *ну-ни қъас-барра* 'я решил' или ингуш. *къаңк-а са-доах*, 'мальчик дышит' (букв. 'души извлекает'), *къаңк-а қъаҳъег* 'мальчик трудится' (букв. 'труд испытывает'), в которых с подлежащим в форме эргатива сочетается также интранзитивный глагол.

²¹ См.: Т. Я. Елизаренкова. Эргативная конструкция в новоиндийских языках.— ЭКПЯРТ, стр. 117; ср. также: З. Г. Абдуллаев. Очерки по синтаксису даргинского языка. М., 1971, стр. 277—278, 282 (автор употребляет термин «эргативоидная конструкция»).

Такие построения, иногда квалифицируемые в конкретных дескриптивных исследованиях как «эргативная безобъектная конструкция», лишь в плане диахронии должны восходить к сочетанию транзитивного глагола (ср. даргин. *бүцес* ‘держать’, *барес* ‘делать’) с прямым дополнением (даргин. *гъан* ‘тернение’, *къас* ‘цель’, ‘решение’²²), отражая собой результат преобразования исторически двухместных предикатов в одноместные. Еще ощущаемый сложный состав сказуемого в этих примерах не позволяет смешивать их с пережитками активной конструкции предложения.

С другой стороны, к эргативообразным можно отнести и характерные для кавказских языков трехчленные конструкции с косвенным дополнением, послужившие объектом специального рассмотрения еще у Г. Шухардта²³. Имеются в виду также построения, как, например, груз. *gul-ma ცყალა կաս-s* ‘сердце изменило человеку’, *meჯаре-m բուրտ-s տօսքոց* ‘вратарь подоспел к мячу’ или чанск. *çicila-k կօչի-s լուշկոտի* ‘змея человека укусила’ (ср. аварск. *борохи-ца Əi-да څانچچان* ‘змея меня укусила’), *bozo-k տօցի-s դցօխում-s* ‘девушка голубя зовет’, *կօչի-k դiւըրε-s հեշի* ‘человек побил дэвов’, в которых при не обнаруживающей отношении эргативности словоформе глагола эти отношения неполностью передаются и именами (если подлежащее имеет форму эргатива, то дополнение маркируется одним из косвенных падежей). Есть основания думать, что до крайней мере часть таких конструкций сложилась в результате утраты исторически наличествовавшего в них прямого дополнения: ср. чанск. *կօչի-k դiւըրε-s իցի* ‘человек дэвов палкой побил’ (букв. ‘человек дэвам палку ударил’), чечен. *ваш-ас ڇجاليه-на گъаж یېتتا* ‘брать собаку палкой ударил’ и т. п.

Несколько более сложно квалифицировать существовавшие в древнеармянском языке построения типа *пога bereal ē (z)-na* ‘он привнес его’, *ēг пога hraman a'real* ‘он повеление получил’, которые, по мнению А. Мейе, не только внешне напоминают «пассивный характер транзитива в языках Кавказа», но и обязаны воздействию последних своим происхождением²⁴. Более поздние исследователи, не отождествлявшие их с эргативной конструкцией, видели их совершенно очевидный описательный характер (ср. использование в них причастия на *-eal* и связочного глагола

²² Ср.: С. Н. Абдуллаев. Функции эргативного падежа в даргинском языке. «Труды первой научной сессии 8–11 октября 1947 г.». Махачкала, 1948, стр. 333–343; С. М. Гасанова. Глагол в даргинском языке. Махачкала, 1961, стр. 21; И. А. Оздоев. Синтаксис ингушского литературного языка. Простое предложение. «Сборник статей и материалов по вопросам нахского языкоznания». Грозный, 1964, стр. 33.

²³ Ср.: Г. Шухардт. О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках. «Эргативная конструкция предложения», М., 1950, стр. 37–38.

²⁴ Ср.: A. Meillet. Recherches sur la syntaxe comparée de l'arménien. «Memoires de la Société de Linguistique», 1900, v. XI, fasc. 6, стр. 385; Он же. Esquisse d'une grammaire comparée de l'Arménien classique. Wien, 1903, стр. 68.

‘быть’)²⁵. Однако структурная прозрачность рассматриваемых построений еще не дает достаточных оснований для подобной негативной квалификации. Более существенным представляется то обстоятельство, что они, по-видимому, не вполне отвечают сформулированному выше определению эргативной конструкции. Дело в том, что хотя в типологии древнеармянского предложения субъект переходного действия трактуется иначе, чем субъект непереходного (ср. оппозицию родительного падежа подлежащего в первом случае и его именительного падежа — во втором), объект переходного действия трактуется не совсем так, как субъект непереходного: если первый выступает в аккузативе, то второй имеет форму номинатива. Поэтому представляется более оправданным рассматривать это построение в качестве эргативообразного.

Как эргативообразную можно трактовать и анализированную А. Дицом и позднее И. И. Мещаниновым удинскую конструкцию *զօզա-п arabin-ах տաշերի* ‘старик арбу заложил’. При отсутствии различий в морфологической структуре удинского транзитивного и интранзитивного глагола (и тот и другой опираются на принцип субъектного спряжения) здесь налицо показатель определенности прямого дополнения -(ա)х//-(է)х, нередко квалифицируемый в специальной литературе в качестве флексии аккузатива²⁶ (построения такого типа особенно характерны для илдоиранских языков). Последнее окончание во всяком случае при словонорядке *զօզա-п տաշերի arabin-ах* выступает в функции показателя именительного падежа. Таким образом, в этом построении эргативность отражается исключительно в оформлении подлежащего совмещающим эргативом на -п. Однако признание факта маркировки прямого дополнения в удинском аккузативом, по-видимому, позволяет в какой-то мере рассматривать и флексию -п подлежащего в качестве одного из алломорфов уже именительного падежа.

Вообще не приходится говорить об эргативной конструкции предложения в одном из картвельских языков — мегрельском, поскольку здесь ни глагольная, ни именная морфология не передают отношений эргативности. Как известно, в глагольной морфологии мегрельского отсутствует противопоставление эргативного и абсолютного рядов личных аффиксов: помимо общего для всех картвельских языков их смешения в формах различных времен (абсолютные показатели форм презентных и аористных времен играют роль эргативных в формах результативных) следует от-

²⁵ См.: G. Deeters. Armenisch und Südkaufatisch (Ein Beitrag zur Frage der Sprachmischung). «Caucasica», 1927, fasc. 4, стр. 77; E. Benveniste. La construction passive du parfait transitif. — BSLP, 1952, t. 48, fasc. 1, стр. 56—60.

²⁶ Ср.: А. М. Диц. Грамматика удинского языка. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. XXXIII, отд. IV. Тифлис, 1904, стр. 17; G. Deeters. Armenisch und Südkaufatisch, стр. 31; L. Hjelmslev. La catégories des cas. Étude de grammaire générale. «Acta Jutlandica» (Aarskrift for Aarhus Universitet. IX₂). 2-я часть, Копенгаген, 1937, стр. 64.

метить их отсутствие для 3-го лица, а также совпадение обоих рядов в общих алломорфах 1-го лица b-, р- и р-. Нет здесь и противопоставления аналогичных им по своей функции падежных аффиксов. Принимавшееся иногда за таковое различие именных форм на -k и -i не выходит за рамки алломорфического варьирования функционально единого падежного окончания. Так, если со-поставить построение զյаби-k bališ-i do-č-i 'девушка подушку сшила' с զյаби-k do-surd-i 'девушка устала' и զյаби-k ke-e-'огор-и boši-s 'девушка полюбилась парню', то нетрудно увидеть, что морфологическая структура мегрельского транзитивного глагола совпадает с таковой интранзитивного и что единый надеж подлежащего при глаголе-сказуемом (в частности, выступающем в форме страдательного залога), который функционирует при аористных формах глагола, является уже подлинным именительным надежом языка иоминативного строя²⁷. Не приходится говорить здесь об эргативности построений и со сказуемым, выраженным формой серии неочевидных времен транзитивного глагола: ср., например, мегр. ti-s di-čag-i cigni 'он, оказывается, написал книгу' при мегр. ti-s ku-či-člum-i 'он, оказывается, пришел', обнаруживающие отсутствие различия как между морфологической структурой транзитивного и интранзитивного глагола, так и в оформлении подлежащего. Со сказанным согласуется и то обстоятельство, что к настоящему времени в мегрельском языке уже почти не сохранилось импликаций эргативного строя и за пределами синтаксиса.

Предложение эргативной типологии, передающее непереходное действие, образует абсолютную конструкцию. Подобно эргативной она также представлена тремя морфологическими разновидностями — «глагольной», «смешанной» и «именной» (с их аналогичным распределением по языкам), отображаемыми следующей схемой:

1. N—(N)—V_{abs}
2. N_{abs}—(N_{obj})—V_{abs}
3. N_{abs}—(N_{obj})—V

Ввиду того, что абсолютная конструкция предложения в некоторых работах до сих пор нечетко ограничивается от его иоминативной модели языков иоминативного строя, вследствие чего из поля зрения выпадает глубокое структурное единство типов предложения, известных в представителях эргативного, целесообразно коротко остановиться на основных линиях разграничения обоих.

Их существенные различия очевидны как в собственно синтаксическом плане, так и в плане обслуживающего синтаксис морфологического инвентаря. Прежде всего они обнаруживаются в схеме синтаксической взаимосвязи компонентов предложения: в або-

²⁷ См. подробнее: Г. А. Климо. К эргативной конструкции предложения в занском языке. — ЭКПЯРТ, стр. 149—155.

лютной, как и в эргативной, глагольное сказуемое доминирует над всеми именными компонентами, в то время как в номинативной направление зависимости идет, как принять считать, от подлежащего к сказуемому и, далее, от сказуемого к прямому дополнению (см. подробнее стр. 85—89 настоящей работы). С другой стороны, если в составе первой конструкции принципиально невозможно наличие ни транзитивного глагола-сказуемого, ни прямого дополнения, то оба последних вполне совместимы со структурой второй модели предложения. Обе конструкции, как правило, отличаются друг от друга также в отношении словонорядка. Так, если для абсолютной характерен линейный порядок членов $S - O' - V$ (O' обозначает здесь косвенное дополнение), то для номинативной характерен порядок $S - V (- O - O')$. Различия обеих отчетливо выступают и в особенностях морфологического оформления их компонентов. В частности, место абсолютного падежа первой во второй занимает именительный, что уже само по себе представлялось И. И. Мещанинову достаточным для их взаимного ограничения: «Если абсолютный надеж эргативной конструкции (т. е. эргативной типологии предложения.—Г. К.) не соответствует именительному падежу номинативной, то и выступление его подлежащим в непереходном предложении образует эргативную конструкцию, а не номинативную»²⁸. В то же время позицию абсолютного падежа прямого дополнения первой в составе второй занимает винительный. Наконец, по-разному выглядит в обоих случаях и морфологическая структура глагольного сказуемого (в этом отношении общим для них является преимущественно субъектный принцип спряжения глагола).

Кажется вполне естественным, что несколько более ощутимые точки соприкосновения в структуре абсолютной и номинативной конструкций предложения отмечаются лишь в языках, которые характеризуются общей промежуточностью функционирующей в них типологии предложения.

Эргативная и абсолютная конструкции предложения — две необходимые модели предложения, противопоставлением которых и определяется сущность его эргативной структуры. Вместе с тем в целом ряде языков эргативного строя функционируют и некоторые другие модели, так или иначе включающиеся в типологически единую с ними схему. Среди них в первую очередь следует назвать аффективную (иногда менее удачно характеризуемую в качестве «дативной или «инверсивной») и посессивную конструкции предложения²⁹.

²⁸ И. И. Мещанинов. Основные грамматические формы эргативного строя предложения — ЭКПЯРТ, стр. 8, Ср.: Он же. Эргативная конструкция в языках различных типов, стр. 47—61.

²⁹ Общая литература по этим конструкциям очень бедна. См.: J. Vendryes. Sur les verbes qui expriment l'idée de «voir». «Comptes rendus de l'Académie des Inscriptions et des Belles-Lettres», 1932, стр. 192—206; С. Л. Быховская. Объективный строй *verba sentiendi* (предварительный очерк).

Аффективную конструкцию можно определить как модель аффективного предложения эргативной типологии: семантическая характеристика аффективных глаголов — *verba sentiendi* и *verba affectuum* (не исключено, что в некоторых языках обе категории разграничены и в структурном плане, поскольку они обусловливают здесь несколько различное настроение предложения). Посессивная конструкция — это модель посессивного предложения эргативной типологии: семантическая характеристика посессивных глаголов — *verba habendi* (тем самым используемое здесь понятие посессивной конструкции предложения совершенно отлично от встречающегося в работах некоторых авторов значительно более широкого понятия посессивного строя предложения, сопоставимого по своему объекту с понятием его эргативной структуры). Примером первой из них может служить аварск. *вацас-е вас в-окула* 'брат сына любит', примером второй — аварск. *вацас-ул лъимер б-уго* 'брат ребенка имеет'. Хорошо известно, что оба соответствующих лексических класса глаголов передко специфически себя ведут и в представителях номинативного строя: ср. структурные аналоги обеих моделей в русск. *мне хочется молока* и финск. *hänellä ei ole aika* 'у него нет времени'³⁰.

Обе названные конструкции, несомненно, имеют свои особенности и в чисто синтаксическом плане, например в составе членов предложения и в аспекте своего морфологического оформления (в частности, в надеже подлежащего). Обосновывая правомерность выделения в языках эргативного строя особой аффективной модели предложения, И. И. Мещанинов справедливо подчеркивал, что «постановка последнего в ряд с посессивным и эргативным проводится, конечно, по формальным признакам, а вовсе не по одной только семантике используемого глагола. Если они не отразились в построении предложения и в оформлении его ведущих членов, то выделение аффективного строя отпадает. В русском предложении «я люблю» выступает семантика чувственного восприятия, но нет аффективного строя предложения»³¹. Вместе с тем общий структурный наралиелизм эргативной, аффективной и посессивной конструкций заходит достаточно далеко. Он проявляется и в «управлении» со стороны глагольного сказуемого подлежащим и дополнением, и в синтаксически полном подчине-

«Язык и мышление», 1936, т. VI—VII, стр. 19—42; И. И. Мещанинов. Общее языкознание. Л., 1940, стр. 176—198; Е. Венвенисте. «*Être*» et «*avoir*» dans leurs fonctions linguistiques.— В кн.: Е. Венвенисте. *Problèmes de linguistique générale*. Paris, 1966, стр. 187—207.

³⁰ Ср., например: А. А. Юлдашев. Глаголы чувственного восприятия (*verba sentiendi*) в тюркских языках.— В кн.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961.

³¹ И. И. Мещанинов. Проблема стадиальности в развитии языка. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1947, т. VI, № 3, стр. 174—175; ср. также: А. Г. Шанидзе. Грамматический субъект при некоторых непереходных глаголах в грузинском. «Труды кафедры древнегрузинского языка ТГУ», 7, 1961, стр. 214—215 (на груз. яз.).

смотрении каждой из них отдельно как независимых друг от друга получается наличие двух разных языковых систем в структуре одного языка, что не подтверждается анализом самого материала, свидетельствующего о единстве синтаксической системы эргативных языков»³⁴. В посмертно опубликованном его специальном исследовании читаем следующее: «Я отступил от такого нонимания структуры речи (имеется в виду представление типологии предложения как некоторой совокупности по существу изолированных и никак не соотносящихся друг с другом его моделей.— Г. К.) и перенес наименование «эргативность» с падежа подлежащего па всю синтаксическую конструкцию... В приведенных примерах из аварского языка все нять различных типов построения предложений соответствуют одной и той же общей для них схеме, что и послужило основанием к расширенному нониманию данной синтаксической конструкции. Отнесение к ней только предложений с эргативным подлежащим, как это делает А. Дирр, оказывается слишком узким»³⁵. В том же контексте И. И. Мещанинов писал: «Союзование трех отмеченных А. Дирром конструкций (эргативной, абсолютной и аффективной.— Г. К.) дает мне основание полагать, что в картвельских языках все они представляют собою единую схему»³⁶.

В последующий период также представление получило поддержку и целого ряда других авторов. Так, в частности, И. М. Дьяконов утверждает, что «в эргативных языках древнего Востока не существует двух параллельных глагольных систем — именитивной конструкции для ненеходных глаголов и эргативной — для переходных, а что обе конструкции являются неразрывной частью эргативной глагольной системы в целом»³⁷. Именно с целостной типологией предложения языков эргативного строя соотносится употребляемый в работах Ч. Филлмора термин «эргативная система» (*ergative system*)³⁸. В таком же расширительном смысле использует последний и Дж. Лайонз, применяющий для обозначения соответствующей конкретной модели предложения термин «эргативная конструкция» (*ergative construction*)³⁹.

Думается, что из сказанного выше необходимость строгого различия эргативной типологии предложения в целом, с одной стороны, и эргативной конструкции предложения как одной из

³⁴ И. И. Мещанинов. Эргативный строй предложения. «Проблемы сравнительной филологии. (Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского)». Л.— М., 1964, стр. 19.

³⁵ И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов, стр. 47—48, 49.

³⁶ Там же, стр. 48.

³⁷ И. М. Дьяконов. Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения (на материале языков Древнего Востока).— ЭКПЯРТ, стр. 96—97.

³⁸ Ср.: Ch. J. Fillmore. The Case for Case, стр. 14.

³⁹ Ср.: J. Lyons. Introduction to Theoretical Linguistics. Cambridge, 1971, стр. 356—357.

ния дополнения сказуемому при относительной автономности подлежащего. Принадлежность обоих единой типологии предложения языков эргативного строя дает себя знать и в рассмотренной несколько выше тройкой морфологической реализации соответствующих отношений, характерной и для эргативной конструкции: она находит свое выражение либо только в глагольном сказуемом, либо как в последнем, так и в подлежащем и дополнении, либо — только в обоих именных компонентах. Их глагольный тип имеет место преимущественно в эргативных языках, не знающих именного склонения (так, в алгонкинском языке оджибва морфологическая структура аффективного глагола отличается от строения транзитивного и интранзитивного аранжировкой субъектно-объектных аффиксов³², в некоторых напуасских языках аффективный глагол характеризуется использованием особой серии субъектных префиксов). Также имеющий широкое распространение «смешанный» морфологический тип аффективной конструкции предложения встречается, например, в подавляющем большинстве кавказских языков и в некоторых из древних близневосточных. Наконец, ее «именной» тип налицо в языках с ограниченным развитием глагольной морфологии (в частности, в лезгинском и агульском языках аффективная модель находит свое выражение в оформлении подлежащего дательным падежом, а дополнения — абсолютным).

В целом наибольшую морфологическую близость к эргативной конструкции обнаруживает аффективная. Объективным следствием этого следует считать нередкую контаминацию последней с эргативной. Уже субъективным свидетельством формального сходства обеих является тот факт, что функционирующая в грузинском и сванском языках при транзитивных глаголах в формах результативных времен эргативная конструкция предложения (ср. груз. скен-*s* *balax-i tmočamia* 'конь, оказывается, ноел травы') в течение длительного периода на основании формы дательного падежа ее подлежащего трактовалась в картвелистике как «дативная», т. е. аффективная (свою адекватную квалификацию эта конструкция впервые получила, но-видимому, лишь в 1963 г.³³).

Учитывая сказанное, соотнесение в поздних работах И. И. Мещанинова всех бегло охарактеризованных здесь конкретных моделей с единой эргативной структурой предложения следует расценивать как важный шаг в истории разработки всей проблематики эргативности. Так, еще в 1964 г. им отмечалось, что при постулатации для одного и того же языка «упомянутых синтаксических конструкций (номинативной и эргативной.— Г. К.) и при рас-

³² T. M i l e w s k i. Analyse typologique de la langue Ojibwa.— В кн.: «Études typologiques sur les langues indigènes de l'Amérique». Kraków, 1967, стр. 124—125.

³³ См.: И. И. Мещанинов. Структура предложения. М.—Л., 1963, стр. 76; ср.: О и ж е. Эргативная конструкция в языках различных типов, стр. 55, 59.

наиболее характерных реализаций первой, с другой, становится очевидной. Таким образом, важнейшую особенность языков эргативного строя составляет то обстоятельство, что выбор структурной модели предложения определяется в них спецификой организующего его глагольного сказуемого. В этих языках различаются три основных лексических класса глаголов — транзитивные, иптрацитивные и аффективные ⁴⁰, к которым в целом ряде случаев присоединяются и посессивные. Этим глагольным классам в плане синтаксических конструкций соответствуют три основные модели предложения: эргативная, абсолютная (так называемая «номинативная конструкция» большинства дескриптивных грамматик) и аффективная («дативная» или «инверсивная конструкция» дескриптивных грамматик). По способу и направлению синтаксической связи своих компонентов, которую можно определить как «управление» подлежащим и падичным дополнением со стороны глагольного сказуемого, все названные параллельные конструкции очень четко противопоставляются именнинативной конструкции предложения языков номинативного строя. Единой для них является и «каноническая» схема размещения основных членов предложения.

Перечисленные факты делают, в свою очередь, более очевидной необходимость противопоставления эргативной и именнинативной типологий предложения как целостных синтаксических структур, характеризующихся особыми наборами конструкций предложения. Ниже будет показано, что специфическим набором моделей предложения характеризуется и его активная типология (см. стр. 218 настоящей работы).

Однако, как это отчасти уже можно было увидеть из предшествовавшего контекста (ср., в частности, использованные выше понятия эргативного и абсолютного падежей), специфические формы проявления эргативности в языке не ограничиваются сферой его синтаксического строя.

Третье понятие, учет которого оказывается необходимым в общей теории эргативности, — это понятие эргативного строя языковой структуры в целом. Будучи наиболее широким по сравнению с рассмотренными в предшествующем изложении понятиями эргативной конструкции и эргативной типологии предложения, оно подразумевает как оба первых, так и всю совокупность других коррелятивно связанных с ними языковых фактов, которые, таким образом, должны также рассматриваться как проявления эргативности. В отличие от концептов эргативной конструкции и эргативной типологии предложения, остающихся по своему содержанию синтаксическими, оно дает представление о системе языка в целом (за возможным исключением фонологии). Представ-

⁴⁰ Ср.: A. D i g g. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928, стр. 75—76; G. D u m é z i l. Textes populaires inguš.—BSLP, 1933, т. 34, fasc. 1, стр. 9—10; A. V a i l l a n t. L'ergatif indo-européen.—BSLP, 1936, т. 37, fasc. 2, стр. 93.

ляется нeliшним напомнить, что к подобному целостному представлению о языковом строе некоторые отечественные лингвисты вплотную подошли еще в 30—40-х годах. Ср., например, следующую схематическую характеристику эргативного строя, намеченную на основе анализа шумерского языка А. П. Рифтиним: «... Переходность и нене переходность оформлены уже и лексически... В предложении резко противопоставлены категории субъекта и объекта, не образующие единства. Это характерное отношение эргативного строя закреплено и в классификации вещей и явлений: в этом строе есть только два грамматических класса — класс субъектов и класс объектов... На этой ступени образуется родительный падеж с субъективным и объективным значением, начинает оформляться прилагательное-определение...»⁴¹ Следует считать поэтому, что во многих отношениях понятие эргативного строя оказывается наиболее важным.

Помимо уже названных синтаксических сюда относятся лексические и морфологические импликации эргативного строя. Среди первых прежде всего отметим принцип лексикализации глагольных слов, распределяющий их между двумя четко противопоставленными друг другу классами — классом транзитивных и классом интранзитивных глаголов. Определяющую роль подобного разбиения для грамматической структуры языка едва ли можно переоценить. Именно эта лексемная по своему непосредственному содержанию оппозиция определяет, в свою очередь, как синтаксическую специфику рассматриваемых языков (во-первых — различия организуемых обоими классами моделями предложения, во-вторых — некоторую специфику инвентаря членов предложения эргативной типологии), так и уже опосредованным образом, т. е. через синтаксис, особенности используемой морфологической и, возможно, фонологической системы (ср., в частности, тезис С. Д. Кацнельсона о том, что «... лексические единицы связаны с морфологией языка и с его фонетической системой. Это значит, что каждая лексема содержит в себе общие схемы ее морфологического и фонетического функционирования»⁴²). Среди морфологических импликаций эргативного строя следует назвать специфический состав его падежной парадигмы, предпола-

⁴¹ А. П. Рифтин. Основные принципы построения теории стадий в языке «1819—1944. Труды юбилейной научной сессии ЛГУ». (Секция филол. наук). Л., 1946, стр. 28—29.

⁴² С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. М., 1971, стр. 118. — Адекватный подход к соотношению лексического и синтаксического уровней можно косвенным образом усмотреть в следующей цитате из последней работы: «Идея семантической интерпретации, ставящая семантическую структуру предложения в зависимость от ее формальной структуры, представляется необоснованной. Скорее, наоборот, формальная синтаксическая структура, как ее вскрывает грамматический анализ, является производной от семантической структуры предложения, своего рода синтаксической интерпретацией глубинной семантической структуры» (указ. соч., стр. 104—105).

гающий оппозицию эргативного и абсолютного падежей, а также особый набор личных глагольных аффиксов, характеризующийся противопоставлением их эргативного и абсолютного рядов. Менее ясным остается в настоящее время вопрос о возможных импликациях эргативности на фонологическом уровне. Представляется очевидным, однако, что здесь речь может идти только о чертах, опосредованно обусловливаемых синтаксической и морфологической спецификой рассматриваемых языков. Хотя ввиду полной неизученности этого вопроса в дальнейшем изложении он не получает никакого освещения, можно догадываться, что на роль подобных черт способны претендовать такие явления из области фонологической синтагматики, как ритмико-интонационное единство сказуемого и прямого дополнения и обусловливаемые им факты внешнего сандхи⁴³.

Таким образом, в языках эргативного строя возникает возможность увидеть широкую совокупность системно взаимосвязанных фактов. Вместе с тем в них в том или ином объеме обычно представлена и группа таких разноуровневых явлений, которые хотя и не находят мотивации в рамках эргативности, тем не менее характеризуются здесь весьма высокой степенью вероятности своего функционирования. Последняя группа фактов квалифицируется в настоящей работе в качестве фреквенталий эргативного строя⁴⁴. Особенности и того и другого комплексов явлений представляют для содержательной (контенсивной) типологии первостепенный интерес.

По-видимому, не составит особого труда показать, что некоторые целостные структуры аналогично образуют и два других исторически смежных с эргативным строя языка — номинативный и активный. Оба последних, очевидно, также представляют собой определенным образом организованные совокупности разноуровневых — лексических, синтаксических и морфологических — структурных коррелятов. (Таким образом, реально выполнимым оказывается требование Г. Хольца, настаивающего на учете всякой «теорией стадий» не только синтаксических, но и лексических, морфологических и других признаков⁴⁵). В отношении номинативного строя это положение уже в определенной степени обосновано, в особенности в сравнительно-типологических рабо-

⁴³ Мысль о зависимости некоторых фонологических явлений от отношений более высоких уровней, нашедшая особенно благоприятную почву в исследованиях по порождающей грамматике, высказывалась уже давно. Ср., например: N. Trubetzkoy. Das mordwinische phonologische System verglichen mit dem russischen. — В сб.: «Charisteria Guilelmo Mathesio quinquagenario a discipulis et circuli linguistici pragensis sodalibus oblata». Prague, 1932, стр. 21—24.

⁴⁴ Термин предложен Б. А. Серебренниковым в статье «О лингвистических универсалиях» (ВЯ, 1972, № 2, стр. 8).

⁴⁵ См.: H. H. Holz. Sprache und Welt. Probleme der Sprachphilosophie. Frankfurt a. Main, 1953, стр. 123.

таких советских исследователей, преимущественно характеризующихся многоаспектным подходом к определению языкового типа. Краткая характеристика активного строя содержится на стр. 216—226 настоящей работы⁴⁶. В частности, глубинная структура, лежащая в основе номинативной и активной типологий предложения, получает свою специфическую реализацию как в их поверхностно-синтаксических признаках, так и в морфологических характеристиках его глагольного и именных компонентов (так, например, оппозиция именительного и винительного падежей и активного и инактивного играют соответственно в парадигме склонения номинативных и активных языков такую же фундаментальную роль, какая в парадигме склонения эргативных языков отводится противопоставлению эргативного и абсолютного).

В дальнейшем изложении будет вместе с тем показано, что межуровневые иерархические зависимости хотя и характеризуются в языках различной типологии единой направленностью, в представителях эргативного строя выступают более отчетливым образом, чем в номинативных языках. Это, в частности, касается взаимоотношения здесь лексики и грамматики (как известно, в описаниях функционирования механизма номинативного строя речь идет преимущественно лишь о некоторых ограничениях, накладываемых лексическим материалом на те или иные грамматические построения). Большая прозрачность эргативного строя в этом плане иногда находит свое отражение в специальной литературе в формулировках, согласно которым в эргативных языках доминация так называемой «семантической функции» слова пад его грамматической формой является во всяком случае более очевидной⁴⁷. Такого рода нисходящие зависимости, существующие между лексикой, синтаксисом и морфологией, с еще большей определенностью заявляют о себе в представителях активного строя.

Если признать наличие ряда принципиальных структурных расхождений у представителей трех названных здесь языковых типов, будет понятной определенная методическая неполноценность дескриптивных грамматик языков одного строя (например, эргативного или активного), выдержаных в терминах описания другого (например, номинативного). В дальнейшем изложении будет к тому же показана и возможность сопоставить функционирование этих типов с определенной исторической перспективой в развитии языка. Поэтому такой цивилизующий языковую специфику подход постоянно таит в себе опасность нарушения принципа историзма в лингвистическом исследовании. Между тем яркие примеры подобных описаний известны не только из прошлого⁴⁸, но продолжают появляться и в настоящее время. Особен-

⁴⁶ Ср. также: Г. А. К л и м о в. К характеристике языков активного строя. — ВЯ, 1972, № 4.

⁴⁷ Ср.: Н. Н. Н о л з. Sprache und Welt. . . , стр. 115.

⁴⁸ Ср., например: R. de la G r a s s e g r i e. Cinq langues de la Colombie Britannique. Haida, Tshimshian, Kwagiutl, Nootka etc. «Bibliothèque Lin-

но популярными в работах эмпирического плана оказываются понятия глагольной транзитивности // интранзитивности, залога, именительного и отчасти винительного падежей, претендующие и в современном языкоznании на роль чуть ли не универсальных элементов лингвистического анализа.

В связи с принимаемым здесь разграничением нескольких основных для теории эргативности понятий становится возможной различная оценка степени эргативности конкретных языков. На его базе целесообразно различать языки с эргативной конструкцией, языки эргативной типологии предложения и, наконец, языки эргативного строя. Такое разграничение, в свою очередь, позволяет различать выдержанность или невыдержанность в языке эргативного строя. В очевидном несовпадении этих трех понятий нетрудно убедиться на конкретных примерах.

Эргативная или эргативообразная конструкция предложения в принципе может встречаться в языках, в целом характеризующихся номинативным строем и номинативной типологией предложения. Примерно такое положение имеет место в таких языках, как хантыйский или древнеармянский. Ограниченнaя сфера функционирования эргативной структуры предложения должна рассматриваться как непоследовательное проповедование эргативного строя и, в диахроническом плане, — как свидетельство переходности состояния соответствующих языков. В частности, благодаря явно периферийной позиции, занимаемой предложением эргативной типологии в подавляющем большинстве современных индо-иранских языков, знающих эргативность (она ограничена здесь построениями с глаголом-сказуемым в формах перфектных времен), в целом типология предложения здесь не может квалифицироваться в качестве эргативной (к тому же имеются основания полагать, что абсолютная конструкция, и в этих языках контрастирующая с эргативной, по некоторым своим характеристикам приближается к номинативной).

Несколько более сложное положение наблюдается в этом плане в некоторых китайско-тибетских языках. Ср., например, ситуацию в китайском языке, который по формулировке Н. В. Солицовой «является языком номинативного строя с элементами эргативного»⁴⁹. Если модель предложения с транзитивным глаголом-сказуемым, подлежащим со служебным словом *бэй* и прямым дополнением может здесь рассматриваться в качестве эргативной, то модель предложения с интранзитивным глаголом-сказуемым и подлежащим со служебным словом *ба* напоминает абсолютную. Таким образом, элементы эргативности дают себя знать в китайском языке именно на уровне типологии предложения. Интересно

guistique Américaine», t. XXIV. Paris, 1902 (где языки активного и эргативного строя описываются в терминах номинативного).

⁴⁹ Н. В. Солицова. Структура глагольного предложения в китайском языке. «Языки Китая и Юго-Восточной Азии. Проблемы синтаксиса». М., 1971, стр. 149.

отметить, что даже здесь ощутимо типологическое единство эргативной и абсолютной конструкций. Как подчеркивает Н. В. Солицева, «в эргативных предложениях второго типа (имеется в виду настроение со служебным словом *бэй* при подлежащем.—Г. К.) может наблюдаваться нарушение ряда соответствий, характерных для предложений номинативного строя. Например, в предложениях номинативного строя конструкция с *ба* противопоставлена конструкции с *бэй*, совместное их употребление исключено. Предложения же эргативного строя могут характеризоваться одновременным употреблением двух служебных слов. Происходит как бы наложение одной конструкции на другую. Служебное слово *ба* употребляется при объекте, выступающем в роли дополнения, а *бэй* — при субъекте, выступающем в роли подлежащего»⁵⁰.

Вместе с тем необходимо учитывать, что во всех остальных случаях сфера функционирования эргативной типологии предложения представлена по языкам двумя основными типами. В одном случае, характеризующем подавляющее большинство языков эргативного строя, она не зависит от времений серии глагола-сказуемого. Во втором случае она обнаруживает такую зависимость, будучи обусловленной глаголом-сказуемым лишь в формах серии прошедших недлительных времен (с этим типом соотносится термин У. Аллена *Aorist-Ergative Construction*).

Последний тип засвидетельствован в большинстве индоиранских языков, знающих эргативную конструкцию предложения. Представлен он и в генетически изолированном языке бурушаски. При действии здесь в принципе такого же ограничения отдельные транзитивные глаголы, как, например, *henas* 'анать' и реже *senas* 'говорить', *-atas* 'делать' и некоторые другие обусловливают эргативность модели предложения и при своих формах презентных времен⁵¹. На этом основании ни в индоиранских языках, ни в бурушаски невозможно констатировать наличие сколько-нибудь выдержанной эргативной типологии предложения. Тем не менее существование в последнем некоторых других как необходимых импликаций, так и фреквентатив эргативного строя делает здесь позиции эргативности в целом несколько более прочными.

Судное положение наблюдается и в двух картвельских языках — грузинском и сванском (этот факт входит в более широкий комплекс общих черт, разделяемых в отношении эргативности индоиранскими и картвельскими языками⁵²). Как уже неоднократно отмечалось в специальной литературе, здесь также можно

⁵⁰ Н. В. Солицева. Указ. соч., стр. 164. Ср. также специальную работу: H. F. e i. The Ergative Construction in Chinese. «Гэято кэнкю», 1957, № 32.

⁵¹ См.: D. L. R. Logi m e r. The Burushaski Language, v. I. Introduction and grammar with preface by G. Morganstierne. Oslo, 1935, стр. 64 и 67.

⁵² Ср.: G. D u m é z i l. Conférences de l'Institut de Linguistique, II. Paris, 1934, стр. 31 и след.; W. S. Allen. A study in the analysis of Hindi sentence structure. «Acta Linguistica», 1950, v. VI, fasc. 2—3, стр. 69—70; C. R e g a m e y. A propos de la «construction ergative» in Indo-Aryen moderne, стр. 364.

говорить лишь о типологии предложения переходного — от эргативной к номинативной — типа. В грузинском и сванском картипа существенно варьирует в зависимости от принадлежности формы глагольного сказуемого к определенной группе времен. Глагольные формы презентной серии времен всегда обусловливают номинативную конструкцию предложения:ср. груз. *kališwil-i brundeba* 'девушка возвращается', *kališwil-i sxen-s ačtewa* 'девушка кормит коня' (в грузинском языке засвидетельствованы лишь два синонимичных глагола *ici-s* и *icq-i-s* 'знает', 'ведает', диктующих построение эргативной конструкции несмотря на свою принадлежность презентной серии времен; впрочем, исторически обе эти формы — формы так называемого «пермансива»). В сванском языке глагольные формы результативной и аористной серии времен, как правило, в зависимости от транзитивности — интранзитивности глагола обусловливают эргативную или абсолютную конструкцию предложения: ср. *Albeg-s γwaša či xatxena* 'Албег, оказывается, добыл тура', *xoχwra-md pasüx laxtix* 'младший ответил', букв. 'младший ответ вернулся' при *anqädxlašgär* 'пришло войско' (такие построения с подлежащим в эргативе при интранзитивном глаголе-сказуемом как *žarašduqwa-d ka lajsinžwe* 'Джарашдуква выглянул наружу', хотя и не находят удовлетворительного объяснения, пока еще не рассматривались в своей совокупности, вследствие чего не позволяют делать каких-либо обобщений). Однако квалифицировать модели предложения, функционирующие с этими глагольными формами сказуемого в грузинском языке, значительно сложнее. Дело в том, что здесь множество интранзитивных, но «активных» по своей семантике глаголов также обусловливает конструкцию с подлежащим в форме эргативного падежа (ср. *tama-m daizina* 'отец заснул', *gul-ma uyalata* 'сердце изменило ему'). Так как большинство картвельских языков вообще характеризуется совмещением целого ряда структурных импликаций эргативного (или активного?) и номинативного строя, их типология в целом может быть признана промежуточной.

По-видимому, несколько более ясная ситуация имеет место в кетском языке, на первый взгляд также обнаруживающем невыдержаный эргативный строй. Б. А. Успенский отмечает в этой связи, что «о типологической аналогии между кетским языком и языками эргативного строя можно говорить постольку, поскольку показатели субъекта непереходных глаголов совпадают с показателями объекта переходных. Тогда (в общем приближении) в кетском различаются две группы личных показателей глагола: *d* — показатель субъекта переходных глаголов, *b* — показатель объекта переходных // субъекта непереходных глаголов... Эта общая картина осложняется тем обстоятельством, что некоторая (относительно как будто небольшая) часть непереходных глаголов оформляется личными показателями группы *d*. Возможно, впро-

чем, что такие глаголы можно рассматривать как потенциально переходные. С другой стороны, некоторая часть неперходных глаголов вообще не оформляется личными показателями. Их можно соотнести с той частью переходных глаголов, у которых показатели объекта не выражены»⁵³. Судя по некоторым другим характерным чертам этого языка (специфика именной классификации, разграничение в глагольной парадигматике форм действия и форм состояния и т. д.), имеются основания считать, что он иллюстрирует своим состоянием некоторую промежуточную ступень непосредственно между активным и пассивным строем (консультацией по типологии енисейских языков автор обязан Г. К. Вернеру)⁵⁴.

В языках невыдержанного эргативного строя, в частности, типология предложений которых характеризуется как промежуточная между эргативной и пассивной, некоторую специфику обнаруживает аффективная конструкция. Эта специфика заключается здесь в том, что последняя конструкция оказывается более стойкой при формах презентной серии глагольных времен, в то время как формы прошедших и будущих времен семантически аффективных глаголов нередко обусловливают уже построение эргативной или абсолютной модели предложения. Так, при отсутствии в иранских языках эргативной конструкции при формах глагольных времен презентной серии здесь нередко встречаются такие построения, как хусари *тил imägū* 'я хочу (= мне хочется)', семнан *ти lägän* 'то же', которые Б. В. Миллер рассматривал как пережиточное наследие былой эргативности⁵⁵. В картвельских языках аффективная конструкция аналогичным образом обнаруживает наибольшую устойчивость при презентных формах глагола-сказуемого.

Напротив, к языкам последовательно проведенной эргативной типологии предложения следует отнести языки, в которых контраст эргативной и абсолютной конструкций распространяется на построения с глаголом-сказуемым в формах всех временных серий. Если такая типология предложения сопровождается специфическими импликациями эргативности и на других уровнях языковой структуры, то язык следует охарактеризовать как представитель выдержанного эргативного строя. К этим языкам относится большинство северно- и центральноамериканских, эскимосско-алеутские, чукотско-камчатские, папуасские, австралийские, абхазско-адыгские (необходимо учитывать, что некоторые из названных языков обнаруживают точки соприкосновения с активным

⁵³ Е. А. Успенский. Замечания по типологии кетского языка. «Вопросы структуры языка». М., 1964, стр. 155—156; Он же. О системе кетского глагола. «Кетский сборник. Лингвистика». М., 1968, стр. 204—205, 210—211.

⁵⁴ Ср.: Е. А. Крайнович. Глагол кетского языка. Л., 1968, А. П. Дульzon. Кетский язык. Томск, 1968.

⁵⁵ Ср.: Б. В. Миллер. О полистадиальности иранских языков — Сб. «Академия наук академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935, стр. 310, 314.

строем). Ограниченнность представлений импликаций эргативности, напротив, указывает на непоследовательное проведение ее норм (таково, в частности, положение во многих индоиранских языках). В дальнейшем будет показано, что по большей или меньшей степени выдержанности эргативного строя его представители могут быть условно разделены между двумя ареалами — «восточным» и «западным».

Следует, наконец, отметить трудности проведения в ряде случаев четких разграничительных линий между выдержаным и певыдержаным эргативным типом языка. Нелегко, например, определить в этом отношении структурный облик чапского языка. С одной стороны — это единственный картвельский язык, в котором принципы эргативности реализуются при всех временных словоформах транзитивного глагола. Однако, с другой стороны, лексемная оппозиция транзитивных и интранзитивных глаголов, равно как и обусловленное ею функционирование эргативной и абсолютной конструкций предложения на уровне синтаксиса и эргативного и абсолютного падежей на уровне морфологии, выдерживаются не во всех говорах языка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЭРГАТИВНОСТЬ В СИНХРОНИИ

Эргативный строй языка реализуется в широкой совокупности разноуровневых (лексических, синтаксических, морфологических и, по-видимому, фонологических) коррелятов, системное взаимодействие которых становится очевидным прежде всего в аспекте синхронии. Эту совокупность явлений целесообразно расчленить на импликации эргативного строя, с одной стороны, и его фреквенталий, с другой. Под первыми здесь понимаются явления, составляющие самую сущность эргативных языков, а под вторыми — явления, хотя и более или менее характерные для последних, однако не получающие в них структурной мотивации (и поэтому встречающиеся в представителях других языковых типов). Как показывают конкретные факты, доминирующую роль в структурном механизме эргативного строя принадлежит лексическим импликациям эргативности, которые и обуславливают специфику как синтаксических, так и морфологических систем рассматриваемых языков. В последующем изложении рассматриваются лексические и грамматические импликации и фреквенталии эргативности и оставлены в стороне ее предполагаемые, но фактически совершенно не изученные проекции на уровень фонологии. Названным здесь категориям посвящаются отдельные разделы данной главы. Тем не менее некоторые фреквенталии эргативности оказывается более удобным рассмотреть вместе с соответствующими импликациями (это относится почти исключительно к явлениям лексического уровня).

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ ЭРГАТИВНОСТИ

К числу лексических явлений, реализующих эргативный строй, в настоящее время можно отнести только принцип лексикализации глагольных слов по признаку переходности — непереходности передаваемого действия (омонимия в обозначении оппозиции глаголов, профилирующей для структуры представителей номинативного строя, не должна вводить в заблуждение, поскольку

известно, что за ней стоит несколько иное содержание). Этот принцип строго проводится во всех последовательно эргативных языках, и естественно, менее строго — в тех представителях эргативного строя, которые обнаруживают тесные связи с номинативным, или, наоборот, активным. Имеются все основания полагать, что транзитивность — интранзитивность является одной из тех коррелирующих категорий, в которых здесь выражаются принципы системной организации лексики¹. Значение названной корреляции для всего структурного облика языков эргативного строя едва ли можно переоценить.

В современных частных теориях эргативности не существует сомнений в том, что структурной доминантой любого эргативного построения следует считать входящую в него глагольную лексему. Именно распределение глагольных слов по классам транзитивных и интранзитивных определяет как синтаксическую специфику рассматриваемых языков, так и особенности обслуживающей их синтаксический строй морфологической системы.

Основные особенности морфологической структуры глагола в эргативных языках справедливо ставятся многими исследователями в зависимость от профилирующего здесь лексического разграничения транзитивных и интранзитивных глаголов (например, на материале чукотского языка это хорошо показано П. Я. Скориком²). В то же время синтаксические следствия такого разграничения, даже если они в общем и признаются, не формулируются сколько-нибудь четким образом. К существованию подобной зависимости апеллируют — чаще всего в имплицитной форме — авторы, постулирующие в составе членов предложения эргативной модели прямое дополнение в связи с наличием в нем глагола переходной семантики³. Тем не менее именно такое направление зависимости с очевидностью доказывает специфику встречающихся в целом ряде эргативных языков так называемых «лабильных» глаголов, не лексикализованных по указанному признаку (см. стр. 118 и след.) и поэтому допускающих построение как эргативной, так и абсолютной конструкции предложения.

Как известно, транзитивные глаголы организуют эргативную конструкцию предложения, интранзитивные — абсолютную. В языках с развитой глагольной морфологией и те и другие имеют свою специфическую парадигму снаряжения. Все сказанное означает, что в языках эргативного строя глагольные слова обоих

¹ Ср. в этой связи: Р. А. Б у д а г о в. Система языка в связи с разграничением его истории и современного состояния. — ВЯ, 1958, № 4, стр. 49.

² См.: П. Я. С к о р и к. О категории залога в чукотском языке. «Вопросы грамматики». (Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова). М.—Л., 1960, стр. 131 и след.

³ Ср., например: И. И. М е щ а н и н о в. Члены предложения и части речи. М.—Л., 1945, стр. 166; И. О. Г е ц а д з е. Инверсивные глаголы (*verba sentiendi*) в абхазском языке. «Лингвистические исследования». Л., 1970, стр. 328.

классов взаимно обособлены как в семантическом, так и в чисто формальном отношении.

В словообразовательном аспекте названный принцип лексикализации глаголов реализуется двумя основными способами: а) специальной деривационной аффиксацией (иногда такое противопоставление создается посредством исторических аспектных показателей, иногда — при помощи каузативирующих аффиксов) и б) использованием этимологически разных основ, хотя могут быть названы и более сложные случаи. В целом в эргативных языках наиболее значительную роль играет первый способ. Ср., например, два иллюстрирующих его соотносительных ряда аварских глагольных лексем:

Транзитивные		Интранзитивные	
<i>б-ецизе</i>	‘косить’	<i>в-ециразе</i>	‘заниматься косьбой’
<i>б-ессизе</i>	‘ткать’	<i>в-ессаризе</i>	‘заниматься тканьем’
<i>зинкIизе</i>	‘щипать’	<i>зинкIаризе</i>	‘щипаться’
<i>хъвазе</i>	‘писать’	<i>хъвадаризе</i>	‘заниматься письмом’
<i>Чаразе</i>	‘полоть’	<i>Чарадизе</i>	‘заниматься прополкой’
<i>хIанчIизе</i>	‘кусать’	<i>хIанчIезе</i>	‘кусаться’
<i>б-екъизе</i>	‘пахать’	<i>в-екъаризе</i>	‘заниматься пахотой’
<i>Чамизе</i>	‘жевать’	<i>Чандеэе</i>	‘жевать’
<i>дванкизе</i>	‘стукнуть’	<i>дванкеэе</i>	‘стучаться’
<i>гиризабизе</i>	‘катить’	<i>гиризе</i>	‘катиться’

Использование в этой роли этимологически разных основ здесь значительно более редкое явление, характеризующее по преимуществу случаи и существенного семантического отклонения соотносительных по рассматриваемому признаку лексем. Ср. аварские транзитивные глаголы *в-ачине* ‘вести’, *Чавазе* ‘убивать’ при интранзитивных *в-ачине* ‘идти’, *хвазе* ‘умирать’ и т. п.

Несколько отличный способ подобного противопоставления глагольных лексем наблюдается, например, в адыгских языках. Здесь при факте использования различных основ очевидным остается их этимологическое единство. Различающая эти лексемы историческая аффиксация реализует более общее для этих языков противопоставление иллативных («центростремительных») и элативных («центробежных») форм по аблautному чередованию ы ~ э. Ср. следующие адыгейские примеры:

Транзитивные		Интранзитивные	
<i>ды-н</i>	‘шить’	<i>дэ-н</i>	‘заниматься шитьем’
<i>бзы-н</i>	‘резать’	<i>бзэ-н</i>	‘заниматься резанием’
<i>кIуы-н</i>	‘проходить’	<i>кIуэ-н</i>	‘идти’
<i>чъы-н</i>	‘пробегать’	<i>чъэ-н</i>	‘бежать’
<i>хы-н</i>	‘косить’	<i>хэ-н</i>	‘заниматься косьбой’
<i>лэжыы-н</i>	‘обрабатывать’	<i>лажъэ-н</i>	‘работать’
<i>тIы-н</i>	‘копать’	<i>тIэ-н</i>	‘конать’, ‘копаться’

В ряде эргативных языков особые лексические группы образуют также аффективные и посессивные глаголы. Лучше исследованные первые из них сходными наборами единиц повторяются по таким языкам, как кавказские, некоторые древнепереднеазиатские, индоиранские, австралийские, полинезийские и многие северноамериканские. При этом обращает на себя внимание факт, что такому параллелизму нисколько не мешает то обстоятельство, что нередко даже в пределах генетически единых языковых группировки они бывают представлены этимологически различными лексемами (аналогичное положение, как известно, засвидетельствовано и на индоевропейском материале⁴).

Определение семантической специфики класса аффективных глаголов не представляет затруднений. Еще пионерами исследования кавказских языков, где этот класс представлен особенно широко, входящие в него глагольные лексемы были охарактеризованы как *verba sentiendi*, т. е. глаголы, передающие различные чувственные восприятия. Так, в частности, еще в 1856 г. А. Шифнер отметил функционирование в бацбийском языке особой группы глаголов, которые «выражают не действие, а скорее восприятие, чувство, желание, нужду, возможность, любовь», и сочетаются в отличие от других с подлежащим в дательном падеже⁵. Наиболее типичный инвентарь их значений охватывает семантемы: «видеть», «слышать», «знать», «помнить», «забывать», «нравиться», «любить», «хотеть», «нуждаться», «ненавидеть», «бояться», «завидовать», «жалеть», «смеяться», «думать», «казаться», «быть к лицу», «подходить» и т. д. (в рамках семантической концепции У. Чейфа с этой группой глагольных лексем сочетается имя не *agens'a*, а *experiens'а*⁶). Рассматриваемая группа лишь в очень редких случаях насчитывает по языкам в своем составе более 20 единиц, будучи чаще ограниченной всего лишь несколькими (впрочем, нельзя не учитывать того обстоятельства, что дескриптивные грамматики представителей эргативного строя почти никогда не содержат их исчерпывающего списка)⁷. Ее состав нередко варьирует от языка к языку даже в пределах единой языковой группы.

⁴ Ср.: М. М. Гухман. Конструкции с дательным-винительным падежом лица в индоевропейских языках. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1945, вып. 3—4, стр. 151.

⁵ A. Schiefner. Versuch über die Tusch-Sprache. St.-Petersburg, 1856, стр. 70.

⁶ См.: W. L. Chafe. Meaning and the Structure of Language. Chicago and London, 1970, стр. 144—147.

⁷ Ср.: А. Г. Шанидзе. Основы грузинской грамматики. Ч. 1. Морфология. Тбилиси, 1953, стр. 499—503 (на груз. яз.), Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка. М.—Л., 1940, стр. 63; А. А. Бокарев. Синтаксис аварского языка. М.—Л., 1949, стр. 36—38; Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М., 1953, стр. 161—162; М. М. Гаджиев. Синтаксис лезгинского языка. Ч. 1. Простое предложение. Махачкала, 1954, стр. 103—107, Б. Г.-К. Хамагомедов. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970, стр. 90—91.

В отдельных случаях вместо соответствующего единого класса как будто различаются собственно *verba sentiendi* ('видеть', 'слышать', 'хотеть', 'любить', 'ненавидеть' и т. п.) и *verba affectuum* ('плакать', 'смеяться', 'шуметь', 'упрекать' и т. п.), что дает себя знать в их управлении в некоторых языках разными падежами подлежащего⁸.

Особенность синтаксической потенции аффективных глаголов заключается в том, что они организуют специфическую — аффективную конструкцию предложения, иногда обусловливая наличие на уровне именной морфологии специального аффективного падежа (такая картина наблюдается в ряде нахско-дагестанских языков). Соответственно с этим аффективные глаголы в некоторых североамериканских языках эргативного строя имеют специфический личный аффикс субъекта аффективного действия (таково же положение в ряде папуасских языков).

Еще более замкнутую группу глагольных лексем в языках эргативного строя образуют так называемые *verba habendi*, т. е. глаголы, которые выражают посессивные отношения. Их выделение в особый лексический класс также основано на специфическом содержании передаваемого ими «действия», которое не может быть безоговорочно отнесено ни к переходному, ни к непереходному (в частности, Э. Бенвенист подчеркивает, что типичный глагол обладания 'иметь' не является транзитивным, поскольку он не выражает отношения переходности действия между субъектом и объектом, и квалифицирует его как *pseudo-transitif*⁹). В соответствии с таким качеством этих глаголов, по У. Чейфу, с ними сочетается не *agens*, а *beneficiary*¹⁰.

Посессивные глаголы представлены в эргативных языках по-разному. Как правило, место глагола 'иметь' представителей поминативного строя (ср. англ. *to have*, финск. *omistaa* и т. д.) здесь занимает глагол единой семантики 'быть', 'иметься'. Таково положение в баскском, нахско-дагестанских, некоторых индоиранских, бурунгских, папуасских, австралийских, чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских и в эргативных североамериканских. Например, согласно Л. И. Жиркову, «глаголы „быть“ и „иметь“ в баскском языке представляются, в сущности, одним лишь глаголом со значением „быть“ (да „он есть“). То, что считается в грамматиках глаголом „иметь“ (*du „он имеет его“*), — должно быть истолковано как форма, образованная в порядке внутренней флексии от глагола „быть“: *da „он есть“*, *du „он есть у него“* — откуда ио развитию значения: *du „он имеет его“*¹¹. Аналогичное

⁸ Ср.: Е. А. Бокарев. Выражение субъектно-объектных отношений в дагестанских языках. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1948, вып. 1, стр. 37, 41—42.

⁹ См.: E. Benveniste. «*Être* et «*avoir*» dans leurs fonctions linguistiques. — BSLP, 1960, v. 55, fasc. 1, стр. 121.

¹⁰ См.: W. L. Chafe. Meaning and the Structure of Language, стр. 147—150.

¹¹ Л. И. Жирков. Проблема языка басков. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1945, вып. 3—4, стр. 163; Ср. также: Г. Шухардт. Баскский язык и языко-

положение зафиксировано в этом отношении в бурунди, а также в австралийских языках¹². В алгонкинском языке оджибва «для выражения английского 'have' используется глагол (a)уа-'быть' с его дериватами...— (a)uaw (для одушевленного объекта) и (a)ua (для неодушевленного объекта)»¹³. В некоторых эргативных языках, в частности в ряде австралийских, для передачи отношений процессивности используются иные глаголы основной семантики 'стоять', 'сидеть', 'лежать'. В то же время функционирование специального глагола обладания, аналогичного глаголу 'иметь' 'to have' представителей номинативного строя составляет здесь редчайшие исключения. На роль последних претендуют, в частности, абхаз. *a-мазара*, адыгейск., кабард. *иIэн* 'иметь'. Необходимо отметить, однако, что исходя из «инверсивного» характера обусловливаемой ими конструкции предложения, Ж. Дюмезиль склонен приписывать им содержание 'быть у', принимая 'иметь' лишь за их переводное соответствие¹⁴. Несколько более отчетливым в отношении своего лексического качества представляется статус обоих основных *verba habendi*, засвидетельствованных в картвельских языках — ср. груз. *qola* 'иметь (о людях и животных)' и *kopa* 'иметь (о предметах)' — и образующих модель предложения, которая формально совпадает с аффективной. Из числа языков, знающих эргативную конструкцию, о специальном транзитивном глаголе 'иметь' можно говорить, по-видимому, лишь в ряде индоиранских.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ ЭРГАТИВНОСТИ

Переходя к рассмотрению синтаксического аспекта механизма эргативного строя, прежде всего целесообразно остановиться на характеристике представленного в нем инвентаря членов предложения. Необходимо сразу же отметить, что даже этот ключевой в ряде отношений вопрос до последнего времени не получает в специальной литературе однозначного решения. При этом чаще всего здесь ставится под сомнение адекватность понятия прямого дополнения. Вместе с тем отдельные авторы при описании структуры эргативного предложения не находят места и для таких концептов общесинтаксической теории, как подлежащее (в частности,

знание. — В кн.: Г. Шукардт. Избранные статьи по языкознанию. М., 1950, стр. 152.

¹² Ср.: N. M. Holmér. On the history and structure of the Australian Languages. «Australian Essays and Studies», III. Upsala—Copenhagen, 1963, стр. 76.

¹³ N. M. Holmér. The Ojibway on Walpole Island, Ontario (a linguistic study). «Upsala Canadian Studies», IV. Upsala—Copenhagen, 1953, стр. 51.

¹⁴ Ср.: Г. Ф. Турачинов. К теории черкесского эргатива. «Вопросы грамматики». (Сб. статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова). М.—Л., 1960, стр. 206 и след.; G. Dumézil. Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase, V. Etudes Abkhaz. Paris, 1967, стр. 26.

А. Мартине в целой серии своих статей по синтаксису баскского языка отрицает здесь его существование, полагая, что глагол-сказуемое определяется здесь совокупностью дополнений различного ранга¹⁵), и даже — сказуемое¹⁶.

На некоторые трудности использования в теории эргативности понятий членов предложения в том виде, как они сложились в традиционном синтаксисе, ориентировавшемся на изучение языков номинативного строя, неоднократно обращалось внимание. В этой связи Л. А. Пирейко отмечает следующее: «С традиционной точки зрения подлежащее не может быть выражено именем в косвенном падеже. Но тогда, следовательно, придется отождествить понятие грамматического подлежащего с логическим объектом действия эргативной конструкции как стоящим в прямом падеже, а логический субъект рассматривать как косвенное дополнение (в виду имеется распространенный в индоиранских языках «смешанный» морфологический тип этой конструкции.— Г. К.). Следовательно, синтаксические функции будут определены согласно схеме пассивного построения. Например, в курманджи *äwi äz dítym* будет означать не 'он меня увидел', а 'им увиден я'. Между тем эргативное построение активно по семантике... Следовательно, соблюдая полную верность традиционной терминологии, мы вынуждены фактически анализировать эргативную конструкцию как пассивную»¹⁷. С другой стороны, нередко подчеркивается характерный для «глагольного» и «смешанного» морфологических типов рассматриваемой модели предложения факт обозначения имени логического объекта в глаголе-сказуемом. Наконец, большое значение иногда придается в этой связи тождеству падежного оформления имени субъекта при интранзитивном глаголе и имени объекта при транзитивном.

Вследствие столь специфичного распределения между членами эргативного построения морфологических признаков, равно как и характерных для него особенностей синтаксических связей, в работах некоторых исследователей встречается обращение к другим понятиям членов предложения и, соответственно, к их отличной номенклатуре. Довольно распространенным, особенно в метаязыке европейских авторов, является концептуальный аппарат, применяемый, в частности, З. Голомбом, включающий понятия агенса (*Agens*) и пациенса (*Patiens*) для обозначения соответственно имен субъекта и объекта действия эргативной конструкции, которым в практике дескриптивных исследований американских и австралийских ученых отвечают категории *actor* и *goal* (что,

¹⁵ Ср.: А. Соммерфельт. О понятии подлежащего в грузинском языке. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 183—185; А. Мартине. *Le sujet comme fonction linguistique et l'analyse syntaxique du basque*.— BSLP, 1962, т. 57, fasc. 1.

¹⁶ См.: У. С. Зекох. Система склонения в адыгейском языке. Майкоп, 1969, стр. 105—116.

¹⁷ Л. А. Пирейко. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968, стр. 39.

впрочем, расходится с терминологией Э. Сепира, иногда говорившего о двух субъектах высказывания, но на практике придерживавшегося, исходя из коммуникативных оснований, традиционной дихотомии подлежащего и сказуемого и принимавшего понятие *прямого дополнения*¹⁸). В то же время имя субъекта действия в составе абсолютной конструкции языков эргативного строя квалифицируется З. Голомбом в качестве особого члена предложения — так называемого «субстрата» (*substrat*)¹⁹.

Однако предлагаемый в подобных работах инвентарь оказывается едва ли более адекватным по сравнению со сложившимся традиционно. Даже если согласиться с предпосылками, определяющими использование именно такого понятийного аппарата, должна быть вполне очевидна его недостаточность для описания многочисленных языков эргативного строя, знающих также аффективную, а иногда и посессивную конструкции предложения. В обоих последних его моделях определенную специфику имеет не только член предложения, за которым стоит субъект аффективного и посессивного «действия». На особые трудности при этом наталкивается трактовка члена предложения, передающего его объект.

На более серьезные сомнения в целесообразности подобного аппарата наводит его опора на такие целингвистические категории, которыми являются субъект и объект действия, *actor*, *patient* и т. п. В специальной литературе последних лет уже неоднократно обращалось внимание на то, что он нередко оказывается источником недоразумений. Так, например, Карл Титер отмечает неудобство постулировать *actor* в абсолютной конструкции предложения содержания 'он — большой', 'он падает', что практиковалось в свое время Л. Блумфилдом²⁰. По мнению У. Чейфа, неудобия и термин *patient*, используемый в некоторых работах по отношению к подлежащему при интранзитивном глаголе²¹. Некоторые из подобных понятий могут, очевидно, быть использованы при рассмотрении универсальных категорий, находящих то или иное отражение в языке. Однако на уровне анализа инвентаря членов предложения в конкретных языках они, как показывает практика, способствуют смещению синтаксического плана исследования с неязыковым.

Нетрудно понять поэтому исследователей, подчеркивающих принципиальную разноплановость понятий агента и пациента,

¹⁸ Ср.: Э. Сепир. Язык. Введение в изучение речи. М., 1934, стр. 64, 73.

¹⁹ См.: Z. G o l o b. *Subject as a linguistic category*. «General Linguistics», 1969, v. 9, № 1, стр. 1—12; ср. также: T. M i l e w s k i. *Analyse typologique de la langue Ojibwa*. — В кн.: T. M i l e w s k i. *Etudes typologiques sur les langues indigènes de l'Amérique*. Kraków, 1967, стр. 118 (термину З. Голомба «субстрат» здесь соответствует «детерминант»).

²⁰ См.: «Language», 1970, v. 46, № 2, pt 1, стр. 529.

²¹ См.: W. L. C h a f e. A semantically based sketch of Onondaga. «Supplement to IJAL», 1970, v. 36, № 2, стр. 10.

с одной стороны, и подлежащего и прямого дополнения, с другой. Так, в частности, Е. Курилович отмечает, что «нельзя смешивать *agens* с подлежащим, *patiens* с прямым дополнением. Подлежащее и прямое дополнение — это грамматические категории, *agens* и *patiens* — понятийные категории»²². В том же духе высказывается М. М. Гухман: «Что касается категорий *agens*'а и *patiens*'а, то каждая из *них* может оказаться в положении как подлежащего, так и дополнения»²³. Аналогичным образом разграчивает эти понятия и Х. Хендриксен, для которого термины *agent* и *patiens* — исключительно семантического порядка, в то время как «подлежащее» и «дополнение» — грамматические категории²⁴.

Поэтому больший интерес представляют отдельные попытки разработать для теории эргативности отличный от традиционного, но тем не менее собственно лингвистический набор соответствующих понятий. Как известно, в инвентаре членов предложения, использованном в свое время А. Вайаном, понятие подлежащего соотносилось исключительно с составом абсолютной конструкции предложения. Что же касается эргативной и аффективной конструкций, то в обеих последних он постулировал так называемое «исевдоподлежащее» (*pseudo-sujet*)²⁵. По-видимому, близка к этим представлениям и система, использованная в некоторых работах Р. Лафона, в которых концепт подлежащего соотносится лишь с предложением с непереходным глаголом-сказуемым, в то время как в составе эргативной конструкции предложения он усматривает агенс и пациенс²⁶. А. Мартине в своих статьях по баскскому синтаксису в соответствии с разделляемой им концепцией односоставности эргативной конструкции предложения склонен рассматривать оба ее именных компонента как дополнения, различая при этом «complément à l'ergatif» и «complément sans marque formelle»²⁷.

²² Е. Курлович. Эргативность и стадиальность в языке.— В кн.: Е. Курлович. Очерки по лингвистике М., 1962, стр. 122—123.

²³ М. М. Гу x м а н. Страдательный залог индоевропейских языков и проблема залоговой дифференциации. «Труды Военного ин-та иностранных языков», № 1. М., 1945, стр. 25.

²⁴ См.: H. H e n d r i k s e n. The Active and Passive. «Uppsala Universitets Aarsskrift», 1948, № 13, стр. 64—66; H. V o g t. Un aspect du problème actif-passif dans le verbe. «Journal de psychologie normale et pathologique». Janvier—Mars, 1950, стр. 131—132; A. M a r t i n e t. La construction ergative et les structures élémentaires de l'énoncé. — В кн.: A. M a r t i n e t. La linguistique synchronique. Études et recherches. Paris, 1968, стр. 209, 213. Ср.: Н. В. С о л н ц е в а, В. М. С о л н ц е в. Взаимодействие частей речи и членов предложения (на материале изолирующих языков). «Члены предложения в языках различных типов». Л., 1972, стр. 80.

²⁵ Cf. A. Vaillant, *L'ergatif indo-européen*.—BSLP, 1936, t. 37, fasc. 2, ctp. 93.

²⁸ Cf.: R. La f o n. L'expression de l'auteur de l'action en basque. — BSLP, 1960, v. 55, fasc. 1, ctp. 212; O n j e. Principes du rôle syntaxique du verbe en basque. — BSLP, 1967, v. 62, fasc. 1, ctp. 135, 139.

²⁷ Cf.: A. Martinet, *La construction ergative et les structures élémentaires de l'énoncé*, ctp. 213-214.

Наконец, особое положение занимают понятия именных членов предложения в языках эргативного строя, используемые И. М. Дьяконовым и, по-видимому, унаследованные им от А. П. Рифтина (последний постулировал такое языковое состояние, когда «конкретная ситуация выражается таким образом, что один «субъект» характеризуется как «идущий», активный, действующий, а другой «субъект» — как «сидящий», пассивный, подвергающийся действию»²⁸). Он усматривает здесь не подлежащее и прямое дополнение, а «субъект действия» и «субъект состояния», причем последний замещает и прямое дополнение в составе эргативной конструкции предложения. Несмотря на пелингвистическую номенклатуру обеих величин, они устанавливаются автором при опоре на морфологические критерии²⁹ (следует отметить, что встречающиеся в работах ряда других исследователей замечания о двух субъектах высказывания соотносятся с понятийным уровнем³⁰).

Возможны два пути преодоления рассмотренных трудностей. Во-первых, существует уже реализованная в перечисленных работах возможность отказаться от использования в теории эргативности понятий подлежащего, прямого дополнения и т. п., заменив их другими концептами с соответствующим видоизменением терминологии. Во-вторых, можно расширить унаследованный из традиционного синтаксиса объем обоих названных понятий, включив, например, в состав первого именной компонент и в форме косвенного или специального эргативного падежа.

Во многих исследованиях предпочтается второй путь, избранный, как известно, в трудах И. И. Мещанинова и пользующийся наибольшей популярностью в работах других отечественных исследователей проблемы эргативности (С. Д. Кацнельсона, С. Л. Быховской, Н. Ф. Яковлева, А. А. Бокарева, Е. А. Бокарева, Л. А. Пирейко и др.). Его очевидное преимущество состоит в том, что этот путь обеспечивает дальнейшую разработку традиционно сложившихся в синтаксисе представлений о членах предложения без какого-либо усложнения терминологии. Он представляется тем более удобным, что целый ряд языков характеризуется переходной типологией предложения от эргативной к иоминативной, вследствие чего реальный объем копкурирующих понятий, например подлежащего или агепса, прямого дополнения и пациепса был бы в них в определенной степени близаким. Следует к тому же учитывать, что вновь предлагаемая соответствующая терминология существенно варьирует у ряда авторов, а в части

²⁸ А. П. Рифтин. Основные принципы построения теории стадий в языке, «1819—1944. Труды юбилейной научной сессии ЛГУ». (Секция филол. наук). Л., 1946, стр. 24.

²⁹ См.: И. М. Дьяконов. Эргативная конструкция предложения и субъектно-объектные отношения (на материале языков Древнего Востока). — ЭКСПАРТ, стр. 111—112.

³⁰ Ср.: Э. Сенир. Язык. Введение в изучение речи, стр. 64, 73; И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция предложения в языках различных типов, стр. 206—208.

работ и вообще обуславливается отказом от собственно синтаксической квалификации рассматриваемых единиц (ср., в частности, сложившуюся по крайней мере еще со времен Г. Шухардта практику употребления терминов «реальный субъект» и «реальный объект»).

Однако помимо соображений удобства, по-видимому, имеются и достаточные структурные основания для подобного решения проблемы членов предложения в языках эргативного строя. Часть трудностей этого рода будет преодолима уже, если решительно отказаться от морфологизма в определении членов предложения, например от признания принципа инвариантной формы подлежащего. Х. Фогт подчеркивал в этой связи, что идентификация номинатива с падежом подлежащего «представляется накладываемой a priori, ввиду того, что в наших языках именительный падеж является по определению падежом подлежащего и все его функции сводятся к таковому. Однако никоим образом не очевидно, что это определение номинатива адекватно, когда переходят к неиндоевропейским языкам»³¹.

Необходимо учитывать, что член предложения представляет собой синтаксическую функцию класса слов в предложении, определяемую относительно функции другого класса слов, что дает основания для постуляции членов предложения и в языках изолирующего типа. (В. Брендаль еще в своей известной статье 1933 г. отмечал в этой связи, что независимо от специфики морфологии «в китайском языке или в баскском, как и во французском, различаются подлежащее и дополнение, сказуемое и определение»³²).

Прежде всего возникает задача разграничения главных и второстепенных членов предложения.

В языках эргативного строя с достаточной очевидностью выделимы два грамматически конструирующих предложение центра, иначе говоря, два его главных члена,— подлежащее и сказуемое. По определенным грамматическим критериям они отчетливо противопоставляются всему остальному составу членов предложения. Следует отметить, что определение обоих по грамматическим признакам оказывается в соответствии с их коммуникативной характеристикой, которая сама по себе оказывается для такого определения недостаточной (хотя бы уже в силу того, что коммуникативные критерии в принципе устанавливают группы подлежащего и сказуемого, а не сами последние).

Сказуемое во всех конструкциях предложения рассматриваемых языков может быть, очевидно, определено как главный член предложения, грамматически независимый от других членов и обычно представленный глаголом. В свою очередь подлежащее здесь можно охарактеризовать как главный член предложения,

³¹ H. Vogt. *Un aspect du problème actif-passif dans le verbe*, стр. 134.

³² V. Broendal. *L'autonomie de la syntax*. «Journal de psychologie normale et pathologique». XXX Année, 1933, № 1—4, стр. 216—220. Ср. также: И. И. Мещанинов. *Структура предложения*. М., 1963, стр. 82.

грамматически зависимый только от сказуемого, составляющий второй конструктивный центр предложения и обычно представленный именем существительным или местоимением.

Определение сказуемого в составе всех возможных моделей предложения эргативной типологии ввиду его очевидной организующей предложение роли никогда не вызывало расхождений во взглядах исследователей. Не связано с какими-либо трудностями и установление подлежащего в составе абсолютной конструкции предложения. Несколько сложнее оказалось решение проблемы подлежащего в его остальных моделях. Так, вопрос о том, какой из синтаксически связанных со сказуемым именных компонентов — имп. субъекта или объекта действия — следует рассматривать в качестве подлежащего эргативной конструкции предложения, служил в прошлом предметом дискуссии между представителями концепции пассивности и нейтральности эргативной конструкции. Впрочем, в настоящее время и последний вопрос получает более или менее единообразное решение.

Единственным релевантным критерием соотнесения одного из имен к любому предложению эргативной типологии с подлежащим следует признать его роль как второго (после сказуемого) конструктирующего предложение центра. Комплекс формально-грамматических признаков довольно определенно указывает на то, что в языках эргативного строя имеет место «тенденция превратить в подлежащее тот член предложения, который обозначает субъект действия, выраженного переходным глаголом, и который, по крайней мере в большинстве языков с эргативной конструкцией, представляет собой имя в одном из косвенных падежей»³³. Эти признаки: а) линейные отношения слов в предложении, б) интонационный контур предложения и в) морфологическое оформление слов.

Весьма показательна в рассматриваемом отношении соотносительная позиция подлежащего и сказуемого в предложении. Ведущая закономерность, отражающая максимальную синтаксическую автономность подлежащего по сравнению с другими именными членами предложения и, в частности, с прямым дополнением, состоит в языках эргативного строя в относительно свободной и максимально дистантной его позиции по отношению к сказуемому. По-видимому, существуют даже основания констатировать здесь правило, согласно которому подлежащее и сказуемое тяготеют к дистантному расположению в составе предложения: если первое из них тяготеет к маргинальной левой позиции, то второе — к маргинальной правой (более подробно см. ниже, стр. 92—95). Как следствие этой тенденции, оно передко оказывается отделенным от сказуемого длинной цепочкой второстепенных членов: ср. дарг. *нуни даг бугаси къялкъали дахъал мура*

³³ В. З. Панифилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, стр. 216.

дердира 'я вчера острой косой много сена скосил' (пример заимствован из книги: З. Г. Абдуллаева. Очерки по синтаксису даргинского языка. М., 1971, стр. 29). Вступая в более тесные синтаксические связи с относящимися к каждому из них второстепенными членами, т. е. образуя группу подлежащего и группу сказуемого, в которую входит, в частности, прямое дополнение, оба они, вместе с тем, формируют структурный каркас всего предложения — его предикативную синтагму. В то же время для прямого дополнения в составе эргативной конструкции и косвенного дополнения в составе аффективной и посессивной, напротив, характерна типичная для обоих прилагольная позиция, что является одним из проявлений их наибольшей синтаксической зависимости от сказуемого (и то и другое входят в состав группы сказуемого).

Другим показателем автономности подлежащего эргативной и иных конструкций предложения эргативной типологии, также не разделяемым прямым дополнением, является наличие характерной границы ритмико-интонационного контура, пролегающей между ним (// группой подлежащего) и сказуемым (// группой сказуемого).

Наконец, существенно различная степень синтаксической зависимости подлежащего и прямого дополнения от сказуемого находит свое отражение и в морфологическом оформлении каждого из них. При этом автономия подлежащего проявляется в том, что в отличие от почти постоянно немаркированного в плане выражения прямого дополнения оно имеет в эргативных языках с развитой именной морфологией самостоятельную марку³⁴.

В настоящее время лишь очень немногие исследователи трактуют именные члены предложения эргативной типологии противоположным образом. Подобной позиции придерживается, в частности, П. Я. Скорик, полагающий, что в эргативной и параллельных ей моделях чукотско-камчатских языков именной компонент в форме прямого («именительного») падежа является подлежащим, а имя в форме косвенного, в том числе — эргативного, представляет собой косвенное дополнение³⁵. Последняя интерпретация наталкивается на ряд серьезных препятствий. В таком случае придется, по-видимому, признать, что сказуемое в составе эргативной конструкции предложения передается интранзитивным глаголом, что логически равносильно отказу от рассмотрения всей конструкции как эргативной (признание транзитивности глагола-сказуемого автоматически приводят в этих условиях к концепции пассивности).

³⁴ См. также: С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 71.

³⁵ См.: П. Я. Скорик. Эргативная конструкция предложения в чукотско-камчатских языках. — ЭКПЯРТ, стр. 225 и след. Ср. также: М. М. Гумма и др. Позиции подлежащего в языках разных типов. «Члены предложения в языках различных типов» («Мещаниновские чтения»). Л., 1972.

Что же касается самого понятия прямого дополнения, то для характеристики инвентаря членов предложения языков эргативного строя оно представляется не только важным, но и необходимым. Существование в них оппозиции прямого и косвенного доопределений структурно мотивируется наличием здесь не только синтаксического, но и морфологического и прежде всего лексического противопоставления транзитивного и интранзитивного глагола. Нетрудно заметить, что разграничение прямого и косвенного дополнений менее актуально для представителей номинативного строя, где противопоставление транзитивного и интранзитивного глаголов, если оно вообще имеет место, происходит преимущественно на синтаксическом уровне (ср. обычные здесь дефиниции транзитивного глагола). В то же время в языках активного строя различение обоих видов дополнения вообще лишено основания, поскольку здесь не приходится говорить об оппозиции глаголов по признаку транзитивности ~ интранзитивности ни на одном уровне.

Кажется поэтому неслучайным факт, что понятие прямого дополнения пользуется популярностью в работах подавляющего большинства исследователей рассматриваемых языков, не разделяющих концепции пассивности эргативной конструкции предложения (ср., в частности, исследования И. И. Мещанинова, Г. В. Церетели, А. Г. Шанидзе, С. Л. Быховской, Н. Ф. Яковлевой, Л. И. Жиркова, Е. А. Бокарева, Ю. Д. Дешериева, Л. А. Пирейко, Е. Куриловича, Х. Фогта, И. Киоблоха, К. Регамэ, Ж. Дюмезиля и мн. др.).

По составу своих компонентов эргативная конструкция предложения принципиально отличается от абсолютной наличием прямого дополнения. Несколько сложнее дать адекватную характеристику дополнения, выступающего в составе аффективной и посессивной конструкций (например, аварск. *вацас-е лъимер б-окъула* 'брать ребенка любит' и *вацас-ул вас в-уго* 'брать сына имеет'). Специфический, не умещающийся в схему бинарного противопоставления по транзитивности ~ интранзитивности характер аффективных и посессивных глаголов заставляет квалифицировать в первом приближении это дополнение в качестве косвенного. Во всяком случае при таком понимании возникает возможность определить построения типа аварск. *ди-да чу б-ихъула* 'я лошадь вижу' именно как аффективную конструкцию, а не эргативную. В то же время как будто существуют некоторые основания для внутреннего размежевания разновидностей косвенных дополнений, выступающих в составе аффективного и посессивного построения.

Часто встречающееся по языкам отражение прямого дополнения в морфологической структуре глагольного сказуемого эргативного предложения (ср. абхаз. *и-с-фойтI* 'то-я-ем', шумерск. *i-b-ğag-e* 'то-кладет-он', бурушаски *a-şūčişt-a* 'меня-съешь-ты', пимшиап *dər-buʃ-p* 'мы-ударили-тебя', оджибва *nem-řit-uw-a* 'я несу-ему-его' и т. п.) иногда давало повод к пересмотру тра-

диционных представлений синтаксической теории об инвентаре членов предложения в языках эргативного строя. Подобная ревизия нашла свое воплощение в довольно распространенной в одно время в кавказском языкоznании и оказавшей здесь даже некоторое воздействие на учебно-методическую литературу концепции трехсоставности эргативного предложения (за пределами кавказоведения она встречается в работах отдельных индологов и иранистов).

Согласно этой концепции прямое дополнение рассматривается в качестве третьего главного члена предложения³⁶. На основании отражения в словоформе глагола-сказуемого некоторые грузинские грамматисты относят к числу главных членов даже одну разновидность косвенного дополнения — так называемое «дополнение-объект»; ср., например, груз. *тап то-ш-са igi თე* 'он дал то мне', где глагольный префикс *т-* является отражением косвенного дополнения *თე* 'мне'³⁷.

Должно быть очевидным, что исключительная ориентация на отражение формой глагола-сказуемого прямого и косвенного дополнений есть проявление морфологизма в решении собственно синтаксической проблематики и поэтому не может дать оснований для квалификации последних как главных членов предложения. О недостаточности названного критерия свидетельствует в первую очередь более высокое положение синтаксиса в структурной иерархии языка по отношению к морфологии, которое позволяет учитывать при решении собственно синтаксических проблем данные последней, но ни в коем случае не ставит его в зависимость от этих данных, которые сами по себе допускают различную интерпретацию или могут вообще отсутствовать (ср. «именной» морфологический тип эргативной конструкции предложения). Как известно, особенности морфологического облика синтаксических единиц не определяют собой сущности последних.

В определенной мере это обстоятельство, по-видимому, понимал уже такой пионер исследования эргативности, как П. К. Услар, писавший по этому поводу следующее: «Для примеров мы будем брать исключительно глаголы с изменяющимися буквами (в виду имеются аварские глаголы, знающие формы словоизменения по морфологической категории класса. — Г. К.) — изменяемость их, подобно движимости ртути в термометрах и барометрах, позволяет нам сделать весьма точные наблюдения относительно коренных свойств аварского глагола»³⁸. А. А. Бокарев, продол-

³⁶ Ср., например: Н. Ф. Яковлев. Краткая грамматика кабардино-чеческого языка. Вып. 1. Синтаксис и морфология. Ворошиловск, 1938, стр. 9—10; Он же. Синтаксис чечепского литературного языка. М.—Л., 1940, стр. 34.

³⁷ Ср.: Л. М. Квачадзе. Члены предложения в грузинском языке. Тбилиси, 1954, стр. 45—56.

³⁸ П. К. Услар. Аварский язык. «Этнография Кавказа. Языкоzнание», III. Тифлис, 1889, стр. 119.

жая это сравнение, отмечает: «Движимость ртути в термометрах и барометрах обнаруживает наглядным образом изменения в температуре и атмосферном давлении, а не создает эти изменения, которые существуют независимо от термометров и барометров, — подобно этому изменчивость классных показателей только обнаруживает действительно коренные свойства аварского переходного глагола — его обязательную и постоянную связь с объектом — которые налицо в глаголе независимо (разрядка вания. — Г. К.) от того, имеет ли данный глагол в составе своей основы классный показатель или нет»³⁹.

Можно привести и другой аргумент общего порядка, говорящий о недостаточности критерия морфологической структуры глагольного сказуемого для решения поставленной проблемы. Имеются в виду нередкие случаи несоответствия морфологической формы слова его реальной синтаксической позиции в предложении, обусловленные неравномерным изменением синтаксической и морфологической систем языка. Так, анализируя древнегрузинские глаголы типа *da-h-bada* 'он(а) родил(а) то', предполагающие наличие прямого дополнения в абсолютном надеже, однако включающие в свою форму префикс косвенного, так называемого «дательного» дополнения *h*, А. Г. Шанидзе отмечает, что в прошлом они «должны были иметь дополнение в дательном надеже, однако в дальнейшем с течением времени в ходе своей эволюции утратили дательное дополнение, т. е. изменили синтаксическую конструкцию, но морфологически не успели соотнести и приспособить к этой новой конструкции свои формы. Новый синтаксис при старой морфологии — такое грамматическое несоответствие характеризует глаголы этой группы»⁴⁰.

К каким несоответствующим языковой реальности решениям привело бы последовательное применение критерия морфологической структуры слова, показывают два следующих примера. Как известно, в целом ряде языков эргативного строя, например в нахско-дагестанских, подлежащее при транзитивном глаголе-сказуемом очень часто не отражается в форме последнего, вследствие чего, исходя из обсуждаемого критерия, его здесь пришлось бы, по-видимому, признать второстепенным членом предложения, с чем было бы трудно согласиться. В то же время опора на этот критерий при анализе соответствующих фактов абхазско-адыгских языков заставила бы постулировать здесь в общей сложности пять или даже шесть главных членов предложения (по числу слов, отражающихся в форме транзитивного глагола) — подлежащее, сказуемое и до четырех дополнений, т. е. по существу весь его основной корпус.

³⁹ А. А. Бокарев. Синтаксис аварского языка. Л., 1948, стр. 26.

⁴⁰ А. Г. Шанидзе. Субъектный префикс 2-го лица и объектный префикс 3-го лица в грузинских глаголах. — В кн.: А. Г. Шанидзе. Вопросы структуры и истории грузинского языка. Тбилиси, 1957, стр. 174 (на груз. яз.).

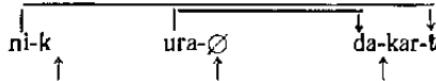
Ведущее синтаксическое положение главных членов предложения состоит в том, что им отводится роль грамматически конструирующих предложения центров, которая в силу имеющихся межуровневых иерархических отношений находит свое выражение как на собственно синтаксическом уровне, так и в обслуживающих его морфологических и фонологических явлениях (в частности, в морфологической структуре членов предложения и в характере ритмико-интонационной структуры последнего). Поэтому обычно существует возможность решения проблемы главных членов предложения па совокупных структурных основаниях, обеспечивающая определенную степень его надежности. При этом целесообразно подчеркнуть значение собственно синтаксических критериев. Уже в собственно синтаксическом плане различные виды дополнений трудно считать главными членами предложения, поскольку они не включаются в предикативную синтагму, т. е. не являются грамматически конструирующими его центрами, и вообще не являются необходимыми его элементами (прямое дополнение оказывается необходимым лишь в составе эргативной конструкции). Как сираведливо замечает Д. А. Мгеладзе, «считать дополнение необходимым, главным членом структуры предложения нельзя, так как оно совершенно не нужно в тех предложениях, где глагол одноличный. В таких предложениях подлежащее и сказуемое совершенно достаточны для создания структурно завершенного типа предложения. На самом деле, если рассмотреть любое нераспространенное предложение в грузинском языке, существование подлежащего и сказуемого без привлечения дополнения оказывается необходимым и достаточным условием для образования предложения»⁴¹.

В пользу концепции двусоставности предложения эргативной типологии говорит и характер синтаксического способа связи составляющих эргативную, аффективную и посессивную конструкции членов предложения. Этот способ определяется некоторыми авторами как координация, или взаимоуправление («характерной особенностью этой связи, в отличие от субординации, — пишет И. П. Распопов, — является не одностороннее, а взаимонаправленное подчинение соответствующих словоформ»⁴²). При этом признается, что глагол-сказуемое в названных конструкциях управляет падежами как подлежащего, так и дополнений, а в свою очередь дополнение и иногда — в языках с субъектно-объектным принципом спряжения глагола — подлежащее управляют личной и лично-классной формой глагола-сказуемого. Соответственно с этим глагол квалифицируют как «большую координату», а связанные с ним именные компоненты — как «малые координаты». Так, напри-

⁴¹ Д. А. Мгеладзе. Проблема синтаксической функции объекта в языках эргативного и номинативного строя. «Уч. зап. МГПИИ им. Мориса Тореза», 1970, т. 57, стр. 430.

⁴² И. П. Распопов. Строение простого предложения в современном русском языке. М., 1970, стр. 36.

мер, в баскской фразе *ni-k nra da-kar-t* 'я воду приношу' согласно такой точке зрения глагольное сказуемое обуславливает постановку подлежащего в эргативном падеже, прямого дополнения — в абсолютном; в то же время форма глагольного сказуемого несет в себе показатели управления со стороны прямого дополнения и подлежащего (объектный префикс *da-* и субъектный суффикс *-t*):

Нетрудно заметить, что кратко охарактеризованный подход в лучшем случае оправдан только по отношению к эргативной, аффективной и посессивной конструкции «смешанного» морфологического типа, в котором отношения эргативности передаются в структуре как глагола-сказуемого, так и обоих именных компонентов. Однако другие морфологические типы этих конструкций обнаруживают как будто иной характер синтаксической связи. Так, в рассматриваемом плане приходится признать, что их «глагольный» тип характеризуется только управлением глагола со стороны подлежащего и дополнения, а «именной» — управлением обоими именными компонентами со стороны глагола.

Следовательно, если рассматривать факт включения в морфологическую структуру глагольного сказуемого элементов, отражающих подлежащее и дополнение, как управление формой глагола, то все три морфологических типа эргативной, аффективной и посессивной конструкций будут характеризоваться тремя различными способами синтаксической связи членов предложения.

Между тем имеются основания — к тому же и морфологического порядка — сомневаться в адекватности подобного подхода. Если координативная связь подлежащего и сказуемого ощущима, то прямое дополнение, судя по всему, характеризуется по отношению к последнему всецело подчиненным положением. Так, наличие марки прямого дополнения (равно как и подлежащего) в словоформе глагольного сказуемого может быть истолковано как свидетельство его отнесенности к глаголу и, следовательно, доминации в соответствующем словосочетании именно последнего (в этом плане аргументом может послужить то обстоятельство, что контекстуальный эллипсис прямого дополнения делает соответствующее предложение лишь пераспирстратенным, в то время как устранение марки прямого дополнения в словоформе глагола-сказуемого может результировать в грамматической неправильности всего построения). Поэтому можно скорее присоединиться к формулировке Ю. В. Рождественского, согласно которой в глагольном сказуемом эргативного построения «местоименные аффиксы-прилипсы, помимо оппозиции: агенты речи — предмет речи, обозначают также управление именами» ⁴³.

⁴³ См.: Ю. В. Рождественский. Типология слова. М., 1969, стр. 196; ср.: С. М. Хайдаков. Структура и функциональная природа сказуемого в сложноподчиненном предложении (на материале дагестан-

Целая совокупность структурных признаков свидетельствует об очень тесной синтаксической связи, существующей в составе эргативной конструкции предложения между сказуемым и прямым дополнением (совершенно аналогичная связь сказуемого и дополнения налицо и в параллельных ей аффективной и посессивной конструкциях). При этом обращает на себя внимание всецело подчиненное положение, занимаемое в комплетивной синтагме прямым дополнением.

Органическое единство обоих членов предложения прежде всего находит свое выражение в очень характерной для языков эргативного строя прилагольной позиции прямого дополнения (специально об этом см. стр. 93—94 настоящей работы). По-видимому, весьма показателен в этом плане и решительно преобладающий в рассматриваемых языках факт его антепозиции по отношению к сказуемому, поскольку второстепенные члены предложения в них вообще обычно предшествуют главным, к которым они относятся. Во многих случаях это единство оказывается настолько органичным, что оно довольно легко результирует в утрате прямым дополнением минимальной синтаксической самостоятельности. Как известно, в одних языках, например в чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских и во многих североамериканских (особенно относящихся к сепировской «большой семье» алгонкин-вакап), оно результирует в явлении инкорпоративной связи прямого дополнения с глагольным сказуемым (ср. высказывание И. И. Мещанинова, согласно которому «литные формы синтаксического назначения имеют преобладающее, а может быть, и исключительное использование только в языках эргативного строя предложения»⁴⁴). Кроме того, в некоторых представителях последнего встречаются явления, которые могут быть истолкованы как пережитки инкорпоративной связи прямого дополнения или подлежащего абсолютной конструкции со сказуемым. Именно подобным образом могут быть, в частности, расценены такие бесспорные древнегрузинские архаизмы, как ага ჲас-ჲла ‘не убей человека’, тап უაყა-დი ‘он завопил’ (букв. ‘он вопль сделал’). Не менее интересны в данном отношении и некоторые факты абхазско-адыгских языков. Так, в убыхском и абхазском языках имя ряда номинатива (субъект, объект), если оно непосредственно предшествует глаголу, не отражается в нем соответствующим показателем: оно как бы само входит в состав глагола, например убых. аč-ქ’ан, абх. аč,ə-соj ‘лошадь идет’, убых. аč-ə-з-вәјап, абх. аč,ə-з-боjт

ских языков). «Четвертая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков». (Тезисы докладов). Нальчик, 1971, стр. 68.

⁴⁴ И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов, стр. 31.

лошадь-я-ви-ку' и т. д.»⁴⁵. В других языках — в частности, в некоторых нахско-дагестанских — такое тесное единство обуславливает особый тип глагольного словообразования, который приводит к становлению класса так называемых «исторически переходных глаголов» (см. выше, стр. 51).

Во-вторых, на такое единство указывает постоянная для языков эргативного строя немаркированность в плане выражения абсолютного падежа прямого дополнения⁴⁶, с одной стороны (исходящее из примата морфологии над синтаксисом мнение о том, что прямое дополнение именно потому и тяготеет к приглагольной позиции, что оно не несет никакой падежной марки, представляется неоправданным), и имеющее место в «глагольном» и «смешанном» морфологических типах эргативной конструкции обозначение прямого дополнения в глагольном сказуемом, с другой.

В-третьих, о том же должно свидетельствовать и то обстоятельство, что в целом ряде языков эргативного строя синтагма «прямое дополнение + сказуемое» объединяется единым интонационным рисунком (приходится признать, впрочем, что экспериментально-фонетическое исследование большинства рассматриваемых языков находится в самой начальной стадии). Так, например, интонационное единство этого словосочетания существует в баскском языке, нахско-дагестанских, абхазско-адыгских и других языках. Даже в нерекордных по синтаксической структуре предложениях картвельских языках для нее характерен общий нисходящий тон: ср. груз. *↗ oriwe-m/ ↘ tawī čaγša* 'оба опустили головы'⁴⁷.

Аналогичным образом обычное отсутствие в языках эргативного строя марки абсолютного надежда у подлежащего абсолютной конструкции предложения, равно как и факт субъектного спряжения ее глагола-сказуемого, указывают на столь же тесное единство обоих последних членов предложения, а не па то, как это иногда представляется, что подлежащее абсолютной и прямое дополнение эргативной будто бы составляют один и тот же специфический член предложения рассматриваемых языков — «субъект состояния». Кажется довольно очевидным, что ориентация в обоих случаях на идентичное оформление именных компонентов была бы проявлением морфологизма в подходе к решению вопросов синтаксической проблематики членов предложения. В этой связи це-

⁴⁵ К. В. Ломтадзе. Отражение в глаголах члена предложения ряда номинатива в абхазско-адыгских языках. «Четвертая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков». (Тезисы докладов), стр. 7.

⁴⁶ См.: A. Maltsev. La construction ergative et les structures élémentaires de l'énoncé, стр. 387—388.

⁴⁷ Ср.: А. А. Ахазишвили. Порядок слов и интонация в простом повествовательном предложении грузинского языка. «Фонетический сборник», I. Тбилиси, 1959, стр. 373—374.

лесообразио отметить, что другие исследователи, постулирующие своеобразие инвентаря членов предложения в рассматриваемых языках, напротив, настаивают на необходимости различия синтаксической позиции пациенса эргативной конструкции и субстрата абсолютной.

Нельзя, наконец, пройти мимо того факта, что серьезные отличия, в том числе отличия собственно синтаксического плаиа, подлежащего и прямого дополнения, видят и синтаксисты, относящие последнее к составу главных членов предложения. Так, в грузинском языке:

«1. Подлежащее соответствует субъектному лицу глагола, дополнение — объектному лицу.

2. Подлежащее налицо как при одноличных, так и двух- и трехличных глаголах, а дополнение-объект налицо только при двух- и трехличных глаголах.

3. Эргативный падеж является принадлежностью только подлежащего.

4. На вопрос *რამ?* ‘что?’ отвечает только подлежащее.

5. Составное сказуемое связано только с подлежащим, а не с дополнением.

6. Синтаксическая роль подлежащего в общем сильнее, чем дополнения-объекта»⁴⁸.

В силу отмеченных обстоятельств в настоящее время даже большинство лингвистов-кавказоведов, по-видимому, уже не разделяют точку зрения о трехсоставности эргативной конструкции предложения⁴⁹.

Необходимо отметить вместе с тем существование другой крайней точки зрения, разрабатываемой преимущественно в работах французских исследователей, которые склоняются к мысли об односоставности эргативного предложения как построения с единственным конструирующим главным членом — сказуемым, по отношению к которому все именные члены являются лишь «координатами». Впрочем, А. Мартине допускает, что возможны языки эргативного строя, характеризующиеся в отличие от баскского двусоставной структурой предложения⁵⁰.

⁴⁸ Л. М. Квачадзе. Синтаксис современного грузинского языка. Тбилиси, 1936, стр. 109 (на груз. яз.).

⁴⁹ Ср.: А. Г. Шанидзе. Грамматика грузинского языка. Ч. II. Тбилиси, 1962, стр. 12 (на груз. яз.); М. М. Гаджиев. Синтаксис лезгинского языка. Ч. 1. Простое предложение. Махачкала, 1954, стр. 123; XI. Муркийлисский. Лакку мазрал грамматика. 2-мур бута. Синтаксис. Махачкала. 1957, стр. 28; А. Гаджиев, Б. Хаммагомедов. Табасаран чалнац грамматика, 2-пай. Синтаксис. Махачкала, 1959, стр. 28; четкое обоснование двусоставности эргативного предложения в языке пушту дано в статье: Н. А. Дворянков. О главных членах предложения с эргативной конструкцией в пашто. «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 103—108.

⁵⁰ См.: A. Martinet. La construction ergative et les structures élémentaires de l'énoncé, стр. 221—222. Ср. сходную точку зрения в статье: А. С. Чикобава. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских

Вытекающий из всего сказанного факт общего доминирующего положения глагольного сказуемого в предложении эргативной типологии отмечался уже неоднократно. Он представлялся особенно очевидным на материале языков со структурой предложения «глагольного» морфологического типа. Так, синтаксический анализ центральноамериканского языка киче приводит к заключению, что «то, что мы имеем на уровне предложения, является почти точным воспроизведением содержания тагмемы предиката, но несколько большим: оно является распространением предикатной тагмемы. Тагмемы уровня предложения находятся в апозиции к тагмемам, составляющим предикат»⁵¹. Однако аналогичный факт отмечался и по отношению к языкам, в которых эргативная структура предложения характеризуется «смешанным» морфологическим типом. Например, в чукотско-камчатских языках «глагол представляет собой своеобразную формулу, в которой наряду со значением действия имеется ярко выраженное указание на лицо и число субъекта и объекта. Что касается имен субъекта и объекта действия, то они лишь конкретизируют эту формулу, расшифровывают ее, наполняют субъектно-объектные показатели лексическим содержанием. Вероятно, поэтому однажды названные имена субъекта и объекта затем на протяжении всей речи обычно больше не упоминаются. Их с успехом заменяют субъектно-объектные показатели»⁵². Наконец, в этом же смысле может быть истолкован факт глагольного «управления» падежами обоих возможных именных компонентов в «именном» морфологическом типе предложения эргативной типологии.

Такая структурная доминания глагольного сказуемого над другими членами предложения в языках эргативного строя дает иногда повод к квалификации последних в качестве так называемых «концентрических», т. е. с единым структурным центром всего предложения⁵³.

языках (основные вопросы ее истории и описательного анализа). — ЭКПЯРТ, стр. 19—20.

⁵¹ D. F o x. Quiche Grammatical Sketch.— В кн.: M. K. M a y e r s (ed.). *Languages of Guatemala*. The Hague, 1966, стр. 64; ср.: F. Boas. Chinook. «Handbook of American Indian Languages», pt I, стр. 646; Б. А. Успенский. Замечания по типологии кетского языка. «Вопросы структуры языка». М., 1964, стр. 145.

⁵² П. Я. Скорик. Эргативная конструкция предложения в чукотско-камчатских языках. — ЭКПЯРТ, стр. 233, ср.: А. С о м м е р ф е л ь т. О понятии подлежащего в грузинском языке. «Эргативная конструкция предложения», стр. 184—185; И. И. Зарубин. Вершикское наречие канаджутского языка. «Записки Коллегии востоковедов», II, вып. 2. Л., 1927, стр. 313.

⁵³ Ср.: C. R e g a m e y e. A propos de la construction «ergative» en Indo-Aryen moderne. «Sprachgeschichte und Wortbedeutung. Festschrift Albert Debrunner». Bern, 1954, стр. 369—373; T. M i l e w s k i. La structure de la phrase dans les langues indigènes, de l'Amérique du Nord.— В кн.: T. M i l e w s k i. *Etudes typologiques sur les langues indigènes de l'Amérique*. Kraków, 1967, стр. 70—71.

Синтагматическое членение предложения эргативной типологии до сих пор чрезвычайно редко оказывалось объектом внимания исследователей. По существу не встречаем рассмотрения этой проблемы даже у А. Мартине, касающегося тесно связанного с ней вопроса о предикативной синтагме в языках данного типа и, в частности, интерпретирующего все неглагольные компоненты эргативной конструкции предложения в качестве «онпределеный» или дополнений к его сказемому⁵⁴. Не приходится поэтому удивляться тому обстоятельству, что в работах отдельных авторов эргативная конструкция в целом ириавливается к единой трехчленной синтагме (так, автор настоящей работы, еще не занимаясь специально проблематикой теории эргативности, в одном контексте также допустил подобную формулировку⁵⁵). Не остававшись уже на очевидной гетерогенности таких фундаментальных синтаксических понятий, как структурная модель предложения и синтагма (словосочетание), нетрудно показать наличие в составе предложения эргативной, аффективной и посессивной конструкций по крайней мере двух разнотипных синтагм, а в составе абсолютной — по крайней мере одной.

Наличие двух словосочетаний в минимальном составе эргативной, аффективной и посессивной конструкций предложения определяется по числу его именных компонентов — подлежащего и прямого или косвенного дополнения — вступающих в синтаксическую связь с глагольным сказуемым (имеется в виду типичный, т. е. без контекстуального эллипсиса какого-либо из членов, слу-чай)⁵⁶.

Так, о конкретном синтагматическом составе эргативной конструкции Н. С. Трубецкой в 1938 г. писал следующее: «Все транзитивные глаголы, употребленные в качестве сказуемых, предполагают по крайней мере два имени (или местоимения), одно из которых обозначает агента действия, другое — объект, подвергающий действию. Из двух синтагм, образуемых транзитивным глаголом и каждым из этих имен (или местоимений), одна с необходимостью является предикативной синтагмой (*syntagme prédictif*), другая — определительной синтагмой (*syntagme déterminatif*). Отсюда два типа языков: языки, где определением транзитивного глагола служит имя агента действия, и языки, где определением этого глагола является имя объекта действия. В языках первого типа номинатив (*cas sujet*) противопоставляется эргативу, в язы-

⁵⁴ Ср.: A. Martinet. *La construction ergative et les structures élémentaires de l'énoncé*, стр. 206 и след.

⁵⁵ См.: Г. А. Климо. К эргативной конструкции в занском языке. — ЭКПЯРТ, стр. 152.

⁵⁶ К такому же выводу по существу приводит и логика рассуждения А. Мартине, отрицающего наличие в языках типа баскского предикативной синтагмы и сводящего здесь все сочетания сказуемого с именными членами к комплективным словосочетаниям; см.: A. Martinet. *La construction ergative et les structures élémentaires de l'énoncé*, стр. 210 и след.

ках второго типа номинатив противопоставляется аккузативу...»⁵⁷ (последняя синтагма была названа Н. С. Трубецким «предели-тельной» ввиду того, что она обнаруживает формальные связи, характерные для синтагм в составе «прилагательное + существительное» или «существительное в форме генитива + существительное»⁵⁸). В схематическом виде такое представление может быть передано следующим образом:

Предикативная синтагма: подлежащее:	+	глагол
Определительная синтагма: глагол	+	объект
		или агент

К. Регамэ, также усматривающий здесь две различные синтагмы, полагает, что «синтагма, содержащая имя действия в объектном залоге и имя агента, есть определительная синтагма (*synthème déterminatif*). Сложнее определить точный характер синтагмы, объединяющей «глагол-подлежащее» (*verbe-sujet*) и дополнение без марки. Последнее является внутренним дополнением, которое, однако, не связано с «глаголом-подлежащим» формальными связями подчинения или определения...»⁵⁹.

Если принять во внимание, что Н. С. Трубецкой разделял точку зрения о пассивности транзитивного глагола в составе эргативной конструкции предложения (и, следовательно, рассматривал в качестве его подлежащего фактическое прямое дополнение), а также то обстоятельство, что понятие определительной синтагмы здесь должно быть заменено более адекватным понятием объектной или комплективной синтагмы, то приведенное высказывание следует переформулировать в том смысле, что и предикативная и объектная синтагмы должны взаимно поменяться местами. Именно таким образом, по-видимому, представлял себе синтагматическое строение предложения эргативной конструкции И. И. Мещанинов, усматривавший в его составе две — по его терминологии — синтаксические группы: предикативную («подлежащее + сказуемое») и объектную («сказуемое + прямое дополнение») ⁶⁰.

Две синтагмы, составляющие минимум предложения эргативной, аффективной и посессивной конструкций, есть отражение синтаксических отношений двух типов, присутствующих в предложении эргативной типологии. Если предикативные отношения,

⁵⁷ N. Troubetzkoy. Le rapport entre le déterminé, le déterminant et le défini. «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally». Genève, 1939, ctp. 77—78, ctp. также: C. Regamey. A propos de la «construction ergative» en Indo-Aryen moderne, ctp. 368—369.

⁵⁸ Ср.: N. Troubetzkoy. Указ. соч., стр. 77.

⁵⁹ C. Régamey. *La problème de l'ergatif*. «*Bulletin du Cercle Linguistique de Copenhague*. 1941—1965». Bull. VII—XXXI. Copenhague, 1970, ctp. 111—112.

⁶⁰ Ср.: И. И. Мещанинов. Синтаксические группы.— ВЯ, 1958, № 3, стр. 28.

существующие в языках различных типов между подлежащим и сказуемым, образуют синтаксическую основу предложения, то объектные (комплетивные) отношения — это отношения второго порядка, соответствующие в языках эргативного строя отношением внутри группы сказуемого⁶¹. Свое общее связующее звено обе синтагмы находят в глагольном сказуемом. Нетрудно видеть, что с распространением предложения эргативной, аффективной и посессивной конструкции за счет включения других членов усложняется и его синтагматическое строение.

В то же время минимальная синтагматическая структура абсолютной конструкции предложения сводится к единственной предикативной синтагме. При наличии в предложении косвенного дополнения в его состав оказывается включенной комплективная синтагма. Возможное наличие определений обуславливает здесь включение и атрибутивных синтагм.

Выше было уже фактически признано, что линейный порядок слов в предложении является результатом действия не только семантического и некоторых других факторов, но и синтаксического. Более того, была предпринята попытка аппеляции к характерному для языков эргативного строя словопорядку с целью раскрытия синтаксической специфики рассматриваемых моделей предложения. Между тем в исследованиях по проблеме эргативности порядок расположения определяющих эти модели компонентов по существу не затрагивался.

Как известно, в условиях более или менее развитой морфологической системы, обычно характеризующей языки эргативного строя, на порядок слов в предложении не накладывается жестких ограничений, вследствие чего здесь нередко используется возможность различной тоникализации высказывания посредством его изменения. Это общее правило распространяется как на «смешанный» морфологический тип эргативной конструкции, так и на ее «глагольный» и «именной» типы (в «глагольном» типе субъекто-объектную соотнесенность передает аффиксация глагола, в «именном» — надежная аффиксация имен). Однако поскольку речь идет о стилистически нейтральной и, следовательно, типологически доминирующей форме словорасположения, то, как правило, соответствующие закономерности устанавливаются вполне адекватным образом без особых затруднений, что особенно касается изолированных предложений.

Одну из основных особенностей словопорядка составляет здесь правило постановки подлежащего в позиции до прямого или косвенного дополнения. В реальном контексте предложения оно сводится преимущественно к его маргинальной левой позиции: еще А. Тромбетти писал об эргативе, что, «как правило, он стоит

⁶¹ Ср.: Д. А. Мгеладзе. К проблеме объектных отношений в группе предиката. «Уч. зап. МГПИИ им. Мориса Тореза», 1970, т. 55, стр. 77.

всегда в начале предложения, то есть там, где обычно стоит субъект»⁶².

Другую важнейшую особенность образует прилагольная позиция прямого дополнения, сохраняющаяся даже в условиях различной топикализации высказывания. Свое обычное выражение она находит в постановке прямого дополнения непосредственно перед сказуемым, хотя в некоторых языках оно следует за ним. Обращает на себя внимание тот факт, что правило предлагольной позиции прямого дополнения особенно строго соблюдается при эллипсисе подлежащего. Напротив, при наличии последнего по крайней мере в некоторых языках — судя по ряду обстоятельств, преимущественно промежуточной типологии предложения — прямое дополнение может занимать и постглагольную позицию. Таково, в частности, положение в картвельских языках (за исключением чанского, для которого особенно характерно тяготение сказуемого к концу предложения). Целесообразно добавить в этой связи, что в инкорпоративном комплексе, свойственном некоторым языкам эргативного строя, «включаемое» прямое дополнение обычно также предшествует глагольной основе.

Косвенные дополнения, как правило, предшествуют прямому.

Если учесть отмеченные здесь закономерности, то каноническая схема размещения компонентов эргативной конструкции предложения приобретает общий вид:

$$S - (O') - O - V$$

Схемы словопорядка $S - O'' - O' - V_{trans}$ для эргативной конструкции предложения и $S - V_{intrans}$ для абсолютной довольно характерны для многих североамериканских языков эргативного строя⁶³. Они же, по-видимому, являются преобладающими и для эскимосско-алеутских языков⁶⁴. В чукотско-камчатских языках в эргативном построении порядок $S - O - V$ конкурирует с порядком $S - V - O$ ⁶⁵.

Обе схемы очень типичны для эргативных китайско-тибетских языков (ср., например, классическ. тибетск. *Saṅs-rgyas-kyis ḡos bstan-to* 'Будда закон преподавал') и весьма строго выдерживаются в языке бурунгаски (ср. *Ja ūj gnjesam* 'я тебя увидел').

Словонорядок $S - O'' - O - V_{trans}$ для эргативного и $S - V_{intrans}$ для абсолютного построения в высшей степени твердо соблюдается в папуасских языках Новой Гвинеи⁶⁶.

⁶² А. Тромбетти. О теории пассивного характера глагола, «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 161.

⁶³ См.: T. Mielwski. La structure de la phrase dans les langues indigènes de l'Amérique du Nord, стр. 71 и след.

⁶⁴ Ср.: L. L. Hammarich. The Eskimo Language. Oslo, 1970, стр. 26.

⁶⁵ Ср.: П. Я. Скорик. Эргативная конструкция предложения в чукотско-камчатских языках. — ЭКПЯРТ, стр. 221—229.

⁶⁶ Ср.: J. H. M. C. Boelaars. The linguistic position of South-Western New Guinea. Leiden, 1950.

Тождественную последовательность компонентов предложения эргативной типологии в австралийских языках еще в начале ХХв. установил Р. Мэтьюс. Подтверждая принципиальную адекватность этого правила, А. Кэйшелл замечает вместе с тем, что во многих языках Северной Австралии бывает затруднителен выбор между моделями «actor — goal — action» и «actor — action — goal»⁶⁷.

Обе схемы последовательно реализуются в эргативных языках «западного» ареала. Они выдерживаются в индоиранских языках эргативного строя. Именно эти схемы прослеживаются на материале всех групп кавказских языков. Во многих случаях, в частности в нахско-дагестанской и абхазско-адыгской группах, она проводится достаточно жестко: ср. адыгейск. *Бибэ Саидэ ехъы* 'Биба Саиду несет' при *Саидэ Бибэ ехъы* 'Саида Бибу несет'⁶⁸. Интересно, что аналогичная закономерность довольно отчетливо фиксируется даже на жанрово и стилистически ограниченном материале некоторых древних языков Передней Азии. Таково, в частности, положение в урартском (ср. лапидарную фразу *Менуа... ... pili agubi* 'Менуа ... канал провел')⁶⁹, эламском⁷⁰, шумерском⁷¹. Наконец, та же картина наблюдается и в баскском языке (ср. *pi-k gizona da-kusa-t* 'я человека вижу' при *gizona da-bil* 'человек приходит').

Следует отметить, что порядок членов предложения аффективной и посессивной конструкций, как правило, повторяет схему словопорядка эргативной с тем отличием, что в них не занята позиция прямого дополнения. Таким образом, имеются основания прийти к заключению, что единая схема S — O — V является более или менее характерной для всех моделей предложения эргативной типологии:

$$\begin{aligned} S - O' - V_{\text{trans}} \\ S - (O'') - V_{\text{intrans}} \\ S - O'' - V_{\text{affect}} \\ S - O'' - V_{\text{poss}} \end{aligned}$$

⁶⁷ См.: A. C a r e l l. A New Approach to Australian Linguistics («Handbook of Australian Languages», pt 1). «Oceania Linguistic Monographs», № 1. Sydney, 1956, стр. 38, 95; О и ж е. Some Linguistic Types in Australia («Handbook of Australian Languages», pt 2). «Oceania Linguistic Monographs», № 7. Sydney, 1962, стр. 124.

⁶⁸ Ср.: Б. А. П о ч х у а. К вопросу о порядке слов в грузинском языке. — ИКЯ, 1962, т. XIII, стр. 115—116 и 121—122 (на груз. яз.); И. И. М е щ а н и н о в. Эргативная конструкция в языках различных типов, стр. 66; М. А. К у м а х о в. Адыгейский язык. «Языки народов СССР. IV. Иберийско-кавказские языки». М., 1967, стр. 162; Л. П. Ч к а д у а. Связь слов в предложении. «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 79.

⁶⁹ См.: И. И. М е щ а н и н о в. Язык Ванской клинописи (Die Van-Sprache). II. Структура речи Л., 1935, стр. 321.

⁷⁰ См.: И. М. Д ь я к о н о в. Языки древней Передней Азии. Л., 1967, стр. 99.

⁷¹ См. там же, стр. 82.

Поэтому, конечно, не случаен факт, что согласно сводной таблице Дж. Гринберга, отражающей порядок следования значимых элементов в 30 рассмотренных им в этом плане языках, словопорядок S — O — V оказывается вообще характерным для столь различных представленных в ней языков эргативного строя, как баскский, бурунгаски, хинди и австралийский лоритъя⁷².

Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что порядок членов предложения эргативной конструкции не соответствует схеме расположения субъектно-объектных аффиксов в составе глагольной словоформы, где объектный показатель, как правило, предшествует субъектному: см. абхаз. Нэм^кагаса ph^{ws} d-aa-i-gejt 'Хымкуараса жену привел' (d — показатель прямого дополнения, i — подлежащего)⁷³. Объяснение подобного «несоответствия» исследователи склонны искать в диахроническом плане (см. стр. 179 настоящей работы).

Необходимо указать на ограниченность возможностей различной топикализации высказывания (т. е. выбора темы сообщения) в языках эргативного строя, которую впервые отметил Ч. Филлмор. Здесь практически повсеместна возможность так называемой «вторичной топикализации» (secondary topicalization), которая достигается изменением порядка слов в предложении. Так, лакское трехчленное предложение эргативной конструкции в зависимости от коммуникативного задания меняет позиции своих компонентов тройным образом (при сохранении приглагольного местоположения прямого дополнения):

1. *Оърчал чан гъавгъунни* 'Мальчик ногу сломал'.
2. *Чан гъавгъунни оърчал* 'Ногу сломал мальчик'.
3. *Гъавгъунни чан оърчал* 'Сломал ногу мальчик'.

Вместе с тем ввиду отсутствия в транзитивном глаголе эргативных языков противопоставления форм действительного и страдательного залогов здесь невозможна так называемая «первичная топикализация» (primary topicalization) или «субъективизация» (subjectivization), т. е. не существует возможности выбора в позицию подлежащего каждого из обоих именных компонентов рассматриваемой конструкции⁷⁴.

Прежде чем перейти к рассмотрению морфологических импликаций эргативного строя, следует остановиться на характеристике сферы функционирования эргативной типологии предложения по языкам.

⁷² См.: Дж. Гринберг. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. «Новое в лингвистике», вып. 5. М., 1970, стр. 155.

⁷³ Ср.: П. К. Услар. Абхазский язык. «Этнография Кавказа. Языкоиздание. I», Тифлис, 1887, стр. 55—56; И. О. Гецаадзе. К вопросу об эргативной конструкции в абхазском языке. «Труды Абхазского НИИ», Сухуми, 1960, т. XXXI, стр. 216.

⁷⁴ См.: Ch. J. Fillmore. The Case for Case. «Universals in Linguistic Theory». N. Y., 1968, стр. 57—59.

Как уже отмечалось выше, в одних языках она распространяется на построение с любой временной формой транзитивного глагола-сказуемого, в других — она ограничена построениями с глагольным сказуемым в формах прошедших недлительных времен.

Факт тяготения эргативной типологии предложения в языках, проводящих эргативность непоследовательно, к конструкциям с формами глагола-сказуемого, относящимися к серии прошедших недлительных времен, бесспорен. Он связан, вероятно, с тем обстоятельством, что решающий с точки зрения речевого сознания носителей рассматриваемых языков критерий переходности — неперходности передаваемого действия особенно отчетливо проявляется в семантике глагольных форм именно последней временной серии. С. Д. Кацнельсон еще в 1936 г. замечал в последней связи, что при этом «могло играть роль значение совершенности и результативности», присущее формам этих времен⁷⁵. По поводу обычной соотнесенности эргативной модели предложения с формами перфектных времен глагольного сказуемого в индийских языках К. Регамэ пишет следующее: «Эта ассоциация не случайна, она обусловлена семантическим характером субъектной и объектной диатез. Когда мы рассматриваем переходное действие по отношению к пациенту, мы констатируем эффект этого действия, которое завершено. Это действие уже отчуждено от агента, оно перенесено на пациента. Напротив, несовершенное действие (*l'action imperfective*), которое еще не закончено и находится в процессе реализации, скорее выделяет агента, чем пациента. Субъектная структура В (имеется в виду конструкция предложения, соответствующая в языках эргативного строя абсолютной). — Г. К.) служит, следовательно, прежде всего для выражения презенса, имперфекта, длительных времен. В будущем времени возможны обе конструкции (т. е. структуры В и А, последняя из которых отвечает в языках эргативного строя эргативной). — Г. К.), так как понятие будущего в равной степени допускает совершенный и несовершенный аспекты»⁷⁶.

В этом контексте можно подчеркнуть, что в картвельских языках эргативная типология предложения наиболее четким образом выдерживается в построениях с глаголом-сказуемым в формах серии аористных времен и несколько менее четко — при формах серии результативных. Наконец, нeliшне упомянуть, что семантика результативного акта переходного действия характеризует и древнеармянские эргативообразные построения типа *poga ūseal ē ūcp* 'он увидел дом'.

⁷⁵ См.: С. Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения. «Труды Ин-та языка и мышления им. Н. Я. Марра», IV. Серия *Romanogermanica*. М. —Л., 1936, стр. 97; ср. также: С. Tagliavini. *Osservazioni sull'ergativo georgiano*. «Mélanges de linguistique et de philologie offerts à Jacques van Ginneken». Paris, 1937, стр. 190—191.

⁷⁶ С. Regamey. A propos de la «construction ergative» en Indo-Aryen moderne, стр. 373.

Вместе с тем некоторые факты как будто указывают на то, что аффективная конструкция предложения более устойчива в построениях с глаголом в формах презентной серии времен. Думается, что и в данном случае причину этого явления следует искать в семантических особенностях класса аффективных глаголов.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИМПЛИКАЦИИ ЭРГАТИВНОСТИ

Дескриптивные характеристики языков эргативного строя свидетельствуют о том, что морфологические корреляты эргативной типологии предложения очень многочисленны и широко варьируют по языкам. В одних случаях морфологическая система может быть чрезвычайно богатой, в других, напротив, довольно бедной. Возможен диапазон соответствующих колебаний от полного отсутствия склонения имени или его аналогов до максимально развитой падежной парадигмы, от минимально развитого спряжения до его сложнейшей системы. При этом формальная невыраженность эргативности в одной из этих сфер словоизменения всегда находит свою «компенсацию» в другой. Как отмечалось выше (см. стр. 44), эргативность может быть настулирована в языках, приближающихся к эталону изолирующего типа: в этом случае соответствующие синтаксические отношения передаются супплетивизом местоименных корней или служебными словами.

Если в языке налицо именное склонение, то в его парадигме находит место противопоставление эргативного и абсолютного наименований. Если в языке имеется изменение глагола по лицам или классам, оно реализует объектное снажжение транзитивного глагола и субъектное — интранзитивного. В языках, характеризующихся достаточно развитым как именным, так и глагольным словоизменением, отношения эргативности получают свое морфологическое выражение во всех определяющих типологию предложения компонентах.

Огромное большинство возможных корреляций между эргативной типологией предложения и обслуживающей ее морфологической системой имеет совершенно необязательный характер и, таким образом, не отражает сущности эргативного строя. По-видимому, именно это обстоятельство оказалось способным винуть отдельным авторам мысль о том, что эргативный строй не представляет собой сколько-нибудь цельной системы языковых фактов и что, в частности, эргативная конструкция предложений — это всего лишь одна из разновидностей неноминативной конструкции, функционирующая в этих языках наряду с номинативной.

Поэтому прежде всего целесообразно остановиться на морфологических явлениях, действительно имплицируемых эргативной типологией предложения. Таковых имеется целая группа, причем наличие одних нередко обуславливает избыточность других. Впервых, здесь следует назвать различие морфологической струк-

туры транзитивного и интранзитивного глагола по составу личных аффиксов (оно не проводится, естественно, в языках, знающих только «именной» морфологический тип структуры предложения). Во-вторых, это отсутствие в транзитивном глаголе морфологической категории залога. В-третьих, это противопоставление в paradigmе склонения специфических позиционных падежей — эргативного и абсолютного (отсутствующих в языках, характеризующихся «глагольным» морфологическим типом структуры предложения).

При всем конкретном разнообразии своей морфологической реализации в языках эргативного строя можно выделить два типа «управления» именами со стороны глагольного сказуемого. При этом положение сказуемого, выраженного транзитивным глаголом, и интранзитивного глагола-сказуемого несколько различно.

Транзитивный глагол в составе эргативной конструкции при наличии именного склонения управляет падежными формами подлежащего и прямого дополнения. Вместе с тем при развитости глагольной морфологии он обнаруживает систему так называемого «прономинального управления» этими именами. Последнее бывает двоякого рода: а) объектное (имеется в виду «управление» прямым дополнением) и б) субъектно-объектное (с «управлением» как прямым дополнением, так и подлежащим).

Имеющий ограниченное распространение объектный тип налицо в большинстве нахско-дагестанских⁷⁷, хурритско-урартских, эламском⁷⁸, в целом ряде иранских, дардских и индийских⁷⁹ языков.

Несравненно более широко представлен по языкам субъектно-объектный тип спряжения. Он имеется в баскском⁸⁰, абхазско-адыгских⁸¹, картвельских⁸², отдельных нахско-дагестанских (лакском, даргинском⁸³, табасаранском, отчасти — в бацбийском

⁷⁷ Ср., например: А. А. Бокарев. Очерк грамматики чамалинского языка. М.—Л., 1949, стр. 75—81.

⁷⁸ См.: И. М. Дьяконов. Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения (на материале языков Древнего Востока). — ЭКПЯРТ, стр. 95 и след.; Он же. Hurritisch und Urartäisch. München, 1971, стр. 124 и след.

⁷⁹ См.: Л. А. Пирейко. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков, стр. 37 и след.

⁸⁰ Ср.: Н. Р. Houghton. The Verb in Quipuzcoan Basque. Charlottesville (без даты).

⁸¹ Ср.: С. Рагис. Indices personnels intraverbaux et syntax de la phrase minimale dans les langues du Caucase du Nord-Ouest. — BSLP, 1969, t. 64, fasc. 1, стр. 104—183; L. Fox. Objective Conjugation in North and South Caucasian. «Studies in Honor of J. Alexander Kerns». The Hague—Paris, 1970, стр. 35—46.

⁸² Н. Мар. Основные таблицы к грамматике древнегрузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими. СПб., 1908, табл. IX, XII, XIV.

⁸³ Ср.: Л. И. Жирков. Спряжение глагола в лакском и даргинском языках «Докл. и сообщ. Ин-та языкоznания АН СССР», вып. VII. М., 1955.

и аварских диалектах⁸⁴), шумерском⁸⁵, бурушаски⁸⁶, чукотско-камчатских⁸⁷, эскимосско-алеутских⁸⁸, северноамериканских (семьи алгонкин-ритва, цимшиан-чинук, майя-киче и др.)⁸⁹, а также в папуасских и австралийских⁹⁰.

Аналогичным образом интранзитивный глагол в составе абсолютной конструкции предложения может «управлять» падежными формами подлежащего и косвенного дополнения. Его спряжение также бывает двоякого рода. В нодавляющем большинстве случаев оно имеет чисто субъектный характер. Лишь в очень ограниченном числе языков (например, в картвельских и абхазско-адыгских) оно может быть субъектно-объектным — т. е. с «управлением» как подлежащим, так и косвенным дополнением.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что личное спряжение в эргативных языках носит либо чисто префиксальный, либо префиксально-суффиксальный характер. Его чисто суффиксальный принцип составляет редчайшие исключения.

В словоформах транзитивного глагола-сказуемого рассматриваемых языков, реализующего эргативность в своей морфологической структуре, взаимно обособляются два функционально различных ряда личных аффиксов «управления» именными компонентами конструкции. Поскольку они являются функциональными аналогами аффиксов эргативного и абсолютного падежей, один из них целесообразно квалифицировать в качестве эргативного, другой — в качестве абсолютного⁹¹ (нередко, впрочем, встречается и отличная терминология: так, С. Д. Кацнельсон различает их эргативный ряд, с одной стороны, и насыщенный, с другой⁹², а во многих работах они известны соответственно как субъектный и объектный). Эргативный ряд является отражением синтаксического

⁸⁴ Ср.: И. И. Мещанинов. Передача субъектных и объектных отношений в языках эргативного строя предложения. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1960, т. XIX, вып. 5, стр. 398—408.

⁸⁵ См.: И. М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967, стр. 71 и след.

⁸⁶ См.: Г. А. Климов, Д. И. Эдельман. Язык бурушаски. М., 1970, стр. 59—65.

⁸⁷ См.: П. Я. Скорик. Эргативная конструкция предложения в чукотско-камчатских языках. — ЭКПЯРТ, стр. 227 и сл.; ср.: А. П. Володин. Эргативная конструкция в ительменском языке. — ЭКПЯРТ, стр. 242 и след.

⁸⁸ См.: Г. А. Меновщикова. Об основных конструкциях простого предложения в эскимосско-алеутских языках (в связи с эргативной конструкцией). — ЭКПЯРТ, стр. 263 и след.

⁸⁹ Ср., например: T. Millewski. Analyse typologique de la langue Ojibwa. — В кн.: T. Millewski. Études typologiques sur les langues indigènes de l'Amérique, стр. 121—132.

⁹⁰ Ср.: A. Sapir. A New Approach to Australian Linguistics. «Oceania Linguistic Monographs», № 1. Sydney, 1956, стр. 3.

⁹¹ Ср.: И. И. Мещанинов. Новое учение о языке. Л., 1936, стр. 167; Он же. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940, стр. 144.

⁹² См.: С. Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения, стр. 61.

подчинения сказуемому подлежащему. Такие же отношения подчиненности передают и абсолютные аффиксы, служащие показателями прямого дополнения в транзитивном глаголе-сказуемом и подлежащего — в интранзитивном.

В транзитивном глаголе двухличного (или многоличного) спряжения одновременно представлены аффиксы обоих рядов: ср., например, абхаз. *и-а-фоитI* 'то (класса вещей) она (класса женщин) ест'. В транзитивном глаголе одноличного спряжения налицо только аффикс абсолютного ряда, соотносящийся с прямым дополнением: ср. аварск. *б-екана* 'то (класса вещей) сломал//-, //о-, //и-'.

С максимальной очевидностью оба ряда противопоставляются в том случае, если они располагают материально отличными экспонентами по всем лицам. Подобного рода оппозиция личных аффиксов имеется, например, в напуасском языке капум⁸³:

Лицо	Единств. число		Множ. число	
	Абсол.	Эргат.	Абсол.	Эргат.
1-е	-nggo	-nggai	-ni	-ninta
2-е	-mpo	-mpai	-mpu	-mpunta
3-е	-pi	-peèngku	-pi	-pinta

Однако такое разграничение обоих аффиксальных рядов в большинстве языков эргативного строя, по-видимому, не проводится. Наиболее типичный в этом отношении случай представляется системой соответствующих оппозиций в североамериканском языке цимшиан, не проводящая рассматриваемого материального разграничения в формах 3-го лица (см. табл. на стр. 101)⁸⁴.

Как видно из этой таблицы, разграничение аффиксов обоих рядов и здесь оказывается проведенным последовательно, поскольку они соотнесены с различной позицией в составе глагольной словоформы: эргативный ряд представлен префиксами, абсолютный — суффиксами. Таково же в принципе положение в абхазском языке, в котором при существовании материальной оппозиции лишь среди личных аффиксов 3-го лица и исключительно префиксальном функционировании личной аффиксации оба ряда всегда четко противопоставляются взаимным местоположением: в транзитивном глаголе абсолютный ряд аффиксов предшествует эргативному⁸⁵.

⁸³ См.: J. H. M. C. Boelaars. The linguistic position of South-Western New Guinea. Leiden, 1950, стр. 37.

⁸⁴ См.: Fr. Boas. Tsimshian. «Handbook of American Indian Languages», pt I. Washington, 1911, стр. 384.

⁸⁵ См., например, И. О. Гецаадзе. К вопросу об эргативной конструкции в абхазском языке, стр. 205—214.

Число	Либо	Эргативный ряд	Абсолютный ряд
Единств.	1-е	п-	-ū, -ī
	2-е	м-	-n
	3-е	т-	-t
Множ.	1-е	dep-	-em
	2-е	msem-	-sem
	3-е	т-	-t

Несколько отличным образом, но столь же строго разграничение обоих аффиксальных рядов проводится в североамериканском языке чинук (семья цимшиан-чинук), где субстанциональная оппозиция аффиксов обоих рядов как и в абхазском языке, существует лишь среди показателей 3-го лица. Что же касается нөварыирующих по своему материалу префиксов 1-го и 2-го лица, тð здесь отношения эргативности передаются в соответствии со следующим прищипом: когда они употребляются в функции аффиксов эргативного ряда, непосредственно за ними следует диакритический элемент *g* (> k)⁹⁶.

Наконец, известны и случаи одновременного как субстанционального, так и позиционного противопоставления обоих аффиксальных рядов; ср., например: *nak-a-kirärud* 'я тебя связываю' при *o-pa-kirärud* 'ты меня связываешь' в папуасском языке маринд⁹⁷.

Таким образом, в языках эргативного строя, знающих оппозицию эргативного и абсолютного рядов личных показателей, существует возможность формального определения подлежащего эргативной конструкции предложения как имени, соотносящегося с эргативным аффиксом глагольного сказуемого, и ее прямого дополнения — как имени, соотносящегося с абсолютным показателем последнего⁹⁸.

Вместе с тем случаи непоследовательного противопоставления аффиксов обоих рядов в структуре транзитивного глагола должны, по-видимому, рассматриваться как свидетельство процесса деградации эргативности в языке. Именно в этом плане следует интерпретировать, например, факт противопоставления эргативных и абсолютных суффиксов в диалектах центральноамериканского языка майя только в единственном числе: ср. эргативный ряд: *-ēn*

⁹⁶ См.: Fr. Boas. *Chinook. «Handbook of American Indian Languages»*, pt I, стр. 580—581.

⁹⁷ J. H. C. M. Boelaars. *The linguistic position of South-Western New Guinea*, стр. 5.

⁹⁸ Ср.: А. Г. Шанидзе. Грамматический субъект при некоторых непереходных глаголах в грузинском, стр. 212 (на груз. яз.); Н. Vogt. *Un aspect du problème actif-passif dans le verbe*, стр. 134—135; ср. также: Ш. К. Аристава. Подлежащее. «Сборник материалов по абхазскому языку». Тбилиси, 1970, стр. 25.

(1 л.), -е^č (2 л.), -i (3 л.) — при абсолютном -е^п (1 л.), -е^č (2 л.), -^ø (3 л.)⁹⁹. В старолитературном диалекте языка майя эргативность также уже нарушена, поскольку здесь субъект транзитивных глаголов и субъект интранзитивных в формах презенса и футурума передаются одним и тем же рядом префиксов. Аналогичная картина засвидетельствована и в картвельских языках.

Характерной чертой аранжировки личных аффиксов глагола в эргативных языках является выдвижение объектного показателя в позицию перед субъектным. Эта закономерность оказывается обычно выдержанной не только у представителей чисто префиксального строя сирияжения (как это имеет место в абхазско-адыгских и многих северно- и центральноамериканских языках), но и в языках со «смешанным» префиксально-суффиксальным его строем, при котором объектный показатель выражается префиксом, а субъектный — суффиксом (ср. баскский, картвельские языки, ряд нахско-дагестанских, хурритско-урартских, шумерский, бурушаски, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские). Наиболее существенное исключение из этого правила составляют языки с суффиксальным строем глагольного спряжения (ср. так называемые «суффиксальные» языки Австралии).

В зависимости от соотношения порядка глагольных префиксов и последовательности соответствующих им именных компонентов предложения У. Аллен выделяет две модели координации — «*trig-gor concord*» и «*leapfrog concord*»¹⁰⁰.

Противопоставляются оба ряда личных аффиксов и в морфологической структуре аффективного глагола. При этом обращает на себя внимание характерная для этого класса глаголов инверсивность субъектно-объектного оформления, выражаяющаяся в том, что аффиксы абсолютного ряда в них соотнесены с именем подлежащего, а аффиксы эргативного — с именем косвенного дополнения. Ср., например, аффективные формы *pe-pöntuw-ä* 'я слышу его' (активного класса), *ke-pöntuw-ä* 'ты слышишь его' (активного класса), *u-pöntuwa-ä* 'ты слышишь его' (активного класса) при транзитивной *ke-pöntö-p* 'я слушаю тебя' в алгонкинском языке оджибва¹⁰¹ (следует отметить, что в американской дескриптивной лингвистике аффективные глаголы, как правило, рассматриваются в качестве особой категории транзитивных, характеризующихся инверсией субъектно-субъектных показателей).

Наконец, встречаются и языки эргативного строя (по-видимому, только среди австралийских, северно- и центральноамерикан-

⁹⁹ Ср.: M. and R. Ulrich. *Mopan Maya*. — В кн.: M. K. Mayers (ed.). *Languages of Guatemala*. The Hague, 1966, стр. 262.

¹⁰⁰ См.: W. S. Allen. *Structure and system in the Abaza verbal complex*. «*Transactions of Philological Society*». Oxford, 1965, стр. 154—155.

¹⁰¹ См.: L. Bloomfield. *Eastern Ojibwa. Grammatical Sketch, Texts and Word List*. «*The University of Michigan Press*». Chicago, 1957, стр. 56—57; T. Milewski. *Analyse typologique de la langue Ojihwa*, стр. 124—126.

ских), в которых субъектным показателям интранзитивного глагола в транзитивном противостоят комплексные субъектно-объектные (т. е. с семантикой 'он + тебя', 'я + его' и т. п.). Ср., например, а-я// ты + его' и ра-'он + его' в языке немену из группы сахаптин¹⁰². Подобные комплексные показатели исторически могут возникать на базе фузии двух смежных аффиксов субъектного и объектного ряда, что как будто действительно прослеживается в некоторых из них¹⁰³.

Аффиксы абсолютного ряда, указывающие в составе транзитивного глагола на прямое дополнение, в словоформе интранзитивного глагола указывают на подлежащее (ср. абхаз. i-s-lagwajt 'я мелю то' при i-lagwajt 'то мелется'). Это — одна из наиболее характерных черт глагольной морфологии языков эргативного строя, дублируемая функциями абсолютного и эргативного падежей имени.

Возникает соблазн искать синхронное основание подобной функциональной «диффузности» на уровне глубинной структуры, определяющей поверхностные грамматические характеристики языка. Судя по некоторым обстоятельствам, однако, эта черта эргативного строя имеет не столько синхронное, сколько диахроническое основание, которое приходится усматривать в рамках структуры иного языкового строя, исторически предшествовавшего эргативному. Поэтому даже наиболее близко подошедшая к ее разгадке синхронная интерпретация А. П. Рифтина — И. М. Дьяконова, рассматривающая абсолютные аффиксы в словоформах транзитивного и интранзитивного глагола как указание на функционирование специфического главного члена предложения эргативных языков — «субъекта состояния», который вместе с коррелирующим с ним «субъектом действия» (обозначаемым эргативными аффиксами транзитивного глагола) замещает позиции подлежащего и прямого дополнения языков номинативного строя, едва ли может быть признана полностью удовлетворительной (нельзя, например, пройти мимо охарактеризованных выше расхождений в статусе подлежащего абсолютной конструкции предложения и прямого дополнения эргативной). Представляется, что рассматриваемое тождество морфологического оформления находит свое диахроническое объяснение уже в рамках структуры активного строя, в глаголе которого отображаются не столько субъект и объект описываемой ситуации, сколько ее активный и инициативный актанты.

«Управление» прямым и косвенным дополнением со стороны глагола принимает по языкам эргативного строя весьма разнообразные формы.

¹⁰² См. И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов, стр. 127.

¹⁰³ Ср.: R. S. Pittman. The Fused Subject and Object Pronouns of Red Pheasant Cree. «Linguistics», 1965, 13, стр. 34—38.

В наиболее общем случае «управление» проводится по категории лица (баскский, абхазско-адыгские, картвельские, ряд древнепереднеазиатских, некоторые индоиранские, в целом папуаские, австралийские, чукотско-камчатские, эскимосско-алеутские, большинство северно- и центральноамериканских), к которой нередко присоединяется и категория числа. В некоторых языках (в большинстве нахско-дагестанских, шумерском) оно реализуется по категориям класса и числа. В целом ряде языков (в абхазском, бурунгском, многих северноамериканских) «управление» проводится параллельно по категориям лица, класса и числа (это касается почти исключительно форм 3-го лица)¹⁰⁴. Аналогичным образом в отдельных индоиранских языках оно может реализоваться по категориям лица, рода и числа: ср., например, *kitāb* (муж. р.) *ši Iwast* ‘книгу я читал(а)’ при *tītāl* (жен. р.) *ši Iwast-alā* ‘записку я читала’ в языке пушту¹⁰⁵.

Характерной чертой транзитивного глагола языков эргативного строя является отсутствие в нем оппозиции форм действительного и страдательного залога (последняя встречается лишь в языках, структурный тип которых может быть определен как промежуточный между эргативным и номинативным). Это означает невозможность отражения в его морфологической структуре точки зрения какого-либо одного из актантов передаваемой ситуации — субъекта или объекта. Как показано на стр. 188 и сл., хотя в этих языках нередко и существует глагольная диатеза, она характеризует здесь не транзитивные, а диффузные глаголы, и передает противопоставление действия по признаку его переходности — непереходности, т. е. имеет незалоговый характер. Следует поэтому иметь в виду, что встречающаяся в дескриптивных грамматиках ряда эргативных языков констатация «пассива» обусловлена подведением под этот термин принципиально отличных полятий. В одних случаях — это интранзитивный член оппозиции форм диффузных глаголов, в других — это формы так называемых «статических страдательных» глаголов (на стр. 145, 234 наст. работы будет показано, что диффузные и «статические страдательные» глаголы, по-видимому, представляют собой нережкиточно функционирующие классы активных и стативных глаголов, характеризующих языки активного строя).

Отсутствие залоговых оппозиций в транзитивном глаголе эргативных языков предопределяет неадекватность популярной в прошлом концепции пассивности эргативной конструкции предложения. В I главе было отмечено, что пассивный характер этой конструкции обычно аргументировался фактом постановки имени так называемого «реального субъекта» действия в форме твори-

¹⁰⁴ Ср.: Ch. F. Hockett. Potawatomi Syntax. «Language», 1939, v. XV. № 4, стр. 238.

¹⁰⁵ См.: Н. А. Дворянков. О главных членах предложения с эргативной конструкцией в пашто. «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 104—105; Е. Бертельс. Стой языка пушту. Л., 1936, стр. 17—18.

тельного падежа, имени «реального объекта» — в форме имени-тельного, а также тем обстоятельством, что ее глагольное сказуемое очень часто «согласуется» не с первым, а с последним. К настоящему времени невозможность идентификации эргативного построения со страдательным оборотом языков номинативного строя, по существу снимавшей с повестки дня исследования всю проблематику эргативности, обоснована в самых различных аспектах.

Еще пионеры разработки обсуждаемой проблематики заметили невозможность во многих случаях рассматривать формы именных компонентов эргативной конструкции в качестве форм творительного и именительного падежей. Далеко не всегда имеет место и «согласование» глагольного сказуемого эргативной конструкции предложения с именем в форме «поминатива». Против отождествления обеих конструкций говорят, однако, и аргументы более общего порядка.

Прежде всего следует подчеркнуть совершенно различное положение, занимаемое сопоставляемыми конструкциями в синтаксической системе языка. Как известно, полная, т. е. трехчленная страдательная конструкция языков номинативного строя является производной, выступающей на правах стилистического варианта действительной. Можно сказать, что в основе обеих лежит одна и та же глубинная структура предложения. Иное положение занимает в языках эргативного строя эргативная конструкция, являющаяся здесь непроизводной, т. е. синтаксически исходной. Ее, следовательно, можно трактовать как иостроение, в котором синтаксические единицы (члены предложения) соответствуют ментальным, а через них и реальным функциям субстанций и признаков. Поэтому отношения в ней между членами предложения «иконически» отображают реальные отношения, существующие между элементами неязыковой ситуации (одним из проявлений «иконичности» является, например, обозначение субъекта действия подлежащим) ¹⁰⁶.

Должно быть очевидным, что пассивная интерпретация эргативной конструкции предложения исключена для подавляющего большинства языков эргативного строя, в которых транзитивный глагол не различает формальных залоговых оппозиций — например, для баскского, абхазско-адыгских, нахско-дагестанских, папуасских, австралийских, эскимосско-алеутских, северноамериканских (если вслед за отдельными авторами отказаться от поверхностно-морфологической трактовки залога и признать последний за некоторую глубинно-синтаксическую категорию, то, конечно, станет возможным утверждать, что в языках эргативного строя налицо противопоставление активных и пассивных оборотов;

¹⁰⁶ См.: Е. К урилович. Эргативность и стадиальность в языке. — В кн.: Е. К урилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 122—124; С. Р егаме у. A propos de la «construction ergative» en Indo-Aryen moderne, стр. 366.

однако во избежание смешения разных языковых явлений представляется совершенно нецелесообразным подводить под единое понятие залога два принципиально отличных грамматических феномена). С другой стороны, в тех языках, в которых залоговая дифференциация форм транзитивного глагола налицо (картвельские, многие идиоиранские), форма глагольного сказуемого в составе эргативной конструкции предложения принадлежит не страдательному, а действительному залогу. Так, например, груз. *ga-ke-t-a* 'он сделал то' противополагается форме *ga-ke-t-d-a* 'он сделался' как форма действительного залога форме страдательного. Уже сам по себе факт ограниченности в таких языках функционирования эргативной модели определенными временными сериями глагола-сказуемого внушает сомнения в том, что одни временные формы последнего здесь принадлежат активному залогу, а другие — пассивному¹⁰⁷.

Сторонники пассивной интерпретации эргативной конструкции предложения всегда проходили мимо еще одного важного обстоятельства — глубокого расхождения обеих сопоставляемых величин в отношении порядка слов. Если в страдательном обороте языков номинативного строя нормальная последовательность членов предложения *S — V — O*, то регулярное расположение компонентов эргативной модели, согласно сторонникам концепции пассивности: *O — V — S*. Достаточно отличен от первого и фактический порядок слов в эргативной конструкции предложения *S — O — V* (ср. подробнее стр. 92 — 94 настоящей работы).

Приведенные выше факты хорошо согласуются с тем обстоятельством, что в речевом сознании носителей языков эргативного строя рассматриваемая конструкция никогда не воспринимается как пассивная по своей семантике. В частности, еще Г. Шухардт подчеркивал, что «мы никоим образом не можем в качестве доказательства этого (речь идет об обосновании пассивного характера транзитивного глагола в баскском языке.— Г. К.) прибегнуть к свидетельству местных жителей. Они или ровно ничего не знают о том, что такое «пассив», а если и сохранили какое-то представление о нем, вынесенное из школы, то представление крайне неполное и нечеткое и притом составившееся на основе грамматики романских языков; они решительно будут отвергать наличие пассивного строя в баскском языке: *dakart*, по их мнению, окажется родственным франц. *je le porte* 'я несу его', а не *il est porté par moi* (буквально 'он мною несом')»¹⁰⁸.

В соответствии с этим в грузинской, баскской и тибетской национальных грамматических традициях эргативная конструкция

¹⁰⁷ Ср.: J. Lyons. Towards a 'notional' theory of the parts of speech. «Journal of Linguistics», 1966, v. 2, стр. 228.

¹⁰⁸ Г. Шухардт. Происхождение языка.— В. кн.: Г. Шухардт. Избранные статьи по языкознанию. М., 1960, стр. 112; W. K. Matthews. The ergative construction in modern Indo-Aryan. «Lingua», 1953, v. 3, № 4, стр. 394.

предложения трактуется как семантически активная, а падеж ее подлежащего даже рассматривался в них в качестве разновидности номинатива¹⁰⁹. Возможно, именно потому, что в картвельских языках четко разграничена страдательная конструкция и эргативная, уже в 1939 г. Г. В. Церетели подчеркнул, что «в настоящее время в грузинской грамматической литературе с достаточной убедительностью выяснено, что не может быть речи о пассивной конструкции или пассивном восприятии глагола в тех случаях, когда дело касается переходного глагола с субъектом в активном падеже и объектом в именительном»¹¹⁰.

Хотя эргативная конструкция предложения и не образует производной страдательной, которую можно было бы рассматривать как стилистическую вариацию лежащей в их основе единой глубинной структуры, в языках эргативного строя нередко встречается лишь некоторый аналог пассивной трансформации, получаемый в соответствии с формулой преобразования

$$N_1VN_2(\text{erg}) \Rightarrow N_2V_2(N_1),$$

в котором обычно не остается позиции для имени «реального субъекта»¹¹¹. При этом имеется в виду абсолютная конструкция предложения, организуемая интранзитивной формой диффузного глагола типа абхаз. а-тсъэ i-bəlwajt 'дрова горят', адыгейск. չыфы-р ма-жъо 'человек пашет // занимается нахотовой', аварск. զեւել բեկան 'дерево сломалось'.

Если не упомянуть об оставшемся в стороне от развития синтаксической теории высказывании Э. Сенира о том, что «подлинный пассив» есть оборот, не содержащий имени реального субъекта действия¹¹², получившем отклик лишь в исследованиях по американистике, то впервые внимание на наличие подобных аналогов было обращено, по-видимому, только в 50-е годы¹¹³.

Исключение образуют в этом отношении лишь такие языки, как картвельские и индоиранские, которые проводят нормы эр-

¹⁰⁹ Ср.: C. Regamey. *A propos de la «construction ergative» en Indo-Aryen moderne*, стр. 366—367; Н. Цкитишвили. Полемика о сущности нововозовательного падежа в шестидесятых годах XIX века. «К истории склонения имен в картвельских языках», кн. 1. Тбилиси, 1956; стр. 449—453 (ла груз. яз.); ср. также: Г. Шухардт. О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках, стр. 46—50.

¹¹⁰ Г. В. Церетели. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1939, стр. 16.

¹¹¹ W. H. Jakobson Jr. The Analog of the Passive Transformation in Ergative-type Languages. «Meeting Handbook of Linguistic Society of America. Forty-fourth Annual Meeting, December 29—31, 1969». San Francisco, 1969, стр. 9.

¹¹² См.: E. Sapir. The Takelma Language of Southwestern Oregon. «Handbook of American Indian Languages», 1912, pt II, стр. 180.

¹¹³ Ср.: W. K. Matthews. The ergative construction in modern Indo-Aryan, стр. 394; C. Regamey. *A propos de la «construction ergative» en Indo-Aryen moderne*, стр. 365—366; A. Capell. A New Approach to Australian Linguistics, стр. 59; Т. Я. Елизаренкова. Эргативная конструкция в новоиндийских языках. — ЭКПНРТ, стр. 120 и др.

гативного строя непоследовательно и в которых возможен трехчленный страдательный оборот: ср., например, *saxl-i šep-d-eba mušeb-is t̄ier* 'дом строится рабочими'.

Заключая характеристику морфологической структуры транзитивного глагола в языках эргативного строя, необходимо подчеркнуть некорректность точки зрения об именном характере его основы. Как известно, в одних случаях ее сторонники апеллировали к фактам оформления подлежащего эргативной конструкции родительным падежом, в других — к фактам тождества личных глагольных аффиксов с именными притяжательными, в третьих — к отсутствию в глагольной структуре такой морфологической категории транзитивного глагола, как залог.

Следует отметить, что встречающиеся в некоторых дескриптивных работах сведения о постановке подлежащего эргативной конструкции предложения в форме генитива, как правило, неадекватны, а иногда оказываются совершенно нерелевантными для решения рассматриваемого вопроса. В настоящее время признается, например, что по некоторым языкам они были обязаны ошибочной интерпретации общекосвенного надежда в качестве родительного (подобное толкование предлагалось, в частности, В. Талбитцером и Х. Педерсеном в отношении надежа на *-r* в языке гренландских эскимосов¹¹⁴). С другой стороны, следует учитывать, что действительно совмещающий функции генитива эргативный падеж в лакском языке, как об этом догадывался уже Г. Шухардт, является продолжением общенахско-дагестанского эргативно-творительного на **-d(i)*. Однако в распоряжении теории эргативности имеются и аргументы более общего порядка, свидетельствующие против генитивной природы оформления подлежащего эргативной конструкции. Дело в том, что для нарадигмы склонения огромного большинства языков эргативного строя наличие родительного падежа вообще не характерно, вследствие чего запятительная часть его функций выполняется именно категорией притяжательности (например, в большинстве абхазско-адыгских языков, в ряде австралийских, отчасти в языке бурушаски в его роли выступает сочетание общекосвенного падежа определения с притяжательной формой определяемого¹¹⁵). Уже только поэтому мнение Ч. Филлмора, согласно которому «общей чертой эргативных систем является то, что форма генитива идентична в них с эргативом»¹¹⁶, явно основано на дезинформации. Основной же негативный аргумент этого плана заключается в том, что, как пока-

¹¹⁴ Ср.: W. Thalbitez. *Förhandlingar vid sjätte nordisk filologmöte*. Uppsala, 1903, стр. 60; H. Pedersen. *Neues und Nachträgliches*. «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung», 1907, Bd XL, стр. 151. Критика такой квалификации уже в 1907 г. дана Ф. Н. Финком («О якобы пассивном характере переходного глагола»). — «Эргативная конструкция предложения», стр. 114—115).

¹¹⁵ Ср.: L. A. Heggus. *The Languages of Victoria: a Late Survey*, pt I. «Australian Aboriginal Studies», № 17. Canberra, 1969, стр. 164—165.

¹¹⁶ Ch. J. Fillmore. *The Case for Case*, стр. 14.

зывают диахронические закономерности функционирования эргативности, эргативный падеж всегда формируется раньше родительного (ср. стр. 189—190 настоящей работы).

В то же время факты тождества личных аффиксов глагола-сказуемого с притяжательными формами имени также не могут говорить в пользу рассматриваемой гипотезы. Во-первых, необходимо учитывать то важное обстоятельство, что с притяжательными именными аффиксами, как правило, совпадают личные аффиксы не транзитивного, как этого следовало бы ожидать, а интранзитивного глагола (ср. данные абхазско-адыгских, североамериканских и некоторых других языков). Еще К. Уленбеку принадлежит сделанное на материале языков цимшиан, чинук, чимарико, майду, юки, помо (к которым Э. Сепир присоединяет еще шошона и путка) наблюдение о том, что «в различных языках местоименные аффиксы посессивной флексии примыкают к инертным (т. е. эргативным.— Г. К.)»¹¹⁷, которое скорее свидетельствует против данной гипотезы.

Во-вторых, против именного характера основы транзитивного глагола в языках эргативного строя говорит тот неоднократно констатировавшийся факт, что во многих из них имя и глагол вообще сохраняют некоторые следы былой неразграниченности. Это в особенности касается многих североамериканских, австралийских, эскимосско-алеутских и отчасти папуасских языков, в которых, не говоря уже о лабильности основы слова, столь часто допускающей как именное, так и глагольное оформление, наблюдается тождество некоторых именных и глагольных формантов¹¹⁸. Факты аналогичного рода весьма ощутимо дают себя знать и в таких языках, как, например, абхазско-адыгские: ср. здесь тождество именных и глагольных суффиксов множественности, притяжательных именных и личных глагольных префиксов, абазахского деривационного аффикса имени орудия *-ga* и адыгского глагольного аффикса назначения *-за//г'a* и т. п.¹¹⁹

Нелишним будет напомнить при этом, что уже Г. Шухардт отметил, что подобная формальная близость глагольных образований к именным еще не дает сколько-нибудь надежных аргументов в пользу мнения об именной природе глагола. Об этом свидетельствует следующая цитата из одной из его работ: «Фр. Мюллер утверждает, что егинетское *шeh-k* 'ты чувствуешь' якобы представ-

¹¹⁷ Х. К. Уленбек. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 95; см. также: Е. Сариг. Рец. на кн.: С. С. Уленбек. Het passieve karakter van het verbum transitivum of van het verbum actionis in talen van Noord-Amerika.— IJAL, 1907, №. 1, стр. 89.

¹¹⁸ Ср., например: A. C a p e l l. Some Linguistic Types in Australia («Handbook of Australian Languages», pt 2). «Oceania Linguistic Monographs», № 7. Sydney, 1962, стр. 27—28.

¹¹⁹ Ср.: W. S. A l l e n. Structure and system in the Abaza verbal complex, стр. 138.

ляет собой именное образование, снабженное суффиксом принадлежности; он обосновывает это утверждение тем, что *рег-к* означает на этом же языке 'твой дом' (и он прослеживает совпадение глагольных и именных суффиксов во всех лицах). Если бы он записал свой перевод египетских выражений таким образом: чувств-ты-и дом-ты- (что соответствовало бы порядку слов в египетском языке; ср. *рег ими*—дом-Аммон-), то он мог бы, исходя из этого, прийти к выводу, что существительное могло трактоваться как глагол, а глагол как имя»¹²⁰.

Наконец, в этой связи делесообразно привести и одно высказывание С. Д. Кацнельсона: «Приравнивая древнейшую разновидность глагола к имени действия, такое истолкование, укоренившееся со времен Фр. Мюллера и Н. Финка... возводит сочетание глагольного предиката с субъектом к древнему сочетанию имени действия с подлежащим в посессивной форме. Сама по себе идея о былой недифференцированности или большей близости имени и глагола отнюдь не безосновательна. Но принисывание глагольному архетипу функции абстрактного имени действия представляет нам типичным *hysteron proteron*. Документированная история многих языков указывает на относительно позднее возникновение имен действия как отглагольных образований»¹²¹.

* * *

В сфере именной морфологии языков эргативного строя следует прежде всего отметить специфические черты их парадигмы склонения (понятие падежа представляется в отличие от использованного на стр. 44 и 46 на уровне поверхностной морфологической структуры), связанные с составом их так называемых «позиционных» падежей. Эти особенности обнаруживают исторический характер грамматических категорий, присущих языку, и заключаются в наличии некоторых падежных единиц, специально ориентированных на передачу субъектно-объектных отношений. Тем самым здесь намечается принципиальная черта сходства с надежной парадигмой языков именитивного строя и отличие от таковой активного.

К составу позиционных падежей в эргативных языках относятся эргативный, абсолютный, родительный и дательный. Если родительный, передающий отношения субъекта обладания, и дательный, как падеж косвенного объекта, характеризуют преимущественно парадигму именитивного типа, то оба первых являются специфическими единицами, во многих случаях определяющими самый облик эргативного строя.

¹²⁰ Г. Шухардт. Происхождение языка.— В кн.: Г. Шухардт. Избранные статьи по языкоznанию. М., 1950, стр. 89—90.

¹²¹ С. Д. Кацнельсон. К происхождению эргативной конструкции.— ЭКСПАРТ, стр. 37.

Генитив и датив представлены в эргативных языках очень редко. В огромном большинстве последних — в северно- и центральноамериканских, эскимосско-алеутских, чукотско-камчатских, пануасских, австралийских, бурунгах, абхазско-адыгских, полинезийских и др. — они по существу неизвестны (любопытно в этой связи, что отмечаемый А. Кейпеллом «датив» общеавстралийского распространения на -gu, -na, -pi квалифицируется им же и как «предназначительный»)¹²². На против, они налицо в отдельных тибетско-бирманских и древнепереднеазиатских, в нахско-дагестанских, баскском и, наконец, в существенно именитивизованных картвельских языках. В упомянутом выше языке бурунгах о функционировании обоих можно говорить лишь относительно имен класса женщин (ср. форму генитива *gus-mo* и форму датива *gus-ti-g* при *gus* ‘женщина’). Таким образом, по рассматриваемому признаку эргативные языки как будто могут быть распределены между двумя ареалами — «западным» и «восточным». В то же время, по-видимому, не приходится смыться тем обстоятельством, что «дательно-направительный» падеж иногда фиксируется в определенных грамматиках отдельных эргативных языков и «восточного» ареала.

Эргативный падеж оформляет подлежащее эргативной конструкции предложения и, следовательно, однозначно соотнесен с именем субъекта переходного действия. На против, абсолютный падеж выполняет функцию надежки прямого дополнения в составе эргативной конструкции, падежка подлежащего в абсолютной, и, наконец, падежка косвенного дополнения в аффективной и посессивной. «Тем самым, — отмечает И. И. Мещанинов, — он по выполняемой им синтаксической функции резко отличается от именительного падежа индоевропейских (имеются в виду индоевропейские языки, не знающие эргативной конструкции. — Г. К.) и других языков с их единым падежом подлежащего, сохраняющего как активное, так и пассивное значение. Это дает достаточное основание для отказа в отождествлении данного падежа эргативной системы с именительным падежом индоевропейской системы и для включения его в число падежей эргативного склонения»¹²³.

— Бросается в глаза функциональная «диффузность» абсолютного падежка, ориентированного в одном случае на субъект действия, а в других — на его объект, что сказалось бы при попытке чисто се-

¹²² Ср.: А. Сарелл. A New Approach to Australian Linguistics, стр. 53—54. — В этом контексте целесообразно упомянуть сомнения в возможности признать функцию датива у падежа на -па в австралийском языке аранта, высказанные С. Д. Кацнельсоном (см. его статью «К происхождению эргативной конструкции», стр. 41).

¹²³ И. И. Мещанинов. Эргативный строй предложения. «Проблемы сравнительной филологии». (Сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского). М.—Л., 1964, стр. 24—25; О. Ж. Основные грамматические формы эргативного строя предложения. ВЯ, 1964, № 5, стр. 8; ср. также: С. Regamey. A propos de la «construction ergative» en Indo-Aryen moderne, стр. 371.

манического подхода к определению самостоятельного падежа. Нельзя, однако, отрицать и некоторой функциональной аналогии, представляющей ему и эргативом, соотнесенным лишь с одной из разновидностей субъекта. Принципиальная общность обоих в плане содержания заключается в том, что они не обнаруживают специальной ориентации на передачу субъектно-объектных отношений, что подчеркивает принадлежность обоих типологически единой парадигме.

Если понятие эргатива быстро вытеснило первоначально возникший в науке концепт «нереходного номинатива», то распространение понятия абсолютного падежа происходило несколько медленнее. Впрочем, в настоящее время, во всяком случае в исследованиях по теории эргативности, последняя единица рассматривается как отличная от именительного падежа языков номинативного строя.

Во все большем числе исследований получают признание и самые термины «эргативный» и «абсолютный»: ср. работы И. И. Мещанинова, А. Мартина, Е. Куриловича, С. Д. Кацнельсона, Й. Кноблоха, И. М. Дьяконова, Г. А. Меновщикова, Т. Милевского, В. Талбитцера, К. Регамэ, Ч. Филлмора и многих других авторов.

В тех случаях, когда налицо отступление от подобной практики, почти всегда имеем дело лишь с принятием иной терминологии. Наиболее часто с подобной метаязыковой вариацией встречаемся в кавказском языкоизании, особенно богатом традициями изучения эргативности. Так, в частности, в некоторых статьях Н. С. Трубецкого можно встретить термины *casus agens* и *casus patiens*¹²⁴. В одной из публикаций автора настоящей работы были соответственно использованы явно неудачные термины «субъектный падеж» и «субъектно-объектный падеж»¹²⁵ (неудовлетворительность последнего очевидна уже из того факта, что функционально «субъектно-объектным» в кавказских — в том числе и в картвельских — языках нередко оказывается и дательный падеж). Едва ли можно признать более удачным термин «патетив», недавно предложенный У. С. Зекохом для обозначения абсолютного падежа в адыгейском языке¹²⁶. Следует отметить, что большинство кавказоведов и по сей день называют абсолютный падеж именительным, что прежде всего объясняется пошумярностью среди них метаязыка грузинской грамматической традиции, исключительно в которой он и находит свое фактическое оправдание в силу промежуточного характера типологии предложения в картвельских языках между эргативной и номинативной. Подчеркивая услов-

¹²⁴ Ср.: N. S. Трубецкoy. Der Bau der ostkaukasischen Sprachen. «Wiener Slavistisches Jahrbuch», Bd XI. Graz—Köln, 1964, стр. 27, 30.

¹²⁵ См.: Г. А. Климо в. Склонение в картвельских языках в стравнительно-историческом аспекте. М., 1962, стр. 29 и 48.

¹²⁶ У. С. Зекох. Система склонения в адыгейском языке. Майкоп, 1969, стр. 58—59.

ность здесь этого термина, Г. В. Церетели отмечает, что «именительный падеж грузинского языка принципиально отличается от именительного падежа индоевропейских языков (имеются в виду индоевропейские языки, не знающие эргативной конструкции предложения.— Г. К.). Его с таким же успехом можно было бы назвать и «винительным», так как в определенных случаях он передает прямое дополнение»¹²⁷. Что же касается терминов «инструтив» (для обозначения эргатива) и «номинатив», встречающихся в работах А. Шифнера и Г. Шухардта, то они отражают тот ранний этап исследования рассматриваемой проблематики, когда самое истолкование эргативной структуры предложения было еще совершенно неадекватным.

В американистике для обозначения обоих понятий Э. Сенир использовал в свое время термины *subjective* и *absolutive*¹²⁸. У В. Талбитцера соответственно употребляются *relative* и *absolutive*¹²⁹.

В заключение данного краткого терминологического экскурса следует охарактеризовать метаязыковые соответствия национальных грамматических традиций носителей языков эргативного строя. Так, индийские грамматисты называют эргативный надежединным с номинативом термином *kartar* 'деятель' 'agens'. В тибетской филологической традиции он называется *byed-pa-po*, что представляет собой кальку с того же индийского *kartar*. В грузинской грамматической литературе с ним соотносится термин *motxrobiti* 'новествовательный' 'narrativus', в то время как именительный известен под калькирующим термином *saxelobiti*.

В теории эргативности принято различать два типа эргативного падежа: а) не имеющий каких-либо других функций (так называемый «самостоятельный» или «несовмещающий» эргатив, но терминологии И. И. Мещанинова — «активный падеж»¹³⁰) и б) параллельно выполняющий функцию какого-либо косвенного падежа (так называемый «совмещающий» эргатив), которые обычно содержат определенные указания диахронического плана. Чаще всего последний совмещает функцию инструменталиса — такое положение имеет место в нахско-дагестанских, некоторых индийских, чукотско-камчатских и особенно характерно для австралийских языков, вследствие чего имеются некоторые основания

¹²⁷ Г. В. Церетели. Урартские памятники Музея Грузии. Тбилиси, 1929, стр. 17.

¹²⁸ См.: E. Sapir and M. Swadesh. American Indian Grammatical Categories. «Word», 1946, v. 2, № 2, стр. 105. Ср. также: N. F. Fink. Die Grundbedeutung des grönlandischen Subjectives. «Preussische Akademie der Wissenschaften», 1905, Bd. 9.

¹²⁹ Ср.: W. Thalbiter. Eskimo. «Handbook of American Indian Languages», pt I, стр. 1016—1017; Он же. The absolute and the relative in Eskimo. «A grammatical miscellany offered to Otto Jespersen». København, 1930, стр. 319—328.

¹³⁰ Ср.: И. И. Мещанинов. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения, стр. 200 и след.

проецировать его даже вprotoавстралийское состояние (в австралийском языкоznании имеется специальный термин «оператив», дающий здесь повод использовать иногда термин «оперативная конструкция предложения»¹³¹).

Нередко эргатив совмещает функции одного из местных падежей (таково положение в некоторых нахско-дагестанских языках, чукотско-камчатских, отдельных австралийских). В ряде случаев он выполняет и роль общекосвенного падежа (в убыхском, отдельных иранских, бурушаски, эскимосско-алеутских). В картвельских и отдельных нахско-дагестанских языках эргативный падеж может совмещать функции дательного. Наконец, иногда эргатив способен функционировать и в роли родительного падежа (употребление косвенных падежей в роли субъекта «столь резко противоречит принципу распределения позиционных функций в основных падежах системы, как и сложившемуся на его основе традиционному учению о падежах, что традиционная грамматика отказывалась, как правило, видеть в них закономерное выявление субъектной функции»¹³²).

Фактический материал языков эргативного строя подтверждает абсолютный характер выявленной Дж. Гринбергом грамматической универсалии, согласно которой «при существовании падежной парадигмы единственный падеж, имеющий только нулевые алломорфы, — это тот, который в число своих значений включает значение субъекта непереходного глагола»¹³³. При этом едва ли есть основания говорить о действительных исключениях из данного правила, так как во всех сколько-нибудь имеющих сюда отношение случаях соответствующая марка совмещает иное грамматическое значение. Так, в адыгских языках суффикс *-r* (щалл-*r* ‘юноша’, фызы-*r* ‘женщина’ и др.) выполняет и функцию показателя категории определенности, в соответствии с чем в ряде случаев может отсутствовать¹³⁴ (как устаповлео, исторически первичной для этого аффикса является функция обозначения категории определенности). В алеутском языке окончание *-x* имеет и значение суффикса единственного числа, что видно из сопоставления форм абсолютного падежа единственного, двойственного и множественного чисел имени (ср. *aux'aci-x'* ‘лодка’, *aux'aci-x* ‘две лодки’, *aux'aci-s* ‘лодки’). В австралийском языке аранта налицо две формы абсолютного падежа с марками *-θ* и *-na*, послед-

¹³¹ Ср.: A. Capeil. A New Approach to Australian Linguistics («Handbook of Australian Languages», pt 1), стр. 53. Неясно, однако, на чем основано его мнение о том, что оператив австралийских языков и эргатив кавказских не полностью покрывают друг друга.

¹³² С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. М., 1972, стр. 58.

¹³³ Дж. Гринберг. Некоторые грамматические универсалии, преимущественно касающиеся порядка значимых элементов. «Новое в лингвистике», V. М., 1970, стр. 140.

¹³⁴ Ср., например: А. К. Шагиров. Об эргативной конструкции предложения в адыгских языках. — ЭКПЯРТ, стр. 175.

ия из которых указывает на принадлежность имени прямого дополнения к активному классу. Аналогичным образом в некоторых северно- и центральноамериканских языках, в том числе в описанном И. И. Мещаниновым языке немепу, также различаются две формы абсолютного падежа: его маркированная форма -па в отличие от немаркированной совмещает функцию категории неонределенности (ср. *hawan-p* *räänpsa sikäm-pa* 'человек берет какую-то лошадь'). Наконец, очевидно совмещение иных функций маркированным абсолютным падежом в языках с непоследовательно проведенной эргативностью. Так, в картвельских языках абсолютный падеж, алломорфами которого в зависимости от типа основы служат -*θ* и -*i*, в условиях деградации эргативного строя совмещает при глагольных формах презентной группы времен функцию именительного падежа языков номинативного строя. В эргативном построении в языке синхии прямое дополнение, обозначающее одушевленный референт, характеризуется маркированным «дательно-винительным» надежом (с послелогом *khe*)¹³⁵.

Синтаксические предносылки распределения маркированности и немаркированности в плане выражения между падежными формами подлежащего и прямого дополнения в составе предложения эргативной конструкции довольно очевидны. Прямое дополнение, как наиболее тесно связанный со сказуемым член предложения (ср. его постоянную прилагольную позицию, в высшей степени частое обозначение в глагольной словоформе) в такое марке не нуждается. Напротив, нодобная марка оказывается часто необходимой синтаксически более самостояльному члену этой конструкции — подлежащему. Если учесть факт тесной связи со сказуемым подлежащего абсолютной конструкции предложения и косвенного дополнения аффективной, то станет понятной обычная немаркированность в плане выражения абсолютного падежа.

Как впервые отметил Р. Якобсон, и в плане содержания эргативный падеж по отношению к абсолютному должен рассматриваться как маркированный член оппозиции по отношению к немаркированному, поскольку значение его более специализировано¹³⁶.

В некоторых языках эргативного строя встречается противопоставление двух форм эргативного или абсолютного надежей, основанное на «компенсаторном» отражении соотнесенности оформленных ими имен с двумя различными лексическими классами (обычно — активным и инактивным). Так, в австралийском языке гугу-яланджи различаются две алломорфы эргатива: -*ngka* — для класса активных имен (*dingkar-aangka kaya kunin* 'человек собаку ударил') и -*bu* — для класса инактивных имен (*kalka-bu*

¹³⁵ Ср.: Т. Я. Елизаренкова. Эргативная конструкция в инопииндийских языках, стр. 121.

¹³⁶ См.: R. Jakobson. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre. — TCLP, 1936, v. 6, стр. 254

dingkar kulin 'дротик человека ударил')¹³⁷. Кроме австралийских языков, такие факты наблюдаются в чукотско-камчатских, некоторых нахско-дагестанских, а пережиточно, возможно, и в сванском.

В австралийских языках с аналогичной функциональной оппозицией форм сталкиваемся и в окончаниях таких падежей, как локатив и аблатив. По-видимому, сходна и роль противопоставления различных форм родительного падежа в некоторых нахско-дагестанских языках и баскском.

До последнего времени в теории эргативности не находит однозначного решения вопрос о квалификации эргативного падежа как прямого или косвенного. При его рассмотрении, по-видимому, следует учитывать: а) имеется в виду специальный эргатив или «совмещающий» (т. е. косвенный падеж, используемый в функции эргатива) и б) морфологическую и синтаксическую стороны вопроса (на последнее обстоятельство обратил внимание Е. А. Бокарев¹³⁸). Соответственно будут различны и его конкретные интерпретации. Специальный эргатив, очевидно, и в морфологическом и в синтаксическом плане следует квалифицировать как прямой падеж. «Совмещающий» же эргатив следует синтаксически расценивать как прямой падеж, в то время как морфологически он стоит в одном ряду с косвенными (это нетрудно определить и по его форме и по его опорному положению при образовании целого ряда других падежных окончаний; в частности, Е. А. Бокарев рассматривает его в нахско-дагестанских языках даже как детерминированную основу косвенных падежей). Думается, что подобная двойственная характеристика «совмещающего» эргатива наиболее адекватно отражает и его промежуточное в генезисе специального эргатива положение.

Другую часть парадигмы склонения в языках эргативного строя составляют падежи, непосредственно не связанные с передачей субъектно-объектных или активно-инактивных отношений и поэтому встречающиеся как в активных, так и в номинативных языках. С одной стороны, сюда относятся различные падежи локативной семантики (например, лативы, аблатив и т. п.). С другой стороны, — это падежи обстоятельственной семантики (превратительный, лишительный и т. п.). Весьма часто бывает представлен инструменталис. Иногда в системе склонения встречается особый аффективный падеж.

Если прямое дополнение, как правило, имеет в языках эргативного строя форму абсолютного падежа, то падежами подлежащего здесь являются эргативный, абсолютный, аффективный и иногда некоторые другие. При этом функции одного и того же па-

¹³⁷ См.: N. Hershberg. Case marking affixes in Gugu-Yalanji. «Papers on the Languages of the Australian Aborigines». («Occasional Papers in Aboriginal Studies», № 3). Canberra, 1964, стр. 75.

¹³⁸ См. Е. А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959, стр. 269.

дежа нередко оказываются в этих языках глубоко различными. По-видимому, наиболее полифункциональным здесь является абсолютный падеж, который оформляет подлежащее абсолютной конструкции предложения, прямое дополнение — эргативной, косвенное дополнение — аффективной. Вместе с тем один из косвенных падежей (общекосвенный, творительный, местный, дательный и т. п.) может оформлять как подлежащее, так и косвенное дополнение. Эти факты красноречиво свидетельствуют о непреодолимых трудностях, на которые наталкивается известная гипотеза о существовании некоторого инварианта падежных значений одной формы.

На основании рассмотренного материала можно, по-видимому, прийти к заключению, что разноуровневые импликации эргативного строя так или иначе связаны с передачей субъектно-объектных отношений. Так, глагольное противопоставление транзитивности ~ интранзитивности характеризует отношение действия к объекту. Различие эргативной и абсолютной конструкций предложения, а также в инвентаре членов предложения — прямого и косвенного дополнения — опосредованно связано с различием в качестве самого объекта (ср. термины «ближайший объект» и «объект», используемые в метаязыке одного из направлений теории эргативности для обозначения соответственно прямого и косвенного дополнения). Наконец, несмотря на то, что эргативный падеж (// глагольные аффиксы эргативного ряда) и абсолютный падеж (// глагольные аффиксы абсолютного ряда) не соотнесены «иконическим» образом с именами субъекта и объекта действия, их общая ориентация на передачу субъектно-объектных отношений также не вызывает сомнений.

Несколько иначе обстоит дело с фреквенталиями, или квазиимпликациями, эргативности, рассмотрению которых посвящен следующий раздел.

ФРЕКВЕНТАЛИИ ЭРГАТИВНОСТИ

Наряду с рассмотренными в предшествующем разделе импликациями эргативности, в языках эргативного строя присутствует весьма значительная по своему удельному весу совокупность разноуровневых явлений, синхронно не мотивированных эргативностью, по степень вероятности функционирования которых оказывается довольно высокой. К постулатации подобных фактов в какой-то степени приблизился уже И. И. Мещанинов, о чем может свидетельствовать его следующее высказывание: «Рассматривая весь комплекс признаков, выделяющих эргативный строй предложения, приходится особо отметить те из них, присутствие которых не обязательно для всех языков с этой конструкцией предложения, а также те, которые, выступая в пей, все же не являются только ее принадлежностью. Так, например, синтетизм глагола, выраженный в его показателях лица и класса, имеет широкое рас-

пространение среди языков с эргативным строем предложения, но не является для них необходимым...»¹³⁹.

Явления такого рода имеют место как на лексическом уровне, так и на уровне синтаксиса и морфологии. Их далеко не всегда можно квалифицировать даже как своего рода «статистические универсалии» рассматриваемых языков, поскольку с последними могут быть соотнесены лишь факты, повторяющиеся в их абсолютном большинстве. В настоящей работе они условно определяются как фреквенталии эргативного строя. Ввиду того, что анализ последних оказывается особенно важным в плане изучения генезиса эргативного строя, их можно было бы определить и в качестве квазимпликаций эргативности.

Из числа лексических фреквенталий эргативного строя выше уже были рассмотрены классы аффективных и посессивных глаголов. Кроме того, сюда должны быть отнесены такие явления, как распределение имен по лексическим классам, группы нелексикализованных по признаку переходности ~ непереходности передаваемого действия так называемых «диффузных» (или «лабильных») и «статических страдательных» глаголов, семантически тождественные глагольные дублеты, соотносящиеся с различными классными группировками субстантивов, а также другие лексические особенности более частного порядка (например, лексемная оппозиция инклюзивного и эксклюзивного местоимений 1-го лица множественного числа и т. д.).

На синтаксическом уровне к фреквенталиям эргативности можно отнести функционирование аффективной и посессивной конструкций предложения, известных большому числу языков.

Наконец, в области морфологии в качестве таковых могут рассматриваться: морфологическая категория класса в синтаксически связанных с именами существительными словах (в глаголе, прилагательном, местоимении), противопоставление органической и неорганической форм категории притяжательности в субстантивах, слововое «согласование» транзитивного глагола с прямым дополнением и интранзитивного глагола с подлежащим (или компенсирующий его синплетивизм глагольной основы). Заслуживает внимания факт, что при довольно широком функционировании в эргативных языках различного рода деепричастий (теруандиев, абсолютивов, супинов и т. п.) подлиинные причастия занимают в них относительно более скромное место.

* * *

Наряду с профицирующим для представителей эргативного строя лексемным противопоставлением транзитивных и интранзитивных глаголов во многих из них функционирует варьирующая по своему объему, но всегда непродуктивная группа глагольных слов, не-

¹³⁹ И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов, стр. 89.

лексикализованных по этому основанию и нередко квалифицируемых в дескриптивных грамматиках как «переходно-непереходные», иначе — «диффузные», «лабильные», «амбивалентные» и т. д. В отличие от транзитивных и интранзитивных, стабильных но обусловливаемой ими модели предложения и своей морфологической структуре, они могут быть охарактеризованы как лабильные. Их специфическая черта — способность организации в зависимости от коммуникативного задания либо эргативной, либо абсолютной конструкции предложения, соответственно с чем они строятся как по морфологически транзитивному, так и интранзитивному типу (таким образом, каждый диффузный глагол обладает двумя парадигмами словоизменения). Такое положение становится возможным благодаря наличию у них диатезы незалогового характера, которая функционально подчинена профилирующему в эргативных языках принципу противопоставления глагольных слов по транзитивности ~ интранзитивности.

Конкретное представление о способе функционирования этой группы глаголов может дать, например, абхазский глагол *a-bəl-ṛa* 'жечь, гореть' (-та — аффикс масдара), организующий эргативную конструкцию предложения *a-ṛra sə-bəṛa a-bəl-wajt* 'солнце мне спину жжет' паравне с абсолютной *a-ṛbəžə i-bəl-wajt* 'дрова горят'. Ср. также адыгейск. *къэралы-м заводы-р е-щэ* 'государство завод продает' (эргативная модель) и *къэралы-р ма-щэ* 'государство торгует' (абсолютная модель) при единой глагольной лексеме *щэ-н* 'торговать, нродаивать'. Эта особенность диффузных глаголов, послужившая объектом более пристального внимания в кавказском языкознании, вызвала к жизни ее существенно различные интерпретации. Так, например, отдельным исследователям она давала новод говорить о полисемантизме данных глаголов¹⁴⁰. С другой стороны, Л. И. Жирков писал в этой связи следующее: «Глагол *бивчан* 'умереть, убить' является хорошим примером того, как лакские глаголы, в зависимости от различной синтаксической конструкции предложения, могут выражать как действительное (активное), так и страдательное (пассивное) значение. Значение 'убить' выражается только тем, что при глаголе 'умереть' мы находим имя деятеля (в данном случае убивающего, убийцы) в родительном (он же активный) падеже. Таким образом, если указан активный деятель, то глагол среднего значения 'умереть' становится способным выразить активное значение 'убить'. Как нередкое, так и ненередкое значение этого глагола видно в приведенной Усларом фразе: *та щылчав ивкIуну урив? цува ивкIуну урив?* 'его кто-нибудь убил? (или) он сам умер?'»¹⁴¹. Оба подхода красноречиво свидетельствуют о том, насколько трудно отвлечься

¹⁴⁰ Ср.: Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, стр. 208—209; С. Д. Кацельсон. К происхождению эргативной конструкции, стр. 40.

¹⁴¹ Л. И. Жирков. Лакский язык. Фонетика и морфология. М., 1955, стр. 104.

при структурной квалификации рассматриваемого явления от представлений, навязываемых грамматикой языков номинативной типологии. Тем не менее диатезу диффузного глагола, обслуживающую его обе возможные синтаксические конструкции, невозможно идентифицировать с залоговыми оппозициями транзитивного глагола номинативных языков уже хотя бы потому, что она реализуется как раз не в транзитивном глаголе. Она несводима к залоговой и по своему смысловому содержанию: ср. приведенные выше примеры 'дрова горят', 'государство торгует' и т. п. (интересно, что при переводе залоговые формы номинативных языков здесь передаются совершенно отличными построениями с участием транзитивного глагола).

Уже полемика, развернувшаяся между Н. Ф. Яковлевым и М. М. Гухман, показала, что представленная в предложениях типа адыгейск. *редакторы-ж статья-р е-тх-ы* 'редактор статью пишет' и *редактор ма-тх-э* 'редактор пишет' диатеза образует противопоставление не действительного и страдательного залогов транзитивного глагола, а транзитивной и интранзитивной формы глагола некоторого иного качества¹⁴². Позднее Ч. Хоккет, специально останавливаясь на квалификации интранзитивного члена этого противопоставления Л. Блумфилдом как *нассива*, писал в предисловии к книге последнего, посвященной описанию алgonкинского языка оджибва, следующее: «Термин „пассив“ представляется неподходящим в том употреблении, которое ему придает Л. Блумфилд. Алгонкинские „пассивы“ не находят на страдательный залог латинского или греческого; скорее они являются особыми формами словоизменения при неопределенном деятеле, обнаруживающими такое же флексивное указание на объект, которое передается и другими спрягаемыми глагольными формами такого же рода. Более предпочтительным представляется термин „форма неопределенного деятеля“»¹⁴³.

В том или ином объеме группа диффузных глаголов, по-видимому, представлена в большинстве языков эргативного строя, будучи особенно обширной в североамериканских и эскимосско-алеутских. Высокий процент от общего числа глагольных лексем она составляет в чукотско-камчатских языках. Факт наличия диффузных глаголов так или иначе подтверждается в дескриптивных описаниях многочисленных австралийских и науаусских языков. Они хорошо известны в абхазско-адыгских языках¹⁴⁴. Этот глаголь-

¹⁴² См.: М. М. Гухман. Страдательный залог индоевропейских языков и проблема залоговой дифференциации. «Труды Военного ин-та иностранных языков», № 1. М., 1945, стр. 36—40.

¹⁴³ L. Bloomfield. Eastern Ojibwa. Grammatical sketch, texts and word list. Ann Arbor, 1965, стр. vi.

¹⁴⁴ Ср.: G. Dumézil. Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest. Morphologie. Paris, 1932, стр. 197; А. С. Чикаба. Проблема эргативной конструкции в кавказских языках: стабильный и лабильный варианты этой конструкции. «Изв. ИЯИМК», т. XII. Тбилиси, 1942, стр. 221—239 (на груз. яз.).

ный класс встречается и в некоторых представителях «западного» ареала распространения эргативности. Наиболее заметное место он занимает в нахско-дагестанских языках, особенно в аварско-андо-цезских и даргинском (значительное число соответствующих лексем, зафиксированное в аварском языке, иногда даже приводит исследователей к выводу о неэффективности классификации аварских глаголов по признаку их транзитивности ~ интранзитивности¹⁴⁵). Диффузные глаголы, несомненно, существуют в языке бурушаски: ср., например, *dūs-as* 'идти' при отмечаемой Д. Лоримером «параллельной лексеме» *d-V-us-as* 'нести', в которой *V* обозначает позицию вокалического классного показателя прямого дополнения¹⁴⁶. По-видимому, именно к этому классу относятся и глаголы в древнеегипетском, определяемые М. А. Коростовцевым как диффузные¹⁴⁷. Наконец, к нему принадлежат и отмечавшиеся в индийских языках (несмотря на все оговорки, с какими они могут быть отнесены к эргативным) так называемые «амбивалентные» глаголы¹⁴⁸.

Давно замеченный факт функционирования во многих языках эргативного строя группы лабильных глаголов приводил нионеров исследования эргативности в недоумение вследствие прямо противоположного в некоторых из этих языков морфологического оформления именных компонентов соответствующих транзитивного и интранзитивного предложений: ср. даргин. *ну-ни жуз б-учГул-ра* 'я книгу читаю' и *ну жуз-ли учГул-ра* 'я занимаюсь чтением книги, я читаю по книге' или Энкаунтер бей (Австралия) *korn-il lak-in tāmē* 'человек пронзает рыбу' или *korne lag-el-ip tām-il* 'человек занимается пронзанием рыбы'¹⁴⁹. В обоих случаях налицо эргативно-косвенный падеж (ср. флексии *-ни*, *-ли* в даргинских примерах, *-il* в примерах из языке Энкаунтер-бей) и абсолютный, передаваемый нулевым аффиксом, причем первый из них оформляет предлежащее в составе эргативной конструкции и косвенное дополнение абсолютной, а второй — прямое дополнение эргативной и подлежащее абсолютной.

Нельзя при этом не обратить внимания на очевидную и к тому же более систематически выдержанную аналогию обоим построениям лабильных глаголов, образуемую двояким построением словоформ активных глаголов в языках активного строя.

¹⁴⁵ См.: V. Černý. Some Remarks on Syntax and Morphology of Verb in Avar. «Archiv Orientální», 38. Praha, 1970, стр. 46—52.

¹⁴⁶ См.: D. L. R. Lorimer. The Burushaski Language. V. III. Vocabularies and index. Oslo, 1938, стр. 149 (кол. 1).

¹⁴⁷ См.: М. А. Коростовцев. Категория переходности и непереходности глаголов в египетском языке. «Вестник древней истории», 1968, № 4, стр. 109—118.

¹⁴⁸ Ср.: W. Matthews. The ergative construction in modern Indo-Aryan, стр. 396.

¹⁴⁹ Ср.: Fr. Müller. Grundriss der Sprachwissenschaft, Bd II, Abt. 1. Wien, 1885, стр. 56; H. Winkler. Zur Sprachgeschichte. Berlin, 1887, стр. 77 и 134; Н. Финк. О якобы пассивном характере переходного глагола. «Эргативная конструкция предложения», стр. 124—125.

Обращает на себя внимание определенная близость семантики лабильных глаголов в различных языках эргативного строя (ср., в частности, интересные в этом отношении наблюдения, сделанные на материале абхазско-адыгских и чукотско-камчатских языков¹⁵⁰). Лабильность оказывается характерной для несколько варьирующего по языкам класса активных по своей семантике глаголов. В своем большинстве они обозначают социальную значимую активность человека: ср. такие типичные для них значения, как 'сеять', 'пахать', 'насти', 'плести', 'ткать', 'прядь', 'кроить', 'шить', 'вязать', 'толочь', 'полоть', 'косить' и т. п. Можно поэтому в определенной степени согласиться с мнением Н. Ф. Яковлева и Д. А. Ашхамафа о том, что «по реальному содержанию почти все глаголы этой группы представляют собою названия древнейших сельскохозяйственных и так называемых «домашних» производств, т. е. производств, связанных с обработкой земли, со скотоводством, обработкой пищевых продуктов, шерсти, дерева и т. д.»¹⁵¹. Нетрудно заметить, что в структурном плане они не предполагают облигаторного наличия прямого дополнения. Напротив, лабильность редко встречается у глаголов более или менее ярко выраженной переходной семантики, не допускающих непереходного осмысления: ср. значения 'давать', 'брать', 'делать', 'тащить' и т. п. С другой стороны, не попадают в число лабильных и глаголы, характеризующиеся типичной непереходной семантикой (ср. 'спеть', 'лежать', 'стоять', 'спать', 'быть красивым' и др.).

Интересную аналогию лабильным глаголам в некоторых языках эргативного строя образует также непродуктивная группа стативных глаголов «страдательного значения», редко варьирующих по временам. Сюда должна быть отнесена в общем незначительная группа грузинских глаголов, квалифицируемых в грузинской грамматической традиции в качестве *statikuri wnebiti*, т. е. «статических страдательных» (ср. соответствующий термин *passifs d'état*, употребляемый Х. Фогтом) и обладающих дефектной по сравнению с остальными грузинскими интранзитивными глаголами парадигмой спряжения: ср. *abia* 'он привязан' ~ *eba* 'он был привязан', *agfcia* 'он опоясая' ~ *egfcia* 'он был опоясан', *gdia* 'он валяется' ~ *egdo* 'он валялся'. Характерная семантика этих глаголов — 'висеть', 'валяться', 'примыкать', 'быть покрытым', 'быть привязанным', 'быть воткнутым', 'быть намазанным' и т. д.¹⁵² Более заметным образом эта глагольная группа функционирует в абхазско-адыгских языках, где параллельно с противопоставле-

¹⁵⁰ Ср. П. И. Инзеликэй, В. П. Недялков. Из наблюдений над эргативной конструкцией в чукотском языке. — ЭКПНРТ, стр. 247.

¹⁵¹ Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка, стр. 216.

¹⁵² Об этой категории грузинских глаголов см.: А. Г. Шандэ. Грамматика грузинского языка. I. Морфология. Тбилиси, 1955, стр. 180—181 и 234—240 (на груз. яз.), ср.; Н. Vogt. Grammaire de la langue géorgienne. Oslo, 1971, стр. 154—162; М. С. Сухишвили. Статические глаголы в грузинском языке. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1971.

нием транзитивных и интранзитивных глаголов еще проводится и различие «статических» и «динамических». Так, отмечается, что «статические и динамические глаголы в абхазско-адыгских языках различаются как семантически, так и в отношении спряжения и словообразования: статические глаголы имеют более простую систему спряжения. Показатель динамичности -wa в абхазском, абазинском и убыхском языках представлен в виде суффикса, а в адыгских языках — в виде префикса wä-»¹⁵³.

Не исключено, что к этому же разряду глагольных лексем относятся в древнеегипетском языке и интранзитивные глаголы, квалифицируемые М. А. Коростовцевым в качестве «замкнутых недиффузных» (ср. ȝh ‘быть печальным’, iȝm ‘быть приятным’, kȝi ‘быть высоким’, iȝiw ‘сетовать, жаловатьсян’, ȝd ‘быть вялым, утомленным’¹⁵⁴).

Однако более регулярное употребление находят глаголы «стратального значения» в представителях «восточного» ареала эргативности.

Они широко засвидетельствованы, например, в эскимосско-алеутских языках. Так, в эскимосском эти глаголы представлены образованиями со специальным суффиксом -na(к') и не изменяющимися по временам: ср.— *к'иңжик'* *пүтүг'н'ак'* ‘собака привязана’, *наңа аяк'иң'н'ак'* *гүйгүкүн* ‘копье прилонено к дому’¹⁵⁵. Та же глагольная группа, но-видимому, присутствует в алеутском языке¹⁵⁶. Можно предположить, что аналогичным образом следует трактовать значительную группу так называемых «имен качественного состояния» в чукотском языке. Как отмечает П. Я. Скорик, «к именным частям речи этот разряд слов относится до известной степени условно. Он, как уже отмечалось, занимает промежуточное положение между именными частями речи и глаголом. От глаголов указанные слова, как все имена, отличаются отсутствием категорий времени и наклонения, которые для чукотского глагола являются определяющими. Вместе с тем, основной для имен категории — категории падежа — у них также не имеется... Специфика имен качественного состояния заключается в их иредикативности».

¹⁵³ Г. В. Рогава. Абхазско-адыгские языки. «Языки народов СССР», т. IV. Иберийско-кавказские языки. М., 1967, стр. 98. Ср.: О же. Динамические и статические глаголы в адыгских языках.— ИКЯ, 1956, т. VIII, стр. 459—467; К. В. Ломтадзе. Статические и динамические глаголы в абхазском языке.— ИКЯ, 1954, т. VI, стр. 257—271 (на груз. яз.) и 271—273.

¹⁵⁴ Ср.: М. А. Коростовцев. Категория переходности и непереводности глаголов в египетском языке, стр. 112—113.

¹⁵⁵ См.: Г. А. Меновщикова. Об основных конструкциях простого предложения в эскимосско-алеутских языках (в связи с органической конструкцией).— ЭКПЯРТ, стр. 263; ср.: О же. Язык сиреникских эскимосов. Фонетика, очерк морфологии, тексты и словарь. М.—Л., 1964, стр. 79—80.

¹⁵⁶ Ср.: Г. А. Меновщикова. Алеутский язык. «Языки народов СССР». Т. V. Монгольские, тунгусо-маньчжурские и палеоазиатские языки. Л., 1968, стр. 400.

тивности. В этом отношении они могут быть сопоставлены (конечно, относительно) с качественными прилагательными русского языка в краткой форме: *нилгықин* 'бел', *ныкоргықэн* 'весел', *нэрмэқин* 'силен' ¹⁵⁷. В австралийском языкоизнании, помимо оппозиции транзитивных и интранзитивных глаголов, в ряде случаев выделяют особую группу «стативных глаголов» (stative verbs) семантики 'быть большим', 'быть холодным', 'быть горячим', 'быть молодым', 'бояться', 'быть больным' и т. п., обусловливающих абсолютную конструкцию предложения ¹⁵⁸.

По-видимому, наиболее систематическим образом глаголы «страдательного значения» функционируют в североамериканских языках. Например, в алгонкинском языке оджибва зафиксированы так называемые «пассивные» глаголы (passive verbs), строящиеся посредством деривационного элемента -gwəz(ə) и по своей семантике аналогичные интранзитивным глаголам: ср. *ričta-gwəz(ə)* 'пахнуть', *nunda-gwəz(ə)* 'слышаться', *pa-gwəz(ə)* 'ходить, быть похожим', *(a)ye-kwəz(ə)* 'быть усталым' и мн. др. ¹⁵⁹

Другой из наиболее распространенных лексических фреквенцией эргативности следует считать именную классификацию. В реальности рассматриваемых языков в этом отношении наблюдается довольно пестрая картина — от наличия бинарной группировки существительных, основанной на разграничении соответствующих денотатов по признаку их активной — инактивной роли в общественной жизни, через различного рода более сложные и неясные по своим логическим основаниям классификации до их полного отсутствия. Тем не менее едва ли будет ошибкой сказать, что в большинстве языков эргативного строя, в отличие от представителей номинативного, именные классы присутствуют ¹⁶⁰. Поэтому в общем оправданным можно считать следующее высказывание И. И. Мещанинова, в определенной степени предвосхищавшее специальное исследование вопроса: «В эргативной конструкции (имеется в виду эргативная типология предложения в целом.—Г. К.) выделяется система управления грамматическими формами членов предложения. Имена существительные распределяются по классам, обозначая ими половое различие человека и выделяя имена существительные, к нему не относящиеся. Их показатели, включаемые в глагол по этому признаку, придают глаголу ими уп-

¹⁵⁷ П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. I. Фонетика и морфология именных частей речи. М.—Л., 1961, стр. 421—422.

¹⁵⁸ Ср.: A. Sarell. Some Linguistic Types in Australia («Handbook of Australian Languages», pt 2), стр. 136.

¹⁵⁹ N. M. Holmgren. The Ojibway on Walpole Island, Ontario (a linguistic study). Lund, 1953, стр. 47 и 62—79.

¹⁶⁰ Об именных классификациях в языках эргативного строя см.: G. Rövekopp. Die nominalen Klassifikations-Systeme in den Sprachen der Erde. Mödling, 1929 («Linguistische Bibliothek Anthropos», Bd. IV); Th. Kluge. Die Klassenelemente in den Kaukasussprachen. «Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes», XXXII. Wien, 1925, стр. 72—78; Е. Ф. Джеяранишвили. Грамматические классы в цахурском и рутульском языках.—ИКЯ, 1953, т. V.

равляемую форму. Глагол не согласуется родовым показателем, а управляется содержанием классного»¹⁶¹.

Наряду с экстралингвистической обусловленностью разбиения имен существительных на лексические классы по тому или иному признаку, Б. А. Успенский отмечает и внутриструктурирую обусловленность этого явления, существующую по крайней мере в беспадежных языках эргативного строя. Он отмечает, что «поскольку конкретные имена выступают в качестве приложений к некоторым глагольным элементам (например, глагольный показатель лица субъекта, показатель лица объекта и т. д.), в языке должен существовать некоторый способ идентификации имени и глагольного элемента — переменной и постоянной (только тогда имя и может получить конкретную функцию субъекта или объекта); эта связь осуществляется через согласование. Тем самым обусловлено наличие категории рода (грамматических классов), синтаксической функцией которой и является соотнесение имени и соответствующего элемента»¹⁶².

Несмотря на недостаточную адекватность большинства имеющихся в американской литературе описаний, функционирование именных классификаций, так или иначе основанных на принципе противопоставления активности ~ инактивности обозначаемых денотатов, вполне очевидно для многочисленных северно- и центральноамериканских языков эргативного строя. Этот факт был замечен уже такими ранними исследователями, как Г. Биндзейл, Фр. Мюллер и Г. фон Габеленц¹⁶³. Как правило, такое противопоставление приравнивается к оппозиции одушевленности ~ неодушевленности (ср., в частности, используемые в американской дескриптивной лингвистике термины *animate gender*, *inanimate gender*), что неточно ввиду того, что в первый класс, как правило, включаются и имена неодушевленных, однако общественно важных («активных») реалий, и, наоборот, во втором наряду с именами неодушевленных предметов оказываются названия некоторых социально незначимых одушевленных. Подобная классификация очень характерна, например, для языков семьи алгонкинритва. Так, в языке оджибва к классу активных имен отнесены названия людей, духов, маниту (безличной сверхъестественной силы), животных, деревьев, маиса, табака, солица, звезд, рога, перьев, курительной трубки, яблок, черники и ряда других предметов, а к классу инактивных — названия всего остального. В близкородственном ему языке мепомини к классу активных аналогичным

¹⁶¹ И. И. Мещанинов. Эргативная конструкция в языках различных типов, стр. 197.

¹⁶² Б. А. Успенский. Замечания по типологии кетского языка. «Вопросы структуры языка». М., 1964, стр. 147.

¹⁶³ Ср.: H. E. Bindseil. Ueber die verschiedenen Bezeichnungsweisen des Genus in den Sprachen. «Abhandlungen zur allgemeinen vergleichenden Sprachlehre». Hamburg, 1838, стр. 497—498, 503—504, 533; Fr. Müllere. Grundriss der Sprachwissenschaft, Bd II. Wien, 1882, стр. 94, 283, 306 и др.

образом припадлежат названия людей, духов, животных, деревьев (целых), а также хлеба, пшеницы, маиса, табака, малины, солнца, луны, звезд, некоторых частей тела и весьма большого числа других предметов (котла, вагона, поезда и др.), а к классу инактивных — обозначения остальных предметов¹⁶⁴. Те же два семантических класса имен налицо в близко стоящем к обоим названным языке потаватоми, в котором в класс активных также входит значительное число имен, обозначающих неодушевленные предметы¹⁶⁵. Они же четко разграничены в другом алгонкинском языке — фокс, где их морфологические корреляты иронизируют всю структуру языка: и здесь к классу активных относятся названия маиса, яблок, табака и других общественно значимых предметов¹⁶⁶.

В принципе та же картина наблюдается во многих представителях других языковых групп Северной Америки, характеризующихся эргативным строем. Так, в трехклассной группировке имен языка таос (группа юто-ацтек) первый класс включает обозначения активных денотатов, а два других — названия инактивных¹⁶⁷.

Вместе с тем во многих языках принципы именной классификации оказываются более формализованными. Это касается, например, обоих представителей другой группы североамериканских языков эргативного строя чинук-цимшиан. В первом из них, в частности, налицо фактическое различие трех родов — мужского, женского и среднего, очень напоминающее аналогичную систему многих индоевропейских языков, хотя в указательных местоимениях, числительных и формах множественного числа сохраняются и следы былого разграничения активных и инактивных имен¹⁶⁸.

Ничего необычного в этом отношении, по-видимому, не наблюдается и в крайне неудовлетворительно описанных папуасских языках, в которых также отмечают довольно существенные вариации. Наряду с языками, вероятно, вообще не имеющими в настоящее время сколько-нибудь четкой именной классификации, здесь встречаются как языки, характеризующиеся категорией, приближающейся к грамматическому роду, так и языки, обнаруживающие бипарное противопоставление имен активного и инактивного класса. Из числа последних можно назвать, например, язык ауджу,

¹⁶⁴ См.: L. Bloomfield. *Eastern Ojibwa. Grammatical sketch, texts and word list*. Ann Arbor, 1958, стр. 31—32; Он же. *The Menomini Language*. New Haven and London, 1962, стр. 26—36. Ср. также: Fr. Boas. *Introduction. «Handbook of American Indian Languages»*, pt I, стр. 36.

¹⁶⁵ Ср.: Ch. Hockett. *Potawatomi Syntax*. *«Language»*, 1939, v. 15, № 4, стр. 238.

¹⁶⁶ См. W. Jones. *Algonquian (Fox)*. *«Handbook of American Indian Languages»*, pt I, стр. 761.

¹⁶⁷ Ср.: G. L. Trager. *An Outline of Taos Grammar. «Linguistic Structures of Native America» (Harry Hoijer and others, ed. C. Osgood)*. Viking Fund Publications in Anthropology, 6. N. Y., 1946, стр. 70.

¹⁶⁸ См.: Fr. Boas. *Chinook. «Handbook of American Indian Languages»*, pt I, стр. 574.

в котором в активный класс включены названия людей и животных, а в инактивный — названия вещей. Аналогичные лексические группы имен различаются и в языке коти: к первой относятся обозначения людей и животных, ко второй — названия животных, пол которых неочевиден, а также всех вещей¹⁶⁹.

Примерно такая же пестрая картина наблюдается и в языках Австралии. Лексические классы имен, основывающиеся на противопоставлении признаков активности ~ инактивности («animate» ~ «inanimate») соответствующих денотатов довольно широко распространены в префиксальных австралийских языках и в определенной мере — в суффиксальных. Вариация общего числа именных классов от двух (наприм., в аранта, авабакала, дьери и др.) до девяти здесь оказывается обусловленной дробностью подразделений внутри в определенной степени единой группы инактивных имен¹⁷⁰. Нельзя не оговориться, однако, что проблема именной классификации и здесь находится на весьма низком уровне разработки. Достаточно сказать, например, что лексические классы субстантивов иногда смешиваются с половыми разновидностями речи¹⁷¹.

Противопоставление активного и инактивного классов имен хорошо представлено в ряде эргативных языков древнего Ближнего Востока, Кавказа, а также в языке бурушаски.

Так, согласно И. М. Дьяконову, «родов в шумерском нет, но имеются классы: класс имен одушевленных, или, точнее, социально-активных (свободные люди, боги, рабы как личности, нерсонифицированные животные, предметы и понятия), и класс имен неодушевленных, или точнее, социально-пассивных (животные, предметы, понятия). К этому же классу социально-пассивных относятся имена, обозначающие людей и богов, если они выражают групповое единство (коллективное множественное). Особых формантов (в морфологической структуре самого имени.— Г. К.) эти классы не имеют, а выявляются по согласованию с местоимениями и глаголами»¹⁷². По двум классам — лиц и вещей (к последнему относятся не только имена предметов, но и абстрактные имена, образованные от имен лиц, а также коллективное множественное имен лиц и вещей), т. е. в принципе близким к оппозиции

¹⁶⁹ См.: J. H. M. C. Boelaars. *The linguistic position of South-Western New Guinea*. Leiden, 1950.

¹⁷⁰ См.: P. W. Worsley. *Noun-classification in Australian and Bantu: formal or semantic*. «Oceania», 1954, v. 24, № 4; A. Capell. *A new approach to Australian linguistics*. «Handbook of Australian Languages», pt I («Oceania linguistic monographs», № 1). Sydney, 1956, стр. 50; S. A. Wurm. *Linguistic Classification and the Prehistory of Australia*. «Linguistic Trends in Australia» (ed. D. C. Laycock). «Australian Aboriginal Studies». Canberra, 1970, стр. 9—10.

¹⁷¹ Ср.: E. Mac Donald. *Notes on the nouns classes of Angula*. «Papers on the Languages of the Australian Aborigines» («Occasional Papers in Aboriginal Studies», № 3). Canberra, 1964, стр. 151—156.

¹⁷² И. М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967, стр. 54—55.

активного и инактивного, распределяются имена в староэламском языке¹⁷³.

В основе распределения имен по четырем лексическим классам в цахурском и некоторых других языках Дагестана (а следовательно, и в основе аналогичной четырехклассной системы именной классификации, обычно реконструируемой для нахско-дагестанского языка-основы) лежит выделение в обозначаемых референтах двух признаков: признака разумности ~ неразумности и признака активности ~ инактивности, причем первый из них можно рассматривать как признак активности ~ инактивности более высокого порядка. Принимая точку зрения А. М. Дирра, согласно которой при распределении названий людей по именным классам первостепенную роль играет положение человека на социальной лестнице, исследователи подчеркивают, что при этом важен не сам уровень данной социальной ступеньки, а как бы его проекция на универсальную шкалу оценки активности¹⁷⁴.

Должно быть очевидным, что совершиенно тождественное по своему составу четырехклассное лексическое разбиение имен в языке бурушаски основано на тех же логических принципах¹⁷⁵.

Наконец, в целом ряде языков лексическая классификация имен либо дает себя знать весьма слабо (ср. группы имен лица и нелица в картвельских языках, в большинстве абхазско-адыгских, в отдельных нахско-дагестанских), либо, по-видимому, вообще отсутствует (хурритско-урартские, некоторые эргативные языки тибетско-бирманской группы, баскский). В индоиранских языках, эргативность которых сложилась на базе былого номинативного строя, характеризовавшегося в высшей степени формальной (родовой) классификацией имен, последняя обнаруживает отчетливо выраженную тенденцию к деградации.

Налицо очевидное различие признаков, на которых основаны в языках эргативного строя именные классификации и соответствующие оппозиции глагольных аффиксов, соотносящихся с управляемыми сказуемыми именами. Если противопоставление именных классов опирается на признак жизненной или социальной активности ~ инактивности обозначаемых денотатов, то оппозиция эргативного и абсолютного рядов личных глагольных аффиксов (или, соответственно, показателей эргативного и абсолютного

¹⁷³ Ср: И. М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии, стр. 96—99.

¹⁷⁴ См.: Г. П. Мельников, А. И. Курбаков. Логические основания именной классификации в цахурском языке. «Вопросы структуры языка». М., 1964, стр. 160—161; ср.: А. М. Дирр. О классах (родах) в кавказских языках. «Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», т. XXXVII, отд. 3. Тифлис, 1907, стр. 91—102.

¹⁷⁵ Ср.: D. L. R. Lorimer. The Burushaski language. V. I. Introduction and grammar with preface by G. Morgenstierne. Oslo, 1935, стр. 14—25; тем самым можно усомниться в адекватности реконструкции двух классов (женского и неженского) для более раннего состояния этого языка, принятой Э. Бенвенистом. Ср.: E. Benveniste. Remarques sur la classification nominale en Burušaski.— BSLP, 1947—1948, т. 44, fasc. 1, стр. 71.

падежей имен) обычно основана на различении субъекта и объекта описываемой ситуации (лишь в незначительном числе случаев это противоречие снимается в силу того, что здесь эти аффиксы помимо субъектно-объектных отношений передают и принадлежность актантов к тому или иному классу). Поэтому при стабильности распределения имен существительных по лексическим классам коррелирующие с ними глагольные аффиксы или дублирующие их функции надежные показатели имен варьируют в соответствии с синтаксической позицией последних.

Следует вместе с тем подчеркнуть принципиальное отличие лексических группировок имен от согласовательной по своему характеру морфологической категории класса, обычно находящей выражение исключительно в структуре синтаксически связанных с именами существительными частей речи: в глаголе, прилагательном, числительном, реже — наречии. Нетрудно заметить, что обе системы классов в некотором смысле подразумевают друг друга.

Другая лексическая фреквенталия эргативного строя — глагольные дублеты, сочетающиеся с именами различных классов или групп.

Она дает себя знать, например, в нахско-дагестанских языках. Так, в бацбийском языке противопоставляются глагольные лексемы *w-išar* 'лежать (о мужчине)', *b-išar* 'лежать (о животном, растении)' ~ *lerčar* 'лежать (о предмете)', *w-ožar* 'падать (о мужчине)', *b-ožar* 'падать (о животном, растении)' ~ *tasbalar* 'падать (о предмете)', (*d)abčar* 'знать (человека)' ~ *xa'at*, *qetar* 'знать (предмет)'. Полную аналогию последней паре образуют удинские глаголы *čalxesun* 'знать (человека)' ~ *ababaksun* 'знать (предмет)'. Интересно, что подобная дублетность довольно отчетливо прослеживается в таких ныне уже существенно номинативизованных языках как картвельские, в которых это явление сводится к различию в сочетаемости целой серии семантически тождественных глаголов с именами «активных» и «инактивных» денотатов (вполне естественно, что в современном языковом состоянии оно соблюдается не всегда достаточно строго). Ср., например, употребление глагольных лексем *qola* 'иметь', *aqwana* 'брать', *çoła* 'лежать', *swena* 'класть, укладывать'¹⁷⁶, *çakseva* 'падать', слова 'знать', *šecondeba* 'жалеть' и др. в грузинском с «активными» именами и, соответственно, лексем *kona* 'иметь', *aqeba* 'брать', *deba* 'лежать', 'класть', 'укладывать', *dawardna* 'падать', *codna* 'знать', *dananeba* 'жалеть' и других с «инактивными». При этом особенно показательными представляются случаи причисления к составу «активных» имен названий деревьев и некоторых других предметов: ср. *xe caçolila* 'дерево (оказывается) полегло', *wazi dacwa* 'лоза

¹⁷⁶ Любопытно, что Р. Мекслейн, по-видимому, даже считает основным значением этого глагола 'schlafen legen'; см.: R. M e c k e l e i n. Georgisch-Deutsches Wörterbuch. Berlin und Leipzig, 1928, стр. 610.

легла', *werxwi* саikса 'осина упала', *mankana qaws* 'у него есть машина' и т. п.

Ближайшую параллель этому явлению можно найти, например, в языке бурушаски, в котором вопреки ныне функционирующему здесь разбиению существительных на четыре лексические группы один из таких глагольных дублетов соотнесен с именами «активных» денотатов (т. е. с обозначениями мужчин, женщин, животных и отдельных вещей), а другой — с именами «инактивных» (т. е. с обозначениями предметов) :

«Активные»	«Инактивные»	
d-V-tsas	dusūyas	‘приносить’
-uyas	-čias	‘давать’
yanas	ganas	‘брать’
yūrginas	gurginas	‘толочь’, ‘молоть’
-wālas	balas	‘пропадать’
walas	balūyas	‘падать’ ¹⁷⁷

Более отдаленную аналогию можно встретить в ительменском языке Камчатки, в котором транзитивные глаголы делятся на два подкласса — «одушевленные» и «неодушевленные». Первые (например *анчэс* ‘учить’, *талас* ‘бить’, *энхчас* ‘побеждать’) имеют при себе в качестве объекта имени существительные со значением лица, вторые (например, *кукэс* ‘варить’, *чансэс* ‘точить’) — имена существительные со значением нелица¹⁷⁸.

Среди лексических фреквенталий эргативного слоя следует назвать и довольно часто встречающееся по рассматриваемым языкам лексемное различение ипклюзивной и эксклюзивной форм личного, а иногда и притяжательного местоимения 1-го лица множественного числа. Если первая из них имеет значение ‘мы’, предполагающее включение и адресата речи, т. е. ‘мы с тобой // мы с вами’, то вторая подразумевает его исключение — ‘мы без тебя// мы без вас’. В некоторых эргативных языках такое различение проводится в формах множественного числа всех трех лиц.

Различение этих лексем является очень характерным прежде всего для североамериканских языков эргативного строя, вследствие чего в течение длительного времени оно даже представлялось специфической чертой языков Нового Света. В Северной Америке оно хорошо известно в большинстве языковых групп: цимшианчинук (инклюз. *lxaika* ~ эксклюз. *ntcaika* в чинук), алгонкинритва (инклюз. *kenaq* ~ эксклюз. *nenaq* в меномини, инклюз. *kīnān^a* ~ эксклюз. *nī'nān^a* в фокс), юто-ацтек, салиш и др. Оно встречается и в эргативных центральноамериканских языках, например в семье майя-киче.

¹⁷⁷ См.: D. L. R. Loriger. The Buriashski Language. V. I. Introduction and Grammar with preface by G. Morgenstierne, стр. 202—204.

¹⁷⁸ См.: А. П. Володин. Эргативная конструкция в ительменском языке. — ЭКПЯРТ, стр. 242—243.

Противопоставление инклузива ~ эксклюзива не менее популярно в различных австралийских языках, где распространяется и на формы двойственного числа¹⁷⁹. Несколько реже оно встречается в папуасских языках. Оно засвидетельствовано в некоторых китайско-тибетских языках, а также во многих нолинезийских¹⁸⁰. Интересно наличие такого лексемного противопоставления в отдельных индоиранских языках (синдхи, лахида).

Оппозиция инклузивных и эксклюзивных местоимений встречается и в обеих северных группах кавказских языков, будучи здесь особенно характерной для нахско-дагестанских (ср., например, *hara* 'мы (инклузив)' ~ *hart* 'мы (эксклюзив)' в абхазском, *ниль* 'мы (инклузив)' ~ *ниж* 'мы (эксклюзив)' в аварском).

Имеются, однако, все основания утверждать, что необходимой связи между эргативным строем языка и различием в его ирономинальной системе инклузивной и эксклюзивной лексем не существует. С одной стороны, не видно никаких логических оснований для этого явления в рамках эргативного строя. С другой стороны, о том же говорит и эмпирическая действительность рассматриваемых языков. Показательно, что различная в отношении разграничения инклузива — эксклюзива картина нередко наблюдается внутри генетически единых языковых группировок. Так, в пределах абхазско-адыгских языков при противопоставлении обоих лексем в абхазском и абазинском, его нет ни в убыхском, ни в адыгских языках. Иногда аналогичное положение характеризует даже разные диалекты единого языка. В ряде языков эта оппозиция вообще не встречается (эскимосско-алеутские, чукотско-камчатские, бурушаски, баскский). Тем не менее относительна высокая степень встречаемости оппозиции инклузивной и эксклюзивной лексем местоимения 1-го лица множественного числа в эргативных языках позволяет рассматривать ее в качестве одной из фреквенталий эргативного строя.

Несколько фреквенталий эргативности выступает на морфологическом уровне.

Широко распространенной чертой глагольной морфологии эргативных языков является слововое «согласование» транзитивного глагола с прямым дополнением и интранзитивного глагола с подлежащим. Так, П. Я. Скорик отмечает, что в «глагольных формах чукотского языка аффиксальный показатель массовости действия всегда относится к имени в прямом падеже, хотя в номинативной (абсолютной). — Г. К.) конструкции это имя обозначает реальный субъект (в том числе и в предложении с ненереходным глаголом),

¹⁷⁹ См., например: «Papers on the Languages of the Australian Aborigines» (Occasional Papers in Aboriginal Studies, № 3). Canberra, 1964. Большая часть статей этого сборника посвящена описанию прономинальных систем отдельных языков.

¹⁸⁰ Ср.: H. M a s r e g o. Notes sur la morphologie du tibéto-birman et munda. — BSLP, 1947—1948, t. 44, fasc. 1, стр. 174—175.

а в эргативной конструкции — реальный объект»¹⁸¹. В этом явлении здесь часто усматривается объектный характер ориентации транзитивного глагола и субъектный — интранзитивного. При этом следует разграничить два случая подобного «согласования». В первом, по-видимому более известном, соответствующий аффикс имеет место только в составе глагольной словоформы. В менее распространенном но языкам втором случае числовой аффикс повторяется как в глагольном компоненте, так и в синтаксически связанным с ним именном.

С этим явлением часто сталкиваемся в североамериканских языках. Так, в языке чинук имеются такие пары, как *el-keL* 'видеть' (ед. число объекта) ~ *e-keL* 'видеть (мн. число объекта)', *el-taql* 'оставлять (ед. число объекта)' ~ *ē-taql* 'оставлять (мн. число объекта)' и др.¹⁸² Приведенная выше цитата свидетельствует о его функционировании в чукотско-камчатских языках.

Совершенно аналогичные факты зафиксированы в языке бурунчаки, где налицо суффиксальные показатели массовости действия *-ča*, *-ja* и др., ориентирующие транзитивный глагол на множество реальных объектов, а интранзитивный — на множество субъектов: ср. *huruč-as* 'сидеть', 'садиться' (в ед. числе) ~ *huručai-jas* 'сидеть', 'садиться' (во множ. числе), *dūj-as* 'таять', 'плавиться' (в ед. числе) ~ *dūjai-jas* 'таять', 'плавиться' (во множ. числе), *sū-jas* 'приносить' (в ед. числе) ~ *suč-as* 'приносить' (во множ. числе) и т. д.

Такое же положение встречается и в некоторых кавказских языках. Здесь оно, по-видимому, наиболее характерно для абхазско-адыгских, в которых соответствующий аффикс может и наличествовать либо в глагольной, либо в именной словоформе. Из картвельских языков оно наиболее ярко выступает в сванском языке: ср. *li-škād-e* 'вбивать гвоздь' (в ед. числе) ~ *li-škād-äl-i* (во множ. числе), *li-3gr-i* 'закалывать скот' (в ед. числе) ~ *li-3gār-iel* (во множ. числе), *li-çeb* 'склеивать' (в ед. числе) ~ *li-çeb-äl* (во множ. числе) при *li-rēp-e* 'летать' (в ед. числе) ~ *li-rēp-äl* (во множ. числе), *li-3jen-i* 'висеть' (в ед. числе) ~ *li-3jen-äl-i* (во множ. числе), *li-tbən-e* 'плевать' (в ед. числе) ~ *li-tbən-äl-i* (во множ. числе). Числовое согласование транзитивного глагола-сказуемого с прямым дополнением аффиксом *-i* являлось, как известно, нормой литературного древнегрузинского языка: ср. *daleç-n-a* *kalak-n-i* 'сокрушил (он) города', *mogic-n-a* *čac-n-i* 'дал (он нам) людей', *ganaχi-n-a* *tual-n-i* 'открыл (он) глаза' и т. п.

Об аналогичной ориентации транзитивного и интранзитивного глагола свидетельствует и встречающийся в целом ряде эргативных языков супплетивизм глагольных основ единственного и множественного чисел. В связи с рассматриваемой в настоящей рабо-

¹⁸¹ П. Я. Скорик. Эргативная конструкция предложения в чукотско-камчатских языках. — ЭКПЯРТ, стр. 232.

¹⁸² См.: Fr. Boas. Chinook. «Handbook of American Indian Languages», pt I, стр. 661—662.

те и проблематикой впервые на это обстоятельство на материале северноамериканских языков обратил внимание К. Уленбек, впрочем, сделавший на его основании ошибочный вывод о пассивном характере в последних транзитивного глагола. Он писал следующее: «В этих языках единственное и множественное число одного и того же глагольного понятия обозначаются посредством этимологически различных основ, причем непутно обнаруживается одна в высшей степени существенная особенность подлежащего, заключающаяся в том, что множественное число непереходного глагола отражает грамматический субъект, а множественное число переходного глагола — логический объект, который, следовательно, должен применяться в качестве грамматического субъекта»¹⁸³. Характеризуя функцию такого супплетивизма, Э. Сенир отмечал: «Иногда скорее глагол, чем имя, является органически (*inherently*) сингулярным или плюральным. Грубое представление о такой на первый взгляд нелогичной, однако совершенно естественной классификации, можно составить себе, принимая за таковые английские глаголы *to massacre* и *to troop* как органически плюральные формы, соответственно значащие ‘убивать нескольких’ и ‘бежать (о группе)’»¹⁸⁴.

Это явление, составляющее одну из очень типичных черт активного строя (см. стр. 223—224 настоящей работы), оказывается наиболее характерным для эргативных североамериканских языков. Так, например, в языке цимшиан его знают по меньшей мере около тридцати самых употребительных транзитивных (их семантика: ‘убивать’, ‘брать’, ‘ставить’, ‘есть’ и т. д.) и интранзитивных (семантика: ‘умирать’, ‘стоять’, ‘бежать’, ‘сидеть’, ‘идти’, ‘ложиться’ и т. п.) глаголов¹⁸⁵. Оно, однако, встречается и далеко за пределами их.

С функционально аналогичным глагольным супплетивизмом горюю знакомы кавказоведы, поскольку он в той или иной степени представлен во всех трех группах кавказских языков. Так, из картвельских языков он известен в сванском и грузинском. В последнем он обусловливает числовое противопоставление таких парных глагольных лексем, как *gdeba* (ед. ч. объекта) ~ *qra* (мн. ч. объекта) ‘бросать’, *sma* ~ *sxma* ‘сажать’, ‘ставить’, *mōkwla* ~ *daxocwa* ‘убивать’, *gagdeba* ~ *garekwa* ‘выгонять’; *zdoma* (ед. ч. субъекта) ~ *sxdoma* (мн. ч. субъекта) ‘сидеть’, *adgoma* ~ *aqra* ‘вставать’, *wardna* ~ *swena* ‘падать’, ‘опадать’ и др.¹⁸⁶

¹⁸³ Х. К. Уленбек. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки, стр. 77. Ср. там же, стр. 78—80.

¹⁸⁴ E. Sapir and M. Swadesh. American Indian Grammatical Categories. «Word», 1946, v. 2, № 2, стр. 104.

¹⁸⁵ См.: Fr. Boas. Tsimshian. «Handbook of American Indian Languages», pt I, стр. 381—383.

¹⁸⁶ Ср.: А. Г. Шанидзе. Грамматика грузинского языка, I. Морфология. Тбилиси, 1955, стр. 260—261 (на груз. яз.).

Несколько подобных пар, по-видимому, имеются даже в номинативном мегрельском (ср. *do'otama* ~ *dogwara* 'бросать', *dolapa* ~ *documa* 'падать', *wilua* ~ *zgodara* 'убивать'). Из нахско-дагестанских языков аналогичные оппозиции засвидетельствованы, например, в нахской группе: ср. бацбийск. *лаллар* (ед. ч. объекта) ~ *лахкIар* (мн. ч. объекта) 'гнать', *доллар* ~ *дехкIар* 'сунуть', *хъячIар* ~ *хъансар* 'посмотреть', *даар* ~ *дахкIар* 'приходить'¹⁸⁷. Наконец, такими же примерами из абхазско-адыгских языков могут послужить убых. *ə-* (ед. ч. субъекта) ~ *žə-* (мн. ч. субъекта) 'сидеть', *tə-* ~ *χə-* 'стоять' 'находиться', *wə-* ~ *kə-* 'входить', *γ-* ~ *γə-* 'висеть' и др.

Факты подобного рода могут быть отмечены и в некоторых других языках эргативного строя.

В приведенных выше примерах обращает на себя внимание факт близости семантической сферы, охватываемой в рассматриваемых языках супплетивными глаголами.

С точки зрения малоизученного соотношения временных и аспектуальных (при этом под термином «аспект» имеется в виду категория способа действия) градаций в морфологической структуре глагола языки эргативного строя представляют неоднородную картину, вследствие чего дать их единую в этом отношении характеристику не представляется возможным. В части из них роль аспектуальных оппозиций явно преобладает над ролью темпоральных (в ряде подобных случаев вообще не приходится говорить о различении категорий времени). В то же время в их другой части налицо решительная доминация временных противопоставлений (иногда здесь отмечается и присутствие собственно видовых оппозиций).

В американских представителях эргативного строя аспектуальная характеристика глагола, как заметил еще Фр. Боас, резко преобладает над темпоральной. Типична для них ситуация наблюдается, в частности, в языках майя-киче. Так, в одном из них — кекчи — различается всего несколько времен («пронедшее завершенное», «отдаленное прошедшее завершенное», «незавершенное» и «настоящее обычное»), в основном выражаящихся фонетическим варьированием личных префиксов глагола. Наиболее, разветвленная система аспектов представлена здесь четкими суффиксальными и иногда префиксальными образованиями: *-i* передает завершенный способ действия, *-le* — итеративный, *-b'e* — ренетативный, *-uxi* — дистрибутивный, *-loc* — пэрмантивный, *-ua* — экзостивный и т. п.¹⁸⁸

В. Г. Богораз указывает на неопределенность глагольной категории времени в американских и гренландских диалектах

¹⁸⁷ Ср.: Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963, стр. 469.

¹⁸⁸ См.: M. K. M a u e g s (ed.). Languages of Guatemala. The Hague, 1966, стр. 116—119.

эскимосов, но склоняется к признанию ее наличия в языке азиатских эскимосов¹⁸⁹. Судя по известной литературе, в эргативных китайско-тибетских языках аспектные градации глагола решительно господствуют над темпоральными¹⁹⁰. Сходная картина налицо и в чукотско-камчатских языках. В этом плане интересно, например, признание П. Я. Скорика в том, что постулация им шести форм глагольных времен для чукотского языка в значительной степени условна. По его словам, «имеющиеся шесть форм спряжения глагола скорее всего выражают различные видовые оттенки действия, или его результативность, чем конкретизацию действия во времени. Так, прошедшее первое время обозначает действие совершенное, результат которого уже имеется налицо, например: *ты-лкыт-гэк* '(я) ходил'. В то же время действие, хотя и совершившееся в прошлом и, может быть, происходившее очень давно, но не давшее своего результата, в отношении которого неизвестно, доведено ли оно до конца или совершается до настоящего времени, обозначается настоящим вторым или, как его еще называют, настояще-прошедшем временем (*мы-лкыт-и-гыж* 'хожу' 'ходил')»¹⁹¹.

Значительно менее ясным виду совершено недостаточной изученности вопроса представляется взаимоотношение категорий времени и способа действия в папуасских языках. Дескриптивные грамматики многих из них свидетельствуют о том, что обе категории здесь достаточно развиты. При этом темпоральная семантика соответствующих показателей обычно оказывается тесно слитой с их аспектуальным значением, о чем говорит популярный в современных описаниях термин *«lense-aspect marker»*¹⁹². Судя по эмпирическим исследованиям эргативных австралийских языков, складывается впечатление, что и в последних наблюдается сходная картина¹⁹³. Однако пока не представляется возможным решить, какое из значений — аспектуальное или темпоральное — преобладает здесь в соответствующих показателях.

Вместе с тем в языке бурунгаски, как и во всех других эргативных языках «западного» ареала (в баскском, нахско-дагестанских и, по-видимому, в древних языках Передней Азии), при четких временных оппозициях глагольных форм аспектуальные пред-

¹⁸⁹ См.: В. Г. Б о г о р а з. Материалы по языку азиатских эскимосов. Л., 1949, стр. 65; Г. А. М е н о в щ и к о в. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. II. М. — Л., 1967, стр. 98; Т. U l v i n g. Observations on the language of the Asiatic Eskimo as presented in Soviet linguistic works. «Linguistics», 1971, № 69, стр. 97—99 и 102—107.

¹⁹⁰ Ср.: Е. M a s p e r o. Notes sur la morphologie du Tibéto-Birman et du Minna, стр. 160 и след.

¹⁹¹ П. Я. С к о р и к. Очерки по спираксису чукотского языка. Инкорпорация. Л., 1948, стр. 21.

¹⁹² Ср.: C. L. V o o g h o e v e. The Flamingo Bay Dialect of the Asmat Language. 's-Gravenhage, 1965, стр. 67—127; C. H u r g, Ph. H u r g. Nasioi verbs. «Oceanic Linguistics», 1966, v. IX, № 1, стр. 57—65.

¹⁹³ Ср.: A. C a p e l l. A New Approach to Australian Linguistics, стр. 42—45, 58—59.

ставлены значительно слабее¹⁹⁴. Примерно то же самое можно сказать в отношении обеих категорий языков уже переходной типологии — картвельских и индоиранских.

На промежуточную в рассматриваемом отношении позицию претендуют абхазско-адыгские языки (особенно абхазский). При развитости в последних темпоральных характеристиках глагола его аспектные градации представлены здесь также достаточно разветвленным образом. Так, в частности, в абхазском языке различаются глагольные формы длительности (суффикс дюратива *-la*), повторности (репетативные суффикс *-x* и префикс *ajta-*), много-кратности (итеративный суффикс *-kʷa*), интенсивности (суффикс интенсива *-la*), начиательности (суффикс ингрессива *-za*), чрезмерности (суффикс экспессива *-cʷa*)¹⁹⁵. Не приходится удивляться и тому, что в ряде глагольных лексем исторические аффиксы способа действия здесь, по-видимому, уже слиты с основой глагола, вследствие чего их диахроническая квалификация связана с некоторыми трудностями, ср. морфему *-la* в абхаз. *a-gə-la-ga* 'стоять', *a-qa-la-ga* 'быть' 'становиться', *a-ta-ca-la-ga* 'загонять внутрь', *a-t-i-la-ga* 'разрываться' и др. Достаточно отчетливым образом категория способа действия функционирует и в адыгских языках. Так, например, в кабардинском наряду с развитой категорией времени зафиксировано употребление глагольных аффиксов репетатива *-ж*, итератива *-рей*, перманисива *-эзпыт*, филитива *-пэ*¹⁹⁶.

Еще одной морфологической категорией, обычно рассматриваемой при обсуждении общей проблематики эргативности, является именная категория органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) принадлежности. Группу имен, принимающих притяжательные формы органической принадлежности (совокупность этих форм квалифицируется в некоторых работах дескриптивного плана в качестве парадигмы так называемого «посессивного склонения»), как правило, составляют обозначения: а) частей тела человека, животного и нередко — частей дерева и растения ('голова', 'рука', 'нога', 'глаз', 'ухо', 'сердце', 'колено', 'рог', 'хвост', 'лист', 'корень' и т. п.), б) отношений родства ('отец', 'мать', 'дед', 'брать', 'сестра', 'сын', 'дочь', и т. п.) и

¹⁹⁴ См.: И. И. Зарубин. Вершикское наречие канджутского языка, стр. 299—307.

¹⁹⁵ Ср.: G. Dumézil. *Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest. (Morphologie)*. Paris, 1932, стр. 209—221; Он же. *Documents Anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. V. Études Abkhaz*. Paris, 1967, стр. 35; З. Х. Авидзба. Модальные аффиксы в глаголе абхазского языка (по данным всех абхазско-абазинских диалектов). Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1968; Л. П. Чкадуа. Система временных основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах. Тбилиси, 1970, стр. 267—279.

¹⁹⁶ См.: А. К. Шагиров. Существует ли в кабардинском языке категория глагольного вида? «Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов». Москва, 9—16 августа 1960». Т. III. М., 1963, стр. 541—543.

в) некоторых тесно связанных с человеком или животным понятий и предметов ('имя', 'сон', 'гнев', 'доброта', 'стрела', 'добыча', 'палка', 'след', 'экскременты' и т. п.). Все остальные имена способны принимать лишь формы неорганической принадлежности.

Соответствующее разграничение обычно реализуется таким образом, что первая группа имен всегда характеризуется особой притяжательной аффиксацией, в то время как вторая их группа либо использует последнюю, осложненную некоторым дифференцирующим элементом (такое положение наблюдается в целом ряде северно- и центральноамериканских языков¹⁹⁷ и в адыгейском¹⁹⁸), либо применяет совершенно отличную аффиксацию или другие образования (подобные факты отмечены в некоторых языках Океании)¹⁹⁹. Ср., например, адыгейск. *с-пэ* 'мой пос', *с-лъэ* 'моя ступня', *с-пхъу* 'моя дочь', *с-къош* 'мой брат', *с-цIэ* 'мое имя', *сы-нешIу* 'моя доброта' при *с-и-ши* (< *сы-и-ши*) 'моя лошадь', *с-и-мэлы* 'моя овца', *с-и-уынэ* 'мой дом', *с-и-тхылъ* 'моя книга' и т. н.

Однако охарактеризованную корреляцию форм морфологической категории притяжательности невозможно²⁰⁰ признать фреквенталией эргативного строя, так как в большинстве его представителей не существует оппозиции притяжательных аффиксов, функционально разграниченных по признаку органической и неорганической принадлежности. Подобная оппозиция проводится, впрочем, несколько пепоследовательно, по-видимому, лишь в ряде американских языков (из семейств чинук-цимшиап, алгонкин-ритва, салиш, юто-ацтек) и в адыгейском (напротив, она строго выдерживается в языках активного строя). В большинстве же эргативных языков палило иная картина. Так, в некоторых североамериканских языках, в австралийских и в бурушаски все различия в посессивной флексии сводятся к тому, что первая группа имен постоянно употребляется с функционально никак не дифференцированными притяжательными аффиксами, в то время как вторая группа нередко встречается и без них (например, в языке бурушаски к первой относятся такие субстантивы, как *-ltimal* 'ухо', *-sumal* 'хвост', *-mí* 'мать', *-amis* 'внук', *-mos* 'гнев', *-aski* 'подушка', ко второй — *halanc* 'луна', *daman* 'хозяин', *hayur* 'лошадь', *yokurats* 'ворон', *bíruš* 'тыква' и др.²⁰⁰). В ряде других языков эргативного строя, в таких, как эскимосско-алеутские, чукотско-камчатские, боль-

¹⁹⁷ Ср.: Х. К. Улебек. Идентифицирующий характер посессивной флексии в языках Северной Америки. «Эргативная конструкция предложения», стр. 186—207.

¹⁹⁸ Ср.: Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, стр. 292—299; Г. В. Рогава, З. И. Керашева. Грамматика адыгейского языка. Краснодар — Майкоп, 1966, стр. 68—71.

¹⁹⁹ Ср.: Л. Леви-Брюль. Выражение принадлежности в меланезийских языках. «Эргативная конструкция предложения», стр. 208—217.

²⁰⁰ Ср.: D. L. R. Logie. The Burushaski Language. V. I. Introduction and grammar with preface by G. Morgenstierne. Oslo, 1935, стр. 135—137.

шинство абхазско-адыгских, а также хурритско-урартские и шумерский, функционирует недифференцированная категория притяжательности, не знающая каких-либо дистрибутивных ограничений. Наконец, основная часть эргативных языков «западного» ареала характеризуется тем, что здесь посессивные отношения передаются преимущественно уже не личными формами имени, а притяжательными местоимениями: ср. баскск. *eñe semea* 'мой сын', аварск. *dir eñen* 'мой отец', чанск. *skani dolokunu* 'твоя одежда'.

Как видно из сказанного, возможности обоснования логической связи морфологической категории притяжательности с эргативным строем весьма проблематичны (в пользу такой связи, в частности, не говорит и то обстоятельство, что функцию аффиксов органической принадлежности по эргативным языкам постоянно принимают на себя личные аффиксы абсолютного ряда). Однако с точки зрения диахронической перспективы функционирования эргативности названные способы передачи посессивных отношений оказываются весьма показательными (см. стр. 225—226 настоящей работы).

В связи с рассмотрением вопросов о сущности класса «лабильных» глаголов, об особенностях надежной парадигмы, о соотношении морфологических категорий времени и аспекта в глагольной структуре, а также о способах передачи посессивных отношений в предшествовавшем изложении неоднократно отмечалась возможность расчленить всю область распространения эргативности на два ареала — «западный» и «восточный». Это разбиение может оказаться полезным и в ряде иных отношений — например, при диахронической квалификации характерных для каждого из них явлений. Во всяком случае оно обладает достаточной степенью общности для того, чтобы его можно было использовать в общей теории эргативности. Тем не менее некоторая условность такого членения должна быть очевидной, поскольку типологическая специфика языка не может быть каким-либо образом поставлена в связь с его локализацией в географическом пространстве. В частности, исключение составляет в этом плане позиция абхазско-адыгских языков, которые несмотря на свое западное географическое положение по целому комплексу структурных признаков тяготеют к представителям «восточного» ареала. Напротив, уже на современном этапе исследования трудно отделаться от впечатления, что другое исключение образуют отдельные из американских языков эргативного строя, обнаруживающие точки соприкосновения с представителями «западного» ареала.

Особенное внимание обращают на себя прецеденты повторения широких совокупностей перечисленных выше явлений по самым разным языкам эргативной типологии. Структурные параллелизмы подобного рода уже давно оказались в поле зрения исследователей и, как известно, побуждали некоторых авторов искать между ними и генетические связи.

Так, объектом неоднократного рассмотрения служили некоторые далеко идущие аналогии, встречающиеся в структуре кавказских и североамериканских языков ²⁰¹. В настоящее время их число может быть существенно увеличено. Наиболее многочисленна общность таких разноуровневых черт, наблюдающаяся между абхазско-адыгскими языками северо-западного Кавказа, с одной стороны, и языками цимшиан-чинук тихоокеанского побережья Канады и США, с другой. При этом особенно бросается в глаза «американоидный» облик абхазского и абазинского языков. При эргативной структуре предложения «глагольного» или «сменяющего» морфологического тина, естественно вписывающейся в обоих случаях в полисинтетизм глагола, — последний включает помимо превербов и ряда адвербальных элементов по нескольку личных префиксов (до пяти — в абхазско-адыгских, до трех — в цимшиан-чинук) и показатель версии. — в обеих языковых группах встречаемся и с различием исклюзивного и эксклюзивного местоимения 1-го лица множественного числа, и с противопоставлением притяжательных форм органической и неорганической принадлежности в именах и, наконец, с семантической классификацией имен, находящей свое формальное отражение как в личных показателях 3-го лица глагола, так и в именных суффиксах множественности и в указательных местоимениях. Известный немецкий кавказовед Г. Деетерс даже отмечал, что если бы абхазский язык локализовался в Северной Америке, то его структурный тип, очевидно, дал бы некоторым авторам основания предположить его генетическую связь с американскими языками.

Именно общие импликации и квазимпликации эргативности и прежде всего эргативная типология предложения и соответствующие ей морфологические корреляты всегда лежали в основе настойчивого стремления обосновать генетическое единство всех групп кавказских языков. Структурные наравлелизмы этого же рода, обнаруженные между нахско-дагестанскими языками и бурунчаки, привели некоторых исследователей к мысли о принадлежности последнего к кавказским ²⁰². Эти же признаки, разделяемые баскским языком и рядом кавказских, всегда составляли один из наиболее популярных аргументов гипотезы эвско-кавказского родства ²⁰³.

²⁰¹ Ср.: Н. Ф. Яковлев. Древние языковые связи Европы, Азии и Америки. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1946, т. V, № 2, стр. 141—148; T. M ile w s k i. Typological similarities between Caucasian and American Indian Languages. — В кн: T. M ile w s k i. Etudes typologiques sur les langues indigènes de l'Amérique. Kraków, 1967, стр. 7—14.

²⁰² Ср.: Н. Я. Марр. Яфетиды. «Избранные труды», т. I. Л., 1933, стр. 129; О н же. Яфетический Кавказ и третий этнический элемент в созидании средиземноморской культуры. «Избранные труды», т. I, стр. 108—113.

²⁰³ Ср.: Н. Я. Марр. Яфетический Кавказ...; R. L a f o n. Le géorgien et le basque sont-ils des langues parentés? «Bedi Kartllisa», № 26—27 (n. s.). Paris, 1957.

Нетрудно заметить, однако, что ни в одном из этих случаев факт генетического родства сопоставляемых языковых группировок не был и не мог быть доказан.

Значительно больший интерес, в частности в связи с рассматриваемой в настоящей работе проблематикой, представляют существующие попытки интерпретации этих распределенных по языкам без видимой закономерности явлений в качестве проявления общности исключительно типологического порядка.

Так, еще в первой четверти текущего столетия структурно-типологические параллелизмы североамериканских и чукотско-камчатских языков, во многом обусловленные их эргативным строем, заставили американистов включить в состав известного сборника «Handbook of American Indian Languages» грамматический очерк В. Г. Богораза по чукотскому языку. В своем предисловии к последнему Франц Боас подчеркивал, что «представлялось важным присоединение чукотского языка к очеркам в «Handbook», так как он с определенностью свидетельствует, что черты, наиболее характерные для многих американских языков, обнаруживаются и на континенте Азии»²⁰⁴. К сравнительно позднему времени относится попытка Н. Хольмера постулировать, опираясь на некоторые из перечисленных выше структурных общностей баскского, шумерского и кавказских (главным образом карточельских) языков, так называемый «иберо-кавказский лингвистический тип»²⁰⁵. Однако наиболее широкий опыт подобного рода был предпринят представителями «яфетической» теории, быстро преодолевшими первоначальный соблазн генетической интерпретации таких языковых параллелизмов и приступившими к поискам их истолкования в историко-типологическом плане. При этом предполагалось, в частности, что и «индоевропейская семья языков типологически есть создание новых хозяйственнопод общественных условий, по материалам же, а пережиточно и по многим конструктивным частям, это — дальнейшее состояние тех же яфетических языков»²⁰⁶.

Вместе с тем известны лишь единичные попытки обоснования типологической связности отдельных из рассматриваемых фактов. Так, заслуживает упоминания попытка О. П. Суника поставить в логическую связь оппозицию притяжательных форм органической и неорганической принадлежности с функционированием в языке бинарной классификации имен («1. Класс имен, обозначающих социальные или псевдосоциальные (антропоморфизированные) существа; 2. Класс имен, обозначающих все прочие

²⁰⁴ См.: «Handbook of American Indian Languages», pt 2. Washington, 1922, стр. 673.

²⁰⁵ См.: N. M. Holmег. Ibero-Caucasian as a linguistic type. «Studia Linguistica», 1947, I, № 1.

²⁰⁶ Н. Я. Марр. Индоевропейские языки Средиземноморья. «Избранные работы», т. I. Л., 1933, стр. 185.

предметы»²⁰⁷). С другой стороны, Т. В. Гамкрелидзе сопоставил с последней лексемное противопоставление инклузивного и эксклюзивного местоимений 1-го лица множественного числа. Согласно его мнению, «эта прономинальная категория была структурно мотивирована бинарной (двоичной) системой грамматических классов. Морфологическая система грамматических классов бинарной структуры [человек—весь (т. е. личный—неличный), одушевленный—неодушевленный] предполагает наличие категории инклузива—эксклюзива в прономинальной системе»²⁰⁸.

Из содержащейся в этой главе синхронной характеристики эргативного строя с необходимостью вытекает вывод о его довольно очевидной внутренней противоречивости. Интересно, что лишь относительно небольшая совокупность разноуровневых явлений (лексемное противопоставление транзитивных и интранзитивных глаголов, корреляция эргативной и абсолютной конструкций предложения, противопоставление аффиксов эргативного и абсолютного ряда в глаголе-сказуемом, аффиксов эргативного и абсолютного падежей в именных компонентах) составляет здесь систему, служащую для передачи принципиальных отношений эргативности и тем самым образующую ее собственную структурную специфику. Значительно большее число явлений, получивших в настоящей работе квалификацию фреквенталий или квазимиликаций эргативности, не составляет особенностей эргативного строя. В одном случае они как-то приспособлены к механизму последнего, в другом — функционируют на иравах «несистемных» фактов.

Если попытаться кратко охарактеризовать то содержательное начало, которое мотивирует структурные особенности эргативного строя, то оно может быть сведено к понятию субъектно-объектной детерминанты. Именно па передачу отношений, существующих между субъектом и объектом, ориентируется основная совокупность элементов его как профилирующей, так и периферийной структуры. Тем самым семантические детерминанты, определяющие структурный облик эргативных и номинативных языков, оказываются если не идентичными, то во всяком случае очень близкими. Естественным следствием этого является и несколько фундаментальных структурных принципов, сближающих представителей того и другого строя (при этом нельзя не подчеркнуть значительной типологической неопределенности понятия номинативного строя как оно сформулировано в современном языкознании), противопоставляя их, в частности, активным языкам. Так, если в эргативных языках налицо лексикализация глагольных слов по признаку транзитивности — интранзитивности, с чем свя-

²⁰⁷ См.: О. П. Суник. О категории отчуждаемой и неотчуждаемой принадлежности в тунгусо-маньчурских языках. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1947, вып. 5, стр. 445; J. Wills. Het passieve werkwoord in de Indonesische talen. «Verhandelingen Kon. Inst. TLY», 1952, XII, стр. 31—32, 27.

²⁰⁸ Т. В. Гамкрелидзе. Сибирянские соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картаельских языков. Тбилиси, 1959, стр. 11.

зано разграничение в инвентаре членов предложения прямого и косвенного дополнений, то в номинативных нередко встречается лексемная оппозиция транзитивно-интранзитивных интранзитивным, что как будто позволяет и в них различать обе разновидности дополнения. Ср. также функционирование целого ряда морфологических элементов, специально передающих субъектно-объектные отношения (личных морфем глагола, некоторых падежных форм, отдельных морфологических классов слов). Помимо названных фундаментальных черт эргативные и номинативные языки объединяются и значительной совокупностью менее существенных явлений (ср. категорию времени в глагольной морфологии).

Представляется вполне естественным, что на начальном этапе исследования проблематики эргативности акцент ставился на существующих между эргативными и номинативными языками структурных расхождениях (впрочем, еще сравнительно недавно допускалось, что эргативные языки иллюстрируют чуть ли не «дограмматическое» состояние²⁰⁹). Однако в настоящее время, когда стали известны некоторые другие структурные типы языка, оказывается возможным подчеркнуть их большую близость. Судя по всему вообще эргативный строй представляет собой наиболее близкую к номинативному языковую структуру. Иногда даже полагают, что различия между обоими — в языковой технике²¹⁰.

Не менее важно отметить, что эти расхождения образуют точки соприкосновения эргативного строя с активным. К последним следует отнести: целый ряд лексических фреквенталий эргативности (распределение имен по двум лексическим классам группы так называемых «диффузных» и «статических страдательных» глаголов, некоторые другие специфические оппозиции в более частных подсистемах лексики), отдельные синтаксические черты (доминания глагольного сказуемого над именными членами предложения, аффективная конструкция предложения, линейные отношения членов предложения), особенности некоторых элементов морфологической системы (функциональная специфика эргативного и абсолютного надежей, противопоставление притяжательных форм органической и неорганической принадлежности в имени и т. д.).

Не будет большим преувеличением сказать, что типология эргативного строя представляет собой довольно сложное сочетание элементов типологии номинативного и активного. Уже нодобная ее синхронная характеристика в какой-то степени подготавливает исследование к выдвижению соответствующей гипотезы историко-типологического плана. Однако прежде чем специально обратиться к рассмотрению проблемы генезиса эргативности, представляется необходимым установить основные тенденции структурной эволюции языка, протекающей в рамках самого эргативного строя.

²⁰⁹ Ср.: W. J. Entwistle. Pre-grammar? «Archivum Linguisticum», 1949, v. 1, fasc. 2, стр. 121.

²¹⁰ Ср.: В. Г. Гак. К проблеме семантической синтагматики. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1972, стр. 390—391.

ЭРГАТИВНОСТЬ В ДИАХРОНИИ

Одни из наиболее содержательных и важных в ряде отношений аспектов исследования проблемы эргативности составляет рассмотрение диахронических закономерностей функционирования эргативного строя. Именно анализ последних позволяет прийти к некоторым соображениям относительно как процессов постепенной трансформации эргативного строя, так и его происхождения. Настоящая глава ограничена рассмотрением основных закономерностей эволюции эргативности, в то время как специфическая и несомненно более сложная проблематика ее генезиса, которая требует апелляции к типологическициальному состоянию языка, вынесена в заключительную главу. Целесообразно подчеркнуть, однако, что оба процесса реализуют, по-видимому, единую линию эволюции языковой структуры.

Наиболее общая закономерность диахронического функционирования эргативного строя может быть сформулирована как тенденция к постепенной утрате импликаций и фреквенталий эргативности на всех уровнях структуры языка. Снятие соответствующих импликаций происходит при этом более или менее параллельным образом. Деградации старого качества сопутствует формирование элементов качественно новой языковой структуры — структуры номинативного строя. Фреквенталии эргативности снимаются как будто без видимой закономерности. Следует заметить, что с наблюдающейся тенденцией хорошо согласуются и пережитки эргативного строя, спорадически прослеживающиеся во многих ныне номинативных языках¹ (о прецедентах эргативизации структуры некоторых представителей номинативного строя см. стр. 212—213 настоящей работы).

¹ Наиболее ранние попытки их выявления см., например, в работах: С. Д. К а ц н е л ь с о н. К генезису номинативного предложения. «Труды Ин-та языка и мышления им. Н. Я. Марра», IV. Серия Romano-Germanica. М.—Л., 1936, стр. 93—103 и М. М. Г у х м а н. Происхождение строя готского глагола. Л., 1940, стр. 132—153.

При этом ведущая роль, по-видимому, принадлежит преобразованию лексических импликаций эргативности, чем обусловливаются соответствующие изменения на других уровнях языковой структуры — прежде всего в синтаксической и морфологической системах языка.

ЛЕКСИКА

Пожалуй, наиболее интересные по своему содержанию процессы имеют место в лексической системе рассматриваемых языков.

Здесь последовательно сокращается удельный вес таких фреквенталий эргативности, каковыми являются группы так называемых «диффузных» и «статических страдательных» глаголов, лексикализованных по признаку активности ~ инактивности обозначаемого действия. Аналогичную тенденцию обнаруживает и группа аффективных глаголов. Параллельно с этим формализуется, а иногда вообще утрачивается лексическая классификация имен существительных. Постепенно снимается и целый ряд более частных лексических оппозиций. Так, нейтрализуются серии глагольных слов, сочетающихся с именами определенного класса, утрачивается противопоставление местоименных лексем 1-го лица множественного числа инклюзивной и эксклюзивной семантики. Один из интереснейших аспектов днахронического функционирования эргативности образует становление целой группы глагольных слов типологически поздней формации, передающих типичные субъектно-объектные отпношения и более характерных для номинативных языков. К этому процессу примыкает и формирования в некоторых эргативных языках глагола-связки.

Наконец, наиболее поздние этапы эргативности характеризуются очевидным ослаблением лексемного противопоставления между транзитивными и интранзитивными глаголами, находящим свое выражение, в частности, в учащающихся случаях употребления исторически транзитивных глаголов в роли интранзитивных, в уподоблении их морфологической структуры и т. п.

Для эргативных языков очень характерен процесс постепенного сокращения нередко встречающейся в них группы «диффузных» глаголов за счет их лексемной дифференциации по профилирующему признаку транзитивности ~ интранзитивности. Хотя подобное обособление, как это уже неоднократно отмечалось в специальной литературе, составляет здесь магистральную линию развития², в отдельных языках засвидетельствованы и precedents формирования «диффузных» глаголов, что должно указывать на обычную в эволюции языковой структуры ненримолинейность процесса деградации явления. В частности, в абхазско-адыгских языках зафиксирован по крайней мере один пример подобного новообразования — имеется в виду адыгейск. *у-бырыу-н* 'бура-

² Ср., например: Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, стр. 325; С. Д. Кадиельсон. К происхождению эргативной конструкции.— ЭКПЯРТ, стр. 40.

вить' (производное от заимствованного *бырыу* 'бурав'). Ср. также мнение о случаях преобразования отдельных интранзитивных глаголов в класс так называемых «переходно-непереходных» в табасаранском языке ³.

Ввиду того, что синтаксическая и морфологическая амбивалентность этой кепродуктивной группы глаголов не получает структурной мотивации в рамках эргативного строя, естественно предположение, что она исторически ориентирована на обслуживание качественно иного противопоставления глагольных слов и функционирует здесь на правах *пережитка*.

Любопытно, что еще в 1940 г., рассматривая «переходно-непереходные» глаголы в чеченском языке, Н. Ф. Яковлев справедливо заметил, что «по-видимому, мы здесь имеем дело с *пережитком глубочайшей старины*, когда переходное и непереходное предложение, а в связи с этим *переходный* и *непереходный* залоги (термин «залог» имеет у автора несколько отличный от обычного смысл. — Г. К.) в глаголе еще не были раздвоены, разграничены. Таким образом, в этих глаголах мы имеем остаток первоначального общего оборота и соответственно залога» ⁴.

Как отмечает в аналогичной связи А. А. Бокарев, двойственность семантики «лабильных» глаголов, «конечно, не может быть случайной. Она может быть объяснена только как следствие развития в лексически и синтаксически едином глаголе противоположных синтаксических (а в некоторых случаях и лексических) значений. Совпадение двух различных звучаний в одной звуковой форме делает весьма вероятным предположение, что сквозь современную двузначность глаголов проглядывают более старые отношения, перекрытые господствующим сейчас делением глаголов на переходные и непереходные. Исторической основой этой двузначности является, очевидно, неразличение переходности и нене-переходности. Некоторые глаголы в дальнейшем закрепились как непереходные, однако возможность их непереходного употребления указывает на их былое безразличие в отношении переходности и нене-переходности. Другие глаголы закрепились как преимущественно непереходные, по употреблению их в качестве непереходных указывает на то же безразличие» ⁵.

Эти более старые отношения, судя по всему, должны были быть аналогичными характерным особенностям лексической структуры языков активного строя, различающих не транзитивные и интранзитивные глаголы, а активные и стативные, первые из которых более или менее систематически реализуют глагольную диатезу незалогового характера (общую характеристику лексиче-

³ См.: Б. Г.-К. Х а м а г о м е д о в. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970, стр. 82—82.

⁴ Н. Ф. Я к о в л е в. Синтаксис чеченского литературного языка. М. — Л., 1940, стр. 62.

⁵ А. А. Б о к а р е в. Синтаксис аварского языка. Л., 1949, стр. 47.

ских импликаций активного строя см. на стр. 215—218 настоящей работы).

Нельзя пройти мимо того обстоятельства, что факт становления класса «диффузных» глаголов засвидетельствован, как известно, в индоиранском ареале. Так, например, отмечается, что «глагол matr- 'говорить', встречающийся во многих дардских языках (особенно в кафирской подгруппе), являющийся по смыслу переходным и управляющий отиосящимися к нему второстепенными членами предложения, может спрягаться и как переходный и как непереходный, т. е. образовывать и номинативную и эргативную конструкции»⁶. Такая же возможность характеризует, в частности, и группу глаголов в хинди: ср. номинативное построение Laṅkī dūdh pī gaī 'девочка молока выпила' при семантически аналогичном эргативном Laṅkī ne dūdh pīya⁷. Однако в настоящее время едва ли возможно доказать, что такое развитие обусловлено внутренними закономерностями эволюции языка. Можно догадываться, что оно объясняется стимулами, заданными историческим субстратом, с воздействием которого в истории индоиранских языков приходится считаться.

В языках эргативного строя существует следующая довольно очевидная закономерность: наличие обширной группы «диффузных» глаголов является типичной чертой раннего этапа функционирования в языке эргативности и, напротив, языки, нереживающие поздние ступени эргативности, характеризуются полным отсутствием этой группы.

Максимальное число «диффузных» глаголов засвидетельствовано в северноамериканских языках эргативного строя, которые вообще обнаруживают особенно тесные структурные связи с активным строем (не случайно в этих языках существуют специальные морфологические признаки транзитивности и интранзитивности глагольной формы — «транзитивайзеры» и «интранзитивайзеры» дескриптивных грамматик). Очень высоким оказывается процентное содержание этих глаголов в эскимосско-алеутских языках (последнее обстоятельство иногда даже склоняло к мысли, что в алеутском нет оппозиции транзитивных и интранзитивных глаголов, что в свою очередь давало основания исключать его из числа эргативных⁸). Их много в даргинском языке, в котором практически любой глагол длительного вида как будто способен иметь морфологически как транзитивную, так и интранзитивную структуру⁹. Весьма значительное число «диффузных» глаголов зафик-

⁶ Д. И. Эдельман. Дардские языки. М., 1965, стр. 33—34.

⁷ Ср.: Т. Я. Елизаренкова. Эргативная конструкция в новоиндийских языках. — ЭКПЯРТ, стр. 120—121.

⁸ Ср., например: И. И. Мещанинов. Новое учение о языке. Стадиальная типология, Л., 1940, стр. 72—73.

⁹ См.: С. Л. Быховская. Особенности употребления переходного глагола в даргинском языке. Сб. «Памяти академика Н. Я. Марра (1864—1934)». М.—Л., 1938, стр. 59—63; ср.: З. Г. Абдуллаев. Категория надежда в даргинском языке. Махачкала, 1961, стр. 120—121.

сировано в чукотско-камчатских языках (так, по приблизительным подсчетам из более чем 2000 глаголов, приводимых чукотско-русским словарем, при около 1100 интранзитивных и 150 транзитивных некаузативных глаголах имеется около 300 «диффузных»¹⁰). Весьма значителен их удельный вес в древнеегипетском (здесь в настоящее время выявлено около 200 таких глаголов)¹¹, и, как позволяют думать некоторые факты, — в отдельных австралийских. Несколько меньшее число «диффузных» глаголов представлено в абхазско-адыгских языках: например, в адыгейском их отмечено 94, в абхазском — 80¹². Еще малочисленнее в целом группа этих глаголов в нахско-дагестанских языках, где она, существенно варьируя по своему объему, иногда даже вовсе отсутствует (относительно более богаты ими языки аварско-апдийско-цеэской группы).

Далеко продвинутый процесс стабилизации глагольных слов по принципу транзитивности — интранзитивности в аварском языке заметил фактически еще в 1931 г. К. Боуда, когда констатировал, что здесь все глаголы, обозначающие повторность, многократность или продолжительность переходного действия, обусловливают постановку имени подлежащего не в форме эргатива, а в «поминативе»¹³. Имеющее место в подобных случаях распространение глагольной основы соответствующим аффиксом иллюстрирует собой один из нутей лексической дифференциации исторически «диффузного» глагола на глагол с транзитивной семантикой и глагол с интранзитивной. В чеченском языке Н. Ф. Яковлев отмечает сохранение всего лишь четырех глаголов, «употребляемых как в переходном, так и неперходном залоге»¹⁴. По свидетельству С. М. Хайдакова, в лакском языке в настоящее время сохраняется единственный глагол этого класса *бивчлан* ‘умирать’, ‘убивать’. О древности рассматриваемой группы глаголов в нахско-дагестанских языках говорит то обстоятельство, что, например, лексема **kʷ(a)* ‘убивать’, ‘умирать’ проецируется в праязыковое состояние¹⁵.

¹⁰ См.: П. И. Инейликий, В. П. Недялков. Из наблюдений над эргативной конструкцией в чукотском языке. — ЭКПЯРТ, стр. 248.

¹¹ См.: М. А. Коростовцев. Категория переходности и неперходности глаголов в египетском языке. «Вестник древней истории», 1968, № 4, стр. 114—118.

¹² Ср.: А. Шаба. Абхазский язык (материалы из абхазской грамматики). «Труды Абхазского НИИ краеведения», вып. II. Сухуми, 1934, стр. 21—22; Ш. К. Ристава. Глаголы лабильной конструкции в абхазском языке. «Труды Абхазского ин-та ЯЛИ им. А. Гулина», т. XXX. Сухуми, 1959, стр. 209—214; Н. Т. Гишев. Глаголы лабильной конструкции в адыгейском языке. Майкоп, 1968.

¹³ См.: К. Бонда. *Subject- und Objectkasus bei sh awarischen Verbum. «Caucasica», 1931, fasc. 9, стр. 42*; ср. также: А. А. Бокарев. О «пассивном характере аварского переходного глагола», стр. 59—61.

¹⁴ См.: Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка. М.—Л., 1940, стр. 61—62.

¹⁵ Ср.: Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. (Материал к курсу). Махачкала, 1961, стр. 63.

В некоторых языках эргативного строя исторически паличествовавшая группа «диффузных» глаголов иногда бывает пережиточно представлена узкими группами семантически «переходно-непереходных» глаголов. Так, например, в лезгинском языке к ней относятся, *къин* ‘убивать’ ‘умирать’, *хун* 1. ‘разбить, -ся’, 2. ‘родить, -ся’, *чурун* ‘печь, -ся’, *кхун* ‘гореть’ ‘жечь’, *къурун* ‘сохнуть’ ‘сушить’, *амIун* ‘обрывать, -ся’, *ругун* 1. ‘кипеть’ ‘кипятить’, 2. ‘варить, -ся’, *къазунун* ‘порвать, -ся’¹⁶. Аналогичная глагольная группа, по-видимому, имеется и в агульском языке¹⁷.

Наконец, в ряде случаев группа «диффузных» глаголов может быть прослежена уже исключительно в аспекте этимологического исследования. Так, например, о былой лабильности в древнейшем общекартвельском состоянии глагола *qed-: qd- ‘идти, нести’ могут свидетельствовать характеризующиеся различными вокалическими чередованиями сваиские формы типа *an-qad* ‘он пришел (сюда)’ ~ *an-qid* ‘он принес (сюда)’. К аналогичному предположению приводит и соопоставление картвельских глагольных форм типа груз. *cw-aw-s* ‘жжет’ ~ *i-cw-is* ‘горит’, *a-šr-ob-ə* ‘сушит’ ~ *~ šr-eb-a* ‘сохнет’ (впервые в этой связи на них обратила внимание М. М. Гухман в одной из своих неопубликованных работ).

В ходе лексикализации «диффузных» глаголов в качестве транзитивных или интранзитивных ведущая роль, по-видимому, принадлежит частотности употребления непереходных и неперходных форм, в конечном счете определяющей их результирующую семантику. В кавказоведческой литературе зафиксированы интересные примеры принципиально «диффузных», но имеющих уже преимущественно транзитивное или интранзитивное употребление глаголов, которые иллюстрируют самый яроцесс нодобной «стабилизации»¹⁸.

Аналогичная тенденция к сокращению объема характеризует в эргативных языках и класс так называемых «статических страдательных» глаголов, преобразующихся в интранзитивные. В целом этот процесс реализуется, но-видимому, более быстрыми темпами, чем параллельная перестройка «диффузных», что может объяснить факт их относительно редкой фиксации по языкам эргативного строя (при этом следует, вероятно, учитывать и некоторые трудности опознания «статических страдательных» глаголов и, в частности, то обстоятельство, что в отличие от «диффузных» и подобно интранзитивным они обусловливают только абсолютную конструкцию предложения).

Еще одну непродуктивную группу образуют в языках эргативного строя аффективные глаголы. Ее функционирование также

¹⁶ См.: М. М. Гаджиев. Синтаксис лезгинского языка. Ч. I. Простое предложение. Махачкала, 1954, стр. 98—100.

¹⁷ Ср.: А. А. Магометов. Агульский язык. (Исследование и тексты). Тбилиси, 1970, стр. 168.

¹⁸ Ср.: А. А. Бокарев. Синтаксис аварского языка. М., 1949, стр. 45 и след.

не находит мотивации в рамках эргативной структуры и обнаруживает, как это уже неоднократно было показано в специальных исследованиях, тенденцию к сокращению. В настоящее время эта группа уже представлена, по-видимому, в меньшинстве эргативных языков.

Тенденция к ее редукции наиболее полно прослежена на материале кавказских языков. Так, в бацбийском языке аффективный глагол ныне уже допускает параллельно организацию как аффективной, так и эргативной конструкций предложения (ср., например, *MumIy-un хъо гу// MumIo-с хъо гу* 'Мито тебя видит'), что обозначает факт контаминации аффективных глаголов с транзитивными¹⁹. В другом нахско-дагестанском языке — литературном даргинском — сохранился лишь единственный аффективный глагол — *дигес* 'хотеть' 'любить'. Процесс контаминации исторически аффективных глаголов с транзитивными засвидетельствован также в удинском и некоторых других языках²⁰. Довольно далеко вродвинут аналогичный процесс в абхазско-адыгских языках. Так, в абхазском, где отмечают все усиливающуюся тенденцию сближения «инверсивных» глаголов с транзитивными, словоформа аффективного глагола даже с точки зрения аранжировки субъектно-объектных показателей обычно уже идентична со словоформой транзитивного и различия в структуре обоих сохраняются в настоящее время лишь в формах их императива (ср. транзитивную форму *и-л-гойтI* 'то-она-несет' при аффективной *и-с-гуапхейтI* 'то-я-люблю' 'то-мне-'правится' с первой префиксальной позицией, занятой в обоих случаях показателем объекта и второй — показателем субъекта)²¹.

Очень пестрая картина, характеризующая языки эргативного строя в отношении имешкой классификации, рассматривается в специальной литературе как следствие неравномерно протекающего в них процесса ее преобразования и деградации. Начальные ступени этого процесса обычно связываются с затмением логически прозрачного основания классификации имен по признаку активности («одушевленности») — инактивности («неодушевленности») соответствующих им денотатов, которое приводит к большей абстрактности принципа разбиения имен (ср., в частности, широко распространенную точку зрения, согласно которой группировка имен по категории рода исторически должна восходить к более древнему распределению субстинтивов по признаку актив-

¹⁹ Ср.: Ю. Д. Дешериев. Особенности эргативной конструкции в нахских языках. «Вопросы грамматики». (Сб. статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова). М.—Л., 1960, стр. 56—57.

²⁰ Ср., например: Е. Ф. Джеранишвили. Удийский язык. (Грамматика, хрестоматия, словарь). Тбилиси, 1971, стр. 100 (на груз. яз.)

²¹ См.: К. В. Ломтатидзе. Категория переходности в абхазском языке. «Изв. ИЯИМК», XII. Тбилиси, 1942, стр. 17; И. О. Геадзе. Инверсивные глаголы (*verba sentiendi*) в абхазском языке. «Лингвистические исследования». Л., 1970, стр. 329 и след.

ности) и пассивности²². Одним из наиболее часто повторяющихся по эргативным языкам направлений развития является перестройка более древнего разбиения имен на активные и инактивные в номинальную классификацию, основанную на принципе противопоставления социально актуальных денотатов неактуальным. В ходе этого процесса в первый класс начинают включаться обозначения ряда общественно важных предметов и, напротив, во второй класс из него переходят названия социально незначимых животных и растений. Именно такая бинариальная классификация субстантивов засвидетельствована в целом ряде североамериканских языков эргативного строя, будучи особенно характерной для алгонкинских. Ее специфика в языке оджибва заключается, по-видимому, лишь в том, что в состав имен первого класса помимо обозначений людей, животных и растений здесь уже входят некоторые названия социально значимых предметов: ср. *nenk* 'звезда', *kæk* 'котел', *-wibət* 'зубы', *-škizək* 'глаза' и др.²³ Должна быть очевидной большая близость этой системы к распределению субстантивов на активные («одушевленные») и инактивные («неодушевленные»), чем и объясняется обычая для специальной литературы квалификация ее основания как оппозиции *animate* ~ *inanimate*. Эмпирические исследования эргативных языков позволяют постулировать в их истории два основных пути снятия этого противопоставления. Одна линия развития оказывается связанной с непосредственным снятием классной системы. Ее другая линия предполагает формирование на каком-то этапе более сложных именных классификаций, обычно так или иначе отражающих степень общественной значимости отдельных групп денотатов. В процессе функционирования эти классификации все более утрачивают свою содержательную нагрузку, постепенно превращаясь в более или менее формальное средство грамматической связи слов в предложении. В настоящее время едва ли можно сказать, какой из обоих названных путей оказывается более типичным. Несомненно, однако, то обстоятельство, что полная утрата номинальной классификации обозначает в рассматриваемых языках факт существенно продвинутой перестройки эргативности.

Относительно полнее описанный процесс прослеживается на материале таких представителей эргативного строя, какими являются нахско-дагестанские языки. Уже проецируемая в их

²² Ср.: A. Meillet. *La catégorie du genre et les conceptions indo-européennes*. — В кн.: A. Meillet. *Linguistique historique et linguistique générale*. Paris, 1921; М. Я. Немировский. Род и класс. К вопросу о генезисе номинальных классификаций. «Изв. Ингушского НИИ», т. VI, вып. 2. (Отд. истории и языка). Орджоникидзе — Грозный, 1934—1935; С. Meillet. Die Entstehung des grammatischen Geschlechts. «Zeitschrift für Ein geborenen Sprachen», 1936, т. 27, стр. 81 и след.; L. Hjelmslev. *Animé et inanimé, personnel et non-personnel*. «Travaux de l'Institut Linguistique», 1956, v. 1.

²³ Ср.: N. M. Holmér. *The Ojibway on Walpole Island, Ontario. (A linguistic study)*. «Upsala Canadian Studies», VI. Lund, 1953, стр. 23—24.

праязыковое состояние четырехклассная система, представленная оппозицией имен мужчин, женщин, животных и всего остального, содержит в несколько осложненном виде (вследствие наложения дополнительного основания классификации по признаку разумности — неразумности соответствующих денотатов) первоначальное разбиение субстантивов на активные и инактивные. В частности, еще С. Л. Быховская и Л. И. Жирков апеллировали в этой связи к исходному принципу противопоставления «активных» и «пассивных» денотатов²⁴. Только подобный принцип распределения еще дает о себе знать в именных формах множественного числа целого ряда пахско-дагестанских языков, различающих всего два класса, первый из которых соотносится с именами людей и животных, а другой — с именами всего остального²⁵. Аналогичное развитие естественно принять и для других эргативных языков, характеризующихся таким же четырехклассным разбиением имен: бурушаски, некоторых австралийских и др. Так, в частности, некоторые исследователи языка бурушаски на основании анализа отдельных особенностей согласования субстантивов III лексического класса, т. е. имен животных и некоторых предметов, с транзитивным глаголом, приходят к выводу о первоначальном вхождении составляющих его лексем в более широкий разряд «активных одушевленных» (*animated-active class*)²⁶.

Дальнейшее преобразование этой системы приводит к формированию более дробных классных подразделений. Так, в андийских, цезских и вейнахских языках сложились шестиклассные системы, в бацбийском возникла восьмиклассная, а в арчицком — даже одиннадцатиклассная. Все они уже не обнаруживают в настоящее время четких логических оснований. Напротив, в аварском и табасаранском языках четырехклассная система оказалась редуцированной: в первом ныне различаются три лексических класса, во втором — лишь два. Наконец, в трех пахско-дагестанских языках — лезгинском, агульском и удинском — именная классификация составляет ныне уже полностью изжитое явление²⁷.

²⁴ Ср.: Л. И. Жирков. Табасаранский язык. М. — Л., 1948, стр. 57.¹

²⁵ Ср.: Л. И. Жирков. Лакский язык. Фонетика и морфология. М., 1955, стр. 21—23; Г. П. Мельников, А. И. Курбанов. Логические основания именной классификации в цахурском языке, стр. 160—161.

²⁶ Ср.: D. L. R. Logione. The Burnshaski language. V. I. Introduction and Grammar, стр. 24; тем самым можно усомниться в адекватности реконструкции для более раннего состояния этого языка бинарного противопоставления «женского» и «мужского» классов, предпринятой Э. Бенвенистом; см. E. Benveniste. Remarques sur la classification nominale en Buriashski. — BSLP, 1947—1948, т. 44, fasc. 1, стр. 71.

²⁷ Ср.: Р. Шумян. Следы грамматических классов (родов) в агульском языке. «Язык и мышление», 1936, VI—VII, стр. 219—226; Ю. Д. Дешерев. Система грамматических классов в бацбийском языке. «Труды Ин-та языкоизучания АН СССР», 1952, т. I, стр. 205—217; А. Е. Кабрик. О формальном выделении согласовательных классов в арчицком языке. — ВЯ, 1972, № 1, стр. 124—131.

Довольно широкое распространение в эргативных языках имеет не находящее чёткого формального проявления бинарное лексическое распределение субстантивов на класс человека и класс нечеловека (картвельские языки, большинство абхазско-адыгских, табасаранский, чукотско-камчатские). В других случаях встречается противопоставление класса «одушевленных» (имена людей и животных) классу предметов (ряд напуасских, австралийских языков).

Отражения двучленной именной классификации (противопоставляющей, согласно Г. Ф. Турчанинову, «социально-активные» денотаты «социально-пассивным»), по-видимому, существовавшей в прошлом в адыгских языках, прослеживаются в последних в некоторых особенностях их синтаксических построений²⁸. Более ощутимым образом они выступают в сохранившейся в абхазском языке оппозиции классов человека и вещей.

Имеются основания полагать что трехклассное распределение именных лексем в североамериканском языке чинук, несколько напоминающее трехродовое членение существительных во многих индоевропейских языках, исторически также восходит к бинарной оппозиции активного («одушевленного») и инактивного («неодушевленного») классов со включением в первый обозначений людей, животных, деревьев и растений, а во второй — всего остального. Оно может являться результатом дифференциации ранее единого активного класса на два — «мужской» и «женский»²⁹.

В ряде языков бинарное разбиение имен дает о себе знать в различии двух рядов числовых или падежных аффиксов. Так, в баскском языке его отголоском, по-видимому, являются разные аффиксы множественного числа имен, а также параллельные формы некоторых падежных форм — генитива (с экспонентами -еп и -ко соответственно), локатива и дестинатива, — одна из которых оформляет имена одушевленных денотатов, а другая — имена неодушевленных³⁰. В древнегрузинском языке оно давало о себе знать в разных аффиксах множественного числа³¹. Как полагает К. Д. Дондуа, две различные алломорфы эргативного падежа (-ем и -d) в сванском являются пережитком былой классификационной системы имен³². В удинском языке два окончания инструменталиса соотнесены с именами класса человека и класса нечело-

²⁸ Ср.: Г. Ф. Турчанинов. О категории грамматических классов в кабардинском языке. «Язык и мышление», 1936, VII.

²⁹ Ср.: Fr. Boas. Chinook. «Handbook of American Indian Languages», pt I, стр. 597—602.

³⁰ Ср.: С. Л. Быховская. Показатели множественности как классовые показатели в грузинском и баскском языках. «Академия наук академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935, стр. 179—190, А. Товаг. *The Basque Language*. Philadelphia, 1957, стр. 68 и 71.

³¹ К. Д. Дондуа. О двух суффиксах множественности в грузинском. «Язык и мышление», I, Л, 1933, стр. 64—66

³² К. Д. Дондуа. Адыгейского типа эргатив в сванском языке. (К проблеме морфологического заимствования). — ИКЯ, 1946, I, стр. 193.

века (первое совпадает с флексией ablativa, второе — с флексией ergativa) ³³.

Следы распределения субстантивов по двум лексическим классам, по-видимому, отражающего былое противопоставление активных и инактивных денотатов, сохраняются и в чукотско-камчатских языках. Их можно усматривать, например, в двух формах эргативного падежа (совмещающих функции творительного и местного), соотносящихся с разными группами имен. Как отмечает при этом А. Н. Жукова, «выбор надежной формы... определяется лексико-грамматическими особенностями имени, находится в зависимости от выражения категории человека-нечеловека...»³⁴. В частности, по ее мнению, «гипотетически формант *-ман* (номинатив эргатива в личных местоимениях. — Г. К.) образовался при соединении суффикса *-на*, выполняющего в современных чукотско-камчатских языках функцию определенного артикла в paradigmе склонения существительных класса «человек» (т. е. активного класса), с суффиксом *-н...*»³⁵.

Постепенно изживаются в рассматриваемых языках и более частные лексические характеристики — фреквенталии эргативного строя. Здесь, например, исчезают глагольные дублеты, соотносящиеся с именами активных и инактивных денотатов, снимается противопоставление инклузивного и эксклюзивного местоимений 1-го лица множественного числа. Напротив, по многим языкам наблюдается формирование целого ряда глаголов, передающих типичные субъектно-объектные отношения.

Исчезает глагольная дублетность, обусловленная соотнесенностью каждого из членов пары с именами «активных» или «инактивных» денотатов. Этот процесс протекает, по-видимому, особенно быстро, поскольку в настоящее время известно незначительное число эргативных языков, сохранивших подобную дублетность (см. стр. 129 настоящей работы).

Одну из наиболее интересных диахронических закономерностей функционирования эргативности в лексической системе образует становление целой серии глагольных слов, передающих типичные субъектно-объектные отношения. Помимо *verba habendi*, судя по их отсутствию даже в некоторых номинативных языках, соотносящихся к лексемам наиболее поздней формации, сюда входят глаголы 'брать', 'отнимать' и, возможно, 'давать'. Путь их формирования лежит, как правило, через использование глагольных слов иной, более конкретной, семантики типа 'держать', 'стоять' (ср. нем. *zusiehen* 'принадлежать'), 'лежать', 'класть', 'уносить' и т. п. Так, в абхазско-адыгских языках сохраняются следы использования в функции глагола обладания лексемы 'стоять':

³³ Ср.: Е. Ф. Джейранишвили. Удийский язык, стр. 286.

³⁴ А. Н. Жукова. Выражение подлежащего в эргативной конструкции предложения чукотско-камчатских языков. — ЭКПЯРТ, стр. 238.

³⁵ Там же, стр. 239.

ср. абхаз. *харәс izəcagəlam* 'у него нет зубов' (букв. 'у него зуб не стоит').

Интересные иллюстрации этого процесса можно встретить, например, в иахско-дагестанских языках. В частности, в их аварско-андийско-цезской группе при отсутствии глагола 'иметь' соответствующее содержание передается посессивной конструкцией предложения с использованием глагола 'быть' (ср. цезск. *icha*). Хотя глагол 'давать' (цезск. *nelJa*, *telJa*) в основном уже сложился, хваршинское *nilJa* означает также 'надевать обувь'. Лексема 'поймать' (цезск. *b-ixъa*) фактически еще не вполне отделена от 'догнать', а его гунзиское соответствие *ixъa* имеет семантику 'найти'. Наконец, лексема 'отпимать' (цезск. *b-ogъa*) еще совпадает с 'выпустить' (ср. хварш. *b-eqъa* при *b-agъa* 'открывать')³⁶. Начало становления глагола 'иметь', по-видимому, зафиксировано в удинском языке. Согласно В. Н. Панчвидзе, здесь «имеется одна глагольная основа *bi-* 'быть' 'иметь', которая выявляет некоторую особенность: в варташенском диалекте этот глагол требует субъекта в родительном падеже и личные показатели представлены в глаголе именно в форме родительного падежа соответствующих местоимений, в нижском же — реальный субъект ставится также в родительном падеже, а личные показатели выявляются в форме так называемого 'аккузатива, каковую форму мы считаем формой дательного падежа (*zax-ru* < *zax-bi* 'я имею', *uax-ru* < *uax-bi* — 'ты имеешь')»³⁷. Поскольку в удинском языке во всех конструкциях предложения наблюдается формальный параллелизм надежа подлежащего и личного аффикса глагола-сказуемого, который по существу повторяет личное местоимение в соответствующей падежной форме, эта особенность нижского диалекта может рассматриваться как структурное отражение изменения самого лексемного качества глагола 'быть, иметь'.

Интересно, что даже в картвельских языках, к настоящему времени сформировавших все эти лексемы, сохраняются многочисленные следы предшествовавшего состояния. Среди наиболее ярких из них можно назвать богатейшую глагольную синонимию семантики 'иметь' в древнегрузинском, основанную на использовании исторически стативных лексем семантики 'стоять', 'лежать', 'сидеть', 'быть привязанным', 'быть видным' и др. (ср. формы *madgs//midgs*, *mic*, *miwis*, *mabs//mibs*, *mičns* 'у меня есть')³⁸.

³⁶ Ср. Е. А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959, стр. 232—233.— Последний из названных здесь глаголов продолжает общедагестанскую лексему с семантикой 'открыть' (см.: Е. А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1960, стр. 68). Ср. для семантики др.-груз. *ucbaʃ* // *chimaj* 'брать, вынимать, открывать'.

³⁷ В. Н. Панчвидзе. Глаголы с субъектом в дательном падеже в удинском языке. «Изв. Ин-та языка, истории и материальной культуры им. Н. Я. Марра», 1942, XII, стр. 72—73.

³⁸ Ср.: D. Decters. «Haben» im Georgischen. «Sprachgeschichte und Wortbedeutung. Festschrift Albert Debrunner». Bern, 1954, стр. 109—119.

Очень интересным процессом, засвидетельствованным почти исключительно в эргативных языках «западного» ареала, является становление специфической лексемы связочного глагола — черты, определенно сближающей их с представителями номинативного строя:ср., например, баскск. *huga gizon da*, груз. *is ჯაცი არი*, аварск. *дэв адам в-уго*, бурунди *и-и сисан баи* ‘он — человек’ (букв. ‘он человек есть’). Так как в языках «восточного» ареала распространения эргативности глагол-связка обычно отсутствует, аналогичное содержание здесь передается двучленным построением с предикатом, включающим соответствующую именную основу.

Во многих языках эргативного строя прослеживается тенденция к пейтрайализации лексемного противопоставления инклюзивного и эксклюзивного местоимений 1-го лица множественного числа. Как показывает фактический материал, этот процесс протекает параллельно с распадом лексической классификации субстантивов и производной от нее морфологической категории класса, функционирующей в «согласуемых» с именами существительными частях речи. На его начальном этапе наступает смешение обеих противопоставляющихся местоименных лексем в едином абстрагированном от отношения включения — невключения адресата речи значении ‘мы’ (отсюда засвидетельствованные по некоторым языкам случаи свободного варьирования двух соответствующих форм в единой функции:ср. употребление *јә* и *ži* в рутульском языке). На последующем этапе одна из них обобщается за счет другой. Описываемый процесс представляется наиболее удовлетворительным объяснением того интересного обстоятельства, что во многих родственных группировках языков эргативного строя при генетическом тождестве материала всех остальных личных местоимений наиболее типичным оказывается этимологическое различие представленного местоимения 1-го лица множественного числа. Другим известным отражением былого различия инклюзивного и эксклюзивного местоимений считается встречающаяся в ряде языков оппозиция функционально аналогичных личных аффиксов в структуре глагола. Еще реже его отголоски наблюдаются в различии двух аналогичным образом ориентированных форм притяжательных местоимений.

Этот процесс может быть хорошо проиллюстрирован, в частности, на материале сравнительно лучше изученных кавказских языков. Здесь кажется, например, показательным, что в нахско-дагестанских языках, в которых значительно отчетливее сохранилась лексическая классификация имен, наиболее четким образом выступает и противопоставление инклюзивной и эксклюзивной лексем. Данная оппозиция оказывается здесь ныне снятой лишь в даргинском, в диалектах которого, впрочем, засвидетельствованы ее следы ³⁹, а также в части лезгинских язы-

³⁹ См.: С. Л. Быховская. Пережитки *inclusiv'a* и *exclusiv'a* в даргинских диалектах. «Язык и мышление», 1940, IX, стр. 85—90.

ков, характеризующейся утратой именных классов⁴⁰. Из числа абхазско-адыгских языков она отмечается лишь в абхазском и абазинском, также еще в какой-то мере сохраняющих классные группировки субстантивов. В остальных абхазско-адыгских языках можно усматривать только пережитки такого противопоставления. Наконец, в картвельских языках, где лексические классы имен отсутствуют, последние усматриваются в различии современными сванскими диалектами инклюзивного и эксклюзивного вариантов личного глагольного префикса 1-го лица множественного числа. Уже в древнегрузинском, как свидетельствуют его письменные памятники, аналогичное противопоставление имело пережиточный характер⁴¹.

Своеобразная компенсация, по-видимому, утраченного лексемного противопоставления инклюзивного и эксклюзивного местоимений наблюдается в некоторых языках центральноамериканской семьи майя-киче, в которых ныне неизвестны ни различие соответствующих глагольных аффиксов 1-го лица множественного числа, ни оппозиция подобных притяжательных местоимений. В одном из них, языке мам (Гватемала), это противопоставление выражается специальным глагольным суффиксом: ср. o-b'et 'мы (инклюз.) ходили', ko' 'мы (инклюз.) естьмы' при o-b'et-e 'мы (эксклюз.) ходили', ko'-ue 'мы' (эксклюз.) естьмы⁴². В близкородственном ему языке хакальтек такое же противопоставление передается особым именным суффиксом: ср. co-tam 'наш (инклюз.) отец' при co-tam-an 'наш (эксклюз.) отец'⁴³.

Что касается материального различия местоимения 1-го лица множественного числа по родственным языкам эргативного строя, то оно составляет широко распространенное явление, иногда дающее себя знать даже в разных диалектах одного языка. Очень интересная в этом отношении картина зафиксирована в одном из лезгинских языков — крызском: при различении в собственно крызском его диалекте инклюзивного *jip* и эксклюзивного *zip*,

⁴⁰ Ср.: А. А. Магометов. Личные местоимения лезгинских языков. «Вестник Отделения общественных наук АН ГрузССР», т. 4. Тбилиси, 1963, стр. 246—248.— Можно было бы допустить, что агульское эксклюзивное член представления собой результат фонетического преобразования параллельного инклюзивного *x' in//shin* (ср.: Г. В. Топуриа. О категории инклюзива — эксклюзива в лезгинских языках. «Материалы первой сессии по сравнительно-историческому изучению иберийско-кавказских языков». Махачкала, 1969, стр. 104). Этому, однако, препятствуют три следующих обстоятельства: а) сам факт сохранения форм *x' in//shin*, б) отсутствие в рутульском фонетического развития *x' > ch*, в) если бы сдвиг *x' > sh* произошел недавно, то за обеими формами едва ли бы были уже твердо закреплены различные значения.

⁴¹ См.: К. Д. Дондукова. Категория инклюзива-эксклюзива в сванском и ее следы в древнегрузинском.— Сб. «Памяти академика Н. Я. Марра». М.—Л., 1938, стр. 134—151; А. Ониани. К вопросу о категории инклюзива-эксклюзива в картвельских языках. «Вестник Отделения общественных наук АН ГрузССР», 1965, № 1, стр. 223—236.

⁴² См.: М. К. Магометов. Languages of Guatemala, стр. 181, 183.

⁴³ См. там же, стр. 213.

в его хапутлинском диалекте сохраняется лишь первое, в джекском и алыкском диалектах — лишь второе⁴⁴. Т. В. Гамкрелидзе высказано предположение, что материальная несопоставимость соответствующего местоимения картвельских языков (ср. груз. *čwen*, мегр. *čki*, чанск. *čku* при сван. *nač*) при генетическом тождестве остальных личных местоимений обязана именно факту продолжения в них исторических инклюзивной лексемы *čuen(a) и эксклюзивной *pa⁴⁵. Аналогичным образом может объясняться несоответствие адыгейск. *tač*, кабард. *dač* абхазско-абазинским *χъара*, *χара* 'мы' или лезг. *čun* при удин. *čan* в нахско-дагестанских языках. Факты подобного порядка встречаются и в ряде других языков эргативного строя⁴⁶.

СИНТАКСИС

Наиболее ощутимым итогом эволюции синтаксической системы эргативного строя является в конечном счете взаимное обособление языков выдержанной эргативной типологии предложения, с одной стороны, и языков невыдержанной эргативной типологии, с другой. Последняя заявляет о себе через многочисленные факты номинативизации общей схемы предложения (при этом в ряде случаев параллельно происходит сокращение сферы употребления его эргативной конструкции). Этот процесс сопровождается последовательной сменой морфологических типов структуры предложения.

Наблюдаемые в эргативных языках закономерности преобразования типологии предложения следуют, очевидно, поставить в связь с отмеченными в предшествовавшем разделе тенденциями перестройки лексической структуры языка. Такая его наиболее важная закономерность, как постепенная нейтрализация противопоставления эргативной и абсолютной моделей предложения, по-видимому, отражает начинающийся процесс ослабления лексемальной оппозиции транзитивного и интранзитивного глагола (кажется не случайным, что этот процесс в ряде случаев находит свое выражение в элиминации в составе предложения прямого дополнения). Аффективная конструкция предложения на более раннем этапе обнаруживает очевидную тенденцию к выравниванию с эргативной, поскольку аффективные глаголы здесь интенсивно преобразуются в транзитивные. На наиболее позднем этапе эта конструкция по существу уже контаминирует с номинативной. Наконец, посессивная конструкция с формированием подлинных

⁴⁴ См.: Ш. М. Саадиев. Опыт исследования крызского языка. Автореф. докт. дисс. Баку, 1972, стр. 26.

⁴⁵ См.: Т. В. Гамкрелидзе. Сибилянтные соответствия и некоторые вопросы древнейшей структуры картвельских языков. Тбилиси, 1959, стр. 46—47 (на груз. яз.).

⁴⁶ Ср.: Г. А. Меношиков. Язык сиреникских эскимосов. (Фонетика, очерк морфологии, тексты и словарь). М.—Л., 1964, стр. 53—54.

verba habendi проявляет тенденцию к постепенному устраниению.

Некоторые признаки указывают при этом на определенное снижение в предложении доминирующей позиции глагольного сказуемого. В частности, несколько ослабевает его синтаксическая связь с прямым дополнением. Как естественное проявление этого можно рассматривать отсутствие в языках, характеризующихся поздней фазой функционирования эргативности, случаев их инкорпоративной связи. По-видимому, как следствие этого процесса порядок членов предложения обнаруживает тенденцию стать более свободным: с общей схемой словопорядка S — O — V начинает конкурировать схема S — V — O, более характерная уже для языков номинативного строя.

Путь контаминации эргативной конструкции предложения с абсолютной, обозначающей в конечном счете номинативизацию типологии предложения, лежит через ступень функционирования различного рода эргативообразных построений. Их образование связано с утратой в составе эргативной модели прямого дополнения. При этом происходят очевидные изменения в синтагматическом составе предложения: вместо двух синтагм — предикативной и комплетивной, — минимально необходимых в эргативной модели, остается необходимость лишь в одной — предикативной. В одних случаях прямое дополнение снимается бесследно, в других оно вливается в состав глагола-сказуемого. Последний путь формирования бинарного эргативообразного построения в даргинском языке З. Г. Абдуллаев описывает следующим образом: «Характерная особенность двучленной эргативной конструкции заключается в том, что объект (т. е. прямое дополнение. — Г. К.) и сказуемое в ней сливаются в один член. Например, в предложении *нуни яхIбарра* в историческом прошлом *яхI* выступал в качестве объекта, а сказуемое было *барра*. Предложение *нуни яхIбарра* означало то же, что и *нуни яхIбарра*. Но со временем слово *яхI* и *барра* стали употребляться вместе, как одно сложное со значением 'вытерпел' 'выдержал'. Отдельно взятое слово *яхI* означает 'терпение, выдержка', а *барра* 'сделал'...»⁴⁷

Наиболее очевидные результаты такой синтаксической перестройки налицо в картвельских языках, где они были зафиксированы И. И. Мещаниновым⁴⁸, а также в индоиранских. Ее не менее яркие последствия представлены и в структуре предложения в отдельных китайско-тибетских языках, удинском (в одних случаях здесь еще сохраняется эргативообразная модель, в других — уже

⁴⁷ З. Г. Абдуллаев. Очерки по синтаксису даргинского языка. М., 1971, стр. 286.

⁴⁸ И. И. Мещанинов. Новое учение о языке. Стадиальная типология. Л., 1936, стр. 187—213; М. М. Гуман. Происхождение строя готского глагола. Л., 1940, стр. 144—149. Из поздних работ ср., например: Н. Н. Ноэ. Sprache und Welt. Probleme der Sprachphilosophie. Frankfurt a. Main, 1953, стр. 121; Г. Норр. Evolution der Sprache und Vernunft. Berlin — Heidelberg — Н. Й., 1970, стр. 115—146.

нет и носледней⁴⁹). Он дает себя знать также в языках бурушаски и майя. Наконец, в значительно более слабой степени этот процесс, по-видимому, заявляет о себе в баскском языке.

В картвельских языках развитие не ограничивается сокращением сферы функционирования эргативной типологии предложения за счет ее полного изжития из построений с глагольным сказуемым в формах презентных времен. Даже в тех построениях, где она здесь как будто реализуется, ее проведение оказывается явно непоследовательным. Достаточно в этой связи отметить, что в этих языках эргативный и абсолютный ряды личных показателей глагола в той или иной мере смешаны (ср., например, систематическое функционирование абсолютного ряда в роли эргативного в результативных формах транзитивного глагола, формальное совпадение обоих рядов в алломорфах 1-го лица *m-//b-//p-//r-* в мегрельском и чанском), а иногда вообще не представлены в глагольной словоформе. По мнению Г. Аронсона, уже не относящего грузинский язык к представителям эргативного строя, «только в оппозиции между перфектными (иначе, аориентными.— Г. К.) сериями транзитивных и нассыщих глаголов — взятой изолированно от всей остальной грузинской глагольной системы — мы встречаемся с приближением к эргативной конструкции»⁵⁰.

Интересный, однако очень слабо изученный аспект проблемы эргативности в диахронии составляет динамика основных моделей предложения по отношению к построениям с формами различных временных серий глагольного сказуемого.

В огромном большинстве случаев сфера функционирования эргативной конструкции представляется достаточно стабильной. Тем не менее в части языков, являющихся, естественно, представителями невыдержанного эргативного строя, зафиксированы разнонаправленные процессы. В некоторых из них эта сфера существует, что результирует в расширении позиций номинативной конструкции. В других она как будто обнаруживает тенденцию к распространению.

Так, для истории картвельских языков характерным оказывается редукция сферы употребления эргативной конструкции. Как принято думать, в древнейшем общекартвельском состоянии эта модель предложения распространялась на построения с любыми временными формами транзитивного глагола-сказуемого. Почти во всех современных картвельских языках ее позиции ограничены

⁴⁹ Ср.: Г. Ш. Карольсфельд. О переходных и неперходных глаголах. «Эргативная конструкция предложения», стр. 171—172; Г. Ворощил. Об одном случае замены эргативного падежа при переходном глаголе именительным в ниджском диалекте удинского языка. «Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. Четвертая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков». (Тезисы докладов). Нальчик, 1971, стр. 76—77.

⁵⁰ Н. И. Аронсон. Towards a semantic analysis of case and subject in Georgian. «Lingua», 1970, v. 25, № 3, стр. 296—297.

рамками глагольных времен форм аористной и результативной серий, в то время как построения с глаголом в формах презентной серии обусловливают уже номинативную модель построения. Имеются все основания полагать, что аналогичный процесс реализуется и в языке бургаски.

Несколько отличная картина наблюдается в индоиранских языках, как правило, также демонстрирующих так называемую «аористную эргативную конструкцию». Как известно, существовавшая в прошлом гипотеза о дономинативной древности происхождения рассматриваемой конструкции в этих языках⁵¹ в современной индоиранистике не разделяется. Согласно общепринятой ныне точке зрения, эта модель сформировалась здесь уже на базе номинативного строя и в настоящее время в большинстве случаев деградирует (в последнем отношении весьма показательными являются текстуальные свидетельства литературных индоиранских языков, иллюстрирующие последовательные фазы эволюции здесь эргативности). Поэтому факты функционирования эргативной конструкции предложения при транзитивном глаголе-сказуемом всех временных серий, отмеченные в языках шина, непали и некоторых диалектах центрального пахари, справедливо рассматриваются в качестве повообразования. По мнению К. Регамэ, такому распространению здесь могло способствовать воздействие субстрата типа сопредельных языков тибетско-бирманской группы, в которых на употребление эргативной конструкции не накладывается темпоральных ограничений⁵². Аналогичным образом вторичному распространению на построения с презентными формами глагольного сказуемого обязано фронтальное функционирование эргативной типологии предложения в одном из картвельских — чанском языке (как установлено на предшествовавшем этапе, сфера употребления эргативной конструкции была здесь, как и в других родственных языках, сокращена до построений с глагольным сказуемым в формах аористной и результативной серии времен). Однако параллельно с таким распространением эргативная конструкция в чанском в определенной мере теряет свое содержание, поскольку транзитивный глагол-сказуемое окасался здесь далеко не всегда отличимым по своей морфологической структуре от интранзитивного: ср. чанск. *do-qwil-i* 'он убил его' при *do-uyig-i* 'он умер'. Таково же в принципе положение в нижнеаджарском говоре грузинского языка (речь селений Кирнати, Марадиди и некоторых других), в котором построения с презентными и результативными глагольными формами типа *turkeb-ma* *raṭqoṭowen* *sopel-i* 'турки владеют деревней' и *iman* *guuḳetebien* *saxl-i* 'он, оказывается,

⁵¹ См.: Б. В. Миллер. О полистадиальности иранских языков. — Сб. «Академия наук академику Н. Я. Марру». М.—Л., 1935, стр. 293—332.

⁵² См.: C. Regamey. A propos de la «construction ergative» en Indo-Aryen moderne, стр. 365.

сделал дом»⁵³, по-видимому, обусловлены субстратным воздействием со стороны исторически распространенной в этой области чанской речи.

Однако имеются основания полагать, что оба охарактеризованных выше процесса отражают разные стороны или ступени одного и того же явления деградации эргативного строя в языке. Мысль об этом может впечатлить уже тот факт, что они засвидетельствованы только в языках с непоследовательным проведением норм эргативности (так, наряду с распространением в большей части чанских диалектов эргативной модели на построения со всеми временными формами глагола-сказуемого, в определенной диалектной зоне чанского языка эта модель, напротив, по существу изжита даже в предложениях с формами аористной серии трапзитивного глагола) или воплощающих «именной» морфологический тип структуры предложения (т. е. в которых утрачена такая характерная черта эргативности, как объектный принцип спряжения транзитивного глагола).

Прежде чем перейти к рассмотрению эволюции других моделей предложения эргативной типологии, необходимо кратко остановиться на высказанной в свое время в специальной литературе гипотезе о происшедшей в составе эргативной модели исторической реинтерпретации членов предложения, приведшей якобы к преобразованию былое дополнения в подлежащее и, наоборот, подлежащего в дополнение. Исходя из случаев формального тождества показателя эргативного падежа с одним из формантов локатива со значением 'в', 'внутри' в лезгинском языке, предложивший эту гипотезу Л. И. Жирков писал следующее: «Если же Act. (т. е. эргативный падеж. — Г. К.) имеет в основе такую «обстоятельственную» семантику, какова семантика локализации, то отсюда следует, что в ту прежнюю эпоху, когда создавалась глагольная конструкция с Act., последний еще не понимался как подлежащее (субъект) при глаголе-сказуемом (предикате). Мы вправе сказать, что в ту эпоху субъектом в предложении была форма Nom., в которой, как мы видели, выражается при переходных глаголах предмет, подвергающийся воздействию человека, форма же Act. понималась как дополнение, как одно из обстоятельств, сопутствующих данной производственной деятельности, рисующих ее обстановку и условия. Мы видим, таким образом, что грамматический разбор предложения *буба-ди и қівалах ийизва* 'отец эту работу делает' мы можем производить двояко. С точки зрения современного сознания и в соотношении с другими языками мы увидим в этом лезгинском предложении: субъект — *буба-ди* (Act.), объект — *и қівалах* (Nom.), предикат — *ийизва*. С точки зрения исторического анализа, с учетом исторического создания языковых форм и их основного, первичного значения мы признаем, что *буба-ди* явля-

⁵³ См.: М. Цинцадзе. Особенности речи Кирнати-Марадиди. — Труды студентов Батумского педагогического института им. Ш. Руставели, I. Батуми, 1954, стр. 15—17 (на груз. яз.).

ется дополнением или обстоятельственным словом, выражающим деятеля, и *къвалах* — субъектом предложения, *иайза* — его предикатом. Дадим эти разборы в небольшой таблице:

С современной	<i>бубади</i>	<i>и къвалах</i>	<i>иайза</i>
точки зрения:	субъект	объект	предикат
С исторической	дополнение	субъект	предикат
точки зрения:	(обстоятельство)		

Здесь мы имеем яркий (и чрезвычайно доказательный) пример того, как с развитием языка, отражающего в своих категориях и формах развитие общества, языковые категории, даже такие, казалось бы, «ностоящие», каковы категории членов предложения (субъекта, объекта и др.), меняют свое значение и могут переходить даже в свою семантическую и функциональную противоположность (бывший субъект становится объектом)»⁵⁴.

Думается, однако, что было бы в высшей степени рискованным ставить решение такого фундаментального вопроса синтаксического строя в зависимость лишь от одного факта морфологии, особенно в условиях, когда история лезгинского эргатива па -ди остается недостаточно исследованной (существует, в частности, распространенная точка зрения, согласно которой он восходит к эргативно-косвенному падежу общедагестанского уровня *-di). Неудивительно поэтому, что эта гипотеза не встретила в дальнейшем поддержки ни в кавказском языкознании, ни — тем более — в общей теории эргативности.

Существуют вместе с тем основания считать, что с функционированием в языке эргативности происходит повышение синтаксической автономности прямого дополнения по отношению к глагольному сказуемому.

Нетрудно заметить, что параллельно с деградацией эргативной конструкции предложения структурно коррелирующая с ней абсолютная довольно легко трансформируется в именнинативную.

В то же время позиции немотивированных структурой эргативного строя аффективной и носессивной конструкций могут сохраняться в течение очень длительного периода.

Глубокая архаичность аффективной конструкции предложения обычно не вызывала сомнений в историко-синтаксических исследованиях. Факт ее деградации в языках эргативного строя имеет своей естественной предпосылкой отмеченное выше изживание здесь лексической группы аффективных глаголов. Этот факт был отмечен уже давно. Так, еще в 1936 г. С. Л. Быховская писала: «Некоторые признаки процесса исчезновения объективной (=аффективной.— Г. К.) конструкции замечаются и в яфетических языках. Но здесь положение другое: в них, за немногим исключением, как в даргинском, кайтагском и, может быть, некоторых дру-

⁵⁴ Л. И. Жирков. Грамматика лезгинского языка. Махачкала. 1941, стр. 67—68.

гих, господствует объективная конструкция *verba sentiendi* с исключением из нее, в то время как в индоевропейских языках наблюдается уже другая стадия развития, на которой исключением является именно объективная конструкция. Из этого можно сделать вывод, что в индоевропейских языках мы видим продолжение, близкое уже к завершению, того процесса, который в яфетических языках находится только на одной из начальных ступеней»⁵⁵. Уже довольно широко наблюдаемые случаи преобразования здесь аффективной конструкции в эргативную говорят о синхронной немотивированности первой в рамках эргативного строя языка. Это обстоятельство будет особенно очевидным, если учесть, что в большинстве эргативных языков аффективная конструкция предложения в настоящее время отсутствует.

Очень интересные факты перестройки аффективной конструкции предложения отмечены в картвельских языках. Здесь целый ряд глаголов, уже только семантически определяемых как *verba sentiendi* (ср., например, груз. *xedwa* 'видеть', *codna* 'знать', *grzpova* 'чувствовать' и др.), в настоящее время обусловливает исключительно эргативную или поминативную конструкцию. Большинство других глаголов аналогичной семантики, в презентной серии времен образуя еще аффективную конструкцию (ср. груз. *smena* 'слышать', *qwareba* 'любить' и др.), в аористной и результативной организуют уже эргативную и поминативную⁵⁶.

Другой пример далеко западней перестройки аффективной конструкции предложения налицо в существенно поминативизованном удинском языке. В нижнем диалекте последнего эта конструкция, по-видимому, вообще уже отсутствует. Что же касается варташенского диалекта, то в нем группа *verba sentiendi* (ср. *aba-baksun* 'знать', *aksam* 'видеть', *ibaksun* 'слышать', *buqsun* 'хотеть, любить', *qibsun* 'боиться' и др.) обусловливает некоторое подобие аффективного построения. Хотя подлежащее при них и имеет форму дательного падежа, их спряжение уже основано на субъектном принципе (в то же время эта конструкция включает и прямое дополнение в форме винительного падежа): *za a-za-ksa rak* 'я вижу сад', *jan bu-ja-qsa basqesun* 'мы хотим снять', *za bu-za-qsa bez äiloqox* 'я люблю моих детей', *me išu zax čal-ču-xsa* 'этот человек меня знает'⁵⁷.

По-видимому, аналогичным образом можно рассматривать и очень своеобразно выраженную аффективную конструкцию предложения и в существенно поминативизованном самоанском языке.

⁵⁵ С. Л. Быховская. Объективный строй *verba sentiendi* (предварительный очерк). «Язык и мышление», 1936, VI—VII, стр. 33.

⁵⁶ Ср.: N. M a g g e t M. B r i è g e. «La langue géorgienne». Paris, 1931, стр. 114, 388—391; С. Л. Быховская. Объективный строй *verba sentiendi* (предварительный очерк), стр. 33.

⁵⁷ См.: В. Н. Панчидзе. Глаголы с субъектом в дательном падеже в удинском языке. «Изв. ИЯ.ИМК», Тбилиси, 1942, т. XII, стр. 75—82 (на груз. яз.).

ке. Имеющаяся здесь семантическая группа *verba sentiendi* (ср. *va'a'i* 'видеть', *ta'a'a'o* 'хотеть', *alofa* 'любить', *manatu* 'помнить' и некот. др.) обуславливает построение, морфологическую специфику которого составляет то, что ее субъект приобретает форму объектного падежа, а прямой объект оформляется падежом, квалифицирующимся в качестве «дательного»⁵⁸.

В отличие от аффективной посессивной конструкция предложения распространена в языках эргативного строя очень широко. Ее исчезновение находится в прямой зависимости от формирования в языке подлипных глаголов обладания.

Отмечая некоторую общность судьбы аффективной и посессивной конструкций предложения в языках эргативного строя, И. И. Мещанинов писал: «И в посессивном предложении и в аффективном построении последнего субъект владения и субъект аффекта характеризуются в предложениях северокавказских яфетических языков направленностью к ним действия или состояния, принадлежности или аффекта. Эти два генетически совершенно различные типа предложений структурно уже сближаются в яфетических языках, различаясь постановкою субъекта в разных надежах (родительном и дательном) в зависимости от семантической разновидности предложения, использующего соответствующую группу глаголов. Они сближаются настолько, что исследователь обычно проходит мимо их резкого семантического различия. И это вполне понятно, так как в современном состоянии речи все эти обороты отделяются от других своим объектным согласованием с глаголом, т. е. его конструктивной связью с предметом действия или восприятия, причем «субъект» сохраняет грамматическое выражение направленности к нему выявляемого предикатом действия или состояния, относящихся к нему как к активному субъекту владения или пассивному субъекту аффекта»⁵⁹.

Во многих языках эргативного строя налицо признаки, свидетельствующие о снижении доминирующей роли глагольного сказуемого в предложении. Наиболее отчетливым образом они проявляются в некотором ослаблении синтаксической связи сказуемого с прямым дополнением. Одно из следствий этого — отмирание инкорпоративной связи между обоими: в большинстве эргативных языков она либо неизвестна, либо присутствует на нравах архаизма (так, в австралийских и некоторых других языках об этом, по-видимому, говорит факт преимущественного включения в инкорпоративный комплекс этимологически отличной от самостоятельной употребляющейся формы имени⁶⁰).

⁵⁸ См.: R. G. Charn. Samoan Pronominalization. «Language», 1970, v. 46, № 2, pt 1, стр. 367.

⁵⁹ И. И. Мещанинов. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения, стр. 190.

⁶⁰ Ср., например: A. Carrell. A New Approach to Australian Linguistics, стр. 30—31. Ср. также: М. Абита Инкорпорация в кабардино-черкесском языке. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1949, т. VIII, вып. 3, стр. 266—270.

Не исключено, что с процессом номинативизации языковой структуры связаны и некоторые изменения в словопорядке, наиболее ощутимые в языках с сильно расщепленной системой эргативности. Этим изменениям должна была, в частности, способствовать тенденция к некоторому ослаблению синтаксической связи между транзитивным глаголом-сказуемым и прямым дополнением. Во всяком случае конкуренция нормальных схем словопорядка $S - O - V$ и $S - V - O$ особенно характерна для языков переходной к номинативной типологии (ср., например, положение в картвельских языках). О том, что параллельно с подобным изменением порядка членов предложения как будто нарастают некоторые другие черты номинативизации языковой структуры, может свидетельствовать следующее явление удинского языка. Если при характерной для эргативного строя схеме $S - O - V$ (ср. удинск. *šēti-n* *хир-ах* *bonex* 'он слов сварил') флексия -ах служит показателем определенности объекта, то при схеме $S - V - O$ (ср. удинск. *šēti-n* *bonex* *хир-ах*) эта же флексия приобретает функцию винительного падежа⁶¹.

Во II главе настоящей работы были выделены три основных морфологических типа эргативной конструкции предложения— «глагольный», «смешанный» и «именной», схематически отображаемые как:

1. $N - N - V_{trans}$
2. $N_{erg} - N_{abs} - V_{trans}$
3. $N_{erg} - N_{abs} - V$

Существует ли какая-либо диахроническая последовательность в функционировании этих типов в рамках истории единой языковой системы? Этот вопрос уже более двадцати пяти лет назад был по существу сформулирован И. И. Мещаниновым. Он писал следующее: «В то время, как типологическая схема с ее деталями внутри взятой нами системы выступает все более и более ясно, хронологическая последовательность меняющихся конструктивных форм, даже внутри той же обоснованно взятой системы языков, продолжает оставаться неуточняемой. В частности, трудно решить, утратил ли лезгинский язык развернутую схему глагольной личной аффиксации или еще не развел ее, да и пойдет ли она дальше по пути ее приобретения. При таких условиях легко распределить яфетические языки по формальным признакам: а) с безличным глаголом (лезгинский, аварский), б) с неразвитой падежной системой (абхазский), в) с развитой грамматической формой подлежащего и глагола в их передаче субъекта (даргийский). В то же время я не беру на себя смелость дать такое же их

⁶¹ Ср.: Е. Ф. Джеранишвили. Удийский язык. (Грамматика, хрестоматия, словарь). Тбилиси, 1971, стр. 127—128 (на груз. яз.).

распределение в хронологической последовательности развития эргативного строя»⁶².

Конкретные исследования последующих десятилетий привели в изучении этой проблемы к существенным результатам. Самый процесс смены морфологического облика предложения эргативной типологии ныне оказывается возможным проследить на материале целого ряда языков. На основательную фактическую базу решение подобных вопросов поставили, в частности, развернувшиеся в недавнее время сравнительно-исторические исследования некоторых языков эргативного строя. В этом отношении очень важными являются свидетельства не только документально зафиксированной истории ряда индоиранских языков, но и современные представления о прошлом других относительно лучше изученных эргативных языков, в частности кавказских. С другой стороны, не менее серьезную поддержку соответствующая гипотеза получает и со стороны общей теории эргативности.

В свете имеющихся данных, по-видимому, не приходится сомневаться в том, что глагол-сказуемое остается доминантой эргативного предложения и в плане диахронии.

Еще несколько десятилетий тому назад некоторые исследователи чисто интуитивно были склонны рассматривать в качестве наиболее архаичного глагольный морфологический тип предложения эргативной структуры (ср., например, точку зрения Н. Хольмера о древности этой черты абхазского предложения⁶³). Небезосновательность подобного взгляда легче всего может быть продемонстрирована на примере эргативной конструкции предложения. Действительно, если принять разделяемый в теории эргативности тезис о том, что ведущей доминантой эргативного построения является транзитивный глагол-сказуемое, то будет нетрудно заметить, что именной морфологический тип этой конструкции соответствует такой безусловно поздней фазе функционирования эргативности, когда ее отношения уже перестают выражаться в структуре глагольного компонента. Если дальнейшее распространение этого явления приводит уже к трансформации эргативной конструкции в номинативную, ее глагольный тип, напротив, должен обозначать ранний этап эргативности, достаточно выражаемый одной глагольной словоформой, и, как правило, еще очень близко стоит к активной конструкции. Естественно, что аналогичные отношения должны существовать и между морфологическими типами других параллельных эргативной моделей предложения. Эмпирически подтверждается, что глагольный тип характеризует те эргативные языки, которые сохраняют наиболее очевидные структурные связи с активным строем — северно- и центральноамериканские, папуасские, абхазский и некоторые другие. В то же время показа-

⁶² И. И. Мещанинов. Проблема стадиальности в развитии языка. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1947, т. VI, вып. 3, стр. 177.

⁶³ См.: N. M. Holmér. Ibero-Caucasian as a linguistic type. «*Studia Linguistica*», 1947, № 1, стр. 24.

тлен факт отсутствия прецедентов преобразования других морфологических типов структуры предложения в глагольный (во всех случаях параллельного функционирования в ней глагольного и смешанного вариантов первый никогда не трактуется в качестве производного).

В целом ряде случаев существует возможность показать, что смешанный морфологический тип структуры предложения приходит в языках эргативного строя на смену глагольному. Можно думать, что синтаксически связанные с глаголом-сказуемым имена начинают передавать отношения эргативности в условиях, когда в глагольной словоформе выражение последних ослабляется. Соответствующий процесс, по-видимому, связан с изменениями в морфологической структуре транзитивного глагола, а именно — с деградацией в ней такой фреквенталии эргативности (// импликации активного строя), какой является морфологическая категория класса. Трудно отделаться от впечатления, что за этим процессом кроется уже начало преобразования самого лексического качества глагола.

Таков, например, путь эволюции, засвидетельствованный в абхазско-адыгских языках. Если в абхазском и абазинском склонение, как известно, еще не сформировано, то в убыхском и обоих адыгских языках существует довольно элементарная падежная парадигма, рассматриваемая в специальной литературе в качестве инновации. Естественно, что в последних ведущее место принадлежит уже смешанному типу структуры предложения, хотя в силу ненолной нарадигматизации окончаний эргативного и абсолютного падежей еще не все категории субстантивов их принимают⁶⁴. Вместе с тем нельзя пройти мимо того бросающегося в глаза обстоятельства, что процесс формирования аффиксов эргатива и абсолютива протекает в этих языках по существу параллельно с утратой морфологической категории класса в структуре глагола, еще так или иначе функционирующей в абхазском и абазинском.

Среди папуасских языков аналогичный процесс, по-видимому, засвидетельствован в бонгу, одном из очень немногочисленных на всей территории Новой Гвинеи языков, в настоящее время иллюстрирующих смешанный морфологический тип структуры предложения. Подобное состояние, судя по всему, обнаруживают также отдельные североамериканские представители эргативного строя, развившие противопоставление соответствующих позиционных падежей (ср., в частности, изучавшийся И. И. Мещаниновым язык немешу). Не исключено, что начало формирования смешанного типа структуры предложения отражается и в памятниках мертвого эламского языка (ср. здесь функцию именных аффик-

⁶⁴ Ср.: М. А. Кумахов. К проблеме эргатива в адыгейском, кабардино-ском и убыхском языках.— ЭКПЯРТ, стр. 168—173; А. К. Шагиров. Об эргативной конструкции предложения в адыгских языках.— ЭКПЯРТ, стр. 174—179.

сов -k и -г), в котором также наблюдалось постепенное разрушение системы классных показателей.

В свете сказанного нетрудно прийти к заключению, что примерами становления смешанного морфологического типа предложения эргативной типологии по существу иллюстрируется процесс формирования склонения в эргативных языках⁶⁵. Именно склоняющиеся при этом позиционные падежи вовлекают в систему склонения обычно уже присутствующие в них послелоги локативной семантики.

Наконец, широко засвидетельствован процесс преобразования «смешанного» морфологического типа эргативной конструкции предложения в «именной». Он характеризует некоторые из нахско-дагестанских языков (лезгинский, агульский, частично — табасаранский), в которых, как предполагается, упростилась исходная морфологическая структура глагола. Такая же эволюция произошла в иранских языках, которые утратили так называемое «объективное согласование» глагола. Именно этот процесс определил современный облик эргативности в одном из картвельских — чанском языке, почти полностьюнейтрализовавшем иррививо-поставление эргативных и абсолютных аффиксов глагола. Он дает себя, как будто, знать и в баскском языке, где в имперфектных формах нерекуррентного глагола в роли эргативных аффиксов начинают уже выступать исторически абсолютные (ср. ne-gien 'я делал то', ne-kien 'я знал то', ne-karren 'я нес то' и т. п.)⁶⁶. Следует подчеркнуть, что «именной» морфологический тип эргативного предложения всегда обозначает поздний этап функционирования в языке эргативности. Нетрудно показать и логические основания этого факта: если синтаксически доминирующее положение глагола в эргативной системе признано, то невыраженность в нем принципиальных отношений последней может служить только свидетельством преобразования его морфологической структуры в связи с наметившимся переходом к выражению отношений иного порядка. Как показывает история тибетско-бирманских (ср. положение в классическом тибетском, с одной стороны, и в современных тибетских диалектах, с другой), картвельских (особенно мегрельского), удинского и древнеегипетского языков, такими отношениями уже оказываются отношения номинативности.

Нелишне отметить, что попытка теоретического обоснования правленности структурной эволюции от смешанного морфологического типа к именному была предпринята С. Л. Быховской на материале баскского языка еще в 1931 г. Самый факт становления здесь именного морфологического типа эргативной конструкции

⁶⁵ Ср.: С. Л. Быховская. К вопросу о происхождении склонения (на материале кавказских языков). «Изв. АН СССР», ОЛЯ, VII серия, 1930, № 4, стр. 283—295.

⁶⁶ Ср.: С. Л. Быховская. «Пассивная» конструкция в яфетических языках, стр. 70; N. M. Holteg. Ibero-Caucasian as a linguistic type, стр. 28—29.

предложения (по ее выражению — «ломаной конструкции») она констатировала на примере не передающей отношений эргативности имперфектной словоформы баскского транзитивного глагола *n-uep* 'я имел то'. «Таким образом,— писала она,— в баскском языке нереходный глагол в прошедшем несовершенном времени при прямом объекте 3-го лица идет не по «насивной» конструкции, т. е. спрягается так же, как глагол непереходный в яфетических языках. Однако необходимо отметить еще одну особенность в данном случае: несмотря на то что глагол идет не по «насивной» конструкции, субъект, выраженный самостоятельным местоимением или существительным, стоит в активном падеже, а не в именительном, как в непереходных глаголах, и, благодаря этому, получается ломаная конструкция, совершенно не переводимая на европейские языки: *ni-k n-uep* 'мно я имел', так как субъект выражен активным падежом (*ni-k*)⁶⁷. Движущую силу развития она усматривала в изменении качества глагола-сказуемого, контаминировавшего вследствие утраты исторического объектного показателя 3-го лица с интранзитивным глаголом: в результате мы застаем соответствующую конструкцию в той фазе, когда «одна часть формы — самый глагол, уже успел трансформироваться, а самостоятельное подлежащее продолжает сохранять старую форму — стоит в активном падеже вместо именительного»⁶⁸.

Во избежание возможных недоразумений представляется необходимым подчеркнуть абстрактный характер схемы развития, намеченный в предшествующем изложении. Данная схема может быть признана общей исключительно в том смысле, что она отражает определенную последовательность изменений в морфологическом облике предложения эргативной типологии. Действительно, имеется достаточно свидетельств исторических грамматик о том, что в истории многих языков эргативного строя во всей полноте реализуется именно эта схема (доступность соответствующих нереходов способны иллюстрировать огражденные выше факты сосуществования в ряде из них разных морфологических типов).

Однако в некоторых случаях нутри эволюции формального облика предложения могут от нее несколько отклоняться.

С одной стороны, эргативная структура предложения уже с самого начала своего формирования в принципе, по-видимому, может иметь облик любого из трех засвидетельствованных морфологических типов. В частности, предложение не проходит ступени глагольного морфологического типа, если его эргативная структура динамически выводится из активной, уже характеризовавшейся своим смешанным типом (последний, впрочем, составляет весьма редкий случай). В то же время в истории иранских языков эргативная конструкция предложения, как известно, была сформирована непосредственно в облике смешанного типа на базе по-

⁶⁷ С. Л. Быховская. К вопросу о трансформации языка. «Доклады АН СССР», серия В, 1931, № 1, стр. 5.

⁶⁸ Там же, стр. 6.

сессивного оборота с историческим определением в форме родительного падежа. Судя по известному в настоящее время теории эргативности эмпирическому материалу, общий удельный вес отклонений подобного рода минимален.

С другой стороны, но-видимому, на каждой из постулированных ступеней функционирование эргативности в языке может и прекратиться. Так, в некоторых северно- и центральноамериканских языках этап преобразования рассматриваемой типологии предложения оказывается связанным с тем же глагольным морфологическим типом. Впрочем, и в последнем случае число зафиксированных отклонений от намеченной выше схемы относительно невелико.

История эргативных языков подтверждает установленную на материале представителей номинативного строя закономерность, согласно которой предел абстракции, внутри которого субстантив может занимать позицию подлежащего в предложении, расширяется по направлению к современному состоянию ⁶⁹. Это означает, что с течением времени все больший круг имен существительных приобретает здесь потенцию выступать в функции подлежащего. В эргативных языках, обнаруживающих тесные связи с активным строем, этот круг еще относительно узок и почти не распространяется за пределы обозначения денотатов, способных играть роль подлинного производителя переходного действия (ср. в соответствии с этим высокую частотность употребления здесь орудийных дополнений). В частности, в языках майя-киче и особенно алгонкинских в него обычно входят лишь существительные активного класса. Напротив, в более или менее номинативизованных представителях эргативного строя в позиции подлежащего может уже выступать весьма обширный набор субстантивов, фактически не зависящий от способности соответствующих денотатов реально выполнять переходное действие (функционирование здесь в ряде случаев инструменталиса в роли эргатива для имен былого инактивного класса является, таким образом, отражением исторического развития).

В реализации охарактеризованных в этом разделе процессов необходимо подчеркнуть роль определяющей все остальное эволюции глагола-сказуемого, являющегося структурной доминантой эргативной и параллельных ей моделей предложения и в плане диахронии. Судя по всему, как последовательная смена морфологических типов предложения эргативной типологии, так и перестройка последней в номинативную обусловлены соответствующими качественными преобразованиями глагольной лексемы. Можно высказать предположение, что эти преобразования отражают собой ослабление лексической оппозиции транзитивного и интранзитивного глаголов, особенно далеко заходящее уже в пред-

⁶⁹ Ср., например: Ю. С. Степанов. Подлежащее в старых романских языках. (Глава из сравнительно-исторического синтаксиса). «Вестник МГУ», 1961, № 4, стр. 30—31.

ставителях номинативного строя. Как известно, категории транзитивности ~ интранзитивности в последних уже не являются лексическими и в лучшем случае рассматриваются в качестве синтаксических характеристик: ср. принятые в описаниях номинативных языков определения транзитивного глагола как глагола, допускающего при себе прямое дополнение (свидетельством лексической неразграниченности обоих можно, по-видимому, считать не только их довольно обычную семантическую «диффузность», но и являющееся правилом тождество их морфологической структуры).

В заключение этого раздела необходимо отметить отсутствие случаев иреобразования эргативной типологии предложения в активную. Вообще все, что в настоящее время известно о закономерностях развития языков эргативного строя, говорит против возможности подобной трансформации (ср., в частности, стр. 200 настоящей работы). Отдельные черты эргативности, встречающиеся в представителях активного строя, приходится рассматривать исключительно в качестве структурных инноваций.

МОРФОЛОГИЯ

В ходе исторического функционирования эргативности претерпевают различные преобразования и ее морфологические импликации и фреквенталии, весьма определенным образом реагирующие на изменения, происходящие на уровне синтаксиса.

В этом контексте прежде всего следует отметить фактическую необоснованность нередко встречавшегося в прошлом мнения о том, что становление эргативного строя обозначает в эволюции языка начало взаимной дифференциации имени существительного и глагола (ср. в этой связи безуспешные поиски следов додлагольного состояния в дагестанских языках, предпринимавшиеся в свое время Л. И. Жирковым ⁷⁰). Довольно очевидна и беспочвенность мысли об отсутствии в языках эргативного строя имени прилагательного, еще относительно недавно высказывавшейся Х. Хольцем ⁷¹. Многочисленные дескриптивные исследования двух последних десятилетий показали, одпако, что обе «основные» части речи достаточно четко разграничены не только в номинативных и эргативных языках, но и в активных. С другой стороны, отсутствие имени прилагательного характеризует, вероятно, меньшинство представителей эргативного строя. При общем отчетливом статусе частей речи (имени существительного, глагола, местоимения, па-

⁷⁰ См.: Л. И. Жирков. О строе глагола в яфетических языках Дагестана. «Доклады АН СССР», 1930, стр. 79 и след.; Он же. Развитие частей речи в горских языках Дагестана. «Языки Северного Кавказа и Дагестана». (Сборник лингвистических исследований), I. М.—Л., 1935, стр. 155—168.

⁷¹ См.: Н. Н. Holz. Sprache und Welt. Probleme der Sprachphilosophie, стр. 118.

речия и обычно прилагательного), характерном для большинства рассматриваемых языков, лишь в относительно немногих из них заметны более или менее достоверные реликты исторического неразграничения отдельных морфологических классов или подклассов слов.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что становление некоторых из морфологических классов слов в языках эргативного строя связано, по-видимому, с эволюцией глагола как части речи. По многим языкам относительно четко прослеживаются генетические связи, существующие между глаголом, с одной стороны, и качественным прилагательным и причастием, с другой (этот факт особенно интересен на фоне отсутствия качественных прилагательных и причастий в языках активного строя). Формирование обеих частей речи здесь находится, по-видимому, в прямой зависимости от отмеченного выше изменения принципа лексикализации глагольных слов, еще дающего о себе знать в целом ряде случаев. В частности, можно обнаружить немало свидетельств непосредственной преемственности между качественным прилагательным и историческим стативным глаголом. В то же время прототипом отсутствующего в большинстве рассматриваемых языков относительного прилагательного, как уже неоднократно отмечалось в специальной литературе, является имя существительное, употребляемое в атрибутивной функции. Из морфологических подклассов слов, неизвестных на большей части территории распространения эргативности, следует назвать разряды притяжательных и относительных местоимений, первые из которых сложились лишь в ее «западном» ареале.

В настоящее время определенный этап формирования качественного прилагательного может быть засвидетельствован только в некоторых представителях «восточного» ареала распространения эргативности. Так, например, в языке юрок (одном из алгонкинских языков Калифорнии) насчитывается не более 20 вполне сложившихся прилагательных (семантики 'большой', 'маленький', а также обозначающих цвета). Их формальное отличие от подавляющей массы интранзитивных глаголов, в том числе от так называемых «глаголов страдательного значения», имеющих как предиктивное, так и атрибутивное употребление (ср. *kimol-* 'быть плохим', *sagpag-* 'быть новым' и др.), составляет вариация их формы при атрибутивном употреблении в соответствии с классом определяемых ими субстантивов⁷². Несколько более прочно положение имени прилагательного в языке оджибва⁷³. В североамериканском языке салинан, по свидетельству Э. Сепира, практически все прилагательные содержат префикс *k-*, характерный для морфоло-

⁷² См.: R. H. R o b i n s. Yurok. «Lingua», 1963, v. 17, № 1—2, стр. 220—221.

⁷³ См.: N. M. H o l m e r. The Ojibway on Walpole Island, Ontario (a linguistic study), стр. 31—32.

гической структуры исторического стативного глагола⁷⁴. Рассматривая имя прилагательное в одном из австралийских языков — дживаджа, А. Кейпелл подчеркивает, что сам термин «adjectives» здесь «следует воспринимать как сокращение для выражения «функционирующие как прилагательные слова». Эти слова могут встречаться в двух формах; а) как чистые квалифициаторы, предшествующие имени или следующие за ним, или б) в глагольной форме, употребляемой предикативно. Таким образом, трудно сказать, следует ли констатировать в языке дживаджа особый класс «прилагательных», однако подобную категорию представляется целесообразным принять, поскольку она имеет некоторое собственное оформление, признавая в то же время, что она имеет перекрестные связи с глаголом:ср. *waliwi alidj* 'плохое конь' при *pij i aŋŋaliwi* 'ты плохой'⁷⁵. Во всех названных здесь языках подкласс относительных прилагательных вообще неизвестен. Как указывал П. Я. Скорик, в чукотском языке «отсутствует имя прилагательное, основные функции которого выполняются инкорпорированием соответствующих основ (*tor-poiγ-ty-n* 'новое копье', букв. 'ново-копье'; *ott-ty-poiγ-ty-n* 'деревянное копье', букв. 'дерево-копье') или аналитическим образованием (*gyarətəs vallyn* 'опасный', букв. 'опасно сущий')»⁷⁶. Позднее тот же автор выделил здесь соответствующую группу слов, практически не склоняющихся, но варирующих по лицам, в особый класс имен качественного состояния, по-видимому, отражающий своим функционированием процесс образования качественных прилагательных.

Несколько более отдаленные аналогии, свидетельствующие об исторической связи качественного прилагательного с глаголом, сохраняются и в некоторых представителях «западного» ареала эргативности. Так, в языке бурушаски эти прилагательные характеризуются единым с формой герундия 1-го (выступающего в роли так называемого «статического» причастия) деривационным аффиксом *-Vm*: ср. *ūj-um* 'большой', *šat-um* 'черный', *haŋ-um* 'мокрый', 'сырой', *c-um* 'тяжелый' и т. д. при *et-um* 'сделавший', *taŋ-um* 'ставший', *es-um* 'сказанный' и т. п.⁷⁷ В табасаранском языке Дагестана, где обычными окончаниями прилагательного в атрибутивной функции являются *-i*, *-uy* и *-u* (ср. *marçIi* 'чистый', *mini* 'теплый', *avxu* 'большой', *avx'yu* 'холодный', *uyru* 'красный', *klary* 'черный'), все они указывают на близость прилагательных к причастиям, которые именно и являются отглагольными прилагательными. В разделе, посвященном глаголу, мы встретим

⁷⁴ См.: Ed. Sapir. Supplementary Note on Salinan and Washo.— IJAL, 1921, v. 2, стр. 69—70.

⁷⁵ A. C. Apel. Some Linguistic Types in Australia («Handbook of Australian Languages», pt 2), стр. 156.

⁷⁶ П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология именных частей речи. М.—Л., 1961, стр. 133.

⁷⁷ Ср.: D. L. R. Lorimer. The Burushaski Language. V. I. Introduction and grammar with preface by G. Morgenstierne. Oslo, 1935, стр. 108, 117—119.

-и, -ув, -у как формативы глагольных форм, видимо, причастного характера⁷⁸. Следы былой связи качественного прилагательного с глаголом можно усмотреть даже в таких языках, как картвельские. Согласно высказанному в картвелистике предположению, формы сравнительно-превосходной степени прилагательного здесь генетически восходят к образованиям статического глагола. Ср., например, сван. *хoča* 'хороший', 'лучший', *хola* 'плохой', *хoša* 'больше, старше', *хoшагa* 'шире' и т. п. при засвидетельствованных архаических формах *х-o-č-a* 'он лучше его', *з-i-č-a* 'он лучше тебя', *т-i-č-a* 'он лучше меня', где *х*-, *з*- и *т*- — объектные показатели 3-го, 2-го и 1-го лица, *о*- и *и*- — аффиксы объектной версии, а суффикс *-a* идентичен с одним из глагольных показателей настоящего времени⁷⁹.

Во многих языках эргативного строя наблюдается процесс становления причастий, в целом ряде случаев представляющих собой уже вполне сформировавшийся класс слов (как известно, краткое рассмотрение этого вопроса дало С. Д. Кацнельсону основания еще в 1936 г. отметить, что «происхождение причастия из глагола эргативного строя вытекает с необходимостью»⁸⁰). Бросаются в глаза две основные структурные особенности этих причастий. Во-первых, они, как правило, не знают залоговой дифференциации форм. Во-вторых, они нередко обнаруживают изменение по лицам. Весьма широкое распространение имеют в эргативных языках различного рода деепричастия. Их тесная связь с глаголом находит свое выражение в обычном включении в их словоформу соответствующих личных и временных показателей. Одна из их разновидностей — так называемые «абсолютивы» — отстоит в структурном отношении от глагола несколько дальше.

В представителях «западного» ареала распространения эргативности более или менее сложившимся оказывается и разряд притяжательных местоимений, неизвестный в «восточном» ареале. Интересная в этом отношении картина наблюдается в промежуточных по своей ареальной позиции абхазско-адыгских языках. Возникшие здесь притяжательные местоимения (ср. абхаз. *саслIу* 'мой', *уаутIу* 'твой', кабард. *сысей* 'мой', *уыгей* 'твой' и т. д.) имеют в настоящее время преимущественно предикативное, а не атрибутивное употребление⁸¹.

⁷⁸ Л. И. Жирков. Табасаранский язык. М., 1948, стр. 86.

⁷⁹ См.: Г. И. Мачавариани. К генезису форм сравнительной степени в картвельских языках. «Труды Тбилисского гос. ун-та», 1958, т. 71, стр. 119—131; Т. Зурабишвили. Степени сравнения в картвельских языках. «Труды Тбилисского гос. ун-та», 1957, т. 67, стр. 148—149 (на груз. яз.).

⁸⁰ С. Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения, стр. 97.

⁸¹ См.: А. К. Шагиров. К структуре и этимологии притяжательных местоимений адыгских языков. «Вестник Кабардино-Балкарского НИИ», вып. 2. Нальчик, 1970, стр. 62—63. Ср. сходное положение в некоторых представителях активного строя, обнаруживающих аналогичную тенденцию к поминативизации. В частности, в ассирийской, относящейся

Естественно, что определяющие с точки зрения эволюции эргативного строя изменения претерпевает глагол. Существенные преобразования намечаются в морфологической структуре глагола. В конечном счете они сводятся к постепенной нейтрализации морфологического противопоставления транзитивного и интранзитивного глагола и должны рассматриваться как отражение перестройки лексемного качества обоих, т. е. как ослабление принципа их противопоставления.

Эмпирические исследования свидетельствуют о том, что в процессе деградации эргативности постепенно складываются предпосылки для формирования в глаголе морфологической категории залога. Последняя первоначально формируется в отглагольных образованиях (ср. встречающееся в специальной литературе определение пассивного причастия как минимума страдательного залога), а в дальнейшем пачинает проникать и в структуру самого глагола.

Залоговую дифференциацию глагола можно констатировать, по-видимому, лишь в «занадном» ареале распространения эргативности. В промежуточных по своей типологии картвельских и индоиранских языках залог оказывается достаточно развитой морфологической категорией. Однако в других представителях этого ареала наблюдается по существу только наиболее ранний этап его формирования. Он засвидетельствован, например, в баскском языке, в котором «залоги явно образуются под влиянием романских норм из причастной формы + вспомогательный глагол *izan* 'быть', т. е. непереходный вспомогательный глагол, — по типу романских языков, совпадающих в этом и с германскими языками. Грамматический субъект при страдательном суждении стоит в пассивном (т. е. абсолютном. — Г. К.) падеже. Причастие в баскском рассматривается как именная форма, получающая сплошь и рядом показатель определенного члена -a и показатель множественности; тем самым форма страдательного залога ничем не отличается от суждения типа *gizoza ontheoa da* 'человек хорош', т. е. представляет для баскского обычный вид суждения, выражающего состояние предмета, или непереходность действия; поэтому в страдательном залоге в баскском стоит пассивный падеж. Однако причастие, как видно было из вышеупомянутых примеров (*ikusten du*), появляется в баскском и в описательных активных формах; при этом при непереходном глаголе стоит вспомогательный глагол *izap*, совершение как в страдательном суждении; субъект же точно так же в пассивном падеже, тогда как активная описательная форма от переходного глагола требует при себе вспомогательный глагол *eduki* 'иметь' и постановку субъекта в активном падеже»⁸².

к группе си, сложились самостоятельные формы притяжательных местоимений, которые, как свидетельствуют приводимые примеры, имеют здесь также преимущественно предикативное использование; см.: N. B. Lévin. The Assiniboine Language. — LJAL, 1964, v. 30, № 3, pt II, стр. 23.

⁸² М. М. Гуман. Происхождение строя готского глагола, стр. 147.

Как известно из специальной литературы, процесс зарождения залога как морфологической категории намечается в нахско-дагестанских языках, где в ряде случаев соответствующую дифференциацию обнаруживает форма причастия. Ср., например, даргин. (кубачин.) *гәлачे бәкъузив уста* 'мастер, делающий работу' и *устадил бәкъузиб гәлачे* 'работа, делаемая мастером', где согласуемое по классу с субъектом и объектом причастие *б-әкъузи-в* принадлежит действительному залогу, а согласуемое лишь с объектом причастие *б-әкъузи-б* — страдательному⁸³.

Зачатки формирования категории залога отмечаются и в абхазско-адыгских языках⁸⁴.

Обратно пропорциональная зависимость, существующая между степенью развития глагольной морфологической категории залога и эргативной типологией предложения, может быть продемонстрирована на материале картвельских языков. Так, например, в формах ирредентных времен грузинского транзитивного глагола, выступающих почти исключительно в составе номинативной конструкции предложения, противопоставление действительного и страдательного залогов имеет наиболее систематический характер. Соответственно в надеже подлежащего этой конструкции на первый план выдвигается функция именительного, а в падеже прямого дополнения — функция винительного: ср. груз. *durgal-i* *skiwr-s akelebs* 'столяр сундук делает'. Напротив, в формах его аористных времен, употребляющихся в составе эргативной конструкции предложения, залоговые оппозиции проводятся менее четким образом (например, в широко распространенных словоформах типа *са-i-сег-а* 'он записал себе то' // 'он записался'). Падежом подлежащего при этом является эргативный, а в падеже прямого дополнения на первый план выдвигается функция абсолютного падежа языков эргативного строя: ср. груз. *durgal-ma* *skiwr-i* *gaaķeta* 'столяр сундук сделал'. Наконец, в формах результативных времен грузинского глагола залоговые значения передаются по существу описательно⁸⁵.

Подобные факты, однако, не свидетельствуют в пользу точки зрения о том, что каузальный аспект становления эргативности в языке можно свести именно к отсутствию залогового разграничения глагольных форм, тенденцию к которой можно усмотреть в высказываниях отдельных авторов. Отсутствие такового составляя-

⁸³ Ср.: С. Л. Быховская. Особенности употребления переходного глагола в даргинском языке. — Сб. «Памяти академика Н. Я. Марра (1864—1934)». М.—Л., 1938, стр. 63; А. А. Магометов. К вопросу о категории залога в кубачинском диалекте даргинского языка. «Докл. и сообщ. Ин-та языкоznания АН СССР», 1953, № 4, стр. 105.

⁸⁴ См.: К. В. Ломтадзе. К вопросу о категории залога в абхазском языке. — ИКЯ, VIII, стр. 200 и след. (на груз. яз.).

⁸⁵ Описание соответствующего процесса см., например, в работе: В. А. Джорбенадзе. К вопросу образования и формирования глагольной категории залога в грузинском языке. Автореф. канд. дисс. Тбилиси, 1970.

ет только условие, при соблюдении которого может сложиться эргативная конструкция предложения. В последней связи достаточно напомнить общеизвестный факт существования множества языков, не знающих глагольной категории залога и не обнаруживающих никакой тенденции к эргативизации своей структуры. При этом можно указать на такие языки номинативного строя, как, например, тунгусо-маньчурские, дравидийские, ряд семитских и др. В свете изложенного следует присоединиться к выводу К. Регамэ о том, что «ключ к эргативной структуре следует искать за пределами противопоставления действительного и страдательного залога, а также синтаксических отношений между именительным, винительным и инструментальным падежами»⁸⁶.

Если признать намеченную выше последовательность изменений морфологического типа предложения эргативной структуры адекватной, то станет возможным утверждать, что как его «именной» так и «смешанный» типы связаны с утратой некоторых морфологических импликаций эргативного строя. Уже преобразование «глагольного» типа в «смешанный» предполагает не только формирование эргативного и абсолютного падежей в именной морфологии, но и прежде всего ослабление противопоставления эргативного и абсолютного рядов личных аффиксов в глагольной. Последующая трансформация «смешанного» морфологического типа структуры предложения в «именной» означает уже полную утрату оппозиции эргативного и абсолютного рядов личных глагольных аффиксов.

Не видно каких-либо оснований считать в языках эргативного строя личное спряжение более поздним, чем классное, а субъектно-объектное спряжение транзитивного глагола более поздним, чем его чисто объектное спряжение⁸⁷. Наиболее типичным для этих языков является двухличное субъектно-объектное спряжение транзитивного и аффективного глагола и одноличное субъектное спряжение итранзитивного, в которых классное разграничение проводится уже внутри глагольной категории лица (немногочисленные исключения в этом плане составляют нахско-дагестанские языки, бурушаски и эламский). Следует подчеркнуть, что именно такое положение засвидетельствовано и в языках активного строя, судя по ряду обстоятельств, являющихся типологическими предшественниками эргативных. В то же время чисто классный принцип спряжения, как отмечалось выше, вообще составляет исключительное явление, до сих пор зафиксированное только в ряде нахско-дагестанских языков (пяенско, встречается ли он и в языках банту и суданских, характеризующихся особой типологией,

⁸⁶ C. Régamey. *A propos de la «construction ergative» en Indo-Aryen moderne*, стр. 367–368.

⁸⁷ Ср.: И. М. Дьяконов. Эргативная конструкция предложения и субъектно-объектные отношения (на материале языков Древнего Востока). — ЭКПЯРТ, стр. 113.

отличной как от эргативной и активной, так и от номинативной)⁸⁸. Наконец, многоличное спряжение абхазско-адыгского глагола, допускающего обозначение в составе своей словоформы до четырех или даже пяти актантов, рассматривается в специальной литературе в качестве инновации.

При изучении истории субъектно-объектной аффиксации глагола эргативных языков необходимо иметь в виду, что в языковой действительности совершенно неизвестны процессы реинтерпретации классных показателей глагола в личные. Уже одно это обстоятельство позволяет скептически смотреть на предположение некоторых кавказоведов о происхождении личного спряжения в абхазско-адыгских и картвельских языках из классного.

Напротив, в разных языках эргативного строя реально засвидетельствованы процессы утраты морфологической категории класса в глаголе. Поскольку классные противопоставления внутри личных аффиксов постепенно снимаются, классно-личный принцип глагольного спряжения с течением времени преобразуется в рассматриваемых языках в чисто личный (но последний процесс иллюстрируется, в частности, абхазско-адыгскими языками). В некоторых случаях, например в языке буршаски и в отдельных нахско-дагестанских, наблюдается функционирование такого смешанного принципа спряжения, при котором классные показатели объекта сосуществуют в словоформе транзитивного глагола с личными показателями субъекта. При этом в отличие от характерной для классно-личных аффиксов префиксальной позиции обращает на себя внимание типичное для последних суффиксальное положение (ср. их аналогичное место в глагольной словоформе языков выдержанного номинативного строя). Можно догадываться, что за таким различием линейной позиции и тех и других показателей в составе глагольного слова стоят их серьезное качественное различие. Следует упомянуть в этой связи, что формирующееся в нахско-дагестанских языках спряжение глагола только по лицу субъекта К.-Х. Шмидт считает уже одним из свидетельств проявления тенденции к номинативизации их структуры⁸⁹.

Таким образом, исключительно личный (или классный) принцип глагольного спряжения, встречающийся в настоящее время во многих представителях эргативного строя, по-видимому, должен рассматриваться в качестве структурной ипповации. Именно подобная его оценка составляет, например, общее место современных кавказоведческих исследований, располагающих очень ипструктивным в этом отношении материалом. В частности, преоб

⁸⁸ В этой связи небезынтересно предположение о том, что категория лица, по-видимому, не была в прошлом чужда лезгинскому глаголу; ср.: У. А. Мейланова. Гюнейский диалект — основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970, стр. 129.

⁸⁹ См.: K. H. Schmidt. Probleme der Typologie (Indogermanisch/Kaukasisch). «Homenaje a Antonio Tovar ofrecido por sus discípulos, colegas y amigos». Madrid, 1972, стр. 450—453.

ладающий в нахско-дагестанских языках чисто классный характер спряжения хорошо согласуется с установленной для них тенденцией к упрощению морфологической структуры глагола (ср. факты окаменения в ней классных, аспектуальных и некоторых других показателей). Тем более не может соответствовать древнему состоянию эргативности традиция личного спряжения, всегда характеризовавшая индоиранский глагол.

О хронологическом соотношении субъектного и объектного показателей в глагольной словоформе языков эргативного строя в специальной литературе высказывались различные точки зрения. Нередко предполагают большую древность личных аффиксов, непосредственно примыкающих к основе. Так, Н. Хольмер нисал вслед за А. Кейпеллом относительно австралийского глагола следующее: «Когда для передачи названных сложных отношений используется более одного префикса, тот из них, который соотносится с агентом, часто расположен непосредственно при глагольной основе — обстоятельство, которое позволяет нам полагать, что первоначально выражался субъект транзитивного глагола, в то время как включение в комплекс элементов прямого дополнения произошло позднее...»⁹⁰. Однако аналогичная ситуация в абхазско-адыгском языкоznании интерпретируется принципиально иным образом. Здесь обычно принимается, что в отличие от интранзитивного глагола, первоначально содержавшего только личный префикс субъекта, транзитивный имел лишь объектный префикс, соотносившийся с прямым дополнением. При этом предполагается, что включение в транзитивный глагол показателя субъекта должно было произойти позднее. Не исключается, что абхазские словоформы типа *i-s-foj̥* 'то я ем' могут исторически толковаться как образования по аналогии со строем интранзитивного глагола типа *s-coj̥* 'я иду'⁹¹.

Кажется естественным думать, что распределение личных показателей в составе глагольной словоформы в языках эргативного строя как-то связано с доминирующим в них порядком членов предложения. В частности, решительно господствующая в этих языках норма выдвижения показателя прямого дополнения на первое место «слева» может служить указанием на обычную позицию прямого дополнения по отношению к глаголу. Однако в целом этот вопрос остается очень слабо разработанным и не позволяет наметить сколько-нибудь определенную схему развития. Нельзя, в частности, упускать из вида возможность неодинаковости более древнего порядка личных аффиксов.

⁹⁰ N. M. Holm e r. On the History and Structure of the Australian Languages. «Australian Essays and Studies», III. Upsala — Copenhagen, 1963, стр. 52.

⁹¹ Ср.: И. О. Г е ц а д з е. К вопросу об эргативной конструкции в абхазском языке. «Труды Абхазского ин-та языка, литературы и истории», т. XXXI, Сухуми, 1960; О в а ж е. К истории формирования эргативной конструкции в абхазском языке. — ЭКПЯРТ, стр. 160—167.

Одной из наиболее характерных и уже отмечавшихся в специальной литературе закономерностей развития морфологической структуры глагола эргативных языков считается преобразование его аспектуальных оппозиций (под последними здесь следует понимать различные противопоставления способов протекания действия) в темпоральные⁹². Если учесть, что (как об этом, по-видимому, свидетельствует индоевропеистика) аналогичный процесс имеет место и при трансформации активного строя в номинативный, то нетрудно понять, почему многим лингвистам он представляется общеязыковой закономерностью (ср. продолжающий хорошо известную в языкоznании традицию вывод Е. Курилова о том, что «в случае так называемых «языков с видами» мы имеем дело не с принципиально отличными глагольными системами, а просто с системами, относительно менее развитыми по сравнению с западноевропейскими»⁹³).

Чем больше точек соприкосновения с активным строем обнаруживает тот или иной эргативный язык, тем более существенную роль в снряжении его глагола играют аспектуальные противопоставления и, соответственно, меньшую — временные. Напротив, обратная картина наблюдается в языках, которые характеризуются относительно поздним этапом функционирования эргативности. Именно такую зависимость обнаруживает сопоставление глагольной структуры ярких представителей «восточного» ареала эргативности, прежде всего — многих североамериканских языков, с одной стороны, и наиболее характерных представителей ее «западного» ареала (баскского, нахско-дагестанских и картвельских языков), с другой. Естественно предположить, что процесс перестройки такого рода связан с преобразованием лексемной оппозиции активных и стативных глаголов в оппозицию транзитивных и интранзитивных. Иначе говоря, как будто имеются основания постулировать закономерность следующего рода: поскольку темпоральные противопоставления характерны для морфологической структуры транзитивного и интранзитивного глагола, настолько аспектуальные характерны для морфологической структуры активного и стативного.

Заслуживает внимания и то уже отмеченное обстоятельство, что редукция категорий аспекта происходит параллельно с утратой некоторых других фреквенталий эргативного строя. Так, согласно А. А. Магометову, «в отношении категории вида в табасаранском языке наблюдается картина, аналогичная состоянию категории грамматических классов в глаголе: в северном диалекте

⁹² Ср., например.: Н. Н. Ильз. Sprache und Welt. Probleme der Sprachphilosophie, стр. 120—122 (автор при этом ссылается на результаты конкретных исследований советских эргативистов).

⁹³ Е. Курилович. Вид и время в истории персидского языка. — В кн.: Е. Курилович. Очерки по лингвистике. М., 1962, стр. 142; ср. также: G. Voigtlaender. On Reconstruction and Linguistic Method, pt 1. «Word», 1945, v. 1, № 1, стр. 85.

морфологическими средствами различаются основы длительного и недлительного вида, между тем как в южном диалекте такого различия не сохранилось — глагол не различает категорию вида. Категория грамматических классов в глаголе в южном диалекте ныне уже в ряде говоров также не является действующей морфологической категорией, в северном диалекте же грамматические классы в глаголе еще различаются»⁹⁴.

В ходе реализации этого процесса обращает на себя внимание функциональная перестройка отдельных разновидностей способа действия, в той или иной степени известная во многих эргативных языках. Например, одной из частных закономерностей развития является преобразование характеристики интенсивности действия в характеристику его многократности (как отмечалось на стр. 70 настоящей работы, через формы многократности лежит один из путей формирования глагольных слов, лексикализованных как интранзитивные). Так, при исследовании абхазского глагола возникает предположение, что первоначально многократный способ действия выражал количественный момент действия и лишь затем стал передавать его временную протяженность⁹⁵. При этом Е. Курлович устанавливает, в частности, такие законы изменения функций, как: итератив > дюратив (презенс) > (общий или неопределенный) презенс, или дезидератив > будущее⁹⁶.

Различные ступени рассматриваемого процесса уже служили объектом описания в эмпирических исследованиях многих языков эргативного строя.

Характеризуя историю развития форм глагольных времен в эскимосских диалектах, Г. А. Меновщиков приходит к выводу, что хотя «представление о категории времени имелось уprotoэскимосов в глубокой древности, а именно — в период гипотетической эскимосско-алеутской этнической общности ... материальное (грамматическое) выражение этой категории в языке развилось, как об этом свидетельствует апализ языкового материала, в более позднее время»⁹⁷. В предшествующей главе уже отмечалось, что В. Г. Богораз, подтверждая существование «глагольных времен» в языке азиатских эскимосов, указывал на неопределенность категории времени в гренландских и американских диалектах эскимосского языка.

Очень интересная в этом отношении картина наблюдается по австралийским языкам, в дескриптивных грамматиках которых обычно фиксируется наличие трех времен — настоящего, прошедшего

⁹⁴ А. А. Магометов. Табасаранский язык (исследование и тексты). Тбилиси, 1965, стр. 194.

⁹⁵ Ср.: Р. С. Д жанаша. Именной суффикс множественности -к^оа в абхазском глаголе. — ИКЯ, 1964, т. XIV, стр. 251.

⁹⁶ См.: Е. Курлович. О методах внутренней реконструкции. «Новое в лингвистике», IV. М., 1965, стр. 433.

⁹⁷ Г. А. Меновщиков. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. II. Л., 1967, стр. 98.

шего и будущего. Вместе с тем, по свидетельству А. Кейпелла, отказывающегося от постулации для общеавстралийского состояния генетически единого показателя прошедшего времени, «любопытно, однако, отметить тенденцию к чередованию употребления: формы на -*т* иногда указывают на настоящее время, иногда же — на прошедшее... Объяснением этому, возможно, служит то, что с течением столетий развивалась идея временной последовательности: на более ранних этапах акцентировалось разграничение будущего, с одной стороны, и не-будущего, с другой, и лишь позднее не-будущее было подразделено на настоящее и прошедшее. Язык вальбири еще поныне обнаруживает более раннее состояние...»⁹⁸. Неменее интересен, однако, и его другой вывод, согласно которому представляется, что «древние австралийцы выражали будущим намерение, не ставя на него никакого иного акцента»⁹⁹. Нетрудно заметить, что и выражение в глагольной словоформе намерения и неразграничение в морфологически противопоставленной ей словоформе настоящего и прошедшего времен — характерные черты морфологической структуры языков активного строя (ср. стр. 220 настоящей работы).

Наконец, абхазско-адыгские языки при господстве в их глаголе темпоральных различий все еще относительно широко используют и аспектуальные (см. стр. 136 настоящей работы). Историческое соотношение обоих представляется специалистам довольно однозначным. Так, согласно А. Н. Генко, «категория времени, в настоящее время почти выработавшаяся в абазинском языке, оказывается при ближайшем рассмотрении производной от категории вида, иначе говоря, по своему происхождению формы времени являются прежними формами различных, существовавших в абазинском и абхазском языке, по существу безотносительных ко времени видовых значений. Вполне очевидный характер носит и сейчас видовая значимость формы давно прошедшего на -*тья*, относимая нами к категории вида... Проследить постепенное развитие временных различий позволяет сравнение с абхазским языком, лучше сохранившим пережиточную абазино-абхазскую систему видов, в настоящее время существенно преобразившуюся и принявшую только что охарактеризованные формы... Настоящее время, сохранившее в абхазском языке свое первоначальное значение лучше, чем в абазинском, образуется с помощью форманта начинательного значения -*уа* ... (откуда постоянные колебания в значении между собственно «настоящим» и «недалеким будущим», характерные в понимании особенно абхазских форм)»¹⁰⁰. Аналогичной точки зрения придерживается Л. П. Чкадуа: «...Можно предположить, что с развитием языка семантика формы типа чистая основа

⁹⁸ А. Сарелл. A New Approach to Australian Linguistics, стр. 61.

⁹⁹ Там же, стр. 61.

¹⁰⁰ А. Н. Генко. Абазинский язык. Грамматический очерк наречия тапанта. М., 1955, стр. 141.— Из контекста видно, что термин «вид» употребляется автором для обозначения способа действия.

и чистая основа + *wa*, помимо значения аспекта, стала содержать и указание на время. Темпоральное значение исходит из аспектуального...»¹⁰¹.

Однако немало интересных отголосков этого процесса сохранилось и в представителях «западного» ареала распространения эргативности. «В новоегипетском спряжении,— пишет М. А. Коростовцев, — имеется 44 употребительных (и 6 редких) глагольных форм. Если обозначить через *V* формы, выражающие только вид и образ действия, а через *V^m* — глагольные формы, выражающие время, то получим отношение *V* : *V^m* = 34 : 10, т. е. глагольных форм, не означающих время, в три с лишним раза больше временных глагольных форм»¹⁰². Тезис о большей древности аспектуальных оппозиций глагола по сравнению с темпоральными стал почти общим местом исследований по нахско-дагестанским языкам. Так, полагают, что «изначально удинский глагол различал только виды (речь идет о способах действия.— Г. К.), без какого-либо указания на время...»¹⁰³. В бацбийском языке, как считают, категория аспекта хронологически предшествует категории времени, а сами темпоральные характеристики здесь опираются на формы аспекта¹⁰⁴. «Категория времени в агульском языке ныне полностью заменила категорию аспекта, следы которой еще прослеживаются в глаголе»¹⁰⁵. Во многих случаях пережиточный характер этой категории здесь вполне очевиден. Например, если в лезгинском языке в группе глаголов префикс повторяемости действия (итератива) *x-/-q-* еще функционирует (ср. *x-fin* ‘снова идти’, *q1-wihin* ‘снова бросать’, *a-x-çip* ‘снова наполниться’), то в ряде глаголов он уже окаменел и слит с корневой морфемой. В то же время ряд лезгинских глаголов зnaет формы многократности действия *xip-ag-ip* ‘многократно, много пить’, *k(i)x'ip-ag-ip* ‘многократно писать’, *tüp-ag-ip* ‘многократно, много есть’¹⁰⁶. В лакском языке помимо пережитков дюративного аспекта (ср. элемент *-l* в составе *iz-l-an* ‘вставать’, *chic-l-an* ‘писать’) в некоторых глаголах встречаются иrudименты итератива (ср. элемепт *-va* в составе *lasä-va-n* ‘брать время от времени’, *chic-i-va-n* ‘писать время от времени’)¹⁰⁷.

¹⁰¹ Л. П. Чкадуа. Система времен и основных модальных образований в абхазско-абазинских диалектах, стр. 281 и след.

¹⁰² М. А. Коростовцев. О природе египетского глагола.— ВЯ, 1969, № 4, стр. 104.

¹⁰³ Б. К. Гигинишвили. О категории аспекта в удинском языке.— ИКЯ, 1959, т. XI, стр. 383; Е. Ф. Джерапишвили. Удийский язык. (Грамматика, хрестоматия, словарь), стр. 299—303.

¹⁰⁴ Р. Р. Гагуа. Виды бацбийского глагола и выражение множественного числа.— ИКЯ, 1962, т. XIII, стр. 261.

¹⁰⁵ А. А. Магометов. Категории времени в агульском языке.— ИКЯ, 1968, т. XVI, стр. 245.

¹⁰⁶ См.: Г. В. Топуриа. Основные морфологические категории лезгинского глагола (по данным кюринского и ахтынского диалектов). Тбилиси, 1959, стр. 86—90 (на груз. яз.) и 126—127.

¹⁰⁷ См.: С. М. Хайдаков. Очерки по лакской диалектологии. М., 1966, стр. 154.

В картвелистике аналогичное положение может быть обосновано анализом обширного материала древнегрузинского литературного языка. Соответствующий процесс контролируется здесь детальным образом на примере трансформации основы так называемого «пермансива» (аспекта, указывающего на дюративный характер протекания действия) в основу настоящего времени. «Вневременной характер пермансива и функциональное сродство его с настоящим временем отмечены в специальной литературе (А. Шанидзе, Г. Деетерс). Формирование категории времени в спряжении, естественно, должно было повлечь за собой ослабление позиций пермансива (его уже нет в новогрузинском литературном языке так же, как и в большинстве грузинских диалектов), но процесс вытеснения категории аспекта категорией времени и ныне нельзя считать законченным («настоящее время» очень часто и теперь выражает дюративное содержание)»¹⁰⁸. Согласно интересному наблюдению Х. Фогта, три основные временные серии глагольных форм грузинского языка (презентная, аористная и результативная) еще и в настоящее время противостоят друг другу по их принадлежности аспектам — дюративному, пупктуальному и результативному¹⁰⁹. Это наблюдение в основном верно и по отношению к формам картвельского глагола в целом. Вместе с тем некоторые из старых аспектных оппозиций находят свое продолжение в явлении глагольного тмеисса (термин из терминологии семантики, встречающегося в сванском и средневековых памятниках грузинского языка (ср. груз. *ga-we-xda* 'сделался снова' и т. п.).

В некоторых языках эргативного строя, характеризующихся слабым развитием именной морфологии, реальное число актантов действия обозначается посредством аффиксов «массовости действия» в составе глагольной словоформы. Развитие морфологии имени и, в частности, специальных показателей множественного числа приводит к возникновению числового согласования формы транзитивного глагола и прямого дополнения и формы итранзитивного глагола и подлежащего.

Широко распространенный процесс стирания единства глагольного показателя «массовости действия» во многих случаях приводит через различные промежуточные формы к становлению

¹⁰⁸ А. С. Чикобава. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. I. Историческое взаимоотношение номинативной и эргативной конструкций по данным древнегрузинского литературного языка. Тбилиси, 1948 (на груз. яз.), стр. 145; ср.: N. Maguet M. Виге. *La langue géorgienne*. Paris, 1931, стр. 138, 144, 317—318; G. Deeter. *Das Kharthwelische Verbum. Vergleichende Darstellung des Verbalbaus der Sudkaukasischen Sprachen*. Leipzig, 1930, стр. 111—112; А. Г. Шапидзе. Древнегрузинский язык и древнегрузинская литература. Тбилиси, 1935, стр. 026 (на груз. яз.); К. Д. Дондуа. Настоящее «обычности» в активной конструкции. (Из типологических связей картвельских языков с горскими языками Кавказа). «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1949, вып. 1.

¹⁰⁹ H. Vogt. *Grammaire de la langue géorgienne*. Oslo, 1971, стр. 180.

подлинного супплетивизма глагольных корней (ср. стр. 131 и след. част. работы). В основе этого процесса лежат обычно явления фонетического порядка. Однако в ряде языков такой числовой супплетивизм глагольных корней перерастает уже в своеобразную структурную традицию, теряющую всякую фонетическую мотивацию: ср. груз. *wardna* 'падать (об одном)' ~ *sweda* 'падать (о множестве)', 'сыпаться', а также бурушаски *-čias* 'давать (об одном)' ~ *-ačunas* 'давать (о множестве)' и т. п. В этой связи любопытно привести точку зрения М. Сводеша, который при сопоставлении глаголов *we²ič* 'спать' и *hū²ič* 'спать (о многих)' в северноамериканском языке нутка реконструирует последний в виде **hu-we²ič* и на фоне ряда других аналогичных фактов приходит к выводу, что элемент *hu-* некогда имел здесь общее значение '*several individuals together*'.¹¹⁰ Автор подходит здесь довольно близко к пониманию подлинной картины развития. Предпринята также попытка объяснить возникновение аналогичного супплетивизма в древнегрузинском на основе сращения предполагаемого им былого показателя множественного числа с глагольным корнем.¹¹¹

Связь подобной аффиксации и супплетивизма с эволюцией эргативного строя довольно наглядным образом выступает, в частности, на материале более или менее номинативизованных картвельских языков. Так, представляется весьма показательным, что в относительно полнее сохраняющем комплекс морфологических импликаций эргативности сванском языке налицо как глагольные аффиксы «массовости действия», так и супплетивизм корней. В грузинском, характеризующемся большей расщатанностью эргативности, в настоящее время сохраняется лишь несколько пар супплетивных глагольных корней (еще в древнегрузинском их число было несколько выше). Наконец, в наиболее далеко продвинутых по пути номинативизации своего строя чанском и мегрельском языках почти не остается случаев и подобного супплетивизма.

Такое же соотношение фактов наблюдается и в цахско-дагестанском языковом ареале. В наиболее северных его представителях — нахских языках, где эргативность выдерживается более последовательно, соответствующая аффиксация и супплетивизм распространены шире, чем в лакском, даргинском и лезгинских (впрочем, «выражение единственного или множественного числа предметов действия характерно небольшой группе глаголов и представляет в современных нахских языках глубокий архаизм», причем это противопоставление «в пределах однократного вида сохранилось значительно больше, чем в пределах многократного

¹¹⁰ См.: M. Swadesh. A Structural Trend in Nootka. «Word», 1948, v. 4, № 2, стр. 117.

¹¹¹ См.: И. И. Кавтадзе. Дефективные глаголы в отношении числа в древнегрузинском языке. — ИКЯ, 1946, т. I, стр. 141—168 (на груз. яз.).

вида»¹¹²). В лакском языке, по свидетельству С. М. Хайдакова, палило всего два случая подобного супплетивизма: *бивкIан* 'умирать (одному)' ~ *лимIун* 'умирать (многим)', *утан* 'свалить (одного)' ~ *бичин* 'свалить (многих)'. В одном из лезгинских языков — цахурском, по сообщению Н. Г. Исаева, сохраняется лишь один аналогичный случай: *хъикIас* 'умирать (одному)' ~ *гъабтIас* 'умирать (многим)'.

С точки зрения эволюции именной морфологии языков эргативного строя интересные закономерности наблюдаются в составе парадигмы их склонения.

Если эргативность формируется в языке уже в условиях наличия системы склонения, то естественно, что функцию эргатива приобретает один из существующих падежей. В то же время падение выбора с этой целью на разные языки на показатели различных надежей всегда мотивируется спецификой наличной парадигмы. Чаще всего подобную роль принимают на себя окончания инструменталиса (творческого) или какого-либо из местных падежей, широко распространенных в языках активного, эргативного и номинативного строя. В некоторых случаях имеется возможность наблюдать и различные ступени преобразования подобного косвенного падежа в эргатив (так, например, если в одном из диалектов австралийского языка далабоп суффикс -jì имеет по преимуществу значение инструменталиса, то в его другом диалекте он уже более обычен в роли совмещающего эргатива¹¹³). Судя по всему, эргатив может формироваться в языке и на базе окончания исторического активного падежа, встречающегося в языках активного строя. В кавказских и индоиранских языках известны, наконец, случаи функционирования в роли эргатива родительного или дательного падежей.

Если же становление эргативности происходит в языке параллельно с формированием склонения, то роль эргатива принимает на себя общекосвенный падеж.

Так или иначе наличие «совмещающего» эргатива особенно характерно для относительно раннего этапа функционирования в языке эргативности. Напротив, существование в падежной парадигме специального эргативного падежа соотносится преимущественно с хронологически более поздними его этапами (любопытно, что эта черта ограничена почти исключительно «занадным» ареалом распространения эргативности). Специальным экспонентом эргатива становится при этом либо показатель первоначального «совмещающего» эргатива (таково, например, окончание -di и его вариации в ряде лезгинских языков), либо особая местоименная основа (ср., в частности, окончание -тап в древнегрузинском).

¹¹² Р. И. Долакова. Система прошедших времен в чеченском и ингушском языках. «Изв. чечено-ингушского НИИ истории, языка и литературы». Т. II, вып. 2. Языкознание. Грозный, 1961, стр. 20, 21.

¹¹³ Ср.: A. Capell. Some Linguistic Types in Australia («Handbook of Australian Languages», pt. 2), стр. 111.

Подобная направленность развития подтверждается сравнительно-историческими исследованиями самых различных представителей эргативного строя. Так, документально засвидетельствовано, что в истории индийских и иранских языков функцию эргатива первоначально выполняли соответственно инструменталис и родительный падеж. Если в общекартвельское состояние оказывается возможным проецировать «совмещающий» эргативно-обстоятельный падеж на *-(a)d, то специальные показатели эргатива в картвельских языках (груз. -там, чанск. -к, сван. -ем) обычно квалифицируются как весьма поздние образования¹¹⁴. Нетрудно показать, что более или менее общий для пахско-дагестанских языков процесс становления специального эргатива начался относительно поздно: их соответствующие показатели в большинстве случаев используют различный по своему происхождению материал. Напротив, имеются серьезные основания отнести здесь к глубокой древности «совмещающий» эргативно-творительный падеж на *-d(i).

Следует отметить, что при функционировании в языке «совмещающего» эргатива существует тенденция к формированию параллельного косвенного падежа, не совмещающего значения эргативного. В частности, Е. А. Бокарев свидетельствует, что «во всех дагестанских языках, где наблюдается совпадение в одной надежной форме активного и творительного падежа, существует и другой творительный, не совпадающий с активным и в большинстве случаев являющийся обычным средством выражения орудия. Так, например, в качестве второго творительного в лезгинском (падеж на -лди), в даргинском (на -чилби), в лакском (на -йну, и -х) употребляются местные падежи разных серий, а в аварском языке — форма на -льун, генетически восходящая к деенричестию. Нужно думать, что использование первого творительного в качестве падежа подлежащего заставило искать новых средств для выражения орудия»¹¹⁵.

Интересные закономерности обнаруживает по конкретным языкам динамика соотношения специального и «совмещающего» эргатива. Во многих случаях они функционируют параллельно, самим фактом своего существования обозначая «компенсаторное» различие двух исторически прослеживающихся в этих языках классов имен — активного и инактивного. При этом специальный эргатив соотносится с именами активного класса (чаще всего это исключительно названия людей, реже — это обозначения как людей, так и животных, еще реже — несколько более широкие категории имен), а «совмещающий» — с именами инактивного

¹¹⁴ Ср.: Г. А. Климов. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте. М., 1962, стр. 48—65.

¹¹⁵ Е. А. Бокарев. Выражение субъективно-объектных отношений в дагестанских языках. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1948, вып. 1, стр. 39; Он же. Эргативный падеж в языках цезской группы горских языков Дагестана. «Языки Дагестана», вып. II. Махачкала, 1954, стр. 154 и след.

(обычно сюда включаются обозначения всех неживых предметов). За подобным бинарным делением стоит тот универсальный факт объективной действительности, что в качестве нодлинных агентов-действия способны выступать лишь люди и животные, в то время как все остальное может выступать только в роли инструмента действия (ср. преимущественное использование в функции «совмешающего» эргатива инструменталиса). С течением времени обнаруживается тенденция к обобщению в парадигме склонения одного из обоих окончаний в роли специального эргатива как единого надежа субъекта переходного действия. Наличие такового в языке обычно обозначает относительно поздний этап функционирования в нем эргативного строя. В последнюю очередь флексия специального эргатива захватывает личные местоимения 1-го и 2-го лица, которые во многих эргативных языках вообще не принимают падежных окончаний.

Весьма показательна в этом отношении история соотношения флексий специального эргатива на -(a)s и совмешающего на -w, -(i)sа в северном ареале нахско-дагестанских языков. Наиболее широкое использование специальный эргатив на -(a)s находит в бацбийском языке, где он оформляет имена, обозначающие не только людей и животных, но и отдельные предметы (ср. бацбийск. *dada-s* 'отец', *jaša-s* 'сестра', *cočle-s* 'лиса', *kažžbero-s* 'наук'). Несколько более узкую сферу применения находит эта флексия в чеченском и ингушском языках, где она употребляется в словах, относящихся как к первому и второму лексическому классам, т. е. в именах, обозначающих мужчин и женщин (ср. чечен. *dada-s* 'отец', *nana-s* 'мать', *Hamid-as* 'Хамид'), так и в некоторых других, обозначающих людей (ср. чечен. *parti-s* 'партия', *učitel-as* 'учитель'). В соответствии с этим сфера функционирования совмешающего эргатива в обоих последних шире, чем в бацбийском. Наконец, наиболее ограниченным оказывается использование эргатива на -(a)s в аварском языке, где он употребляется в именах только первого лексического класса, т. е. класса мужчин (аварск. *vac-as* 'брать', *nart-as* 'парт', *do-s* 'он'), в то время как имена второго лексического класса, т. е. класса женщин, имеют уже свою флексию специального эргатива -al'. Вместе с тем процесс обобщения окончания исторически совмешающего эргатива -(i)sа зашел в аварском весьма далеко, поскольку последнее окончание ныне проникло даже в имена первого класса (ср. *insu-sa* 'отец', *Rašid-ica* 'Рашид')¹¹⁶. Конечный результат этого процесса налицо в другом нахско-дагестанском языке — лезгинском, в котором исторический

¹¹⁶ Ср.: Ари. Ч и к о б а в а. Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке. «Языки Дагестана», вып. I. Махачкала, 1948, стр. 9; Р. Р. Г а г у а. Эргатив и инструменталис в бацбийском языке. — ИКЯ, 1948, т. II, стр. 87—90 (на груз. яз.); Ю. Д. Д е ш е р и е в. Основные особенности эргативной конструкции предложения в нахских языках. «Вопросы грамматики. (Сборник статей к 75-летию академика И. И. Мещанинова)». М.—Л., 1960, стр. 51—59.

совмещающий эргативный падеж на -di ныне по существу уже играет роль унифицированного специального эргатива. Несколько своеобразное развитие обнаруживает в этом отношении сванский язык, в котором наряду с «совмещающим» эргативно-обстоятельственным падежом на -d присутствует и специальный эргатив на -em, сфера использования которого ограничена в настоящее время нарицательными именами и местоимениями единственного числа¹¹⁷.

В ходе деградации эргативности эргативный падеж постепенно теряет характерное для него функциональное содержание, приобретая в языке статус варианта номинатива (ср., например, статус груз. флексии -та в построениях типа *bavšv-ma* *irbina* 'ребенок бегал'). Как свидетельствуют факты целого ряда языков, и в этом случае личные местоимения часто оказываются наиболее консервативной категорией слов (в частности, именно в факте супплетивного противопоставления прямой и косвенной основы личных местоимений в ряде иранских и дардских языков находит свое выражение эргативность имен).

Бросающаяся в глаза функциональная «диффузность» абсолютного падежа обозначает, по-видимому, определенную ступень в формировании новой единицы падежной парадигмы, характерной уже для языков номинативного строя. Если учесть типичное диалектическое соотношение, сплошь и рядом наблюдающееся между формой и содержанием развивающегося явления, то можно прийти к выводу, что наличие абсолютного падежа является уже шагом к формированию аккузатива (ср. в этой связи термин «именительно-винительный падеж», использованный Н. Ф. Яковлевым для обозначения абсолютного падежа в чеченском языке¹¹⁸). Поскольку винительный к тому же передко заимствует свою форму у какого-либо другого падежа, становится понятным, почему аккузатив иногда постулируют уже в составе падежной парадигмы языков эргативного строя¹¹⁹.

Генитив и датив как падежи, специально ориентированные на передачу субъектно-объектных отношений, встречаются лишь в парадигме склонения языков, переживающих относительно поздний этап функционирования эргативности (ср. в данной связи тот факт, что, например, ишдоевропейский родительный падеж иногда рассматривается даже в качестве транспозиции винительного [genitivus objectivus] или именительного [genitivus subjectivus] падежей). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что они сложились (о чём, впрочем, иногда приходится говорить с долей

¹¹⁷ См.: К. Д. Дондуков. Морфологическое выражение активного (эргативного) строя в адыгейской и картвельской группах кавказских языков. — «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1948, № 3, стр. 211—220.

¹¹⁸ См.: Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка, стр. 58.

¹¹⁹ Ср., например: Т. И. Дешериева. К вопросу об отношении эргативной конструкции предложения к номинативной, генитивной, дативной конструкциям. — ВН, 1972, № 5, стр. 44.

условности) почти исключительно в «западном» ареале распространения языков эргативного строя.

Так, не говоря уже о существенно номинативизованных картвельских языках, а также индо-иранских, никогда не характеризовавшихся последовательным проведением норм эргативности, эти падежи сформировались в баскском, нахско-дагестанских, хурритско-урартских языках. В другом древнем языке Передней Азии — шумерском, судя по всему, засвидетельствована фаза становления обоих. В соответствии с широко известной закономерностью генитив приходит здесь на смену посессивной флексии имени. «В шумерском языке, — пишет А. П. Рифтин, — есть конструкции типа *e melam-bi* ‘храм — блеск его’ = ‘блеск храма’, *e-e lugal-bi* ‘этот храм — царь его’ = ‘царь этого храма’ ... Появление родительного падежа ... приводит вскоре в шумерском к другой конструкции *lugal e-a(k)* ‘царь дома’¹²⁰. В то же время датив употреблялся здесь только при именах социально активного класса. Сходная картина зафиксирована в языке бурунгаски, где родительный падеж знают лишь субстантивы второго лексического класса (при функционировании здесь именной категории притяжательности), а функции дательного по существу еще выполняются направительным падежом. Крайний восточный предел распространения обоих, по-видимому, составляют некоторые тибетские языки. В остальном ареале эргативности соответствующие значения передаются иными средствами.

Парадигматизация специальных окончаний родительного и дательного падежей также проходит через ступень функционально «совмещающих» падежей, прежде всего — эргативно-общекосвенного. В этом отношении весьма показательно, что в некоторых случаях генитив и датив могут рассматриваться как производные от последнего не только в функциональном, но и в формальном плане:ср. аварск. *вац-ас-ул* ‘брата’ и *вац-ас-е* ‘брату’ при форме эргатива *вац-ас*, леагин. *буба-ди-н* ‘отца’, *буба-ди-з* ‘отцу’ при форме эргатива *буба-ди*. Флексия дательного падежа в наиболее общем случае формируется на базе показателя одного из локативов — обычно направительного (такое развитие предполагается, в частности, для даргинского языка¹²¹).

Наконец, наиболее поздними в истории падежной парадигмы языков эргативного строя следует считать факты формирования оппозиции именительного и винительного падежей, знаменующие собой далеко зашедший процесс номинативизации всей языковой структуры. Нетрудно заметить, что номинатив и аккузатив как жестко коррелирующие друг с другом величины складываются вполне параллельно. Эмпирическая история рассматриваемых языков свидетельствует о том, что и в этом случае нить развития

¹²⁰ А. П. Рифтин. Из истории множественного числа. «Уч. зап. ЛГУ». Серия филол. наук, 1946, вып. 10, стр. 42.

¹²¹ См.: С. Абдуллаев. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала, 1954, стр. 117.

лежит через возникновение «совмещающих» соответствующие функции надежей. При этом формирующиеся падежи переживают интересную структурную эволюцию, обусловленную общей тенденцией к сохранению изоморфности между маркированностью и немаркированностью надежей как в плане содержания, так и в плане выражения ¹²².

Естественно, что номинатив начинает формироваться на базе либо абсолютного, либо эргативного падежа, облеченные субъектной функцией. В наиболее общем случае такую структурную основу именительного надежа составляет абсолютный. Однако известны precedents его становления вследствие функциональной перестройки исторического эргатива. Так, именно на базе последнего в мегрельском языке сформировался именительный на -к. Аналогичный путь пройден как будто в одном из китайско-тибетских языков—лота нага, в котором показатель эргатива -па распространяется и на подлежащее в составе абсолютной конструкции предложения ¹²³. Не исключено, что подобная эволюция имела место и в истории общеиндоевропейского номинатива. Существуют некоторые основания полагать, что такое развитие обусловливается относительной скоротечностью эргативного состояния в ряде языков.

Всегда маркированный в плане выражения эргатив обнаруживает при этом отчетливую тенденцию прийти в соответствие с немаркированным в плане содержания характером формирующегося номинатива посредством постепенной утраты специального падежного окончания. Интересную иллюстрацию этого процесса можно найти в картвельских языках, в истории которых сложилась марка абсолютного надежа -i, первоначально совмещавшая здесь функцию показателя определенности: по мере становления номинатива в современных картвельских языках эта марка появляется на пути к полному снятию (по-видимому, более древнее состояние представлено в адыгских языках, где аффикс -р, как правило, выполняет определительную функцию и не является сколько-нибудь необходиым окончанием абсолютного падежа ¹²⁴). Параллельно на базе исторического дательного здесь складывается маркированный в планах содержания и выражения аккузатив на -s. Как известно, на учете соответствующей общей закономерности построено и приведенное недавно А. Мартине дополнительное свидетельство былой эргативной или активной функции индоевропейского падежа на -s ¹²⁵. «Таким свидетельством является маркированная (отмеченная) характере-

¹²² Ср. в этой связи: R. Jakobson. The relationship between gender and plural in the declension of Russian nouns. «Scando-Slavica», 1957, III.

¹²³ Ср.: W. E. Witter. Outline Grammar of the Lbötä Nágä Language. Calcutta, 1888, стр. 19, 21; Г. Ш. Ка роль с фольд. О переходных и непереходных глаголах, стр. 171—172.

¹²⁴ Ср.: А. К. Ша и р о в. Об эргативной конструкции предложения в адыгских языках.— ЭКПЯРТ, стр. 175.

¹²⁵ См.: A. Martinet. Linguistique structural et grammaire comparée. «Travaux de l'Institut de Linguistique», 1956, v. 1, стр. 13—16.

ристика падежа, который обладает приметой -s и противопоставлен падежу с нулевым окончанием, т. е. немаркованному. Эти формальные особенности данных падежей в плане выражения противоречат их соотношению в плане содержания в древних и новых индоевропейских языках, где винительный падеж по своей функции является маркованным, а именительный — немаркованным (надежом, не связанным с одной определенной функцией; ср. использование именительного падежа в качестве словарной формы существительного). Это противоречие (которое было устранено во многих индоевропейских языках благодаря утрате приметы -s) находит объяснение в том, что падеж на -s в более древнюю эпоху был эргативом, т. е. маркованным падежом с функцией обозначения деятеля, тогда как падеж без показателя -s указывал лишь на отсутствие обозначения деятеля, ибо он был немаркованным как в плане выражения, так и в плане содержания. Правильность такой интерпретации подтверждается типологическим сопоставлением с эргативной конструкцией (ср., например, наличие особой приметы у маркованного падежа — эргатива в хурритском и урартском при отсутствии окончания в единственном числе у падежа, противопоставленного эргативу)»¹²⁶.

Два основных пути характерны и для процесса формирования винительного падежа. Один из них сводится к функциональной реинтерпретации какого-либо из косвенных падежей (обычно — дательного или дательно-направительного). Другой предполагает формирование специальной флексии аккузатива на базе одного из местоименных корней (как отмечает Б. А. Серебренников, обычно он заимствуется из серии, указывающей на непосредственную близость объекта к субъекту действия). Как можно видеть, в обоих случаях маркованный характер складывающегося падежа в плане выражения оказывается в соответствии с его маркованностью в плане содержания.

Определенный этап формирования аккузатива иллюстрируют некоторые дардские и индийские языки, а также большинство картвельских. Если, например, в кашмири, равно как и в ряде других дардских языков, винительный падеж возникает на базе так называемого «косвенного первого», являющегося по своей основной функции направительным¹²⁷, то в картвельских в его основу ложится дательный. В последних в построениях с глаголом-сказуемым в формах презентной серии времен падеж на -s играет по существу роль дательно-винительного. Интересная в этом отношении ситуация сложилась в наиболее продвинутом по пути номинативизации мегрельском языке, где засвидетельствовано становление двух различных алломорф аккузатива — явление, весьма характерное для многих языков номинативного строя. Одна из них

¹²⁶ Вяч. Вс. Иванов. Типология и сравнительно-историческое языкознание. — ВЯ, 1958, № 5, стр. 39—40.

¹²⁷ Ср.: Д. И. Эдельман. Дардские языки. М., 1965, стр. 181—182.

формируется на основе дательного падежа на *-s*, другая — на базе абсолютного на *-Ø*.

Поздний этап этого процесса зафиксирован также в удинском языке, где к настоящему времени в основном уже сформировался аккузатив на *-(a)x/-(-e)x*, лишь пережиточно обнаруживающий свою производность от дательного (в конечном счете восходящего к одному из местных падежей общедагестанского состояния) ¹²⁸. В свете целого комплекса других явлений, манифестирующих собой номинативизацию всего структурного типа удинского языка, имеются основания усомниться вслед за В. Н. Панчвидзе в адекватности мнения А. Диrra, согласно которому в этом языке аккузатив должен был сложиться несомненно под воздействием армянского и азербайджанского языков ¹²⁹. Если учесть жесткое коррелятивное соотношение, существующее в рамках падежной парадигмы между аккузативом и номинативом, то, по-видимому, с необходимостью следует признать факт параллельного формирования в удинском и алломорфы именительного падежа *-n*.

Не менее характерным для языков эргативного строя является и процесс синтия противопоставления между притяжательными формами органической и неорганической принадлежности в именной морфологии. При этом необходимо, во-первых, отметить факт функционального преобразования данной категории, поскольку в этих языках она становится выразителем подлинно посессивных отношений, предполагающих как субъект, так и объект обладания (о принципиально отличной семантике этой категории в рамках активного строя см. стр. 226 настоящей работы).

Во-вторых, этот процесс находит свое воплощение в постепенной нейтрализации соответствующей формальной оппозиции во все более обширной группе субстантивов. В большинстве случаев он результирует в становлении унифицированной категории притяжательности, типа представленной в абхазском, или в таких номинативных языках, как тюркские или уральские (при этом иногда происходит обобщение формы органической принадлежности, иногда — неорганической). В других случаях итогом этого процесса оказывается полная утрата в языке самой категории притяжательности.

Уже К. Улебек начертил в этом плане вполне определенную эволюционную схему для большой совокупности североамериканских языков. Он писал, в частности, что «исходя из того, что мы наблюдаем в архаических языковых типах Северной Америки, я склонен думать, что наименования частей тела в языках сравнительно новой формации, например, в языках юки и помо, некогда трактовались так же, как и названия родства, но позднее по ана-

¹²⁸ Ср.: В. Н. Панчвидзе. К вопросу о генезисе аккузатива в удинском языке. «Изв. ИЯИМК», Тбилиси, 1940, т. V—VI, стр. 145 (на груз. яз.).

¹²⁹ См.: А. Диrr. *Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen*. Leipzig, 1928, стр. 335 (примеч.).

логии с названиями отчуждаемых объектов они стали трактоваться уже как последние»¹³⁰.

Аналогичный процесс засвидетельствован И. И. Зарубиным в языке бурушаски. В описании вершикского диалекта этого языка он отмечает следующее: «Система префиксации местоименных характеристик, по-видимому, уже подвергается разложению. Если в некоторых случаях отсутствие местоименного префикса может считаться показателем определенного лица, то в других случаях уже может появляться смешение различных форм; так, например, *nii* (этот пример представляет собой фактически стативный глагол ‘быть большим’. — Г. К.) одинаково относится и к 1-му и к 3-му лицам ед. ч., *wiljí* ‘сон’ — к 3-му л. ед. и мн. ч. В других случаях совпадают префиксы: *äš* ‘шея’ (1 и 3 л.), *ulčíti* ‘глаза’ (ед. и мн. ч. 3 л.); в последнем случае переход префикса мн. ч. на ед. ч. объясняется, очевидно, мн. числом самого понятия, потому что в соответствующем случае ед. ч. имеется правильная форма *ilčí* ‘глаз’. Характеристики иногда смешиваются и семасически»¹³¹. Имеются указания на то, что в прошлом формы органической принадлежности в бурушаски знали и имена, обозначающие части деревьев и растений (ср. *-dím* ‘ствол дерева’, ‘тело’ в его вершикском диалекте¹³²).

Процесснейтрализации противопоставления обеих форм категории притяжательности засвидетельствован в абхазско-адыгских языках. Даже в адигейском языке, где рассматриваемая оппозиция еще функционирует, она проводится весьма непоследовательно. Так, «те термины родства, которые происходят от возрастных обозначений и которые поэтому могут быть употреблены не только родственниками, но и другими лицами, например, жителями одного села друг по отношению к другу, выражаются префиксами имущественной (т. е. неорганической. — Г. К.) принадлежности: ... *си-къалэ* ‘мой мальчик, сын’, *си-пшъашъэ* ‘моя девушка, дочь’, *си-шъао* ‘мой ребенок, сын’»¹³³. Более того, этими же префиксами в адигейском языке ныне передаются отношения «принадлежности» старших родственников младшим: ср. *сън* (*си-ан*) ‘моя мать’, *сът* (*си-ат*) ‘мой отец’, *сънэжъ* (*си-анэжъ*) ‘моя бабушка’, а также отношения свойства: ср. *си-нысэ* ‘моя невестка’, *си-гуашэ* ‘моя свекровь’, *си-шъуз* ‘моя жена’ и т. п.¹³⁴ На этом фоне

¹³⁰ Х. К. Улебек. Идентифицирующий характер посессивной флексии в языках Северной Америки. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 189.

¹³¹ И. И. Зарубин. Вершикское наречие канджутского языка. — «Записки Коллегии востоковедов», II. Л., 1927, вып. 2, стр. 291. Ср. также: D. L. R. Lorimer. The Burushaski Language. V. I. Introduction and Grammar (with a preface by G. Morgenstierne). Oslo, 1935, стр. 134.

¹³² D. L. R. Lorimer. Werchikwar English Vocabulary. Oslo, 1962, стр. 81.

¹³³ Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Грамматика адигейского литературного языка. М.—Л., 1941, стр. 297.

¹³⁴ См. там же, стр. 298.

тем более интересными представляются факты словоизменения по формам органической принадлежности, которые отмечаются у имен, обозначающих части деревьев и растений, например 'лист', 'корень', 'стебель' и т. п. Пережитки более систематически проводившегося в прошлом различия притяжательных форм органической и неорганической принадлежности засвидетельствованы и в бесленеевском диалекте кабардинского языка¹³⁵.

Интересные реликты противопоставления рассматриваемых форм прослеживаются в отдельных нахско-дагестанских языках. Например, в даргинском языке обращает на себя внимание небольшая группа субстантивов, обозначающих части тела и постоянно употребляющихся в притяжательной форме, которая варьирует по категории класса: ср. *в-//, р-//, б-// д-ах* 'лицо (мужчины, женщины, животного, вообще)', *в-//, р-// б-// д-арг* 'желудок (мужчины, женщины, животного, вообще)', *в-//р-//б-// д-айъ* 'поясница (мужчины, женщины, животного, вообще)'. На архаичность этих образований указывает факт использования в роли соответствующих экспонентов классных, а не личных аффиксов. О том же должно свидетельствовать «компенсаторное» различие двух форм родительного падежа личных местоимений, обозначающих органическую и неорганическую принадлежность в хиналугском языке Северного Азербайджана, ср.: *и стIал* 'мой палец', *ви унг* 'твое сердце', однако *э пши* 'моя лошадь', *вэ хинимкI* 'твоя жена' (в этом языке ныне известна и третья форма родительного падежа, передающая так называемую «семейную» принадлежность)¹³⁶.

Менее убедительной представляется гипотетическая реконструкция аналогичного явления в некоторых других случаях. Так, заслуживает упоминания существующая в баскологии точка зрения, которая усматривает окаменелую префиксацию органической принадлежности в обширной группе баскских субстантивов, обозначающих части тела, ср.: *beatz* (// atz) 'палец', *begi* 'глаз', *belarri* 'ухо', *belar* 'лоб', *beso* 'рука', *belaun* 'колено' и т. п.¹³⁷ В картвельских языках отдаленным отголоском подобного морфологического противопоставления могут быть притяжательные энклитики, употребляемые преимущественно при некоторых названиях рода (типа груз. *deda-ძemɪ* 'моя мать', сванск. *тиа-მiშგi* 'мой отец').

* * *

Подводя некоторые итоги, необходимо отметить ту ведущую роль, которую играют в развитии грамматической структуры эргативных языков формы имен 'одушевленного класса', т. е. обозначе-

¹³⁵ См.: Б. Х. Балкаров. Язык бесленеевцев. Нальчик, 1959, стр. 60.

¹³⁶ См.: А. Н. Барулина. Некоторые вопросы семантики хиналугского языка. (Дипломная работа). МГУ, 1971, стр. 74–77.

¹³⁷ См.: С. С. Uhlenbeck. Die mit b-anlautenden Körperteilnamen des Baskischen. «Festschrift Meinhof. Sprachwissenschaftliche und andere Studien». Hamburg, 1927, стр. 354–357.

ний денотатов, способных выступать в роли реальных производителей действия, с одной стороны, и формы глаголов, обозначающих подлинные действия, с другой. Грамматическая эволюция происходит таким образом, что синтаксические потенции и морфологическое оформление, свойственные первоначально только именам и глаголам этой группы, постепенно распространяются на остальные имена и глаголы. Ср., в частности, историю именных форм эргативного падежа и множественного числа, глагольных категорий числа, времени и т. д. во многих из рассматриваемых языков. Представляется, что за этим процессом стоит усиление позиций субъектно-объектной детерминант в структуре эргативных языков и соответственно ослабление места активно-инактивной.

Вместе с тем приходится сделать более общий вывод о неодинаковых путях и темпах эволюции различных сторон эргативного строя. Его импликации обнаруживают тенденции изменения согласно определенным закономерностям, отражающим иерархический характер организации языковой структуры (направленность движения от высших уровней к низшим). Что же касается путей эволюции разноуровневых фреквенталий эргативного строя, то они оказываются чрезвычайно различными и резко варьируют в зависимости от частных структурных особенностей конкретных языков.

Предшествующее изложение приводит к заключению, что «западный» ареал распространения эргативности должен быть противопоставлен «восточному» как зоне инноваций зоне консервации. Нельзя не заметить при этом, что сущность этих инноваций составляет сближение со структурой номинативного строя.

* * *

На основе учета конкретного соотношения разноуровневых (лексических, синтаксических и морфологических) корреляций, характерных для представителей эргативного строя, с одной стороны, и номинативного, с другой, возникает возможность периодизации функционирования эргативности в отдельно рассматриваемом языке. В заключительной главе предпринимается попытка показать возможность такого контроля и по объему импликаций активного строя, представленных в структуре того или иного языка.

Определенные указания в этом плане чаще всего можно усмотреть в различных морфологических средствах выражения эргативности. В частности, должно быть довольно очевидным, что если в этой роли используются формы, типологически характерные для номинативного строя (ср., например, использование в качестве эргатива родительного или дательного падежей), то естественно наращивается вывод о поздней фазе функционирования в языке эргативного строя. Ср. в этой связи следующее высказывание Л. А. Пирейко о соответствующих средствах морфологии иран-

ских языков: «... Эргативная конструкция в курманджи, как и вообще в иранских языках, не использует такие морфологические элементы, которые были бы специфичны только для эргативной конструкции, т. е. нет специального эргативного падежа, специальных глагольных форм и пр. Специфичным в эргативной конструкции (имеются в виду иранские языки.— Г. К.) является именно синтаксическое употребление морфологических форм, очень часто инверсионное по отношению к их синтаксическому использованию в номинативной конструкции»¹³⁸. Если аналогичным образом исследование сталкивается с функционированием в древнеармянском языке эргативнообразных построений типа пога *te-seal e čup* ‘оп видел дом’, использующих исключительно морфологические средства выражения, характерные для номинативных языков (форму родительного падежа подлежащего, форму причастия со связкой), то естественно прийти к заключению об инновативной природе подобных оборотов. Последний вывод, поддерживаемый полным отсутствием в древнеармянском каких-либо импликаций эргативного строя, противоречит высказывавшемуся в прошлом мнению об отражении в этом языке былого яфетического состояния (С. Л. Быховская полагала, что армянский «представляет собой, как и всякий более развитый индоевропейский язык, трансформацию яфетического состояния, яркие следы которого сохранились в нем, в том числе и следы насыщенной конструкции...»¹³⁹). По-видимому, сходное положение наблюдается в хантыйском и мансийском языках, в которых постулируемая некоторыми авторами эргативная конструкция предложения также не сопровождается наличием каких-либо других импликаций эргативного строя: напротив, в его структуре отмечаются такие импликации номинативного строя, как залоговые противопоставления внутри транзитивного глагола, оппозиция именительного и винительного наименований в парадигме именного склонения и т. д.¹⁴⁰

Из сказанного следует более общий вывод, согласно которому сам факт изолированности эргативной конструкции предложения в языковой системе свидетельствует об ее инновативном характере. И, напротив, в случае утраты эргативной конструкции в других звеньях языковой системы еще в течение длительного времени сохраняются отдельные импликации эргативного строя.

Интересная в этом отношении ситуация наблюдается в картвельских языках, где эргативная конструкция не представляет собой изолированного от других структурных коррелятов эргативности явления. Даже если оставить в стороне отдельные факты,

¹³⁸ Л. А. Пирейко. К вопросу об эргативной конструкции в иранских языках.— ЭКПЯРТ, стр. 137.

¹³⁹ С. Л. Быховская. Падежи в грузинском и армянском древнелитературных языках в палеонтологическом освещении. «Яфетический сборник», VI, Л., 1930, стр. 218.

¹⁴⁰ Ср.: А. Н. Баландин. Обско-угорские конструкции глагольного предложения со «скрытым субъектом».— ЭКПЯРТ, стр. 299 и след.

которые скорее следует рассматривать в качестве пережитков активного строя (см. стр. 236 и след. настоящей работы), здесь налицо и использование специального эргатива, и функционирование двух рядов личных глагольных аффиксов, нечеткое в ряде случаев разграничение версионных и залоговых форм глагола, а также некоторые другие явления, так или иначе связанные с эргативностью. Уже не приходится говорить о том, что отмеченные факты синхронного порядка находят полную поддержку в данных древнегрузинского литературного языка, со всей определенностью документирующих процесс постепенной номинативизации в прошлом более последовательно проводившегося эргативного строя, неоднократно отмечавшийся в грузиноведческих исследованиях.

Одним из наиболее показательных в этом отношении критерий, по мнению ряда авторов, является факт залоговой дифференциации транзитивного глагола. Функционирование эргативной конструкции предложения при отсутствии в глаголе залоговых противопоставлений определенно указывает на эргативное прошлое языка. Однако ее функционирование, сопровождаемое разграничением форм действительного и страдательного залогов, допускает историческую альтернативу и побуждает обращаться к дополнительным критериям. Иногда свидетельством позднего формирования эргативности в языковой группе считают различие в ее конкретных представителях показателей эргативного надежда. Именно подобная точка зрения высказывалась, в частности, некоторыми картвелистами ввиду несводимости друг к другу соответствующих экспонентов — груз. -ша(и), мегр.-чанс.-к, сван.-д. При этом не учитывалось то обстоятельство, что существуют известные основания полагать, что роль общекартвельского эргатива выполнял аффикс *-d¹⁴¹.

Сходная ситуация, по-видимому, имеет место и в китайско-тибетских языках. Здесь синхронным указаниям на деградацию эргативности, предоставляемым материалом языков тибетско-бирманской группы, отвечают и свидетельства письменной традиции классического тибетского и отчасти древнекитайского языка.

Такой комплекс системно коррелирующих явлений, как паличие лексических классов имен, того или иного числа так называемых «лабильных» и «статических страдательных» глаголов с обусловленными ими фактами в синтаксической и морфологической системах языка — типичный фон эргативности, еще далекой от процессов номинативизации. Напротив, отсутствие позванных лексических явлений свидетельствует о приближении в той или иной степени языковой структуры к поминативной. Наиболее близки к последней те из эргативных языков, которые характеризуются не только отсутствием перечисленных явлений, но и такими чертами, как существование глагола-связки, глаголов обладания,

¹⁴¹ Ср.: Г. А. Климо в. Склонение в картвельских языках в сравнительно-историческом аспекте, стр. 63—65.

разряда притяжательных местоимений, некоторое ослабление лексемной оппозиции транзитивных и интранзитивных глаголов, наличие в парадигме склонения родительного и дательного падежей, формирование залогового противопоставления причастий.

Констатируемые закономерности являются довольно надежными критериями в определении направленности эволюции строя языка бурунди, где функционирование эргативной типологии предложения в настоящее время почти полностью ограничено построениями с глагольным сказуемым в формах аористных времен. На протекающий здесь процесс перестройки эргативного строя в номинативный может указывать целая совокупность фактов: а) существование лексической классификации имей, одним из исторических оснований которой является противопоставление денотатов по принципу их активности — инактивности, б) пережитки оппозиции форм органической и неорганической принадлежности внутри именной категории притяжательности, в) наличие специального (т. е. не совмещающего функции какого-либо из косвенных падежей) эргатива, а также специальной лексемы связочного глагола, характеризующих поздний этап переживаемой языком эргативности. Не менее показательно в рассматриваемой связи и то обстоятельство, что здесь в основном еще неизвестны типологические корреляты номинативного строя.

Процесс номинативизации строя характеризует, судя по всему, и целый ряд северно- и центральноамериканских языков. Среди некоторых других языков им затронут, в частности, старолитературный майя, в котором исходное противопоставление эргативного и абсолютного рядов личных аффиксов глагола оказалось ныне нарушенным: один и тот же аффиксальный ряд передает теперь субъект как транзитивных, так и интранзитивных глаголов (в формах настоящего и будущего времени). Следует к тому же добавить, что в старолитературном майя уже, по-видимому, сформировались и страдательные причастия прошедшего и будущего времени¹⁴².

Однако направленность эволюции типологии предложения в полипезийских языках остается в силу недостаточной исследованности вопроса очень неясной. Если одни авторы видят в них движение от номинативного строя к эргативному, как это принимает П. Хохепа¹⁴³, то другие усматривают прямо противоположную тенденцию. То или иное решение этого вопроса в конечном счете обусловлено различной трактовкой функции общеполинезийского суффикса, условно обозначаемого в океанийском языкоznании как *-Cia.

¹⁴² Ср.: A. M. Tozzer. A Maya grammar. «Papers of the Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology. Harvard University», v. IX. Cambridge (Mass.), 1921, стр. 42—43 и 88—89.

¹⁴³ См.: P. W. Hohepa. The Accusative-to-Eigative Drift in Polynesian Languages. «The Journal of the Polynesian Society», 1969, v. 78, № 3 (september), стр. 312—313 и 324—325.

Наоборот, нет оснований говорить о достоверных фактах последовательной эргативизации исторически номинативного строя. В языковой действительности иногда фиксируются случаи формирования эргативной конструкции в номинативных языках, не приводящие, однако, к становлению выдержанной эргативной типологии предложения, поскольку противопоставление эргативной (или эргативообразной) и абсолютной конструкций при этом обусловливается сказуемым, имеющим форму лишь некоторых глагольных времен. Именно таково положение в большей части индоиранских языков. Это и понятно, если учесть реальную позицию формирующейся в таких условиях эргативности. Как подчеркивает Л. А. Пирейко, «одной из характернейших примет эргативной конструкции в индоиранских языках является ненрочность ее положения в структуре языка, сопровождавшая ее с самого возникновения и определившая ее распад во многих языках этой группы, как и продолжающийся процесс ее контаминации с номинативной конструкцией в остальных языках ...»¹⁴⁴. Не повлекло за собой эргативизации не только строя языка в целом, но и хотя бы типологии предложения, и возникновение эргативообразной конструкции в древнеармянском. Более того, и она была изжита на определенном этапе развития этого языка.

Вообще случаи формирования выдержанной эргативной типологии предложения из номинативной в настоящее время неизвестны. Как уже упоминалось выше, на подобную интерпретацию как будто могут претендовать факты языков шина, непали (восточного пахари) и отдельных диалектов западного пахари, в которых оппозиция эргативной и абсолютной моделей предложения проводится независимо от временной формы глагольного сказуемого и имеет, таким образом, фронтальный характер. Однако существуют некоторые основания считать, что в названных языках реализуется оппозиция качественно отличных конструкций предложения, поскольку большая группа интранзитивных глаголов активного действия (предикаты движения, говорения и иных видов человеческой активности) обусловливают здесь маркировку подлежащего также эргативным падежом. Что же касается морфологической системы этих языков, то в ней на фоне решительно преобладающих характеристик номинативности выступают лишь единичные черты эргативности. Согласно устному сообщению Д. И. Эдельман, вся отмеченная совокупность явлений скорее представляется дополнительной аргументацией в пользу известной гипотезы, согласно которой структурное развитие индоиранских языков не может быть адекватно представлено вне действия фактора лингвистического контакта. В свою очередь это позволяет сомневаться в корректности обращения к их фактам при обосновании тезиса о возможности спонтанного пробразования языковой структуры номинатив-

¹⁴⁴ Л. А. Пирейко. Основные вопросы эргативности на материале индо-иранских языков. М., 1968, стр. 64.

ной типологии в эргативную (последние явления должны быть весьма интересными с точки зрения структурной характеристики предполагаемого для данного ареала доиндоевропейского субстрата).

* * *

В заключение этого раздела следует остановиться на каузальном аспекте рассмотренных здесь закономерностей. Процесс преодоления целого ряда фреквенталий и импликаций эргативного строя во многих его конкретных представителях в литературе относительно редко находил свое истолкование в плане чисто структурного подхода. Напротив, обычно — особенно в отечественных исследованиях 30—40-х годов — он связывался с закономерностями развития мышления, рисовавшимися, впрочем, довольно неопределенным образом. Сказанное относится к импликациям эргативности как на лексическом, так и на синтаксическом и морфологическом уровнях.

Так, прослеживая процесс разложения класса аффективных глаголов, С. Л. Быховская писала следующее: «Смена мировоззрения, однако, играет решающую роль в исчезновении *verba sentiendi* и в переходе их на субъектную конструкцию с субъектом в императивном падеже — эта смена есть смеша конкретного мышления мышлением, способным к абстрагированию, одним из проявлений которого в языке является «уравнительная» тенденция, тенденция к сведению разных парадигм и все большему их единобразию ... Существование разных парадигм для глаголов разного содержания на предшествующих этапах развития языка и последующее постепенное уничтожение различия в их спряжении объясняется конкретизирующим мышлением в первом случае и усилением абстрагирующей способности — во втором»¹⁴⁵. С другой стороны, «влиянием новых форм мысли» Г. Ф. Турчанинов объяснял разрушение имейной классификации в кабардинском языке¹⁴⁶. Наконец, констатируя факт утраты лексемного противопоставления инклузивного и эксклюзивного местоимений 1-го лица множественного числа в даргинском, также С. Л. Быховская подчеркивала, что «... этот факт интересен с точки зрения истории языка, его перестройки согласно изменившемуся мышлению: благодаря все большему развитию способности к абстрактному мышлению отпадает необходимость в такой сугубо конкретной категории, как инклузив и эксклюзив, и их формы начинают использоваться уже как равнозначные основы разных падежей, разница между которыми (основами) непонятна без специального лингвистического исследования»¹⁴⁷.

¹⁴⁵ С. Л. Быховская. Объективный строй *verba sentiendi* (предварительный очерк), стр. 41—42.

¹⁴⁶ Г. Ф. Турчанинов. О категории грамматических классов в кабардинском языке, стр. 230.

¹⁴⁷ С. Л. Быховская. Пережитки *inclusiv'a* — *exclusiv'a* в даргинских диалектах. «Язык и мышление», 1940, т. IX, стр. 89.

Соображения аналогичного порядка приводились и при объяснении процесса снятия грамматических импликаций и фреквентаций эргативности. Например, согласно И. И. Мещанинову, «причина такой перестройки неоднократно объяснялась акад. Н. Я. Марром: это — изменение норм мышления, вложившее новое содержание в наличные грамматические формы и изменившее весь строй предложения»¹⁴⁸. Еще в 1931 г. В. Хаверс писал, что он не сомневается в том, что «для изменения конструкции беаличных глаголов восприятия (в виду имеются аффективные глаголы. — *F. K.*) как условия могут быть привлечены также культурный уровень и мировоззрение ... Мы должны считаться со сменой мировоззрения ...» и искал эти условия в отказе от иррациональных ассоциаций, свойственных первобытному мышлению¹⁴⁹. Ср. также мнение Г. Хольца, согласно которому «в эргативной конструкции предложения мы имеем дело ... с синтаксическим образованием, которое можно обозначить особым (неаристотелевским) типом логического восприятия мира»¹⁵⁰. С. Д. Кацнельсон предлагал следующее толкование факта постепенного ослабления оппозиции различных форм именной притяжательности: «Тенденция группы неотчуждаемой принадлежности к уменьшению отражает все расступающую дифференциацию объективного и субъективного в сознании первобытного человека, поскольку сфера понятий и представлений, которые представляются непосредственно сопричастными первобытному коллективу и отдельным его членам, все больше и больше ограничивается чисто общественными категориями»¹⁵¹. Объясняя ныне уже полностью формализованный принцип функционирования двух различных аффиксов эргатива в сванском языке, К. Д. Дондуа считал, что именно «с ослаблением соответствующего мировоззрения, по-видимому, постепенно ослабевала и потребность в двояком выражении действующего «лица», вообще «действователя ...»¹⁵². Известно, наконец, что еще Г. Пауль высказывал точку зрения, согласно которой противопоставление форм действительного и страдательного залогов стало возможным только после «окончательного взаимовыделения субъекта и объекта»¹⁵³.

Значительно реже некоторые тенденции в развитии эргативного строя непосредственно соотносились с определенными типами культуры и жизненного уклада. Так, например, согласно В. Шмидту, противопоставление инклузивного и эксклюзивного местоимений 1-го лица множественного числа вызвано локальной экзогамией и нейтрализуется при переходе в ареал «культуры» кочевни-

¹⁴⁸ И. И. Мещанинов. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940, стр. 218.

¹⁴⁹ См.: W. H a v e r s. Handbuch der erklärenden Syntax. Leipzig, 1931, стр. 105.

¹⁵⁰ Н. И. Н о l z. Sprache und Welt. Probleme der Sprachphilosophie, стр. 111.

¹⁵¹ С. Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения, стр. 74.

¹⁵² К. Д. Дондуа. Морфологическое выражение активного (эргативного) строя в адыгейской и картвельской группах кавказских языков, стр. 216.

¹⁵³ Ср. Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 334.

ков-скотоводов¹⁵⁴. Ср. сходную точку зрения, высказанную Т. Милевским: «В большинстве языков мира имеется одно местоимение с более широкой функцией, например польск. *tu*, лат. *nos* «я + ты (вы) + этот (эти)», и только в некоторых языках функционируют два местоимения: *inclusivus* «я + ты» и *exclusivus* «я + + этот (эти)». Развитие языков идет в направлении образования более широкого, более общего способа указывания. Только языки народов с примитивной, очень отсталой культурой отличают *inclusivus* от *exclusivus*, тогда как во всех иных функционирует общая форма 1-го лица множественного числа»¹⁵⁵ (необходимо здесь же отметить необоснованность последнего тезиса ввиду наличия данной оппозиции, например, в таких языках развитой цивилизации, как кечуа, аймара и др.).

Нетрудно заметить, однако, что обращение к сфере мышления в столь общей форме допускает существенно различное конкретное истолкование (усиление абстрагирующей способности мышления, смена семантической детерминанты языка и др.). Поскольку апелляции аналогичного рода характеризуют ведущую линию и в объяснении генезиса эргативного строя, представляется целесообразным рассмотреть затронутую здесь проблематику в едином контексте в заключительной главе работы.

¹⁵⁴ См.: W. Schmidt. Sprachfamilien und Sprachkreise der Erde. Heidelberg, 1926, стр. 530.

¹⁵⁵ Т. Милевский. Предпосылки типологического языкоизнания. «Исследования по структурной типологии». М., 1963, стр. 23.

К ГЕНЕЗИСУ ЭРГАТИВНОГО СТРОЯ

На предшествовавшем этапе исследования эргативного строя задачи его генетического объяснения, как правило, смешивались с более частным вопросом происхождения эргативной конструкции предложения. Именно в таком ограниченном объеме эти задачи были сформулированы, в частности, Г. Шухардтом, когда он выразил надежду, что его замечания по проблеме побудят «исследователей индоевропейских языков выйти за их пределы, чтобы рассмотреть вопрос о том, чем объясняются указанные здесь явления: «мышлением народов», первоначальным родством языков или влиянием одних языков на другие»¹. Невозможно отрицать, конечно, что изучение этого вопроса достигло очевидных успехов. Так, очень важным шагом в данном направлении следует считать осознание того факта, что для адекватного представления о генезисе и дальнейшей трансформации эргативной конструкции необходимо обратиться к засвидетельствованным по языкам различного рода промежуточным — эргативообразным построениям (еще один из пионеров постановки исторической проблематики эргативности С. Л. Быховская справедливо подчеркнула, что прежде всего анализ подобных структур проливает свет на движущий механизм эргативной конструкции²). Как известно, в последующих работах этого направления была показана возможность формирования рассматриваемой конструкции в условиях различного структурного контекста.

Вместе с тем фактическое ограничение исследования проблемой становления лишь одной из функционирующих в языках эргативного строя моделей предложения имело и свои серьезные недостатки. Достаточно указать на основной из них, который заключался в том, что устанавливавшиеся частные закономерности формирования эргативной конструкции механически распространялись на

¹ Г. Шухардт. Об активном и пассивном характере переходного глагола. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 104.

² См.: С. Л. Быховская. Пассивная конструкция в яфетических языках. «Язык и мышление», II. Л., 1934, стр. 70.

представления об эволюции предложения эргативной типологии в целом.

Прежде чем перейти к рассмотрению проблемы генезиса эргативного строя, целесообразно коротко остановиться на некоторых гипотезах, выдвинутых в этой связи в прошлом.

Уже самый факт обнаружения эргативной конструкции в многочисленных языках различной генетической и типологической принадлежности настойчиво подсказывал исследователям, что разгадку ее происхождения следует искать не в плане структурной мотивации языковых явлений, а за его пределами. И на этом пути исследование с необходимостью обращалось к сфере человеческого мышления и в первую очередь к историческим нормам общественного сознания. Если к тому же учесть, что прослеживание в языках разноплановых отложений прошлого представляет собой фактически поиски универсалий языкового развития³, то не приходится удивляться тому, что неоднократно предпринимавшиеся попытки такого решения проблемы составили одну из наиболее интересных страниц истории изучения эргативности.

Еще в 1917 г. К. Уленбек отмечал, что «факты подобного рода (т. е. эргативную конструкцию предложения. — Г. К.) находят в языках, носители которых живут в совершенно различных климатических условиях; у тех же народов, которые живут в сходных с эскимосами условиях (при этом имеется в виду ссылка Н. Финка на «условия жизни гипербореев». — Г. К.), нет ничего сходного. Причину этих явлений следует искать не в каких-то особых условиях жизни, а в известном «примитивном» уровне сознания»⁴.

Не менее характерно в этом отношении следующее высказывание И. И. Мещанинова: «Сравнивая далекие языки Чукотского полуострова с горскими языками Кавказа, мы, естественным образом, не можем эти схождения (речь идет об эргативной конструкции предложения. — Г. К.) объяснить ни общностью этнического состава носителей речи, ни заимствованиями и влияниями совершенно разобщенных друг с другом языков, ни происхождением от одного праязыка. Схождения объясняются здесь близостью норм сознания (мышления), приведшей к близости структурного выражения в языковом строе»⁵.

³ Ср.: Б. А. Серебренников. О лингвистических универсалиях. — ВЯ, 1972, № 2, стр. 8.

⁴ Х. К. Уленбек. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки. «Эргативная конструкция предложения». М., 1950, стр. 95—96.

⁵ И. И. Мещанинов. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940, стр. 170. — Необходимо отметить, впрочем, существование маловероятной гипотезы Т. Милевского, согласно которой структурные параллелизмы, разделяемые кавказскими и североамериканскими языками, могут иметь контактную природу. См.: T. Milewski. Typological similarities between Caucasian and American Indian Languages. — В кн.: T. Milewski. «Etudes typologiques sur les langues indigènes de l'Amérique». Kraków, 1967, стр. 13—14.

Примерно в таком же духе высказывался в данной связи и Н. Ф. Яковлев: «... Как ни широко распространен этот признак (имеется в виду специфика фонологической структуры слова, общей для абхазско-адыгских и некоторых североамериканских языков. — Г. К.) и он приобретает значение, усиливая отдельные сходства между рядом языков СССР и Северной Америки до степени целой системы совпадений. Это исключает предположение, что здесь мы имеем дело с простой случайностью. Наиболее вероятной представляется гипотеза, что лингвистические параллели даже в них выясненной, пока лишь чисто типологической форме позволяют лишний раз подтвердить неоднократно выдвигавшееся положение о единстве происхождения человека на двух великих материках Евразии и Америки ... Не говорят ли также и эти лингвистические факты в пользу общности происхождения человеческих рас и единства законов человеческого мышления?»⁶.

Однако в чем заключается конкретная специфика обусловливающих функционирование эргативности «порм сознания» по существу так и оставалось неясным (одна из немногочисленных попыток конкретизации последних принадлежит А. Н. Савченко)⁷. Очевидным явилось лишь то обстоятельство, что обращение в этой связи к сфере мышления предоставляет исследованию достаточно широкие возможности объяснения, зачастую глубоко различные по своему характеру.

Объектом уже неоднократного критического рассмотрения в специальной литературе была так называемая «мифологическая» концепция происхождения эргативной конструкции, разработанная в начале XX в. К. Улеябеком и встретившая сочувствие у ряда языковедов, оказавшихся под впечатлением популярной в то время концепции Л. Леви-Брюля о дологическом характере мышления первобытного человека. Согласно этой гипотезе, постановка подлежащего эргативной модели предложения в одном из косвенных падежей диктовалась тотемистически ориентированными представлениями первобытного носителя языка о том, что он являлся всего лишь орудием в руках некоторой высшей силы, которой собственно и приписывалось действие. Как подчеркивал при этом К. Улеябек, «для примитивного мышления высшей причиной является не тот, кто фактически совершает действие, а действующие помимо человека тайные силы, для которых последний служит только послушным и пассивным орудием»⁸. «Для примитивного

⁶ Н. Ф. Яковлев. Древние языковые связи Европы, Азии и Америки. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1946, т. V, № 2, стр. 148.

⁷ См.: А. Н. Савченко. Происхождение среднего залога в индоевропейском языке. Ростов-на-Дону, 1960, стр. 79—80.

⁸ Х. К. Улеябек. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки, стр. 74.— Позднее он специально разъяснял, что соответствующий, по его мнению, этой конструкции «архаический образ мышления» он не отождествляет с так называемым «дологическим»; см.: C. C. Uhlebeck. La langue basque et la linguistique générale. «Lingua», 1950, I, № 1, стр. 72.

языкового сознания деятель в собственном смысле слова является какой-то тайной силой, которая действует через посредство каждого деятеля, то есть последний является первичным орудием, которое, в свою очередь, может употребить вторичное орудие. Возьмем предложение «он убивает птицу камнем». На языке блэк-фут это будет выражено следующим образом: «птица чёрез-по-средство-его-есть-убита-чёрез-него камешь». Тот, кто убивает, называется обычно деятелем, но для дикаря он является лишь первичным орудием, находящимся во власти какой-то тайной силы. Каждый деятель, будучи зависимым, сам, в свою очередь, действует на логический объект (то есть грамматический субъект). Когда последний выступает в качестве логического субъекта какого-нибудь непереходного действия, что представляет собою передний случай в мышлении народов, не знающих противопоставления между переходным и непереходным действием, а знакомых лишь с различием между действием активным и пассивным, тогда он действует тоже с помощью этой магической силы⁹.

Уже С. Л. Быховская отметила неадекватность подобного объяснения с точки зрения самой исторической перспективы исследования. Характеризуя культурно-исторические условия эпохи, в которую К. Уленбек проецировал формирование эргативности, она указывала, в частности, что «поскольку ... личность являлась неотделимой частью коллектива иtotема, она в одно и то же время являлась и субъектом действия ... Его (т. е. К. Уленбека.—*F. K.*) force cachée стоит уже вне коллектива и над ним, это уже стадия развития не тотемизма, а религии ...»¹⁰. Вместе с тем эта концепция не находит по крайней мере эмпирического подтверждения и на материалах языков более поздней формации. Так, И. М. Дьяконов свидетельствует, что в древних языках Передней Азии даже в тех случаях, когда субъектом переходного действия оказываются боги и другие высшие силы, их имена оформляются тем же эргативным падежом, что и имена человека¹¹.

Однако при оценке этой концепции прежде всего пельзя упомянуть из вида одно обстоятельство более общего порядка. Оно заключается в том, что «мифологическая» гипотеза К. Уленбека была продиктована стремлением подвести определенную мировоззренческую базу под защищавшуюся им точку зрения о пассивном характере глагола в составе эргативного построения. Между тем, как было отмечено на стр. 104 и след. настоящей работы, концепция пассивности эргативной конструкции предложения в настоящее время в теоретическом языкознании не разделяется. Отсюда должно

⁹ Х. К. Уленбек. Указ. соч., стр. 94—95.

¹⁰ С. Л. Быховская. «Пассивная конструкция в яфетических языках», стр. 69; ср. также: С. Д. Кацельсон. К генезису номинативного предложения, «Труды Ин-та языка и мышления им. Н. Я. Марра», IV. Серия Rowman-Gershwin's. М.—Л., 1936, стр. 90—91.

¹¹ См.: И. М. Дьяконов. Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения.— ЭКПЯРТ, стр. 96.

быть очевидным, что лишается всякого смысла и ее «мифологическая» интерпретация.

«В этой гипотезе,— пишет С. Д. Кацнельсон,— видящей в синтаксических структурах прямое отражение иллюзорных форм первобытной идеологии, все надумано. Даже в чисто лингвистическом плаще эта гипотеза не выдерживает критики. Полагать, что за эргативной конструкцией таится мифологический субъект, мыслимый, конечно, в именительном падеже, значит погружаться в область недоказуемых догадок. Непонятным остается и то, почему мифологическое сознание, будто бы безраздельно владеющее умами тех, кто говорит на языках эргативного строя, ограничивает себя рамками переходных конструкций. Но распространив эту гипотезу на неперходные конструкции с именительным падежом, мы поставили бы под сомнение сам именительный падеж, ради которого строились все эти предположения»¹².

Едва ли больше оснований по сравнению с «мифологической концепцией» К. Уленбека имеет и постулированная Ж. ван Гиннекеном зависимость, существующая будто бы между эргативной конструкцией предложения и матриархальным характером жизненного уклада общества. Согласно его мнению, «это всегда весьма подчеркнутые матриархальные культуры, которые, подобно баскской, обладают переходным глаголом массивной природы и прымым падежом (*casus rectus*) для пациенса и косвенным (*casus obliquus*) — для агента; в то же время иатриархальные культуры, подобно иудеоевропейской, имеют переходный глагол активной природы, одушевляющей и магической, с подлежащим в прямом падеже и дополнением в косвенном. Каждый народ располагает глаголом, которого он достоин»¹³. Не говоря уже об очевидной методологической беспомощности содержащихся в этом высказывании формулировок, не требует особого доказательства неадекватность основного проводимого автором нарративизма. Во многих случаях если не в их большинстве, совершенно невозможно обнаружить матриархальный уклад жизни носителей языков эргативного строя (к тому же, как известно, сколько-нибудь широкое понимание матриархата как системы, выходящей за пределы материнского счета родства, с точки зрения современной этнологии не является бесспорным). Вместе с тем не видно и внутренней логической взаимосвязи обоих сопоставленных Ж. ван Гиннекеном явлений.

Наконец, на иной социологической основе искали толкование генезиса эргативной и противопоставленной ей абсолютной конструкций предложения Н. Я. Марр и Н. Ф. Яковлев. По мнению первого, «в глаголах действия производитель (субъект) являлся стра-

¹² С. Д. Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972, стр. 69—70.

¹³ J. van Ginncken. *Avoir et être du point de vue de la linguistique générale. «Mélanges de linguistique offerts à Charles Bally»*. Genève, 1939, стр. 91.

дающим, работающим, а произведение (объект) состоянием покоя, потому первоначально субъект (логический субъект) выражался падежом страдания // действия (прямой винит. // дательн.), а объект (логический объект) — падежом состояния (прямой именит.). Впоследствии такое положение сбытовалось чисто формально в пассивной конструкции¹⁴. Н. Ф. Яковлев соотносил формирование обеих моделей предложения (в принятой им терминологии — «продуктивного» и «непродуктивного» оборотов) с эпохой, когда продукт труда становится не только объектом потребления со стороны самого его производителя, но и предметом обмена — товаром¹⁵. Однако подобная связь рассматриваемых синтаксических явлений с экономическими во всяком случае далеко не настолько очевидна, чтобы ее можно было припять без специального доказательства. Поэтому кажется неслучайным, что впоследствии Н. Ф. Яковлев отказался от столь общего объяснения. Об этом свидетельствует одно его более позднее высказывание, которое хотя и подчеркивает опосредствующую при этом роль мышления, всё же отражает упрощенный подход к социологической интерпретации языковых явлений. «На более древней стадии мышления, — писал он в 1949 г., — которая отражается в эргативной — анэргативной (т. е. абсолютной. — Г. К.) конструкциях, человек принимал за активное лишь творчески созидающее и потому целестремленное действие, качественно преобразующее свой объект. То же самое действие, производимое нецелестремленно, непродуктивно, небрежно, поверхностно, впоследствии также абстрактно (действие как занятие или профессия) осмыслилось и соответственно оформлялось как «пассивное». «Активность» эргативного строя, как и «пассивность» анэргативного, целиком была связана с реальными материальными интересами производства, еще остававшегося в общей собственности самих его участников»¹⁶. Нельзя, однако, пройти мимо того обстоятельства, что за последней формулировкой уже стоит редко встречавшееся в то время рассмотрение генезиса обеих моделей предложения в их взаимосвязи.

К перечисленным гипотезам примыкают и иногда встречающиеся психологические интерпретации эргативного строя, впрочем, не получившие в науке ни сколько-нибудь серьезной разработки, ни тем более — признания. К их числу может быть, например, отнесена точка зрения А. Дирра, предполагавшего, что психология кавказца «более пассивна» по сравнению с «активной» психо-

¹⁴ Н. М а р р. Грамматика древнелитературного грузинского языка. «Материалы по яфетическому языкознанию», XII. Л., 1925, стр. 174.

¹⁵ См.: Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. М.—Л., 1941, стр. 39—41. Ср. также: Н. Ф. Яковлев. Синтаксис чеченского литературного языка. М.—Л., 1940, стр. 48.

¹⁶ Н. Ф. Яковлев. Изучение яфетических языков Северного Кавказа за советский период. «Языки Северного Кавказа и Дагестана». М.—Л., 1949, стр. 310—311.

логией индоевропейца. Он писал, в частности, что «если мы говорим: я есть, я иду, я думаю, я люблю .., то для других языков вовсе не обязательно тот факт, что немецкий и многие иные языки выражают все эти процессы как произвольные действия. Другие языки могут выражать положение вещей правильнее, скромнее, например: 'мне видится' вместо 'я вижу', 'мне любо' — 'я люблю', 'мне думается' — 'я думаю'... Именно этот способ выражения, как правило, и выступает в кавказских языках»¹⁷. Неадекватность подобного мнения едва ли нуждается в каких-либо комментариях ввиду его крайней наивности.

В заключение этого краткого обзора следует упомянуть и об одной попытке объяснения генезиса эргативной конструкции предложения, не обращавшейся к каким-либо факторам неструктурного порядка. Имеется в виду встречавшееся, по-видимому, только в кавказском языкознании мнение об ее исторической производности от так называемой «индефинитной» конструкции. Впрочем, строго говоря, в этом случае трудно говорить о каком-либо объяснении, поскольку ни механизм соответствующего преобразования, ни тем более его движущие силы при этом не получали освещения. Более существенно подчеркнуть, однако, что эта попытка вообще была лишена фактических оснований ввиду того, что под понятие «индефинитной» конструкции предложения здесь по недоразумению подводился глагольный морфологический тип обеих контрастирующих моделей предложения эргативной типологии — эргативной и абсолютной (см. стр. 45 и 54 настоящей работы).

Подводя итоги большинства предпринимавшихся попыток решения проблемы генезиса эргативной конструкции предложения, прежде всего необходимо отметить ограниченность ее традиционной постановки. Как правило, она сводилась к генетическому сопоставлению двух изолированных и разносистемных по своей принадлежности моделей предложения — эргативной и номинативной. Нельзя не отметить вместе с тем, что сама перспектива исследования этой проблемы нередко затемнялась отождествлением по существу различных синтаксических построений. С одной стороны, далеко не всегда учитывалась невозможность идентификации абсолютной конструкции предложения языков эргативного строя с номинативной. С другой, что еще важнее, не были взаимно отграничены эргативная и активная конструкции.

Между тем в результате последних исследований И. И. Мещанинова становится ясным, что эргативная конструкция представляет собой лишь одну из моделей предложения, реализующих его эргативную типологию. Если это так, то должно быть очевидным, что обычно практикующееся при решении поставленной задачи изолированное соположение эргативной и номинативной конструкций характеризуется всеми теми недостатками, которые во-

¹⁷ См.: А. М. Дирр. Глагол в кавказских языках. «Эргативная конструкция предложения», стр. 18.

обще присущи сопоставлениям единичных фактов, вырванных из образуемых ими более широких целостных подсистем. Едва ли поэтому существует необходимость доказывать, что и в плане изучения генезиса эргативной конструкции несравненно более перспективным является путь сопоставления целостной структуры предложения эргативных языков с аналогичными подсистемами, функционирующими в языках исторически смежных номинативной и активной типологии. В настоящей работе, посвященной совокупной проблематике эргативного строя, такого подхода, естественно, нельзя было избежать.

Выходу из обозначившегося кризиса в разработке генетической проблематики эргативности в значительной степени способствует и проводимая в ряде работ С. Д. Кацнельсона линия поисков ирообраза эргативной модели предложения путем типологической реконструкции.

* * *

Широко распространенная в прошлом точка зрения, согласно которой эргативная и номинативная конструкции предложения представляются двумя последовательными этапами эволюции предложения, отражающими разные ступени развития мышления, остается необоснованной и в настоящее время. Во всяком случае, ей явно противоречит эмпирическая языковая действительность. Так, по воле справедливому указанию В. Скалички, «можно назвать огромное количество языков примитивных народов, обладающих эргативной конструкцией, хотя существует немало столь же неразвитых народов, языки которых не знают этой конструкции и, напротив, ряд языков более развитых народов, которые пользуются этой конструкцией»¹⁸. Не менее обоснованно и замечание Л. А. Пирейко о том, что «ни о какой примитивности мышления носителей языка с эргативной конструкцией предложения материал индоиранских языков говорить не позволяет уже потому, что эта конструкция возникла в исторический период в развитых флексивных языках, обслуживающих развитые цивилизации»¹⁹. Вместе с тем не представляется возможным установить сколько-нибудь фиксированный порядок смены одной конструкции другой в истории языков. В частности, данные индоиранских языков свидетельствуют о том, что в истории определенного ареала индоевропейской языковой семьи, возможно, имело место неоднократное чередование обеих сопоставленных моделей предложения. Перечисленные факты дают основания констатировать независимость эргативной конструкции предложения от уровня развития мышления.

¹⁸ В. Скаличка. О современном состоянии типологии. «Новое в лингвистике», III. М., 1963, стр. 23.

¹⁹ Л. А. Пирейко. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков. М., 1968, стр. 4.

К несколько отличным выводам приводит сопоставление эргативности и номинативности как целостных синтаксических систем. В этом случае при невозможности обоснования различия в уровне развития мышления носителей языков эргативного и номинативного строя возникает возможность показать фиксированную последовательность обеих типологий предложения.

С одной стороны, можно привести бесспорные факты преобразования эргативной типологии предложения в номинативную. Реальной иллюстрацией именно такого процесса могут послужить все рассмотренные в предшествующей главе факты ряда американских, картаельских, нахско-дагестанских, тибетско-бирманских языков, а также баскского, отражающие относительно поздний этап функционирования эргативности. Выше были отмечены и несколько менее отчетливые черты номинативизации строя, наблюдающиеся в некоторых языках, реализующих нормы эргативности более последовательным образом.

С другой стороны, по-видимому, не приходится говорить о сколько-нибудь достоверных precedентах последовательной эргативизации языка номинативного строя. В этой связи, естественно, очень показательна эргативность, сложившаяся в индоиранических языках. Функционирование здесь эргативной структуры предложения ограничено лишь построениями со сказуемым в формах прошедших (особенно — недлительных) времен, в то время как в иостроениях со сказуемым в формах остальных времен представлена номинативная структура. К тому же нередко в этих языках отмечаются факты контаминации эргативной конструкции с номинативной. «Одной из характернейших примет эргативной конструкции в индоиранических языках, — пишет Л. А. Пирейко, — является неизменность ее положения в структуре языка, сопровождавшая ее с самого возникновения и определившая ее распад во многих языках этой группы, как и продолжающийся процесс ее контаминации с номинативной конструкцией в остальных языках...»²⁰. Даже в тех единичных индоиранических языках, в которых эргативная конструкция обусловливается всеми временными формами переходного глагола-сказуемого, и в которых, следовательно, можно констатировать эргативную типологию предложения в целом, ущербность эргативности проявляется в совершенно не свойственном для языков выдержанного эргативного строя чисто субъектном принципе глагольного спряжения. Иначе говоря, в них не только отсутствует такая характерная морфологическая импликация эргативности, как противопоставление эргативных и абсолютных аффиксов глагола, но и, более того, фактом субъектного спряжения представлена довольно характерная черта номинативности. Насколько можно судить, язык кашмири является одним из немногих во всей совокупности индоиранических, сформировавшим четкую оппозицию эргативных и або-

²⁰ Л. А. Пирейко. Указ. соч., стр. 64.

лютных показателей глагола (впрочем, эргативная типология предложения выдержана в этом языке непоследовательно)²¹. Думается, что данный претендующий на уникальность случай лишний раз подчеркивает отмеченную выше общую закономерность, демонстрируемую множеством примеров.

Однако наиболее эффективным в плане решения генетического аспекта проблемы эргативности представляется сравнительно-типологический анализ целостных систем эргативного и активного строя.

Понятие активного строя уже было неоднократно использовано в предшествующем изложении. Некоторые структурные признаки этого строя выявило сравнительно-историческое исследование индоевропейских и семито-хамитских языков²² (впрочем, постулируемое обеими дисциплинами древнейшее состояние согласно традиции интерпретируется как эргативное). Характерные для представителей активного строя особенности морфологической структуры глагола были восстановлены для гималайских языков тибетско-бирманской группы²³. Наконец, предположения аналогичного порядка, опирающиеся на факты глагольной или именной морфологии, в последнее время, как известно, были высказаны в тюркском и дравидийском языкоznании²⁴.

С другой стороны, важные черты этого строя теоретически были постулированы в работах С. Д. Кацельсона, поставившего перед собой задачу типологической реконструкции архаической эргативности на основе свидетельств «пережиточной» эргативности современных языков эргативного строя²⁵, а также А. П. Риф-

²¹ См.: Б. А. Захарин, Д. И. Эдельман. Язык кашмири. М., 1971, стр. 106—107. Ср. также: Р. П. Егорова. Местоименные энклитики, присоединяющиеся к глаголу в языке синдхи. «Индийская и иранская филология». М., 1964; Она же. Местоименные энклитики в новоиндийских языках. «Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона». М., 1968, стр. 265—276.

²² Ср.: Вяч. Вс. Иванов. Эргативная конструкция в общеиндоевропейском. «Эргативная конструкция предложения в языках различных типов». (Тезисы докладов). Л., 1964, стр. 17—21; А. Н. Савченко. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке. — ЭКПЯРТ, стр. 74—90; И. М. Дьяконов. Языки древней Передней Азии. М., 1967, стр. 249—252; I. J. Gelb. Sequential Reconstruction of Proto-Accadian. «Assyriological Studies. The Oriental Institute of the University of Chicago». 1969, № 18.

²³ См.: Н. Масрего. Notes sur la morphologie du tibéto-birman et du Munda. — BSLP, 1947—1948, t. 44, fasc. 1, стр. 172—173.

²⁴ Ср.: Э. В. Севортиян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, стр. 93—95 (по сообщению Б. А. Серебренникова, в настоящее время можно привести и другие аргументы, как будто свидетельствующие в пользу активного прошлого тюркских языков); Н. В. Гуров. Именное склонение в дравидийских языках и микропарадигма протоиндийских текстов (опыт сопоставления). — I. Proto Indica: 1972. М., 1972, стр. 114—118, 123, 127.

²⁵ См.: С. Д. Кацельсон. К генезису номинативного предложения, стр. 103; Она же. Эргативная конструкция и эргативное предложение.

тина²⁶. В самом общем приближении принцип функционирования активного строя воспроизводит и модель так называемой «идеальной» эргативной системы, недавно разработанная Дж. Лайонзом для диахронического объяснения структурного механизма как эргативности, так и номинативности²⁷.

Однако представители более или менее выдержанного активного строя не исчезли с лингвистической карты мира и в настоящее время, самим фактом своего существования типологически подтверждают вероятность упомянутых реконструкций.

Эти языки, по-видимому, наиболее широко распространены в Северной Америке, где они составляют севировскую «большую семью» на-дene (хайда, тлингит, эзек, атапаскские), а также группы сиу (дакота, ассинибойн, понка, тутоло) и галф (мускоги или крик, хичити, коасати, чоктав). Первые из них представлены силошным ареалом в северо-западной части Канады и смежной зоне США (Аляска), а также отдельными вкраплениями — на тихоокеанском побережье США и в южных отрогах Скалистых гор, вторые — в центральном регионе США, третьи — на юге и юго-востоке США. Как известно, именно к материалу одного из них — языка дакота — еще в самом начале текущего столетия привело К. Уленбека исследование проблемы генезиса эргативной конструкции предложения²⁸. Представители активной типологии засвидетельствованы также в Южной Америке, где к ним относится большая совокупность членов семьи туни-гуарани (гуарани, тути, сирионо, камаюра, авети и др.). Они, возможно, встречаются и среди центральноамериканских языков. Наконец, не исключено, что языки активного строя встречаются и на других континентах (в частности, на Филиппинах, в Австралии²⁹).

Относительная немногочисленность этих языков, круг которых, впрочем, несомненно, удастся расширить в будущем, равно как и недостаточная адекватность ряда имеющихся их описаний

«Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1947, вып. 1; О н ж е. К происхождению эргативной конструкции. — ЭКПЯРТ.

²⁶ См.: А. П. Рифтин. Основные принципы построения теории стадий в языке. «1819—1944. Труды юбилейной научной сессии ЛГУ». (Секция филол. наук). Л., 1946, стр. 22—28.

²⁷ См.: J. Lyons. *Introduction to Theoretical Linguistics*. Cambridge, 1971, стр. 354—359. Ср. также модель преэргативного состояния («*Voergativismus*»), прослеживаемую Г. Хёппом по материалам языка аранта; см.: G. Höpp. *Evolution der Sprache und Vernunft*. Berlin — Heidelberg — N. Y., 1970, стр. 109—115.

²⁸ См.: Х. К. Уленбек. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки, стр. 74—96.

²⁹ Ср.: E. Constantino. The Sentence Patterns of Twenty Six Philippine Languages. «Lingua», 1965, v. 15, стр. 79, 85—86; J. Forster and M. L. Bargnaud. A Classification of Dibabawoa Active Verbs. «Lingua», 1968, v. 20, № 3; M. C. Sharpe. Alawa case relationships. «Linguistic Trends in Australia. Australian Aboriginal Studies», № 23. Canberra, 1970, стр. 43—44.

(последнее обстоятельство особенно дает себя знать в ранних исследованиях И. Е. Вениаминова и Р. де ля Грассери по языкам тлингит и хайда, выдержанных в терминах описания номинативной структуры³⁰) в настоящее время не позволяет дать сколько-нибудь исчерпывающей характеристики активного строя. Однако, несмотря на то что в дальнейшем понятие активного строя будет, несомненно, уточнено, ярко структурное своеобразие последнего и его интересные точки соприкосновения с эргативным представляются довольно очевидными и теперь.

Широкая совокупность разноуровневых коррелятов, определяющая специфический облик языков активного строя, может быть представлена как реализация лежащей в ее основе некоторой глубинной структуры. Конкретная специфика этого большого комплекса языковых явлений дает основания полагать, что семантической детерминантой активного строя является противопоставление не субъектного и объектного начал, как это имеет место в языках эргативного и, видимо, номинативного строя, а активного и инактивного (содержание принимаемого понятия семантической детерминантой языкового строя станет более ясным из последующего изложения). В соответствии с этим структура характеризуемых языков специаль но ориентирована на передачу не субъектно-объектных отношений, которые находят здесь имплицитное выражение, а отношений, существующих между активным и инактивным актантами.

Прежде всего бросается в глаза целый ряд интересных преломлений этой семантической детерминанты на уровне лексики, которые играют в структуре названных языков во многом определяющую роль. Последнее обстоятельство должно быть естественным, если учесть, что только лексические импликации более или менее непосредственно отражают семантическую детерминанту языка и что именно через них осуществляется ее воздействие на остальные уровни языковой структуры — прежде всего на синтаксис и морфологию. Думается поэтому, что структура активного строя может послужить одной из наиболее ярких иллюстраций тех иерархических отношений, которые существуют между различными уровнями языка любой типологии. Вместе с тем представители этого строя с наибольшей очевидностью подтверждают мнение, согласно которому системность в лексике как и на других уровнях реализуется в некоторой совокупности жестко коррелирующих категорий (ср., например, предположение Р. А. Бу-

³⁰ См.: И. Е. Вениаминов. Замечания о колошепенском и кадынском языках и отчасти о прочих российско-американских, с присовокуплением российско-колошевского словаря, содержащего более 1000 слов, из коих на некоторые сделаны пояснения... СПб., 1846; R. de la Grasserie. *Cinq langues de la Colombie Britannique. Haida, Tshimshian, Kwagiutl, Nootka et Tlinkit.* «Bibliothèque Linguistique Américaine», t. XXV. Paris, 1902.

дагова о том, что «в лексике точно так же имеются коррелирующие категории, как и в грамматике»³¹.

Одна из наиболее важных лексических импликаций активного строя — классификация имен существительных на активные и инактивные, основанная на противопоставлении соответствующих им денотатов по признаку наличия или отсутствия у них жизненной активности (в частности, жизненного цикла). К активному классу здесь относятся имена людей, животных, деревьев и растений (ср., например, *diné* 'человек', *xastíp* 'мужчина', *'ád* 'самка', *djádí* 'антилопа', *ta'í* 'койот', *mósi* 'кошка', *hos* 'ключник', 'кактус', и др. в языке навахо). К инактивному же относятся названия всего остального (ср. *tó* 'вода', *yas* 'снег', *k'os* 'облако', *poхóká* 'земля', *tsé* 'камень', *tsin* 'палка', *síl* 'пар', *-god* 'колено' и др. в том же языке). Поэтому принятое в американском дескриптивизме терминологическое разграничение обеих лексических групп имен как «*animate*» и «*inanimate*» в общем довольно четко отражает логические основания такой классификации. Необходимо иметь в виду при этом, что нередко внутри имен инактивного класса встречаются дальнейшие более дробные подразделения, основанные на конкретизация предметов по их форме (такова, например, именная классификация в языках на-дene)³².

Второй важнейшей лексической импликацией активного строя следует считать принцип лексикализации глаголов не по признаку переходности ~ непереходности передаваемого действия, а по признаку его активности ~ инактивности. Активные глаголы, или «глаголы действия», передают различные действия, движения, события (ср. их семантику 'жечь' // 'гореть', 'класть' // 'ложиться', 'сажать' // 'садиться', 'ставить' // 'вставать', 'убивать' // 'умирать', 'вести' // 'идти': 'гнать' // 'бежать', 'части' // 'пастись' и т. п.), а стативные, или «глаголы состояния», — то или иное состояние или качество (ср. семантику 'висеть', 'катиться', 'лежать', 'быть высоким, длинным', 'быть гладким', 'быть приятным', 'быть красивым' и т. д.). Такой принцип лексикализации глаголов и свою очередь определяет их глубокое различие как по синтаксическим потенциям, так и по морфологической структуре (см. ниже, стр. 218). Тем самым свое эмпирическое подтверждение получает точка зрения о том, что «переходность и непереходность в их взаимопротивопоставленности являются категориями историческими и что роль и значение их как в лексико-семантической, так и грамматической системе того или иного языка не могут рассмат-

³¹ Р. А. Б у д а г о в. Система языка в связи с разграничением его истории и современного состояния.—В кн.: Р. А. Б у д а г о в. Язык, история и современность. М., 1971, стр. 40.

³² Ср.: Н. Ноijег. Cultural Implications of Some Navaho Linguistic Categories. «Language», 1951, v. 27, № 2, стр. 111—120; Н. Ноijег and J. Joe el. Sarcee Nouns.— В кн.: «Studies in the Athapaskan Languages». University of California Publications in Linguistics, 29. Berkeley and Los Angeles, 1963, стр. 68—69.

риваться как изначально данные и стабильные»³³. Не случайно поэтому то обстоятельство, что уже Э. Сепир считал эту дихотомию одной из основных структурных характеристик языков найдене и сиу³⁴.

Третьей лексической грунной глаголов, встречающейся в этих языках, является группа аффективных глаголов, специфическая семантика которых (ср. значения 'видеть', 'слышать', 'засыпать' и др.) сводится к передаче действия, испытываемого актантом, которое трудно представить как активное или инактивное³⁵.

Другой характерной чертой лексики этих языков является наличие в них глагольных дублетов, имеющих специфически различенную сферу употребления: если один из пары семантически тождественных глаголов сочетается исключительно с именами активного класса, то другой встречается только с именами инактивного. Ср., например: *tí* 'быть (о людях, животных)' ~ *téł* 'быть (о предметах)', *tíⁿ* 'лежать (о людях, животных)' ~ *-'á* 'лежать (о предметах)', *-háh*, *-ya* 'двигаться (о людях, животных)' ~ *kéjës* 'двигаться (о предметах)' и т. п. в языке навахо. В своей грамматике последнего Г. Рейчардт особо выделяет даже класс «глаголов одушевленного движения» (verbs of animated motion), противопоставленный классу глаголов, обозначающих движения различного рода предметов³⁶.

Семантической детерминантой активного строя, по-видимому, обусловлен и ряд более частных лексических особенностей, среди которых можно назвать отсутствие целого ряда глагольных лексем, по самому своему существу передающих типичные субъектно-объектные отношения (ср. семантику 'иметь', 'давать', 'отнимать' и т. п.). Так, например, содержание 'вы имеете дрова', 'у вас есть дрова' в атанаиском языке павахо передается построением *n-tcij xolq*, буквально значащим 'ваши дрова есть'³⁷ (как уже отмечалось выше, формирование этого глагола составляет один из интереснейших процессов, протекающих в эргативных языках). На аналогичное положение претендует и распространенная во многих американских языках активного строя лексемная оппозиция инклюзивного и эксклюзивного местоимений 1-го лица множественного числа, ср.: *hapišnu* 'мы с тобой // с вами' и *rišpi* 'мы без тебя // без вас' в языке чоктав: можно думать, что такое разграничение основано на активном в одном случае и инактивном

³³ А. В. Десницая. Из истории развития категории глагольной переходности.— «Сб. «Памяти академика Льва Владимировича Щербы». Л., 1951, стр. 143.

³⁴ См.: E. Sapir. Central and North American Languages. «Selected Writings of Edward Sapir in Language, Culture and Personality». (Ed. by David Mandelbaum). Berkeley and Los Angeles, 1958, стр. 175.

³⁵ Ср.: H.-J. Pippow. Die Nordamerikanischen Indianersprachen. «Ein Überblick über ihren Bau und ihre Besonderheiten». Wiesbaden, 1969, стр. 84—85.

³⁶ См.: G. Reichardt. Navaho Grammar. «Publications of the American Ethnological Society», XXI. N. Y., 1951, стр. 352—357.

³⁷ Ср.: G. A. Reichardt. Указ. соч., стр. 362—363.

в другом представлении адресата речи по отношению к описываемой ситуации.

В сфере синтаксиса семантическая детерминанта активного строя прежде всего отражается в специфической типологии предложения, характеризующейся противопоставлением двух основных его моделей — активной и инактивной. Первая из них организуется активными глаголами, вторая — стативными. С другой стороны, действующий здесь принцип лексикализации глаголов обусловливает неразличение в инвентаре членов предложения прямого и косвенного дополнений. Если учесть последнее обстоятельство, равно как и специфическую морфологию глагольного и именных компонентов активной конструкции предложения, то должно стать очевидным, что ее следует рассматривать не как некоторую разновидность эргативной, а как совершенно самостоятельную. Тем не менее вполне тернарный вариант активной конструкции, т. е. вариант с наличием не только подлежащего, но и дополнения, формально наносит эргативную. Так, в плане своего морфологического выражения он в множестве случаев характеризуется двухличным принципом спряжения глагола-сказуемого и чистой именной основой дополнения и обычно — подлежащего (ср. «глагольный» морфологический тип эргативной конструкции предложения, представленный, например, в абхазском языке). В то же время бинарный вариант противопоставленной активной конструкции инактивной напоминает по своей структуре абсолютную конструкцию языков эргативного строя; ср. одноличный принцип спряжения глагола-сказуемого, чистую именную основу подлежащего. Синтаксическую специфику обнаруживает и аффективная конструкция предложения, организуемая аффективными глаголами. Наконец, в соответствии с семантической детерминантой этого строя, здесь отсутствует носессивная конструкция предложения.

Порядок слов во всех моделях предложения языков активного строя оказывается обычно совпадающим с таковым в эргативных языках. В частности, в языках галф, сиу и атапасских он может быть отражен схемой $S - O^{\text{II}} - O^{\text{I}} - V$ (где O^{II} — обозначение члена предложения, квалифицируемого в языках эргативного строя как косвенное дополнение) для активной конструкции и схемой $S - O^{\text{II}} - V$ для инактивной³⁸. Ср.: wararuwijawa moja o-ü'i 'собака змею укусила', jawara o-ə'u 'ягуар пьет', tapira i-powəj 'тапир тяжел' (язык камаюра³⁹) или wacéo wii-ta-súka ikaoc

³⁸ Ср.: F. G. S p e c k. Some Comparative Traits of the Maskogian Languages. «American Anthropologist» (NS), 1907, v. 9, № 3, стр. 475; F a n g - K u e i L i. Chipewyan.— В кн.: H. H o i j e r and others. Linguistic Structures of Native America («Viking Fund Publications in Anthropology», № 6). N. Y., 1946, стр. 413—415; H. J. L a n d a r. A Note on Preferred Arrangements of Navaho Words.— IJAL, 1961, v. 27, № 2, стр. 175—177.

³⁹ См.: Л. С. Ф е р р е й р а. Описание языка камаюра. (Дипломная работа). Ун-т Дружбы народов им. Патриса Лумумбы. М., 1969, стр. 19, 26, 52.

‘человек нашу собаку увидел’, *súka cixéč* ‘собака прыгнула’, *wfó a-fític* ‘женщина голодна’ (язык хидатса ⁴⁰). Этот порядок может, однако, изменяться в связи с возможной вариацией темы сообщения.

Таким образом, если несколько преобразовать схему структурных типов предложения в рассматриваемых языках, предложенную Ч. Филлмором ⁴¹, то основные его модели могут здесь быть представлены в следующем виде:

Активная	$S_{act} - (O_{inact}) - V_{act}$
Инактивная	$S_{inact} - (O_{inact}) - V_{stat}$
Аффективная	$S_{inact} - (O_{inact}) - V_{affect}$

Синтаксические взаимоотношения членов предложения при этом также аналогичны наблюдающимся и в эргативных языках. Они характеризуются всецело доминирующей позицией глагольного сказуемого, в то время как именные члены играют роль конкретизующих аппозиций к соответствующим аффиксам сказуемого. Максимально тесное внутреннее единство обнаруживает при этом комплективная синтагма, о чем, в частности, свидетельствует постоянная прилагольная позиция доноршения. Остается неясным, однако, встречаются ли здесь случаи инкорпоративной связи последнего со сказуемым (если, по мнению Э. Сепира, в языках сиу и атапасских инкорпорация неизвестна ⁴², то некоторые современные исследователи последних отмечают факты «включения» имен).

Имя существительное и глагол в языках активного строя уже взаимно дифференцированы, хотя и обнаруживают следы синкрематического состояния в прошлом. В частности, в противоположность бедной именной морфологии, глагольная обычно представлена весьма богато. По проблеме взаимоотношения здесь имени и глагола существуют две противоположные точки зрения: если одни авторы (Э. Сепир, Г. Хойер) склоняются к мысли, что первичной формой является имя, в то время как глагол от него производен, то другие придерживаются обратного мнения. Думается, однако, что скорее ближе к истине взгляд ряда отечественных исследователей проблемы эргативности, еще в 30-х годах пришедших к выводу о слабой взаимной дифференцированности имени и глагола на предшествовавшем эргативному строю этапе развития языка ⁴³. Действительно, тесная связь имени и глагола (осо-

⁴⁰ См.: G. H. Matthews. *Hidatsa Syntax*. The Hague, 1965, стр. 41, 47, 55 и 143.

⁴¹ Ср.: Ch. Fillmore. *The Case for Case. «Universals in Linguistic Theory»*. N. Y. (Winston), 1968, стр. 53.

⁴² См.: Ed. Sapir. *The Problem of Noun Incorporation in American Languages*. *«American Anthropologist»*, 1911, v. 13, № 2, стр. 281—282.

⁴³ Ср., например: А. А. Бокарев. О «пассивном» характере аварского переходного глагола. (Рукопись.) Л., 1934, стр. 41—42; С. Д. Кацельсон. К генезису номинативного предложения, стр. 76.

бенно стативного) выражается в языках активного строя тем фактом, что они здесь обслуживаются в значительной степени этимологически общими морфологическими средствами: ср., например, материальное тождество личных аффиксов имени и глагола, а также их «видовых» окончаний (ср. та-ра 'моя голова' при та-каška 'меня он связывает' в языке дакота, а также форму xontaneen 'развалины дома' языка хупа, суффикс -neep которой в составе глагольных словоформ обозначает совершенный «вид») ⁴⁴.

Глагольная словоформа обнаруживает в рассматриваемых языках тенденцию к отражению в своем составе всех элементов предложения. Поэтому морфологическая структура глагола здесь часто характеризуется полисинтетизмом. Помимо морфологических категорий лица, числа, версии, вида (точнее — способа действия), а также особых классифицирующих аффиксов (classifiers), широкое распространение здесь имеют различные аффиксы адверbialной или инструментальной семантики, а иногда встречаются и тематические суффиксы: ср. форму i-q!A-xa-wū-slin 'я тебя спросил' языка тлингит, в которой i- — инактивный аффикс 2-го лица, q!A- — так называемый «именной» префикс глагола инструментальной функции (букв. 'рот'), xa- — активный аффикс 1-го лица, wū- — показатель вида и -s!in — корневая морфема 'спрашивать'. Обращает на себя внимание тот факт, что отсутствие категории времени «компенсируется» богато представленной категорией вида, конкретизующей глагол с точки зрения способа протекания действия ⁴⁵. При этом очевидно господство префиксального строя: так, например, в глагольной словоформе языка хупа при семи префиксальных позициях морфем насчитывается всего две суффиксальных, в языке навахо число префиксальных позиций в глаголе достигает девяти, а в языке догриб — тринадцати ⁴⁶.

Активные и стативные глаголы резко отличны друг от друга как по степени своего парадигматического варьирования, так и по морфологической структуре. Активные глаголы располагают всегда значительно большим числом парадигм спряжения, чем стативные. Вместе с тем, если корень стативного глагола почти во всех случаях представлен единственной морфой, то корень активного, напротив, как правило, реализуется несколькими мор-

⁴⁴ Ср.: G. A. Reichardt. Указ. соч., стр. 45—55; P. E. Goddard. Athapaskan (Hupa). «Handhook of American Indian Languages», pt. I. Washington, 1911, стр. 105; Ad. Sapir and H. Hoijer. Phonology and Morphology of the Navaho Language. «University of California Publications in Linguistics», 50. Berkeley and Los Angeles, 1967, стр. 74.

⁴⁵ См.: например: H.-J. Pinnow. Sprachhistorische Studie zur Verbstammvariation im Tlingit. «Orbis», 1968, v. XVII, № 2, стр. 514—519.

⁴⁶ См.: P. E. Goddard. Указ. соч., стр. 112—125; Ed. Sapir and H. Hoijer. Указ. соч., стр. 85; W. Davidson. A Preliminary Analysis of Active Verbs in Dogrib.— Сб. «Studies in the Athapaskan Languages». University of California Publications in Linguistics, 29. Berkeley and Los Angeles, 1963, стр. 49.

фами (ср. *-tèèl* 'быть широким', *-nèèz* 'быть высоким, длинным', *-gäi* 'быть белым' при *-zééš*, *-zèèz*, *-zíš* 'опалять (местами)', *-t-ye*, *-yi*, *-yééł*, *-yééh* 'убивать одпого (о человеке)', *báah*, *-bàà?*, *-bah* 'производить набег', *-nééh*, *-nà?*, *-nàh* 'сползать' в языке навахо) ⁴⁷. Существует возможность деривационного преобразования ряда стативных глаголов в активные.

Поскольку в характеризуемых языках нет противопоставления транзитивных и интранзитивных глаголов, постольку здесь отсутствует и такая специфическая морфологическая категория транзитивного глагола, как категория залога. Вследствие этого в глагольной словоформе оказывается принципиально невозможным отразить точку зрения только какого-либо одного из двух необходимых актантов ситуации. В то же время весьма регулярно выдерживаемая по этим языкам диатеза активного глагола, насколько можно судить по семантике противопоставляемых ее посредством форм (ср. 'жжет' ~ 'горит', 'несет' ~ 'идет', 'кукает' ~ 'кусается', 'кладет' ~ 'ложится' и т. п.), не носит залогового характера и функционально приближается к оппозиции «актива» и «медиума», предполагаемого для дрейнейшего состояния индоевропейских языков ⁴⁸. Поэтому известную гипотезу К. Уленбека о пассивном характере «глагола действия» в североамериканских языках приходится признать неадекватной ⁴⁹.

Одной из основных морфологических импликаций активного строя является морфологическая категория класса, функционирующая здесь в структуре синтаксически связанных с именами существительными слов — глагола, местоимения, иногда — числительного.

В глагольной морфологии американских активных языков соответственно различаются два ряда личных аффиксов — активный и инактивный, соотносящиеся с именными членами предложения, которые передают активный и инактивный актанты описываемой ситуации. Таким образом, спряжение имеет здесь «смешанный» классно-личный характер. В некоторых случаях, как, например, в языке галф, к этим двум рядам присоединяется третий, отражающий актант аффективного действия. В морфологической структуре активного глагола, для которого обязательным является наличие показателя активного ряда,нередко бывают представлены аффиксы обеих серий, вследствие чего соот-

⁴⁷ См.: Н. Ноijег. The Apachean Verb. «International Journal of American Linguistics», 1945, v. 11, стр. 193—203; 1949, v. 15, стр. 12—22; G. A. Reichardt. The Character of the Navaho Verb Stem. «Word», 1949, v. 5, № 1, стр. 55—76; Ed. Sapir and Н. Ноijег. Phonology and Morphology of the Navaho Language, стр. 85—103.

⁴⁸ Ср.: А. Н. Савченко. Происхождение среднего залога в индоевропейских языках. Ростов-на-Дону, 1960, стр. 78; М. М. Гуман. Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1964, стр. 8 и след.

⁴⁹ Ср.: Х. К. Уленбек. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки, стр. 82—91.

ветствующая словоформа оказывается двухличной (при этом необходимо учитывать, что форма 3-го лица довольно часто передается нулевым аффиксом, и что иногда встречаются так называемые «слитные» формы личных показателей типа префикса *či* ‘я + тебя’ в языке дакота). В то же время в морфологической структуре стативного глагола возможны лишь личные аффиксы инактивного ряда, хотя встречаются и его безличные формы. Функционирование и тех и других личных аффиксов может быть продемонстрировано на следующих примерах из языка дакота: *wa-kaška* ‘я его связываю’, *ja-kaška* ‘ты его связываешь’, *ma-ja-kaška* ‘меня ты связываешь’, *ma-kaška* ‘меня он связывает’, *ni-čaška* ‘тебя он связывает’, *ma-wašte* ‘я хорош’, *ni-wašte* ‘ты хорош’ (*wa-* и *ja* — аффиксы 1-го и 2-го лица активного ряда, *ma*- и *ni*- — аффиксы тех же лиц инактивного) ⁵⁰.

Более полная таблица основных местоименных элементов глагола языка камаюра (тупи-гуарани) выглядит следующим образом:

Число	Лицо	I ряд	II ряд	III ряд
Единств.	1-е *	<i>iјe</i> *	<i>je-</i>	<i>a-</i>
	2-е	<i>ene</i>	<i>ne-</i>	<i>ege-</i>
	3-е	<i>a'e</i>	<i>i-, o-, Θ</i>	<i>o-</i>
Множ.	1-е inkl.		<i>jene-</i>	<i>ja-</i>
	1-е экскл.		<i>ore-</i>	<i>ogo-</i>
	2-е	<i>pehē</i>	<i>pe-</i>	<i>pe-</i>
	3-е	<i>a'ewan</i>	<i>i-, o-, Θ</i>	<i>o-</i>

Элементы I ряда претендуют на роль личных местоимений (ср. *iјe a-maraká* ‘я пою’, *pehē pe-maraká* ‘вы поете’). Элементы II ряда функционируют как личные префиксы инактивного ряда (ср. *je-katu* ‘я хорош’, *je-potat* ‘мени он любит’, *oge-piřā* ‘нас он бьет’). Элементы III ряда являются личными префиксами активного ряда (ср. *a-i-piřā* ‘я его бил’, *ege-ió* ‘ты идешь’, *o-i'n* ‘он укусил’) ⁵¹.

Ввиду того что в именной морфологии языков активного строя категория числа встречается очень редко, соответствующее содержание, как правило, передается в составе синтаксически связанный с именем глагольной словоформы. Именно на этом

⁵⁰ См.: X. K. Уленбек. Указ. соч., стр. 84—90; Fr. Boas and J. R. Swanton. Sioux (Dakota). Teton and Santee Dialects with Remarks on the Ponca and Winnebago. «Handbook of American Indian Languages», pt. I, стр. 908—931.

⁵¹ См.: Л. С. Феррейра. Описание языка камаюра, стр. 44—53. Ср. также: P. A. Gnasch. El idioma Guarani. Asuncion, 1956, стр. 114—121; P. L. Fiestoone. Description and Classification of Sirionó, a Tupi-Guarani Language. The Hague, 1965, стр. 22—27.

структурном основании в глаголе здесь представлены специфические аффиксы «массовости действия» (термин П. Я. Скорика), которые «компенсируют» отсутствие формы плюралиса у подлежащего при стативных глаголах и семантически медиальных активных и у донолнения — при семантически немедиальных активных (ср. *uⁿ-kaška* 'мы его связываем' при *wič-uⁿ-kaška* 'мы их связываем' в языке дакота). Историческому затемнению подобного аффиксального оформления обязан нередко встречающийся в рассматриваемых языках функционально аналогичный супплетивизм глагольных корней. Описывая последнее явление в близкородственных языках галф, Ф. Спек отмечал следующее: «В некоторых случаях изменения, вызванные ориентацией на число, распространяются только до факта включения дополнительных суффиксов в глагольную основу. Однако имеется обширная категория глаголов, основы которых, соотносящиеся с единственным и множественным числом субъекта или объекта, столь глубоко различны, что представляются этимологически несвязанными... Некоторые глаголы, сочетающиеся с субъектом единственного, двойственного и множественного чисел в языке крик (т. е. мускоги. — *F. K.*), совершенно различны. С другой стороны, воздействие объекта во множественном числе на предикат, вероятно, большее, чем в предшествующем случае. В значительном числе примеров при множественном числе объекта требуется совершенно иной по сравнению с употребляющимся при его единственном числе глагол...»

ísis 'он берет' (ед. число) ~ *tcáwis* (мн. число)
ilídjis 'он убивает' (— » —) ~ *pā'cadis* (— » —)
lítkis 'он бежит' (— » —) ~ *bifátkis* (— » —)»⁵².

Такова же роль аналогичных глагольных суффиксов в языках на-дие. Ср., например, варьирующие в отношении числа глагольные дублеты *qa* ~ *is*, *isdal* 'идти', *q!ao* ~ *L!ü* 'сидеть', *xít* ~ ~ *na(Igal)* 'летать', *tia* ~ *L!da* 'убивать' в языке хайда, а также глагольные пары *gu* ~ *at* 'идти' в языке тлингит⁵³. Такие же факты повторяются и в многочисленных атапасских языках. Так, в частности, в языке навахо имеем такие супплетивные фор-

⁵² F. G. Speck. Some Comparative Traits of the Maskogeian Languages, стр. 478—479.

⁵³ См.: J. R. Swanton. Haida. «Handbook of American Indian Languages», pt. I, стр. 276; Он же. Tlingit.— Там же, стр. 197.— Довольно близко к разгадке происхождения такого супплетивизма подходит М. Сводеш, когда при сопоставлении глаголов *we?ič* 'спать' и *yü?ič* 'спать (о многих)' в языке нутка реконструирует последний в виде **hu-we?ič* и, исходя из других подобных случаев, приходит к выводу, что элемент *hu* здесь некогда значил 'several individuals together'; см. M. Swadesh. A Structural Trend in Nootka. «Word», 1948, v. 4, № 2, стр. 117.

мы, как: *-gáł ~ -kah* 'идти', *dáł ~ tá* 'сидеть', *-lyoł ~ -džah* 'бежать', *-tsał ~ -nél* 'умирать' и т. п.⁵⁴

Заслуживает при этом внимания факт совпадения по разным языкам активного строя семантической сферы подобных дублетов. Сюда относятся преимущественно глаголы семантики: 'идти', 'лететь', 'бежать', 'бродить', 'падать', 'прыгать', 'плыть', 'оставаться', 'сидеть', 'лежать', 'стоять', 'убивать', 'бросать', 'класть', 'ставить', 'вести', 'брать'. Уже из этого краткого перечня видно, что такого рода супплетивизм знают как активные, так и стативные глаголы. Как известно, он даже послужил одной из причин тех серьезных трудностей, с которыми столкнулась попытка перевода так называемого «опытного списка» М. Сводеша на язык на-ваха в целях лексико-статистического анализа⁵⁵.

Именная морфология рассматриваемых североамериканских языков развита слабо. Чрезвычайно бедно здесь представлена, в частности, категория числа, которая характеризует лишь узкие группы существительных. Например, в языке хува изменение по числу знают всего несколько субстантивов, обозначающих человека: ср. *keLtsan* 'девушка' ~ *keLtsun*, *tsúmmesLón* 'женщина' ~ *tsúmmesLon*, *хұхai* 'ребенок' ~ *хұхаіх* и некот. др.⁵⁶ Обычно наблюдающаяся в этих языках нерегулярность образования форм плюралиса также свидетельствует о том, что имя здесь в принципе нейтрально по отношению к передаче идеи числа.

Почти совершенно отсутствует в языках активного строя категория падежа. В очень немногочисленных из них, знающих элементарную парадигму склонения бинарного типа (она к тому же встречается почти исключительно у местоимений), существует оппозиция маркированного в плане выражения активного падежа немаркированному инактивному. Ср., например, противопоставление *shí-s* 'я' (активн. пад.) ~ *mi* 'н' (инактивн. пад.), *i-s* 'он' (активн. пад.) ~ *i* 'он' (инактивн. пад.) в языке дакота. В языках галф встречается противопоставление активного (общекосвенного?) падежа на *-t* и инактивного на *-p* > *-θ*⁵⁷. Функция активного падежа состоит в оформлении подлежащего при активном глаголе-сказуемом, функция инактивного — в оформлении дополнения при последнем, а также подлежащего при стативном

⁵⁴ Ср.: Х. К. Уленбек. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки, стр. 77—80; G. A. Reischardt. Character of Navaho Verb Stem, стр. 66—68; Н. Ноijer. Semantic Patterns of the Navaho Language. — Сб. «Sprache — Schlüssel zur Welt». Festschrift für Leo Weisgerber. Düsseldorf, 1959, стр. 369—370.

⁵⁵ См.: Г. Хойер. Лексикостатистика (критический разбор). «Новое в лингвистике», I. М., 1960, стр. 99—100.

⁵⁶ Ср.: P. E. Goddard. Указ. соч., стр. 109; J. R. Swanton. Tlingit. «Handbook of American Indian Languages», pt I, стр. 169. Ср. также: Fr. Boas. Introduction. «Handbook of American Indian Languages», pt I, стр. 37.

⁵⁷ Ср.: F. G. Speck. Some Comparative Traits of the Maskogean Languages, стр. 481.

глаголе-сказуемом. Следует отметить, что несмотря на довольно очевидное функциональное различие, имеющееся между активным падежом рассматриваемых языков и эргативом языков эргативного строя, обе «разновидности» *casus energeticus* были ограничены друг от друга К. Уленбеком лишь в 1930 г.⁵⁸ (помимо, несколько ранее это было сделано Э. Сепирем⁵⁹).

Вместе с тем имена здесь, как правило, сочетаются с последовательными локативной семантикой, обозначающими положение предмета в пространстве или направление его движения.

Очень характерным для имперской морфологии этих языков является противопоставление притяжательных форм органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) принадлежности. Как известно, соответствующие отношения имен передаются здесь не падежным оформлением, а носредством словосочетания модели «человек его-рука», в которой компонент «его» реализуется притяжательным аффиксом, согласующим определяемое с его определением по лицу и классу⁶⁰. При этом особенностью активного строя является то, что формы органической принадлежности (которые присущи здесь трем группам субстантивов: а) названиям частей тела человека и животного, а также частей дерева или растения, б) номенклатуре родства, в) обозначениям таких тесно связанных с человеком и животным реалий и понятий, как 'имя', 'сон', 'еда', 'добыча', 'трубка (курительная)', 'стрела', 'следы ног', 'дом (туземный)', 'гнездо' и некоторым другим) представлены по языкам аффиксами, тождественными с глагольными личными аффиксами инактивного ряда. Напротив, притяжательные формы неорганической принадлежности, которые имеются у большинства остальных имен, передаются либо сложным образованием, состоящим из формы органической принадлежности и дополнительной аффиксации ('ср. *mi-ta⁷ica* 'мое тело', *ni-siha* 'твоя пога', однако *mi-ta-koda* 'мой друг', *ni-ta-cu⁸ke* 'твоя лошадь' в языке дакота, или *bi-tsii* 'его (собственная) голова', но *bi-i-tsii* 'его (например, предназначенная ему для еды) голова' в атапасском языке чирикахуа), либо особым рядом аффиксов, совпадающим с глагольными личными показателями аффективного ряда (таково, в частности, положение в языках талф)⁶¹.

⁵⁸ См.: C. C. Uhlenbeck. Die nominalen Klassifikationssysteme in den Sprachen der Erde. «Anthropos. Revue Internationale d'Ethnologie et de Linguistique», 1930, Bd XXV, fasc. 3—4, стр. 654.

⁵⁹ Ср.: E. Sapir. Печ. на кн.: C. C. Uhlenbeck. Het passieve karakter van het verbum transitivum of van het verbum actionis in talen van Noord-Amerika.— IJAL, 1917—1920, v. 1, стр. 82.

⁶⁰ Ср.: E. Sapir and M. Swadesh. American Indian Grammatical Categories. «Word», 1950, v. 5, № 2, стр. 105.

⁶¹ См.: C. C. Uhlenbeck. Het identificeerend karakter der possessieve flexie in talen van Noord-Amerika. «Verslagen en mededeelingen der Akademie Amsterdam». Afd. Letterkunde V, 1917, 2, стр. 345—371 (русс. перевод.: Х. К. Уленбек. Идентифицирующий характер посессивной флексии

В какой-то мере о логической связи именной категории притяжательности такого типа с активным строем можно догадываться исходя из факта, что формы органической принадлежности принимают лишь существительные, соотносящиеся с именами активного класса. Однако более показательно в этом плане то неоднократно подчеркивавшееся исследователями обстоятельство, что обе формы притяжательной флексии противопоставлены друг другу не по характеру обладания, а как «идентифицирующая»—«неидентифицирующей», точнее—по тому, передает она отношения части и целого или нет. Например, согласно К. Уленбеку, «такая форма, как *mičaŋte* (язык дакота.—Г. К.), означает собственно не 'мое сердце', как в наших цивилизованных языках, яо идентичность меня самого и какого-то сердца, с которым я, а не кто-либо иной, нахожусь в теснейшей связи. Точно так же и инклюзивное *u"čiŋča* означает не столько 'ребенок нас обоих', сколько 'ребенок, которым мы оба являемся'»⁶². Несмотря на несколько нечеткое толкование, предлагаемое автором, нетрудно заметить, что только подобное, а не подлинно посессивное содержание оказывается в соответствии с названной семантической детерминантой активного строя. Небезынтересно в этой связи отметить, что уже В. Гумбольдт усматривал основания рассмотренного явления не в синтаксисе, а гораздо глубже — в самом «народном представлении».

Уже из данной беглой характеристики активного строя, как он представлен в американских языках, нетрудно увидеть, что те структурные черты, которые без видимой мотивации и существенно варьирующими по степени полноты наборами разбросаны по различным языкам эргативного строя (а изредка встречаются и в номинативных), в представителях первого образуют взаимосвязанную систему разноуровневых коррелятов, обусловленную доминацией в ней семантического разграничения активного и инактивного начал. Среди этих черт эргативных языков: различие непродуктивных грунп так называемых «динамических», «статических» и аффективных глаголов, бинарная классификация имен (или ее преобразования) по признаку активности — инантивности соответствующих денотатов, функционирование в глаголе двух рядов личных аффиксов, супплетивизм глагольных норм в зависимости от единичности или множественности реальных актантов, оппозиция притяжательных форм органической и пе-органической принадлежности, противопоставление инклюзива —

в языках Северной Америки. «Эргативная конструкция предложения» М., 1950, стр. 186—207); Н. Нојег. Semantic Patterns of the Navaho Language, стр. 362—363.

62 Х. К. Уленбек. Указ. соч., стр. 207. Еще раньше это обстоятельство было замечено Л. Леви-Брюлем (см. «Выражение принадлежности в месленезийских языках».—«Эргативная конструкция предложения», стр. 211—212). Ср. также: С. Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения, стр. 74—75; А. П. Рифтин. Основные принципы построения теории стадий в языке, стр. 27.

~ эксклюзива в местоименных лексемах 1-го лица множественного числа и мн. др.

Сам факт подобного распределения сопоставляемых черт *по* языкам способен вну什ить мысль о преемственных отношениях, которые могут существовать между активным и эргативным строем как целостными системами. Однако с большей определенностью направление языковой эволюции подсказывает то обстоятельство, что, разделяя в формальном плане многие общности с активным строем, эргативный уже приспособлен к передаче отношений, на выражение которых специально ориентирован номинативный строй. О той же направленности развития могут свидетельствовать и высокие объяснительные возможности модели активного строя по отношению к эргативному и номинативному (ср., например, упомянутую на стр. 214 модель «идеальной эргативной системы», построенную недавно Дж. Лайонсом с целью диахронического объяснения норм эргативного и номинативного строя).

Следует подчеркнуть, что высказывавшиеся в литературе мнения об историческом соотношении глагольных оппозиций активность ~ стативность и транзитивность ~ интранзитивность наряду с однозначны. Наиболее раннее из них принадлежит еще К. Уленбеку, который при попытке обоснования пассивного характера «глагола действия» в североамериканских языках *ситу* приходит к заключению, что «противопоставление, которое обнаруживается при личных показателях, некогда являлось противопоставлением актива-транзитива и инактива-пассива, а затем стало противопоставлением чистого транзитива и чистого интранзитива»⁶³. По существу эта же точка зрения разделялась в 30-х годах С. Л. Быховской, предполагавшей, в частности, что «не-переходный глагол был первоначально глаголом состояния, и потому грамматический субъект при нем не был субъектом реальным, так как не являлся источником действия»⁶⁴. Историческая перестройка «глаголов действия» и «глаголов состояния» на транзитивные и интранзитивные отмечается далее И. И. Мещаниновым, который связывал с ней ряд других изменений в грамматической структуре языка, приводящих в конечном счете к тому, «что логический субъект становится центром грамматического построения»⁶⁵. Рассматривая особенности эргативной конструкции предложения в бацбийском языке, Ю. Д. Дешериев приходит к заключению, что в последнем «мы обнаруживаем пережиточно сохранившиеся признаки древнейшей семантической диффеициации глаголов действия и состояния и ее связь с генезисом эрга-

⁶³ Х. К. Уленбек. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки, стр. 84.

⁶⁴ С. Л. Быховская. Показатели множественности как классовые показатели в грузинском и баскском языках.— Сб. «Академия наук академику Н. Я. Марру». Л., 1935, стр. 188; ср.: Она же. «Пассивная конструкция в яфетических языках», стр. 72.

⁶⁵ И. И. Мещанинов. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения, стр. 219—220.

рейти в строй глаголов пепереходных. Если считать для североамериканских языков более древним деление на глаголы по их переходности и непереходности, нам пришлось бы предположить обратный процесс, т. е. что безобъектные глаголы движения перешли в строй глаголов переходных, что совсем невероятно⁷¹.

При этом в ряде работ устанавливаются факты генетической связи транзитивного глагола с историческими так называемыми «центробежными» (элативными) и интранзитивного с историческими «центростремительными» (иллативными) формами активного глагола (другим предшественником интранзитивного глагола является стативный глагол). Такая связь представляется естественной, если учесть, например, что формирующийся транзитивный глагол начинает передавать действие, направленное от субъекта к его объекту. На материале алгонкинских языков подобная закономерность была впервые замечена Т. Майклсоном и К. Уленбеком⁷². В частности, последний зафиксировал в языках оджибва и блэкфут тесную связь интранзитивных форм с «центростремительными» формами аффективного глагола (последние он квалифицирует как «так называемые активные формы с гуттуральным аффиксом»). Ср.: *nīnwābamigo* 'я виден', *kiwābamigo* 'ты виден' при аффективных *nīnwābamig* 'он видит меня', *kiwābamig* 'он видит тебя' в языке оджибва или *nītāinoko* 'я виден', *kitāinoko* 'ты виден' при аффективных *nītāinok* 'он видит меня', *kitāinok* 'он видит тебя' в языке блэкфут. Алогичная картина засвидетельствована и на материале некоторых других представителей эргативного строя. Так, подобная историческая зависимость ясно прослеживается в адыгских языках, где основа транзитивного глагола и трапзитивная форма «лабильного» связаны с «центробежной» (элативной) формой, а основа интранзитивного глагола и интранзитивная форма «лабильного» восходят к «центростремительной» (иллативной), что явствует из использования в их ностроении характерных вокалических элементов ы и э. Н. Ф. Яковлев указывает, что «исторический свет на происхождение этого явления проливают существующие в адыгейском, как и кабардинском... языке центростремительная и центробежная формы, образуемые от некоторых глаголов-сказуемых. Эти формы имеют такой же парный характер, т. е. образуются от одной и той же глагольной основы с помощью чередования конечных ее кратких гласных «э» и «ы», как и в непродуктивных и продуктивных (т. е. интранзитивных и транзитивных.—F. K.) глаголах. При этом форма, оканчивающаяся на «э», обозначает движение

⁷¹ С. Л. Быховская. «Пассивная» конструкция в яфетических языках, стр. 72; ср. также: И. И. Мещанинов. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения. Л., 1940, стр. 219.

⁷² Ср.: T. Michaelson. Notes on Algonquian Grammar. «American Anthropologist», 1913, № 15, стр. 694; 1914, № 16, стр. 365; X. K. Уленбек. Пассивный характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки, стр. 75—77.

тивного строя предложения»⁶⁶. Аналогичным образом А. Н. Савченко полагает, что в индоевропейском глаголе противопоставлению транзитивности ~ интранзитивности предшествовало различие активности ~ стативности⁶⁷. Э. В. Севортиян пишет в этой связи следующее: «Категория активности никак не тождественна переходности, хотя и является ее предшественницей. Она менее «грамматична» и более реальна, более конкретна, чем переходность. И все же активность в известном смысле связывается с переходностью, поскольку глаголы, выражющие активную деятельность, направленную на объект, мы и сейчас чаще всего относим к переходным. Преемственность здесь ясна»⁶⁸. Характеризуя «диффузные», т. е., по-видимому, исторически активные, глаголы в древнеегипетском, М. А. Коростовцев отмечает следующее: «Существование этого разряда глаголов свидетельствует о том, что для египетского языка оппозиция *transitive : intransitive* вовсе не представлялась столь всеобщей и обязательной, как для нас, и что диффузность категорий переходности и непереходности была вполне нормальным и обычным явлением. А это в свою очередь означает, что наличие разряда диффузных глаголов соответствует какому-то очень древнему этапу развития языкового мышления и, вероятно, частично восходит к архаической лексике»⁶⁹. Наконец, сохраняющееся в абхазско-адыгских языках параллельно с профилирующей оппозицией транзитивных и интранзитивных глаголов четкое противопоставление «глаголов действия» и «глаголов состояния» К.-Х. Шмидт также безоговорочно квалифицирует в качестве архаичного⁷⁰.

Именно на этом основании С. Л. Быховской был теоретически постулирован более архаичный характер активной конструкции предложения по сравнению с его эргативной моделью. В последней связи она писала: «Деление на глаголы действия и состояния имеет место в североамериканских языках и является более древним, чем деление по признаку переходности. В самом деле, приведенные нами факты из баскского и кабардинского языков (имеются в виду случаи нейтральности глагольной лексемы в отношении признака транзитивности ~ интранзитивности.— Г. К.) говорят, что глагол, не имеющий прямого объекта, стремится пе-

⁶⁶ Ю. Д. Дешериев. Некоторые особенности эргативного строя предложения в бацбийском языке (эргативный строй непереходного глагола). «Язык и мышление», 1948, XI, стр. 160.

⁶⁷ См.: А. Н. Савченко. Происхождение среднего залога в индоевропейском языке. Ростов-на-Дону, 1960, стр. 70, 78; О же. Древнейшие грамматические категории глагола в индоевропейском языке.— ВЯ, 1955, № 4, стр. 117—118.

⁶⁸ Э. В. Севортиян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1962, стр. 94.

⁶⁹ М. А. Коростовцев. Категория переходности и непереходности глаголов в египетском языке. «Вестник древней истории», 1968, № 4, стр. 412.

⁷⁰ См.: К.-Х. Шмидт. Проблемы генетической и типологической реконструкции кавказских языков.— ВЯ, 1972, № 4, стр. 23.

внутрь (центростремительная форма), а форма на «ы» — движение наружу (центробежная форма)»⁷³. Ср. адыгейск. *къэ-плъ* ‘смотрит (сюда) внутрь’ — *къэ-плъы* ‘смотрит (сюда) наружу’, *къырэ-щэ* ‘водит, возит внутрь’ — *къырэ-щы* ‘водит, возит наружу’. В этой связи интересна и недавно выдвинутая Э. Паллейблэнком гипотеза о функционировании в истории китайско-тибетских языков такого же противоопозиции «центробежных» и «центростремительных» (в его терминологии — extrovert // introvert contrast) форм глагола, аналогичным образом основанном на аблautной оппозиции в них закрытой и открытой гласной⁷⁴ (при этом не остается в стороне аналогия этому явлению, предполагаемая некоторыми исследователями и для древнейшего индоевропейского состояния).

В пользу такой панравленности развития глагола косвенным образом свидетельствуют и некоторые другие, параллельные с точки зрения своего исторического содержания факты языков эргативного строя. В частности, типичная для последних функциональная «диффузность» абсолютных аффиксов глагола и абсолютного падежка имени (в одних условиях они соотнесены с объектом действия, в других — с его субъектом), поставившая перед теорией эргативности одну из ее наиболее сложных задач, находит свое объяснение как наследие активного строя, специально ориентированного на передачу не субъектно-объектных, а активно-инактивных отношений.

Сказанное свидетельствует о том, что ведущий механизм преобразования активной конструкции предложения в эргативную следует усматривать в плане ее содержания и что он должен сводиться к реинтерпретации формально уже существующего построения. При этом от разграничения моделей предложения в зависимости от активности или инактивности передаваемого действия происходит переход к их оппозиции по более абстрактному критерию его переходности — ненерходности. Подобный сдвиг должен быть сопоставлен с параллельным ему процессом утраты лексической классификации субстантивов, основанной на противопоставлении активности — инактивности соответствующих депонатов.

Не составляет труда найти и эмпирические подтверждения подобной направленности эволюции. Так, с одной стороны, языковой действительности совершенно неизвестны прецеденты преобразования эргативной конструкции предложения в активную и в целом — эргативной типологии предложения в активную. Напротив, как показано в предшествующей главе, налицо отчет-

⁷³ Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка, стр. 40; ср. также: Н. Ф. Яковлев. Краткая грамматика кабардино-черкесского языка. Вып. 1. Синтаксис и морфология. Ворошиловск, 1938, стр. 25.

⁷⁴ См.: E. G. Pullen. Close//open ablaut in Sino-Tibetan. «Linguia», 1965, v. 14, стр. 232 и след.

ливая тенденция утраты эргативными языками импликаций эргативного строя и наращивания признаков номинативного. С другой стороны, можно привести большую совокупность примеров «спонтанной» эргативизации былой активной структуры. В этом плане особенно интересны факты языков, засвидетельствованных в состоянии такой структурной перестройки. Среди последних можно назвать эламский язык, однозначная типологическая квалификация которого затруднена не столько тем, что это фрагментарно представленный мертвый язык, сколько видимым нересечением в нем норм как активного, так и эргативного строя. Исследование одновременно констатирует эргативный характер староэламского и отмечает многие очень важные признаки, в том числе — обусловленность «эргативной» конструкции не только транзитивными глаголами, но и предикатами движения, говорения и иной активности, которые должны указывать на его активную типологию.

О неравномерности протекания констатируемого процесса даже в пределах единых генетических группировок говорят интересные иллюстрации из некоторых североамериканских языков. Например, если алгонкинские языки являются представителями эргативного строя, то генетически связанные с ними языки галф (родство обеих группировок было строго обосновано М. Хаас в 50-х годах⁷⁵) относятся к активным. Не менее интересная ситуация имеет место в рамках близкородственных языков группы сиу, по традиции рассматривавшихся в американистической литературе в качестве представителей эргативного строя: если, как это показывают недавние исследования, в языках дакота, ассинибойн и шонка налицо более или менее выдержаный активный строй, то в языке хидатса по существу уже реализуется номинативный. Былая активность структуры последнего «деградировала» до уровня двух различающихся по чисто формальному признаку типов спряжения: два ряда личных аффиксов глаголов, ранее противопоставлявшихся здесь как активный и инактивный, ныне передают субъектное лицо глагола в предложении как переходной, так и непереходной семантики без сколько-нибудь строгого разграничения функций⁷⁶.

По-видимому, аналогичными отношениями связаны и иоминативные индоевропейские языки с древнейшим предполагаемым для них состоянием. О специфике реконструируемой в нем модели транзитивного предложения А. Н. Савченко пишет, что «при сравнении с вариантами эргативной конструкции, существующими в современных языках, она оказывается нетипичной, потому

⁷⁵ См.: M. R. Haas. A New Linguistic Relationship in North America: Algonkian and the Gulf Languages. «Southwestern Journal of Anthropology», 1958, 14, стр. 231—264.

⁷⁶ См.: G. H. Matthews. Hidatsa Syntax. The Hague, 1965, стр. 142—157; ср. также: K. L. Hale. Рец. на кн.: G. H. Matthews. Hidatsa Syntax.—IJAL, 1967, v. 33, № 3, стр. 336—338.

что в ней выражение субъекта действия эргативным или абсолютным падежом зависело не от переходности или непереходности глагола, а от глагольной формы действия или состояния...»⁷⁷ Нетрудно заметить, что фактически речь здесь идет об активной конструкции предложения с подлежащим в активном падеже и дополнением — в инактивном.

Как полагает Э. В. Севорян, параллельная структурная эволюция должна была иметь место и в тюркских языках. Согласно его формулировке, здесь «спект активности — пассивности предшествует аспекту переходности — непереходности. Его действие проявлялось уже тогда, когда категорий переходности и непереходности в языке не было и активное или пассивное значение именной основы непосредственно входило в лексемное значение... глагола»⁷⁸.

Примеры подобного рода могли бы быть приведены и из целого ряда других конкретных отраслей компаративистики.

Прежде чем перейти к эмпирическим подтверждениям гипотезы об эргативном строе как некоторой фазе преобразования активного в номинативный, целесообразно отметить ее значительно более высокую объяснительную способность по сравнению с совокупностью частных гипотез, предлагающихся для диахронического истолкования отдельных структурных черт эргативных языков. Выдвигаемая гипотеза обладает такой степенью общности, которая устраняет необходимость в апелляции к этим частным.

Живыми свидетельствами подобной структурной перестройки могут служить многочисленные пережитки активного строя, существующие в современных эргативных языках.

Пожалуй, одним из наиболее очевидных реликтов этого плана являются случаи постановки подлежащего в эргативном падеже при некоторых интранзитивных глаголах (активных по своей семантике), приводящие к формальному воспроизведению активной конструкции предложения⁷⁹. В качестве не менее характерного подобного пережитка следует рассматривать сохранение во многих из этих языков бинарной семантической классификации имен существительных, основанной на противопоставлении соответствующих денотатов по признаку активности — инактивности (в непосредственной связи с именем находится встречающееся в целом ряде языков различие двух форм эргативного или абсолютного падежа, противопоставленных по признаку отнесенности подлежащего или, соответственно, прямого дополнения к семантическому классу активных или инактивных имен⁸⁰). Дру-

⁷⁷ А. Н. Савченко. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке. — ЭКПЯРТ, стр. 90.

⁷⁸ Э. В. Севорян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. Опыт сравнительного исследования. М., 1982, стр. 94.

⁷⁹ См.: С. Д. Кацисльсон. К происхождению эргативной конструкции. — ЭКПЯРТ, стр. 34—35.

⁸⁰ Ср. там же, стр. 41.

гой яркий реликт этого рода составляет сохранение во многих эргативных языках группы амбивалентных по обусловливаемым ими синтаксическим конструкциям глаголов, которые сохраняют наблюдающуюся в языках активного строя глагольную диатезу незалогового характера. В некоторых из этих языков наряду с профилирующим морфологическим различием транзитивных и интранзитивных глаголов еще удерживается и формальное разграничение активных и стативных. В именной морфологии значительного числа языков в явном или неявном виде выступает противопоставление органической (неотчуждаемой) и неорганической (отчуждаемой) притяжательности.

Немало импликаций или фреквенталий активного строя эргативные языки обнаруживают и на уровне лексики. Выше уже называлась специфическая бинарная классификация имен. В то же время группа диффузных (по существу — активных) глаголов является отражением характерной для активного строя лексикализации глаголов по активности — инактивности передаваемого действия. Сюда же относится встречающаяся в некоторых языках лексемная оппозиция семантически тождественных глаголов, сочетающихся с именами исключительно активных (обычно — одушевленных) или инактивных денотатов. Значительно чаще по эргативным языкам фиксируется лексемная оппозиция иклюзивного и эксклюзивного местоимений 1-го лица множественного числа. Как пережитки активного строя в лексике эргативных языков можно рассматривать, по-видимому, и некоторые другие явления.

Перечисленные факты представлены в языках эргативного строя весьма неравномерно и существенно варьирующими по своему составу комбинациями. Это обстоятельство определенно указывает на отсутствие между ними сколько-нибудь взаимообусловленной связи в рамках этого строя. Наоборот, их сумма образует единую совокупность разноуровневых импликаций активного строя, как правило, присущих в его конкретных представителях на нравах коррелятов единой системы. В максимально полном наборе рассматриваемые явления встречаются в ряде эргативных языков Северной Америки, в целом обнаруживающих наиболее тесную преемственную связь с языками активного строя (группы чинук-цимциан, алгонкип-ритва и др.). Однако достаточно рельефно подобные пережитки по сей день выступают и во многих эргативных языках Старого Света. Так, например, они широко представлены во всех группах кавказских языков (особенно — в абхазско-адыгской), в чукотско-камчатских, в языке бурунчаки, в отдельных из австралийских (например, в аранта).

Обратимся теперь к конкретной демонстрации реликтов активного строя в эргативных языках (естественно, что приводимые ниже факты уже в силу объективного состояния исследования не могут претендовать на какую бы то ни было полноту).

Группа диффузных глаголов, в том или ином объеме представленная в большинстве языков эргативного строя, составляет непосредственное продолжение «лабильности» активных глаголов языков активного строя, широко использующих диатезу незалогового характера (типа 'убивает' ~ 'убивается', 'умирает'). Хотя по своему содержанию эта диатеза и подчинена профилирующему в эргативных языках выражению переходности или непереходности передаваемого действия, ее историческая связь с диатезой активного глагола едва ли нуждается в специальном обосновании. Таким образом, напрашивается вывод, что эта группа представляет собой остаточную группу активных глаголов, еще не лексикализованных по характерному для языков эргативной типологии принципу обособления глагольных лексем по признаку переходности ~ непереходности передаваемого действия. В некоторых языках эргативного строя (австралийских, чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских, алгонкинских и др.) сохраняется и относительно небольшая группа не лексикализованных по этому признаку стативных глаголов, благодаря своей специфической семантике легко включающихся в класс интранзитивных.

Следует думать, что группа аффективных глаголов унаследована в рассматриваемых здесь языках (например, в североамериканских, абхазско-адыгских, нахско-дагестанских и др.) также из предшествовавшего состояния.

Именно такую генетическую зависимость обнаруживает наличие в североамериканских, чукотско-камчатских, нахско-дагестанских и ряде иных эргативных языков двух глагольных групп, члены одной из которых сочетаются с именами «активного» класса, а другой — с именами «инактивного» (см. выше, стр. 129). В этом отношении интересен глагол *-delas* 'убивать (человека, животное)', 'срубать (дерево)' в языке бурушаски⁸¹. Более широкое распространение имеют встречающиеся в целом ряде представителей эргативного строя специфические «недушевленные» глаголы движения, отличные от соответствующих «одушевленных» (ср., например, абхаз.-адыг. *са- 'проходить (о времени)', дарг. *bik-es* 'проходить (о времени)', аварск. *l'at-ize* 'проходить (о где)' и т. п.), с необходимостью функционирующие в языках активной типологии (ср. лексемы *-žiš*, *-žliš*, *-žiš* 'проходить (о селе)' и *-nàh*, *-nà?*, *-nàł* 'проходить (о времени)' в языке навахо).

Засвидетельствованная в некоторых языках эргативного строя бинарная классификация существительных па «активные» и «инактивные» должна быть прямым наследием предшествовавшего этапа эволюции языка. В то же время па состав имен былого активного класса могут указывать такие факты, как, например, пережиточное склонение субстантива *вацла* 'лес' в цудахарском диалекте

⁸¹ См.: D. L. R. Lorimer. The Burushaski Language. V. III. Vocabularies and index. Oslo, 1938, стр. 124.

даргинского языка по типу одушевленных⁸² или сохранение форм органической принадлежности у названий некоторых частей дерева или растения в адыгейском.

Лексемная оппозиция инклюзивной и эксклюзивной форм местоимения 1-го лица множественного числа, засвидетельствованная во многих эргативных языках, по также не находящая в их структуре системной мотивированности, судя по всему, является прямым продолжением аналогичного противопоставления в структуре активного строя.

Активная конструкция предложения наиболее отчетливым образом продолжает функционировать в североамериканском, чукотско-камчатском и кавказском ареалах распространения эргативности. Еще Фр. Боас обратил внимание на то обстоятельство, что в языке цимшиан «транзитивное местоимение» (имеется в виду личный глагольный аффикс эргативного ряда) используется и в формах некоторых интранзитивных глаголов⁸³. Едва ли не большее распространение имеет аналогичный факт в чукотском языке: ср. *ты-чайвы-ркын* 'я хожу' (настоящее 1-е время), где *ты* — аффикс 1-го лица эргативного ряда (ср., однако, абсолютное построение настоящего 2-го времени *ны-чайвы-й-гым* 'я хожу', в котором налицо аффикс 1-го лица абсолютного ряда *-гым*)⁸⁴. В одном из нахско-дагестанских — бацбийском языке — в настоящее время глаголы непереходного действия, связанного с движением при местоименном подлежащем 1-го и 2-го лиц единственного числа, образуют активную конструкцию предложения. Вместе с тем здесь известно несколько интранзитивных глаголов, допускающих постановку местоименного подлежащего этих лиц как в эргативном, так и в абсолютном наядже в зависимости от того, представляется ли передаваемое действие как совершающееся активно или непроизвольно (С. Бейзелл говорит в этой связи о некоторой синтаксической нерегулярности)⁸⁵. При этом тенденцию к утере такими глаголами способности строить активную конструкцию предложения можно проследить на примере глагола *dožar* 'надать'. В современном языке подлежащее при нем постоянно выступает в форме абсолютного падежа. Однако еще в середине прошлого столетия А. Шифнер специально подчеркивал, что данный глагол может обусловливать как «номинативную» (so wože

⁸² Ср.: С. Абдуллаев. Грамматика даргинского языка. Махачкала, 1954, стр. 79.

⁸³ См.: Fr. Boas. *Tsimshian. «Handbook of American Indian Languages»*, pt I, стр. 298.

⁸⁴ Пример заимствован из кн.: И. И. Мещанинов. Общее языкознание, стр. 155.

⁸⁵ См.: Ю. Д. Дешерев. Бацбийский язык. М., 1953, стр. 63, 224—228; С. Е. Вазеэ. *On the typology of a North-Eastern Caucasian language. «Symholae Linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicza»*. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, стр. 23. Р. Р. Гагуа рассматривает активную конструкцию предложения в бацбийском как новообразование (ВЯ, 1955, № 4, стр. 132).

‘я упал’), так и активную (*as wože*) конструкции предложения в зависимости от того, как мыслится совершающее действие — происходит оно непроизвольно или не без активного участия в нем субъекта⁸⁶.

В другом представителе нахско-дагестанских языков — лезгинском — также засвидетельствованы отдельные интранзитивные глаголы, прежде всего *verba movendi* (*зверун* ‘бегать’, *чуккурун* ‘бежать’, ‘мчаться’, *хкадарун* ‘прыгать’ и некот. др.), сочетающиеся исключительно с подлежащим в форме эргатива⁸⁷.

Факты подобного порядка встречаются и в абхазско-адыгских языках. Так, в кабардинском языке интранзитивные глаголы активного действия *гъэзэн* ‘повернуть’, *къэкIуҳын* ‘ходить’, *хитхъэлыхын* ‘утонуть’, *къэжыхын* ‘бегать’ (ср. *а-бы къэжыхъ* ‘он бегает’) обусловливают постановку подлежащего в эргативном падеже⁸⁸. Как своеобразную компенсацию ранее функционировавшей активной конструкции предложения глагольного морфологического типа в абхазском языке можно рассматривать противопоставление внутри личных аффиксов как эргативного, так и абсолютного ряда алломорф, соотносящихся с классами имен, обозначающих разумных (исторически — активных) и неразумных (исторически — инактивных). Ср.: *d-cojт* ‘он (кл. разумных) ушел’ при *i-cojт* ‘он (кл. неразумных) ушел’.

Аналогичную конструкцию образует при формах аористной группы времен весьма многочисленный класс глаголов активного действия в некоторых картвельских языках (Г. Хённ характеризует их в грузинском как «активные непереходные»⁸⁹). Так, в

⁸⁶ См.: A. Schieffner. Versuch über die Tusch-Sprache. St.-Petersburg, 1856, стр. 73; наиболее близкую параллель этому явлению образуют как будто две парадигмы глагольного спряжения в языке индейцев Пит-Ривер (Калифорния), формы одной из которых описывают непроизвольное действие (ср.: *sa-homt* ‘я бегу’, *sa-pté* ‘я иду’, *sa-ma* ‘я ем’), в то время как формы другой указывают на действие, совершающееся с «волевым намерением» (*lo-homt* ‘я бегу’, *lu-ptá* ‘я иду’, *la-m* ‘я ем’); ср.: J. de Angulo. Two Parallel Modes of Conjugation in the Pit River Language. «American Anthropologist», 1926, v. 28 (№ 5), № 1, стр. 273—274 (впрочем, неясно, насколько выдержан в этом языке эргативный строй вообще).

⁸⁷ Ср.: М. М. Гаджиев. Синтаксис лезгинского языка, ч. I. Махачкала, 1952, стр. 97—98. — Для объяснения факта постановки здесь подлежащего в форме эргативного падежа автор *ad hoc* выдвигает предположение об исторически сложном составе таких глаголов: так, *звер-ук* им выводится из **звер авун* ‘бег делать’ (следует заметить, однако, что глагол *звер асун* существует в лезгинском языке и как таковой).

⁸⁸ См.: П. М. Багов. Структурные и функциональные особенности некоторых глаголов в адыгских языках. «Вестник Кабардино-Балкарского НИИ», вып. 2. Нальчик, 1970, стр. 4—5; Он же. О вариациях эргативной конструкции в адыгских языках. «Четвертая региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. (Тезисы докладов)». Нальчик, 1971, стр. 33.

⁸⁹ См.: G. Нбр. Evolution der Sprache und Vernunft. Berlin — Heidelberg — N. Y., 1970, стр. 121, си. 39.

литературном грузинском к нему относится: *iara* 'ходил', *irbina* 'бегал', *icura* 'плыл', *iskura* 'прыгал', *iprina* 'летал', *isrialia* 'скользил', *ixetiaia* 'скитался', *icxowra* 'жил', *ishera* 'царапал', *itira* 'плакал', *icina* 'смеялся', *icosa* 'ползал', *daizina* 'заснулся', *sexeda* 'взглянул' и мн. др. (ср. *deda-m itira* 'мать плакала', *bašvma irbina* 'ребенок бегал'). Объем этого класса еще более возрастает в некоторых грузинских — особенно западных — диалектах (ср. месхск. *aman adga da çavida* 'этот встал и пошел', имерск. *kaç-ma dažda* 'человек сел', аваньцорта *adga* 'больной встал', гурийск. *dev-ma geeksa* 'дэв убежал', *čavarden kale-ma* 'упали женщины' и т. д.)⁹⁰. Если для объяснения приводимых явлений в западногрузинских диалектах иногда обращаются к фактору воздействия со стороны мегрельского языка (см. ниже), то понятно, что наибольший интерес вызывает их нередкая фиксация и в восточногрузинском диалектном ареале. Ср. кахетинск. *çwima-m šig ar čauwides* 'чтобы дождь внутрь не попал', ферейданск. *motq-qaw-ma çawida sarçawze* 'мелиоратор пошел на арык', картлийск. *upros-ma ʒma-m... gavaribda* 'старший брат... обеднел', кизикск. *xeñçipe-ma-c daçlanaxmدا* 'царь согласился' и др.⁹¹ Не меньшего внимания заслуживает, по-видимому, и то обстоятельство, что согласно сообщению З. А. Сарджвеладзе, случаи постановки подлежащего в эргативе при интранзитивном глаголе-сказуемом за- свидетельствованы и в древнегрузинских текстах, ср.: *madl-ma... šemeçios* 'милость... поможет мне' (из рукописи № 1 фонда А Института рукописей АН ГрузССР, переписанной в 1031 г.), *mydel-ma modrķes* 'священник преклонится' (из рукописи, датирующейся, по мнению М. Тархнишвили, X—XII вв.). При этом лишь в единичных случаях становление подобной конструкции может быть объяснено утратой исторически наличествовавшего в его составе прямого дополнения. Согласно точке зрения Г. Фенириха, обосновывающей некоторые ранее высказанные в картвелистике предположения, в приведенных примерах имеет место хронологически более позднее распространение формы эргатива на подлежащее при интранзитивном глаголе, вызванное тенденцией к языковой «однозначности» (*Eindeutigkeit*) ввиду полифункциональности грузинского именительного падежа⁹². Однако если бы

⁹⁰ Ср., например: Ш. В. Дзидзигури. Диалектологические изыскания. Тбилиси, 1970, стр. 151, 159 (на груз. яз.); Ш. Нижарадзе. Верхнеаджарский диалект грузинского языка. Батуми, 1961, стр. 118 (на груз. яз.); П. П. Джаканидзе. Гурийский диалект в отношении к аджарскому. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1970, стр. 35.

⁹¹ См.: И. М. Гигинецкий, И. И. Кавтарадзе, В. Т. Топурия. Грузинская диалектология. I. Краткий обзор диалектов грузинского языка. Тексты. Словарь. Тбилиси, 1961, стр. 185₁₈₋₁₇, 258₂₆, 317₃₂ (на груз. яз.); Ш. В. Дзидзигури. Хрестоматия грузинских диалектов. Тбилиси, 1956, стр. 62₃₀₋₃₁ (на груз. яз.).

⁹² См.: H. Fähnrich. Georgischer Ergativ im intransitiven Satz. «Beiträge zur Linguistik und Informationsverarbeitung», 1967, 10. Ср.: G. Deeters. Das kharthwetische Verbum. Leipzig, 1930, стр. 96—97; В. Т. Топурия.

такое распространение обозначало деградацию эргативного строя в языке, то оно охватывало бы разные категории интранзитивных глаголов, чего на самом деле не происходит. Недавно в одной из пока неопубликованных работ Л. М. Нозадзе было высказано, судя по всему, более адекватное мнение о пережиточном характере рассматриваемого построения, отражающего специфику принципиально отличной языковой типологии, квалифицируемой в настоящей работе в качестве активного строя. Определенным свидетельством в его пользу служит, в частности, семантическая соотнесенность обусловливающей эту конструкцию группы глаголов (сюда входят предикаты движения, говорения, аффекта и т. п.), которые передают прежде всего действия, свойственные актантам, обозначаемым именами «активного» лексического класса (ср. наблюдения ряда картвельистов, согласно которым данная конструкция предложения встречается, как правило, при динамических или «активных» глаголах ⁹³).

По-видимому, особенно широкое распространение в прошлом аналогичная конструкция предложения с глаголом-сказуемым в формах времен аористной серии должна была иметь в мегрельском языке. Существуют основания полагать, что именно последнее обстоятельство послужило решающим стимулом для обобщения здесь исторического показателя эргатива -к на имя, являющееся подлежащим и при интранзитивных глаголах этой временной серии. Такому обобщению могло способствовать и довольно регулярное наличие в начале глагольной словоформы элемента к в составе так называемого «удостоверительного» префикса ko-⁹⁴ (ср. boši-k ku-morgi 'парень пришел', xočag-k ku-masim 'толос ему посыпался' и т. п.). Нетрудно заметить, что мегрельские факты также подтверждают гипотезу о пережиточном характере употребления эргатива подлежащего при множестве интранзитивных глаголов в грузинском. Если это положение верно, то возникает возможность объяснения случаев функционального преобразования именно эргативного, а не абсолютного надежа в номинатив скоротечностью в истории ряда языков фазы эргативного строя, еще сохранившей многие черты активного и, в частности, употребление эргатива подлежащего при значительном числе интранзитивных (динамических) глаголов. По-видимому, уже сам факт структурной «полистадиальности» картвельских языков, реализующийся в существовании в них характерных черт активного, эргативного и номинативного строя, может свидетельствовать в пользу

К вопросу об общности грамматических новообразований в картвельских языках.— ИКЯ, 1954, т. VI, стр. 454—455; К. Т с ч о н к е л и. Einleitungen in die georgische Sprache, Bd. I. Zürich, 1958, стр. 297.

⁹³ Ср., например: В. Т. Т о п у р и а. Указ. соч., стр. 455; П. П. Д ж а - джанидзе. Гурийский диалект в отношении к аджарскому, стр. 35.

⁹⁴ Ср.: А. С. Ч и к о б а в а. Проблема эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках. II. «Теория сущности эргативной конструкции». Тбилиси, 1961, стр. 5.

зу относительной непродолжительности функционирования здесь эргативности. Ближайшую типологическую параллель такому развитию могут представить индоевропейские языки, если допустить формирование в них номинатива из активного падежа через ступень эргатива.

Интересные факты сходного порядка засвидетельствованы и в известном своими архаизмами сванском языке. Не говоря уже об отдельных интрапозитивных глаголах, постоянно обуславливающих эргативообразное построение (ср. *žagašdñqwa-d ka lajsinžwe* ‘Джарашдуква выглянул наружу’), в его диалектах отмечается целый ряд иптранизитивных глаголов, допускающих постановку подлежащего как в именительном, так и в эргативном падеже. Ср., например, следующие наравлельно употребляющиеся в нижнебальском диалекте построения:

ädšdiral eži // *ädšdirale ežnem(d)* ‘ноиграл он’

ädkinal eži // *ädkinale ežnem(d)* ‘нобегал он’

läjdiral eži // *läjdirale egnem(d)* ‘закусил он’

Пережиточное употребление активной конструкции предложения встречается, по-видимому, и в папуасских языках. Во всяком случае, в языке бонгу наряду с обычными эргативными построениями встречаются и конструкции типа *Godina-n oges* ‘когда Година поднялся’, *temig-en agojesen* ‘ветер воет’, подлежащее которых оформлено эргативом (вероятно, в соответствии с таким употреблением А. Ханке обозначает этот падеж термином «*postinatius activus*») ⁹⁵.

Необходимо учитывать, конечно, что явления подобного рода не всегда способны однозначно свидетельствовать о происхождении эргативного строя конкретного языка из активного. В этом отношении показательны факты многих илдоиранских языков. В частности, не исключено, что несколько десятков так называемых «безобъектных переходных» глаголов в языке пушту, среди которых оказываются и группы *verba sentiendi*, *verba movendi*, *verba dicendi*, *verba putandi* ⁹⁶, могут быть исторически возведены к составным образованиям типа ‘лай делать’, ‘прыганье делать’ и т. п. Вместе с тем для их объяснения может быть предложена и другая альтернатива, связанная с тем заслуживающим специального исследования фактом, что большая группа илдоиранских языков смежного ареала обнаруживает и некоторые другие импликации активного строя, наличие которых может быть гипотетически приписано субстратному компоненту (ср. стр. 200 настоящей работы). Например, аналогично ведущий себя класс про-

⁹⁵ См.: A. H a n k e. Grammatik und Vokabularium der Bongu-Sprache. «Archiv für das Studium deutscher Kolonialsprachen», Bd VIII. Berlin, 1909, стр. 25.

⁹⁶ См.: Н. А. Дворянков. О главных членах предложения с эргативной конструкцией в пашто. «Советское востоковедение», 1958, № 5, стр. 107.

стых глаголов активного действия, функционирующий, по устному свидетельству И. М. Оранского, в языке гиссарских шарья (индийском диалекте Средней Азии) и включающий такие единицы, как sun- 'услышать', kē- 'сказать', bala- 'закричать, позвать', pa- 'купаться', mut- 'мочиться', hag- 'испражняться' и другие, едва ли может рассматриваться в качестве исторически производных образований. Впрочем, помимо индоиранского ареала распространения эргативности в настоящее время контактное истолкование предшественников употребления активной конструкции предложения нигде не диктуется материалом.

Примеры синкремизма эргативной и локативной функции в рамках единого падежного окончания хорошо известны в нахско-дагестанских языках (таково положение в цезском, цахурском, отчасти — в арchipском, лезгинском и чеченском)⁹⁷. Аналогичное явление отмечается в чукотско-камчатских⁹⁸ и австралийских языках.

В специальной литературе также отмечаются факты, говорящие о перестройке активного строя в эргативный, наблюдающиеся в некоторых австралийских языках. Так, например, указывается, что в архаических текстах на языке аранта часто встречается употребление эргативного падежа подлежащего при интранзитивных глаголах движения. При этом показатель эргатива в отдельных случаях совмещает функцию локатива: ср. окончание -(i)la в аранта, -lu в лоритья⁹⁹.

В качестве реликтов былого активного состояния можно истолковать некоторые подобные явления, отмеченные в отдельных древних языках Ближнего Востока. Ср., в частности, указание И. М. Дьяконова на то, что «в эламском (примеры засвидетельствованы для позднего ахеменидского периода развития языка) глаголы движения спрягаются как глаголы действия, т. е. с личными, а не классными формантами субъекта»¹⁰⁰. Аналогичное явление наблюдается и в шумерском языке¹⁰¹.

Переходя к рассмотрению именной морфологии эргативных языков как наследию активного строя, прежде всего необходимо

⁹⁷ Ср.: Е. А. Бокарев. Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках. «Язык и мышление», 1948, XI, стр. 63—65.

⁹⁸ См.: А. Н. Жукова. Выражение подлежащего в эргативной конструкции предложения чукотско-камчатских языков. — ЭКПЯРТ, стр. 235—239.

⁹⁹ См.: А. Sommerfelt. *Le langue et la société*. Oslo, 1938, стр. 77 и сл.; N. M. Holmег. *On the History and Structure of the Australian Languages*. «Australian Essays and Studies», III. Lund, 1963, стр. 59—61; С. Д. Кацнельсон. К происхождению эргативной конструкции. — ЭКПЯРТ, стр. 33—36.

¹⁰⁰ И. М. Дьяконов. Эргативная конструкция и субъектно-объектные отношения (на материале языков Древнего Востока). — ЭКПЯРТ, стр. 104.

¹⁰¹ См.: И. Т. Канева. Глаголы движения (на материале шумерского эпоса). «Ассириология и египтология». Л., 1964, стр. 51 и след.

остановиться на функциональной «диффузности» абсолютного падежа, передающей, с одной стороны, субъектное отношение, а с другой — объектное. Эта «диффузность», поставившая перед теорией эргативности ряд трудных вопросов, в рамках предлагаемой здесь гипотезы получает свое объяснение как некоторое историческое преобразование не ориентированного специально на передачу субъекта или объекта действия и пассивного падежа. Аналогичным образом специфическая функциональная нагрузка эргативного падежа, не являющегося универсальным падежом субъекта действия, выдает в нем историческое продолжение активного падежа. Вместе с тем, выше уже отмечались случаи пережиточного функционирования эргативного падежа по существу в роли активного. Поэтому представляется, что квалификацию подлежащего эргативной конструкции предложения как субъекта действия, а ее прямого дополнения — как субъекта состояния, дающуюся Э. Сениром¹⁰², следует расценивать в качестве попытки переосмысления категорий, восходящих к структуре активного строя, в попытиях номинативного.

В качестве другого пережитка активного строя в системе склонения эргативных языков следует назвать различие в некоторых из них двух форм эргативного или абсолютного падежа, соотносящихся с именами активного и инактивного класса. Две подобные формы эргатива, приуроченные к именам разных лексических классов, нередко встречаются, например, в нахско-дагестанских языках (такое положение налицо во всех нахских языках, в ряде аварско-андийско-цезских, в даргинском, цахурском), чукотско-камчатских, а также в ряде австралийских. Возможно, недалеко от истины был К. Д. Дондуа, когда высказывал предположение о том, что противопоставление в сванском склонении двух форм эргативного падежа свидетельствует о переживании в нем своеобразной классификационной системы¹⁰³.

Две функционально отличные формы абсолютного падежа — «активную» и «инактивную» — отмечают в австралийском языке аранта: одна из них маркируется суффиксом -па и оформляет имена активного семантического класса, вторая -θ сочетается с именами инактивного. Эта особенность, по-видимому, отличает аранта от других австралийских языков¹⁰⁴. В данном контексте следует упомянуть предположение о том, что именно языковой строй, характеризующийся двумя падежами-объектами, может послужить исходным пунктом для историко-типологической реконструкции индоевропейской системы, в которой хорошо прослеживается раз-

¹⁰² Ср.: Э. Сенир. Язык. Введение в изучение речи. М., 1934, стр. 64 и 73.

¹⁰³ См.: К. Д. Дондуа. Адыгейского типа эргатив в сванском языке (к проблеме морфологического заимствования). — ИКЯ, 1946, I, стр. 193.

¹⁰⁴ См.: N. M. Holmer. On the History and Structure of Australian Languages. «Australian Essays and Studies», III. Lund, 1963, стр. 60.

личие объектных форм имен активного и инактивного классов¹⁰⁶.

Если учесть, что именной морфологии языков активной типологии обычно неизвестна категория числа, то случаи ее отсутствия или слабой развитости в эргативных языках также могут рассматриваться в качестве наследия активности. Группа субстантивов, не имеющих числового изменения (не менее интересно, что, как правило, это имена исторического инактивного класса), отмечается для очень большого количества языков эргативного строя (при этом, как и в активных языках, функцию обозначения числа обычно берет на себя глагольная словоформа). По-видимому, особенно обширный разряд существительных эта группа составляет в целом ряде североамериканских языков. «Характерной особенностью абхазско-адыгской группы языков являются имена существительные, выступающие с недифференцированным значением числа»¹⁰⁶. «Баскское имя само по себе независимо от идеи числа, так что фактически на число указывают artikel, числительное или даже глагол»¹⁰⁷. Варьирующий по своему объему класс неизменяющихся или лишь ограниченно изменяющихся по морфологической категории числа имен засвидетельствован в чукотско-камчатских, тибетско-бирманских, напуасских, австралийских, некоторых нахско-дагестанских и древнепереднеазиатских языках.

Прямыми наследием принципа образования собирательных имен, функционирующего в языках активного строя, следует считать часто встречающееся в рассматриваемых языках значительное разнообразие типов образования формы множественного числа. Подобное предположение представляется, в частности, вполне естественным для объяснения фактов языка бурушаски, где отмечается всего около 70 различных суффиксов илюралиса, приблизительно 50 из которых ограничены использованием в очень узких группах существительных¹⁰⁸. Такое же диахроническое истолкование может иметь разнообразие показателей илюралиса, характерное для ряда нахско-дагестанских языков (в частности, в даргинских диалектах насчитывается выше 20 таких окончаний)^{108a}. Можно привести примеры аналогичного порядка и из многих других языков эргативного строя.

Еще одной яркой иллюстрацией процесса формирования именной категории числа на ступени развитой эргативности могут служить известные в целом ряде языков (главным образом среди

¹⁰⁶ С. Д. Кацнельсон. К происхождению эргативной конструкции. — ЭКПЯРТ, стр. 41.

¹⁰⁶ М. А. Кумахов. Число и грамматика. — ВЯ, 1969, № 4, стр. 65—74.

¹⁰⁷ А. Товаг. The Basque Language, стр. 61.

¹⁰⁸ См.: Н. Vogt. The plural of nouns and adjectives in Burushaski. «Norsk Tidsskrift for Språkvidenskap», Bd. XIII. Oslo, 1945, стр. 96—129.

^{108a} Ср.: С. Абдуллаев. Грамматика даргинского языка, стр. 95; К. Т. Чреташвили. К вопросу о генезисе суффиксов множественности в бацбийском языке. «Труды Тбилисского гос. ун-та», 1958, т. 71, стр. 197—212.

папуасских, австралийских и полинезийских) случаи параллельного функционирования форм двойственного, тройственного и множественного чисел: особые формы множественного числа здесь по существу лишь дополняют ряд других применяющихся способов обозначения множества (редупликацию именной основы, аппозицию соответствующего числительного, формы двойственного и тройственного чисел) ¹⁰⁹.

Оппозиция притяжательных форм органической (неотчуждающейся) и неорганической (отчуждающейся) принадлежности, еще более или менее систематически проводимая в именной морфологии многих эргативных языков (в большинстве северно- и центральноамериканских, полинезийских, австралийских, в некоторых папуасских, бурунди и адыгейском), а для целого ряда других реконструируемая исторически, вероятно, продолжает с некоторым изменением функции аналогичное противопоставление языков активного строя.

Изложенный материал дает основания прийти к заключению, что совокупность структурных характеристик, определенная в предшествовавших главах в качестве фреквенталий эргативности, в принципе совпадает с импликациями активного строя. По степени сохранности этих явлений и, напротив, по степени их замещенности импликациями номинативности эргативные языки могут быть условно распределены по двум основным ареалам — «западному» и «восточному», последний из которых противостоит первому как зона консервации — зоне инноваций.

Относительная адекватность такого ареального представления характерных пережитков активного строя в эргативных языках Америки, Австралии, Азии и Европы может быть проиллюстрирована таблицей, в которой наличие соответствующего явления передается символом +, его отсутствие — символом —, и, наконец, очевидныеrudименты его функционирования в прошлом — символом (±) (см. стр. 244).

Таким образом, все структурное наследие активного строя в эргативном с точки зрения диахронической перспективы должно быть распределено на две группы явлений. Одни из них, будучи функционально переосмыслены и, следовательно, приспособлены к передаче его принципиальных отношений, органически включены в механизм эргативного строя на правах его импликаций (ср. оппозиции транзитивного и интразитивного глагола, эргативных и абсолютных аффиксов в глагольном спряжении, эргативного и абсолютного падежей в именном склонении, корреляцию эргативной и абсолютной конструкции предложения). Их положение в эргативной системе прочно. Другие явления (семантическая классификация имен, группа диффузных и «статических страдательных» глаголов, различие инклюзива ~ экс-

¹⁰⁹ Ср.: A. Hanke. Grammatik und Vokabularium der Bongu-Sprache, стр. 22—34; A. Capell. A New Approach to Australian Linguistics, стр. 13, 51—52.

Язык	Диффузные глаголы	Именные классы	Органич. и неорганич. принадлежность	Инклюзив-эксклюзив	Язык	Диффузные глаголы	Именные классы	Органич. и неорганич. принадлежность	Инклюзив-эксклюзив
Аранта	+	+	+	+	Бацбийский	(+)	+	-	+
Цимшиан	+	+	+	-	Чукотский	+	(+)	-	-
Чинук	+	+	-	+	Адыгейский	+	-	+	-
Фокс	+	+	-	+	Синди	(+)	-	-	+
Бурушаски	+	+	+	-	Алеутский	+	-	-	-
Абхазский	+	+	-	+	Сванский	-	-	-	(+)
Бонгу	+	-	(+)	+	Лезгинский	-	-	-	-
Даргинский	+	+	(+)	-	Баскский	-	-	-	-

клюзива в местоименных лексемах 1-го лица множественного числа, оппозиция притяжательных форм органической и неорганической принадлежности и др.) уже лишены в рамках эргативного строя структурной мотивации и выступают в нем исключительно в качестве постепенно деградирующих вкраплений исторически предшествующего строя. На таком же положении находятся здесь отдельные инновации эргативности, иногда возникающие как «компенсация» нейтрализуемых оппозиций активного строя (ср. противопоставление параллельных падежных форм, закрепленных за именами активного и инактивного классов). Нетрудно предсказать, что эти реликты обречены на более или менее скорое исчезновение.

Структурные сходства языков выдержанного эргативного строя с эталоном активного не могли ускользнуть от внимания исследователей рассматриваемой проблематики. На этой основе и возникло представление об активном строе как некоторой специфической разновидности эргативности, основанной на признаке активности ~ инактивности передаваемого действия, а не на его характеристике по переходности ~ ненеобходимости¹¹⁰. Более того, с именем К. Уленбека связало допущение о том, что разбиение глаголов на активные и стативные в принципе сводимо к обычному для традиционной грамматической схемы противопоставлению транзитивных и интрапозитивных, если припять, что активные глаголы, интрапозитивные с точки зрения нашего языкового сознания, окажутся в каком-либо отношении транзитивными в языках типа дакота¹¹¹. Отдельные авторы, по-видимому, даже вообще не замечают существенных структурных различий, имеющихся между

¹¹⁰ Ср.: С. Л. Быховская. «Пассивная» конструкция в яфетических языках, стр. 67.

¹¹¹ Ср.: С. С. Uhlenbeck. Die Kasuswerte der pronominalen Konjugationsstufen des Dakota. «Indogermanische Forschungen», 1934, т. LII, стр. 227—228. См. об этом: С. Д. Кацельсон. К генезису инициативного предложения, стр. 59.

активным и эргативным строем (ср., например, мнение Т. Милевского о различении в морфологической структуре глагола северноамериканского языка dakota транзитивности ~ интранзитивности). Впрочем, нельзя не признать, что наиболее очевидные преемственные связи с активным строем в целом характеризуют северноамериканские эргативные языки, что следует связывать с более четким переживанием в них семантической детерминанты активного строя — разграничения активного и инактивного начал.

Однако, констатируя глубокие преемственные связи, но-видимому, существующие между активным и эргативным строем, нельзя пройти мимо их серьезных различий, лежащих как в плане содержания, так и в плане выражения. Впервые констатируя эти различия, И. И. Мещанинов писал, в частности, что «с последующей перестройкой на непереходные и переходные глаголы получается совпадение действующего лица при непереходных глаголах и предмета действий при переходных. Тем самым устанавливается в эргативном строе предложения «надеж воспринимателя действия», выражющий пассивность субъекта при глаголе состояния, ставшего затем вообще непереходным (средним) глаголом, и пассивность объекта при переходном глаголе (абсолютный надеж). Все же, — подчеркивает он далее, — при этом переходе грамматического строя на новые позиции нельзя не отметить резкого скачка, приведшего к качественному изменению прежних синтаксических отношений, следовательно, и грамматических оформлений...»¹¹².

Действительно, обращают на себя внимание некоторые фундаментальные структурные черты, вообще сближающие эргативные языки именно с номинативными, а не с активными.

В первую очередь среди них следует назвать глагольный признак транзитивности ~ интранзитивности (в то же время с намечающимся историческим местом эргативного строя хорошо согласуется то, что транзитивный глагол в его носителях еще не развел столь специфичной для последующей фазы его функционирования морфологической категории залога). Нередко представители обеих типологий объединяются и наличием в инвентаре членов предложения оппозиции прямого и косвенного дополнения, не известной в языках активного строя.

Налицо и другие — менее заметные на первый взгляд — различия между структурными составляющими эргативного и активного строя. Так, необходимо учитывать, что внешняя близость ряда встречающихся в них морфологических категорий сопровождается определенным расхождением в их содержании (ср., например, различия в значении глагольной диатезы, функциональные особенности нозиционных падежей, различную семантику противопоставлений внутри именной категории притяжательности и т. п.).

¹¹² И. И. Мещанинов. Общее языкознание. К проблеме стадиальности в развитии слова и предложения, стр. 219.

обусловленным аккомодацией части исторического наследия активности к передаче субъектно-объектных отношений.

Если к уже нааваным фактам присоединить довольно интенсивно протекающий в эргативных языках процесс дальнейшей дифференциации частей речи, сопровождаемый стабилизацией их морфологии, то будет нетрудно увидеть, что эргативность представляет собой как бы первую фазу номинативизации активного строя. В свете сказанного не приходится сомневаться в исключительно богатом содержании этого этапа структурной эволюции языка и, следовательно, в том многостороннем интересе, который представляют языки эргативного строя для общелингвистической теории.

В соответствии с выдвинутой здесь гипотезой об исторически промежуточной (хотя и, по-видимому, необязательной) позиции эргативного строя между активным и номинативным, различные эргативные языки могут быть представлены как иллюстрации далеко не совпадающих по засвидетельствованным в них характеристикам состояний переходности от первого ко второму. Как уже было отмечено выше, особенно много признаков, сходных с чертами активного строя, сохраняется в эргативных языках Северной Америки (то же самое, по-видимому, касается малоизученных южноамериканских языков эргативного строя, а также эскимосско-алеутских). Из кавказских языков наиболее близко стоит к нему эргативная структура абхазско-адыгских и прежде всего — абхазского. Напротив, такие языки, как картвельские, удинский и баскский максимально приблизились к номинативному строю.

Вместе с тем открывается возможность представить как активный, так и номинативный строй как в некотором смысле «стационарные» состояния языка, не только характеризующиеся внутренней структурной завершенностью, но и находящиеся в более-менее заметном соответствии с определенными «нормами сознания» их носителей, представленными в семантических детерминантах обоих. По-видимому, именно смена этих детерминант и обусловливает функционирование переходной фазы эргативности. Таким образом, напрашивается вывод, что объектом систематического сопоставления прежде всего должны быть активный и номинативный строй. Именно подобная более широкая ориентация исследования позволяет прийти к нетривиальным результатам (напротив, как показала исследовательская практика, сопоставление только номинативной и эргативной структур, как правило,¹ оказывается значительно менее эффективным). Подобная ориентация как будто находит себе оправдание и в фактах относительной скоротечности эргативной фазы или даже ее полного отсутствия в истории целого ряда языков.

Если рассмотреть совокупность структурных признаков активного и номинативного строя языка в сопоставлении с характерными чертами эргативного, то, вероятно, будет нетрудно прийти к убеждению о некоторой внутренней логической завершенности

обоих первых и о довольно и противоречивом облике последнего. Действительно, если активный строй находит свое воплощение в таких системно взаимосвязанных явлениях, как распределение имен существительных по двум лексическим классам по признаку активности — инактивности соответствующих им денотатов, разбиение глаголов на активные и стативные, различие активного и инактивного начал на уровне конструкций предложения, то в структуре номинативного строя все эти противопоставления оказываются полностью нейтрализованными.

В то же время внутренняя противоречивость эргативного строя находит свое выражение в типичном для него сочетании структурных характеристик как активного, так и номинативного, выступающем по конкретным языкам то более, то менее отчетливым образом. Так, при довольно широкой распространенности в его представителях лексических классификаций имен далеко не все они оказываются здесь связанными с разграничением соответствующих денотатов по признаку их активности — инактивности; в то же время в целом ряде случаев вообще не приходится говорить о функционировании подобных именных классов⁶. Хотя эргативный строй обычно предполагает разграничение транзитивных и интранзитивных глаголов по морфологической структуре (при этом исторически активные глаголы распределяются между транзитивными и интрапзитивными, а исторически стативные полностью переходят в состав интранзитивных), во многих случаях оно либо охватывает не все глагольные лексемы (ср. диффузные глаголы, с одной стороны, и «статические страдательные» глаголы, с другой), либо сочетается с параллельным разграничением морфологической структуры активных и стативных глаголов. Наконец, в предложении эргативной типологии различие активности — инактивности передаваемого действия замещается различием его переходности — неперходности, в той или иной степени сохраняющимся и во многих представителях номинативной типологии.

На фоне памечаемой здесь диахронической перспективы в высшей мере интересным следует признать факт типологической «полистадиальности» картвельских языков. Он находит свое проявление в том, что при далеко зашедшем процессе номинативизации строя (ср. отсутствие в них лексической классификации имен существительных и морфологической категории класса в синтаксически связанных с ними частях речи, смешение личных аффиксов субъектной и объектной серий в глагольной структуре, смешение функций эргативного и абсолютного падежей, дифференциацию залоговых противопоставлений в транзитивном глаголе, наличие подлинных причастий и мн. др.), эти языки вплоть до настоящего времени сохраняют не только видимые признаки эргативного строя (естественно, это в основном относится к чанскому языку). Они обнаруживают вместе с тем довольно многочисленные и яркие, как было показано выше, черты активной типологии, специальный анализ которых представляется очень важной задачей современ-

ной картвелистики. В свете сказанного не исключено, что в ходе дальнейшего исследования фактического материала наука будет поставлена перед новой альтернативой: либо согласиться с положением о скоротечности фазы эргативности в картвельских языках, либо допустить, что она вообще не всеми из них переживалась.

Немногочисленность облигаторных внутриязыковых корреляций эргативности имеет своим следствием зачительное структурное разнообразие рассматриваемых языков. Если учесть интерпретацию эргативности как некоторой промежуточной фазы между активным и номинативным строем, в новом свете предстанет и проблема относительной неустойчивости эргативного строя. Не приходится удивляться, в частности, неустойчивости новообразованной эргативности идионицких языков.

В высшей степени интересно и то, что многие факты активных языков вполне определенно говорят против неадекватных интерпретаций эргативности. В частности, с непреодолимыми препятствиями сталкиваются сторонники точки зрения об именном характере глагольной основы в эргативных языках: как известно, исследователи языков активного строя, напротив, подчеркивают в этих языках весьма ограниченное число подлинных имен существительных, с одной стороны, и «глагольную природу» большинства имен существительных, с другой¹¹³. Тем более, в условиях отсутствия в них транзитивного глагола и, следовательно, специфичной для него морфологической категории залога едва ли приходится принимать всерьез концепцию насыщенности транзитивного глагола в эргативных языках: формирование залоговых оппозиций в последнем составляет уже очевидную черту номинативизации языковой структуры.

Вместе с тем, следует воздержаться от соблазна квалификации активного строя как исключительно преэргативного. Действительно, в преобладающем большинстве контролируемых случаев последовательность развития, как будто, именно такова. Однако в отдельных случаях активность, судя по всему, способна непосредственно перерастать в номинативность. Оптимальным условием последнего пути эволюции является, по-видимому, одноличный принцип глагольного спряжения. Движение по такому пути зафиксировано в североамериканском языке хидатса и, отчасти, в гуарани. Нельзя исключить, что именно он был в свое время пройден протоиндоевропейским. Аналогичная точка зрения высказывалась в отношении истории семито-хамитских языков. Наконец, в недавнее время выдвинуто предположение о существовании пережитков активного строя и в тюркских языках¹¹⁴. Как свидетельствует, однако, история нахско-дагестанских язы-

¹¹³ Ср.: G. A. Reichardt. The Character of the Navaho Verb Stem. «Word», 1949, v. 5, № 1, стр. 57—58.

¹¹⁴ Ср.: Э. В. Севортиян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 93—95.

ков, и при наличии одноличного (или одноклассного) принципа глагольного спряжения может наступить эргативное состояние.

В свете генетических взаимоотношений, постулированных между активным и эргативным строем, новый смысл приобретает впервые намеченное в работах С. Д. Кацнельсона разграничение актуальной и пережиточной эргативности. Согласно его идеи, «необходимо принципиально отличать эргативную конструкцию как она представлена в яфетических языках Кавказа, баскском и т. д. от ее предшественника — эргативного предложения первобытных языков. Эргативная конструкция содержит лишь как бы «намек» на древнее, но не совпадает с ним. Она — результат снятия и переосмыслиения древних синтаксических отношений, с которыми никак отождествляться не может...»¹¹⁵. При этом автор утверждает, что «есть возможность прямее определить различие между действительно архаической эргативной структурой предложения и пережиточной эргативной конструкцией»¹¹⁶. К той же мысли сводится и его другая формулировка, подчеркивающая, что в кавказских и баскском языках развитие низвело «старую схему эргативного предложения до уровня формальной «конструкции» или «оборота»... Такой «выветрившейся» формой и является эргативная конструкция в языках типологически позднего строя...»¹¹⁷.

Нетрудно заметить, что то, что квалифицируется в этих формулировках в качестве актуальной или архаической эргативности, находит свое воплощение не столько в языках более выдержанного эргативного строя, сколько в американских представителях активного строя. Ведь именно в последнем случае соответствующие модели предложения представляют собой функционально насыщенные обороты, непосредственным образом отражающие особенности семантической модели мира, построенной их носителями (тем самым кратко охарактеризованные выше представители активного строя значительно ярче, чем другие языки, иллюстрируют известное положение И. И. Мещанинова о том, что «нормы сознания получают свое выражение в языке в семантике лексических группировок, в оформлении слова, в построении предложения»¹¹⁸). Напротив, функционирование эргативности, как она бывает представлена в современных эргативных языках, даже необязательно связано с эволюцией активного строя, чему способствует несколько меньшая прозрачность ее внутренней формы. Как, по-видимому, свидетельствует история индоиранских языков, «пережиточная» эргативность может в какой-то мере сложиться и в условиях действия фактора языкового контакта.

¹¹⁵ С. Д. Кацнельсон. Эргативная конструкция и эргативное предложение. «Изв. АН СССР», ОЛЯ, 1947, № 4, стр. 44.

¹¹⁶ С. Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения, стр. 103.

¹¹⁷ С. Д. Кацнельсон. Эргативная конструкция и эргативное предложение, стр. 49.

¹¹⁸ И. И. Мещанинов. Понятийные категории в языке. «Труды Военного ин-та иностранных языков», № 1. М., 1945, стр. 11.

Постулируемая здесь направленность структурного преобразования приводит к мысли, что в прошлом языки эргативного и активного строя должны были иметь еще более широкое распространение. Многочисленные наблюдения последних двух-трех десятилетий как будто способны подтвердить подобное предположение. Так, в ходе истории сокращался, как известно, переднеазиатский ареал эргативности, который был представлен многочисленными «азиатическими» и кавказскими языками (среди последних более выдержаный эргативный строй должен был характеризовать и картвельские языки). Ср. характеристику древнеегипетского языка М. А. Коростовцевым как эргативного¹¹⁹. Существуют основания полагать, что эргативный строй функционировал ранее в монгольских языках (здесь до настоящего времени сохраняется построение, напоминающее именной морфологический тип эргативной конструкции предложения)¹²⁰. Более последовательным эргативным языком был в прошлом бургаски. То же самое, видимо, касается ительменского языка. Судя по всему, выдержанными представителями эргативного строя являлись в свое время члены центральноамериканской семьи майя-киче и т. д.

Вместе с тем, существуют более или менее обоснованные гипотезы об активном прошлом таких ныне номинативных языков, как индоевропейские, афразийские (семито-хамитские), дравидийские, енисейские и некот. др. Так, например, согласно формулировке Вяч. Вс. Иванова «противопоставление двух основных серий индоевропейских глагольных времен (пассивной и активной) можно соотнести с противопоставлением двух падежей (эргатива и не-эргатива) [в более адекватной терминологии: актива и инактива.— Г. К.] и двух родов (среднего — в древности пассивного, и несреднего — в древности активного), которое может быть реконструировано в индоевропейском имени для той же весьма древней эпохи»¹²¹. По мнению И. М. Дьяконова, «при предположении о наличии вprotoафразийском эргативном строя в смысле приведенной выше дефиниции (речь идет фактически об активном строе.— Г. К.), получают простое и последовательное объяснение все главнейшие особенности protoафразийской глагольной системы, реконструируемые на основании наиболее древних фактов всех пяти ветвей семьи: а) противопоставление глаголов действия... глаголам состояния, ... б) наличие в форме глагола действия показателей не только субъекта действия, но и субъекта результи-

¹¹⁹ М. А. Коростовцев. Эргативный «падеж» в египетском языке, стр. 92—93.

¹²⁰ См.: Т. А. Бертагаев. Следы эргативности в монгольских языках и к вопросу об эргативной конструкции.— ЭКПЯРТ, стр. 277—283; ср. также: K. Grönbech and J. R. Gieger. An introduction to classical (literary) Mongolian. Wiesbaden, 1955, стр. 20.

¹²¹ Вяч. Вс. Иванов. Хеттский язык. М., 1963, стр. 161; А. Н. Савченко. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке, стр. 74; ср.: A. Debrunner. Lautgesetz und Analogie. «Indo-germanische Forschungen», 1933, LI, стр. 289; J. Kugowitz. Etudes indo-européennes, I. Kraków, 1935, стр. 161—165.

рующего состояния...» и т. д.¹²² Н. В. Гуров предполагает, что разрабатываемая им «гипотеза о существовании в протодравидийском языке категории именного класса (которая реализовалась бинарной оннозицией активного и инактивного начал, обусловливающей целый ряд его более частных структурных характеристик. — Г. К.) — если она, разумеется, в конечном счете будет доказана — поможет выяснить истинную, системную природу целого ряда фактов дравидийской морфологии, рассматривавшихся до сих пор вне всякой связи с общими тенденциями развития дравидийского языкового строя»¹²³. В этом плане обращает на себя внимание и реконструированная А. Масперо для гималайской группы тибетско-бирманских языков система личной аффиксации глагола (в формах единственного числа), отчетливо передающая отношения активного строя¹²⁴. Поэтому высказывание Э. Леви о том, что баскский, кавказские, чукотский и некоторые другие эргативные языки Евразии являются остатками языкового ландшафта, предшествовавшего здесь распространению современных представителей четырех больших языковых группировок — индоевропейской, семитской, урало-алтайской и китайско-тибетской, — может быть в настоящее время дополнено предположением об эргативном или активном прошлом и этих последних группировок¹²⁵. К выводу об активной типологии протокетского состояния приходит Г. К. Вернер¹²⁶. Не приходится удивляться в свете сказанного и тому обстоятельству, что структурный облик ностратического состояния, предполагаемого В. М. Илличем-Свитычем для шести больших семей Старого Света (афразийской, картвельской, индоевропейской, уральской, дравидийской и алтайской), обнаруживает по крайней мере несколько импликаций активного строя (ср. оппозиции двух рядов указательных и вопросительных местоимений, а также двух именных суффиксов множественного числа, соотносимых с именами «одушевленного» и «неодушевленного» классов, лексемное противопоставление инклюзивного и эсклюзивного местоимений 1-го лица множественного числа и др.)¹²⁷.

¹²² И. М. Дьяконов. Проблемаprotoафразийской глагольной системы «Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков (12—14 декабря). Предварительные материалы». М., 1972, стр. 48.

¹²³ Н. В. Гуров. Именное склонение в дравидийских языках и микропарадигма протоиндийских текстов (опыт сопоставления). «Сообщение об исследовании протоиндийских текстов. I. Proto-Indica: 1972». М., 1972, стр. 130.

¹²⁴ Н. Масперо. Notes sur la morphologie du Tibéto-Birman et du Mundia. — BSLP, 1947—1948, t. 44, fasc. 1, стр. 173.

¹²⁵ См.: E. Lewy. On the distribution of the languages in the old Eurasian region. — В кн.: E. Lewy. Kleine Schriften. Berlin, 1961, стр. 78—81.

¹²⁶ См.: Г. К. Вернер. Реликтовые признаки активного строя в кетском языке. — ВЯ, 1973, № 1.

¹²⁷ См.: В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. В — К. М., 1971, стр. 6—37.

Уже одно то обстоятельство, что определение эргативной конструкции оказывается возможным исключительно на уровне глубинной синтаксической структуры, свидетельствует об ее исторической обусловленности «нормами сознания» носителей соответствующих языков. Систематическое сопоставление принципов эргативного строя с принципами активного, с одной стороны, и номинативного, с другой, каждый из которых характеризуется довольно четко выступающей семантической детерминантой, заставляет выйти при исторической интерпретации эргативности за пределы чисто структурного подхода и обратиться к внешним по отношению к структуре языка факторам развития. При этом становится более ясной необходимость подчеркнуть определяющую в эволюции языкового строя роль семантической детерминанты языка, через посредство которой прежде всего и осуществляется воздействие мышления на языковую структуру.

Как представляется, суть эволюции самой семантической детерминанты языка может быть сведена в первом приближении к процессу последовательного усиления субъектно-объектного начала. Содержательную предпосылку основных структурных особенностей языков активного строя следует усматривать в созданной их носителями на определенном этапе общественного развития семантической модели мира, членившей всю совокупность реальных денотатов на разряды активных или «одушевленных» и инактивных или «неодушевленных» (ср. отвечающие ей противопоставления в лексической системе активных и инактивных имён существительных, активных и стативных глаголов).

Эта модель мира дает себя знать, конечно, не только в языке, но и в других проявлениях интеллекта обслуживаемого им общества. Дихотомия активного (точнее — живого) и инактивного (т. е. неживого) начал накладывает, как известно, совершенно определенный отпечаток на обычай, искусство, мифологию и фольклор носителей соответствующих языков¹²⁸ (необходимо заметить, однако, что ее функционирование обусловлено не столько струей иррационального в мышлении, как это нередко представляется, а, напротив, прежде всего теми вполне рациональными аналогиями, которые могут быть проведены между ингредиентами живой природы — человеком, животным, растением). Поэтому думается, что принципы активного строя составляют одно из наиболее очевидных проявлений того, как внешний мир детерминирует через сферу общественного сознания языковую структуру.

С другой стороны, семантической детерминантой языков эргативного строя приходится признать последовательное разграничение прежде всего субъектного и объектного начал (ср., в частности, фундаментальную для их структурного облика лексическую оппозицию транзитивных и интранзитивных глаголов).

¹²⁸ Ср., например: А. Ф. Анисимов. Исторические особенности первобытного мышления. Л., 1971, стр. 118—130.

Вместе с тем из рассмотренного выше языкового материала следует, что если с активным строем эргативный сближается главным образом формально, т. е. в плане выражения, то его общность с номинативным лежит уже преимущественно в плане содержания —ср. специальную ориентацию многих его структурных компонентов на передачу субъектно-объектных отношений. Столь характерное диалектическое соотношение формальной и содержательной сторон эргативного строя довольно определенно указывает на направленность языковой эволюции по линии: активность → эргативность → номинативность. С такой направленностью развития полностью согласуется продемонстрированный выше факт высокой объясняющей способности модели активного строя с точки зрения понимания генезиса и принципов функционирования эргативного. О том же говорит и тот аргумент, что именно такая историческая перспектива соответствует отмечавшемуся во многих современных исследованиях примату грамматических потенций имен «одушевленного» класса и глаголов «действия» в развитии языковой структуры (имеется в виду охарактеризованный в IV главе процесс постепенного распространения этих потенций на имена «неодушевленного» класса и глаголы «сстояния») ¹²⁹.

Поэтому трудно сомневаться и в том, что в конечном счете в сфере мышления следует искать и фактор, определяющий трансформацию активного строя в эргативный или непосредственно в номинативный. Перестройку оппозиции активных и стативных глаголов, формализацию и последующее снятие противопоставления активных и инактивных имен и т. п. можно, вероятно, рассматривать как прямое следствие преобразования самой семантической детерминанты языка. На смену детерминанте, противопоставляющей активное («одушевленное») и инактивное («неодушевленное») начало, как показывает языковой материал, приходит новая, противополагающая субъектное начало объектному. Если это так, то тем самым налицо определенное свидетельство важнейшей роли перестройки лексической системы языка для соответствующих изменений на более поздних уровнях его структуры — в синтаксисе и морфологии. Можно сказать, вероятно, что лексический уровень составляет один из факторов, обеспечивающих относительную самостоятельность развития системы языка на других уровнях ¹³⁰.

Представляется целесообразным отметить, что поиски связи между становлением эргативного строя и усилением субъектно-объектного в той или иной форме встречаются в целом ряде предшествующих работ отечественных языковедов. В частности, было высказано предположение, что характерная для эргативных язы-

¹²⁹ Ср., например: И. М. Троинский. Общеиндоеуропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). Л., 1967, стр. 90.

¹³⁰ Специальное рассмотрение проблематики см. в кн.: Б. А. Серебренников. Об относительной самостоятельности развития языка. М., 1968.

ков деградация различия форм органической и неорганической принадлежности внутри именной морфологической категории притяжательности «отражает все растущую дифференциацию объективного и субъективного» в сознании человека¹³¹. Ср. также мнение, согласно которому, «видимо, эргативная конструкция возникла на основе такого строя языка, в котором не субъект противопоставлялся объекту, а активный предмет пассивному...»¹³². Цитаты подобного рода можно было бы без труда умножить.

Необходимо подчеркнуть сложность процесса такого детерминантного преобразования, никогда не приобретающего формы механического замещения. Факты самых различных языков эргативного строя с достаточной очевидностью иллюстрируют борьбу обеих семантических детерминант. При этом наиболее типичным образом ее отражает такое развитие, когда та или иная характеристика активного строя, утрачивая свои господствующие структурные позиции, временно закрепляется на более второстепенных. Именно последним объясняются столь многочисленные в эргативных языках явления так называемого «компенсаторного» развития импликаций активности. Ср., например, нередкое возникновение в них двух форм эргативного и некоторых других падежей, служащее своеобразным воемещением постепенного снятия бинарной оппозиции активного и инактивного именных классов, или случаи формирования ииклюзивного и эксклюзивного глагольных аффиксов 1-го лица множественного числа, «компенсирующие» нейтрализацию противопоставления по данному признаку форм соответствующих личных местоимений. Особенно показателен в этом плане факт различия в картвельских языках двух уже подлинных глаголов обладания (ср. груз. *qola* и *kopa*), соотносящихся с объектами «одушевленного» и «неодушевленного» классов.

Если учитывать факт преимущественного отставания формальной стороны языка от содержательной, а также конкретные тенденции, характеризующие эволюцию представителей эргативной типологии, то как будто имеются основания если не к отождествлению, то по крайней мере к сближению семантических детерминант эргативного и номинативного строя (ср. оппозицию транзитивных и интранзитивных глаголов в первом и амбивалентных и моновалентных глаголов во втором). На этом фоне оказывается возможным, в свою очередь, объяснить отдельные прецеденты вторичной эргативизации уже сложившейся номинативной типологии, как это имело место в истории значительной части индоиранских языков. Подобная эволюция, впрочем, как показывают специальные исследования, не результирующая в сколько-нибудь вы-

¹³¹ С. Д. Кацнельсон. К генезису номинативного предложения, стр. 74.

¹³² А. Н. Савченко. Эргативная конструкция предложения в праиндоевропейском языке.— ЭКПЯРТ, стр. 83.— По его мнению, соответствующий процесс «был обусловлен прогрессом мышления»; см.: Он же. Происхождение среднего залога в индоевропейском языке, стр. 78; ср. также: Т. А. Бертагаев. Следы эргативности в монгольских языках и к вопросу об эргативной конструкции.— ЭКПЯРТ, стр. 279.

держанном эргативном строе¹³³, и которую поэтому можно охарактеризовать как туниковой, возможна уже не в силу смены «норм сознания», а лишь при наличии некоторых благоприятных ареальных условий.

Таким образом, формулируемая в этой главе генетическая гипотеза резко расходится с пользовавшимся в последнее время в теории эргативности популярностью тезисом, согласно которому своеобразие эргативного строя (или уже — эргативной конструкции предложения) обусловлено не социальными или идеологическими факторами, а что оно есть порождение собственно структурных закономерностей языка. Напротив, предлагаемая здесь гипотеза находит себе место в русле идей, высказывавшихся ранее исследователями, видевшими его внетекстовую обусловленность. Уже анализ функционирования эргативности в диахронии, обнаруживающий тенденцию к утрате семантически прозрачных импликаций активного строя, побуждает настойчиво ставить вопрос о смене с наступлением состояния эргативности самой семантической детерминанты языка. Излагаемая гипотеза происхождения эргативности содержит по существу конкретную реализацию положения о детерминированности языкового строя в конечном счете определенными содержательными стимулами.

В связи со сказанным целесообразно несколько подробнее остановиться на неоднократно обсуждавшемся в специальной литературе вопросе соотношения эргативной типологии языка с уровнем развития мышления его носителей. При этом, онять-таки в отличие от еще нередко встречающегося мнения, прежде всего необходимо подчеркнуть, что не видно каких-либо оснований соотносить структурную специфику этого строя с примитивностью и, в частности, с так называемым «долгическим» характером обслуживающего им мышления. Если расщепить структуру мышления нодобно тому, как это сделано в отношении языка, на отдельные уровни, то в лучшем случае можно будет говорить о различии в степени развития его отдельных сторон¹³⁴. Вероятно, но большинству своих частных параметров мышление всех современных народов — как так называемых «первообытных», так и «цивилизованных» — окажется тождественным. В частности, уже то обстоятельство, что в нем идентичен такой важнейший компонент, как формально-логические законы вывода, позволяет многим исследователям утверждать его качественную идентичность¹³⁵. В то же время приведенный в настоящей работе материал имеет отношение по существу лишь к одному компоненту мышления — се-

¹³³ Ср.: Л. А. Пирейко. Основные вопросы эргативности на материале индоиранских языков, стр. 60—64.

¹³⁴ Ср.: В. З. Панфилов. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971, стр. 82—102.

¹³⁵ См. об этом: Fr. Boas. The Mind of Primitive Man. N. Y., 1938; Н. Ф. Яковлев, Д. А. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка, стр. 221; Cl. Lévy-Strauss. Race et histoire. Paris, 1960.

мантической детерминанте языка. Между тем само определение последней для эргативного строя как субъектно-объектной сразу же не только снимает всякую возможность говорить о какой-либо несовершенности соответствующей ему структуры мышления, но и, напротив, дает веские основания констатировать ее чрезвычайно высокий уровень (об этом же во многих случаях красноречиво свидетельствует даже в общем значительно менее показательный культурно-исторический контекст функционирования языков эргативной типологии). В обоснование этого тезиса можно, например, указать на довольно сходные семантические детерминанты, характеризующие эргативный и номинативный строй, хотя сущность детерминанты последнего остается в настоящее время не вполне ясной (большая важность ее установления очевидна). Об этом должна свидетельствовать уже максимальная близость типологического облика представителей обоих по сравнению с языками активной, нейтральной и других типологий. О том же говорит, в частности, распространение в эргативных языках логически стройное и тонко фиксирующее различие в содержании соответствующих действий противопоставление абсолютной, эргативной, аффективной и посессивной конструкций предложения. За каждой из этих моделей стоит четко определенная специфика передаваемого «действия»: непереходного, переходного, «аффективного» и «посессивного». Очень четким образом передаются в рассматриваемых языках и универсальные понятия актантов действия — агента, пациента, инструмента, адресата и т. д. Наконец, совершенно бесспорен и тот факт, что представители эргативного строя с успехом обслуживали и продолжают обслуживать самые высокоразвитые общества (ср., например, их место в государствах древней Передней Азии при множестве номинативных языков, синхронно обслуживавших значительно менее продвинутые культуры).

В свете сказанного едва ли приходится удивляться тому обстоятельству, что эргативные языки распространены в современном мире насколько широко, что в процентном отношении, по-видимому, ненамного уступают номинативным. Такое положение дало повод Г. Хольцу рассматривать эргативный строй в качестве одной из трех основных, но его мнению, форм языкового «логоса»¹³⁶.

Если учитывать сходство или по крайней мере принципиальную близость семантической детерминанты эргативного и номинативного строя, а также их довольно многочисленные структурные аналогии, то трудно признать оправданным все еще встречающееся

¹³⁶ См.: Н. Н. Holz. *Sprache und Welt. Probleme der Sprachphilosophie*, стр. 111 — Уже в начале текущего столетия Н. Финк среди восьми постулированных им «основных» языковых типов называл два, характеризующихся эргативным строем; ср.: N. Fink. *Die Haupttypen des Sprachbaus. Leipzig und Berlin*, 1923, стр. V.

мнение о том, что языки эргативного строя по сравнению с номинативными «очень архаичны»¹³⁷. Более того, подобная квалификация, по-видимому, не вполне адекватна даже по отношению к языкам активного строя, поскольку в эмпирической действительности засвидетельствованы факты их непосредственной номинативизации. В частности, в данном контексте едва ли необходимо доказывать, что на основании ориентации структуры глагола в активных языках на обозначение не субъекта и объекта, а активного и инактивного актанта (ср. выше, стр. 215), еще невозможно прийти к выводу о неразличении в сознании носителей этих языков субъектно-объектных отношений. Как недавно было вновь подчеркнуто Б. А. Серебренниковым, сколько-нибудь однозначное соответствие между типом языка и уровнем развития мышления отсутствует¹³⁸.

В связи с рассматриваемым вопросом едва ли возможно и согласиться со взглядом, согласно которому в аффективной («дативной») конструкции эргативных языков прослеживаются отложения древних воззрений или «концепций», свойственных додогматическому мышлению. Подобная точка зрения была, в частности, сформулирована на базе анализа аффективной конструкции предложения в картвельских языках. Ее существование сводится к следующему: то, что признавалось более ранним мышлением за субъект, позднее стало осознаваться как объект, в то время как бывшее реальным объектом лицо выступило в роли субъекта; поскольку же конструкция глагола осталась древней, первоначальный прямой строй всего предложения оказался инвертированным.

Однако, даже если допустить инверсионную природу аффективной конструкции предложения, при этом остается необоснованным, почему структурная инверсия связана только с лексической группой *verba sentiendi*, в более или менее сходном составе повторяющейся по языкам различных семей. Еще важнее то обстоятельство, что трудно поверить в возможность столь радикальной перестройки сознания, при которой субъект и объект могли бы поменяться ролями. Вообще после того, как сам Л. Леви-Брюль в 1938–1939 гг. отказался от ранее выдвинутого им тезиса о функционировании на определенном этапе развития общества «додогматического» мышления, апеллирующий к последнему взгляду на генезис аффективной конструкции предложения, изложенный к тому же без специальной аргументации, представляется анахронизмом. Впрочем, нельзя не отметить, что мнение об инверсионной природе этой конструкции уже неоднократно подвергалось критике в специальной литературе. Так, например, еще в 1942 г.

¹³⁷ Ср., например: V. Skalicka. The Structure of Languages of the Ancient Orient. «Archiv Orientální», 1950, v. XVIII, № 1–2; 1950, стр. 487–488; L. Tesnière. Elements du syntax structurale. Paris, 1959, стр. 112.

¹³⁸ См.: Б. А. Серебренников. Развитие человеческого мышления и структура языка.— Сб. «Ленинизм и теоретические проблемы языкоизучения». М., 1970, стр. 338.

А. А. Глонти высказал предположение, что постановка при глаголах восприятия в картвельских языках подлежащего в дательном падеже должна объясняться не фактом исторической инверсии, а самим характером этих глаголов¹³⁹.

Рассмотренный в этой главе генетический аспект проблемы эргативности непосредственным образом затрагивает но существу уже давно высказанную в лингвистике идею об универсальных тенденциях языкового развития, т. е. идею, которой в определенной мере направлялись — особенно в области исторического синтаксиса — исследования целой группы отечественных и некоторых зарубежных языковедов второй четверти XX столетия.

В настоящее время едва ли существует необходимость доказывать, что безуспешность попыток положительного решения вопроса стадиальности, неоднократно предпринимавшихся в прошлом, не могла дискредитировать самую мысль о возможности поэтапной периодизации основных путей языковой эволюции. Более того, с точки зрения той ведущей роли, которую играет мышление по отношению к языку, методологически корректными представляются и поиски определенных соответствий некоторым типам языковой структуры в сфере «норм сознания». Эти обстоятельства оправдывают постановку вопроса об эргативном строе как некотором переходном (хотя и, по всей вероятности, не необходимом) состоянии языка между исторически предшествующим ему активным строем и последующим номинативным.

Возникает естественный вопрос, можно ли рассматривать по крайней мере активное и номинативное состояние в качестве некоторых универсальных фаз эволюции языка. Автор, однако, далек от мысли, что настоящая работа способна пролить сколько-нибудь определенный свет на решение подобного вопроса. Такая сверхзадача неред ней и не могла быть поставлена. Должно быть достаточно очевидным, что без специального изучения механизма и стимулов других языковых типологий — номинативной, активной, а также вырисовывающихся как будто в последнее время «много-классной» и «нейтральной» — сама перспектива исследования останется слишком фрагментарной для того, чтобы прийти к позитивным или негативным в затронутом отношении выводам. Между тем не будет преувеличением сказать, что анализ принципов не только активного, но и значительно лучше известного номинативного строя, еще не составляя в языкоznании предмета систематического рассмотрения (к тому же можно предвидеть и некоторые специфические трудности изучения последнего). Уместно подчеркнуть поэтому необходимость выявления полнейшего по возможности набора языковых типов, сопоставление которых позволило бы уловить более общие закономерности развития языка.

¹³⁹ См.: А. А. Глонти. К одному синтаксическому свойству глагола объектного строя в грузинском. «Труды Горийского пед. ин-та», Тбилиси, 1942, стр. 116—117; ср. также: Б. Г.-К. Хамагомедов. Очерки по синтаксису табасаранского языка. Махачкала, 1970, стр. 93—95.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отличие от предшествующих исследований, трактовавших эргативность преимущественно в рамках проблематики синтаксической типологии, в настоящей работе она рассматривается как некоторая целостная характеристика языкового типа, проявляющаяся не только на его синтаксическом, но и на морфологическом и лексическом уровнях. В соответствии с подобным подходом здесь строго отграничиваются друг от друга такие нечетко обособлявшиеся в прошлом понятия, как эргативная конструкция (модель) предложения, с одной стороны, эргативная типология предложения, с другой, и эргативный строй языка в целом, с третьей (аналогичными целостными языковыми системами представляются и исторически смежные с эргативным активный и номинативный строй).

Исходя из подтверждаемого фактическим материалом эргативных языков общего положения о первичности лексического и вторичности грамматического, имеются основания утверждать, что именно господствующие здесь закономерности организации лексической структуры и, в частности, принцип лексикализации глагольных слов по транзитивности — интранзитивности и обуславливают функционирование всех остальных импликаций эргативности. Среди последних на синтаксическом уровне следует назвать корреляцию эргативной и абсолютной конструкций предложения, из которых первая задается транзитивными глаголами, а вторая — интранзитивными, а также дифференцированность в инвентаре членов предложения прямого и косвенного дополнений (первое предполагается только транзитивным глаголом). Важнейшими импликациями эргативности на уровне обслуживающей специфику синтаксиса морфологической системы является оппозиция эргативного и абсолютного рядов личных аффиксов в глагольном сряжении или функционально аналогичное противопоставление эргативного и абсолютного падежей в именном склонении.

В зависимости от степени приближения к устанавливаемому в работе абстрактному эталону эргативного строя можно разграничить языки, которые проводят соответствующий комплекс признаков-координат последовательно, а также языки, характеризующиеся смешанной типологией. Свидетельства последних

оказываются особенно инструктивными в плане установления как закономерностей развития, так и генезиса эргативности.

Основную специфику типологии предложения в языках эргативного строя образует корреляция его эргативной и абсолютной конструкций. Поскольку в специальной литературе до последнего времени господствуют не синтаксические определения этих построений, а описания частных особенностей их морфологического оформления, в работе предпринимается попытка сформулировать их дефиниции. Эргативная типология предложения определяется на глубинно-синтаксическом уровне. Это — типология, в рамках которой субъект переходного действия трактуется иначе, чем субъект непереходного, а объект первого — так же, как субъект второго. Опираясь на эту дефиницию, эргативная конструкция определяется как модель транзитивного предложения эргативной типологии, а абсолютная — как модель его интрапозитивного предложения.

Если принять во внимание глубинно-синтаксическую сущность обеих моделей, становится понятным широкое варьирование по разным языкам их поверхностно-синтаксического и морфологического облика. Так, в частности, эргативная конструкция предложения выступает в трех следующих структурных разновидностях: а) глагольной ($N - N - V_{erg, abs}$), в которой отношения эргативности всецело передаются в составе словоформы глагола-сказуемого, б) «смешанной» ($N_{erg} - N_{abs} - V_{erg, abs}$), в которой те же отношения выражаются как в словоформе сказуемого, так и в синтаксически связанных с ним именных членах, и в) именной ($N_{erg} - N_{abs} - V$), в которой отношения эргативности передаются исключительно падежными формами именных компонентов.

В работе подтверждается неоднократно высказывавшееся ранее положение, согласно которому синхронной доминантой предложения эргативной типологии является глагол-сказуемое. Вместе с тем целый ряд разноплановых аргументов свидетельствует о том, что подобно представителям других типологий и в эргативных языках к составу главных членов предложения (т. е. грамматически организующих его центров) должны быть отнесены только подлежащее и сказуемое. Прямое дополнение, будучи всецело подчиненным сказуемому, входит на правах второстепенного члена в его группу (точка зрения, включающая прямое дополнение в число главных членов предложения, основана на типичном морфологизме в подходе к решению этого синтаксического по своему содержанию вопроса).

Характерный в предложении эргативной типологии слово-порядок может быть передан схемой $S - O' - O'' - V$ для эргативной конструкции (O' здесь — символ косвенного дополнения, O'' — прямого) и схемой $S - (O') - V$ для абсолютной.

Противопоставление эргативного и абсолютного рядов личных аффиксов глагола реализуется в эргативных языках либо их ма-

териальным различием, либо позиционным. В составе падежей эргативный как в плане содержания, так и в плане выражения, является маркированным членом оппозиции, а абсолютный — немаркированным. Специфическая функция первого сводится к оформлению подлежащего эргативной конструкции, а второго — к оформлению подлежащего абсолютной и прямого дополнения эргативной (в этом заключается его очевидное функциональное отличие от именительного падежа языков nominativной типологии).

В настоящее время имеется возможность привести немало различных аргументов, поддерживающих положение о необоснованности все еще встречающейся в эмпирических исследованиях концепции пассивности эргативной конструкции предложения (ср. ее активную семантику, отсутствие дифференциации залоговых форм транзитивного глагола, характерный словопорядок именных компонентов и т. д.).

Функциональное содержание разноуровневых импликаций эргативности дает основания предположить, что ее структура мотивируется определенным содержательным стимулом — семантической детерминантой языка, противопоставляющей субъектное и объектное начала.

Помимо перечисленных выше импликаций эргативного строя весьма целесообразным является и определение его фреквенталий, т. е. явлений, которые хотя и не мотивируются семантической детерминантой, тем не менее нередко встречаются в рассматриваемых языках.

На уровне лексики к ним относятся именная классификация, а также непродуктивные группы нелексикализованных по принципу транзитивности — интранзитивности глаголов. Классы субстантивов построены здесь на более или менее формализованных основаниях. В прономинальной системе следует назвать различие инклузивной и эксклюзивной лексем 1-го лица множественного числа. Среди глагольных групп обращают на себя внимание класс активных по своей семантике так называемых «диффузных», или «лабильных» глаголов, с одной стороны, и класс стативных по своей семантике так называемых «статических страдательных» глаголов, с другой. В целом ряде эргативных языков налицо и специфический класс аффективных глаголов (*verba sentiendi, verba affectuum*).

Все названные глагольные группировки обусловливают особые конструкции предложения, характеризующиеся специальными признаками своего морфологического оформления.

Наиболее широко фреквенталии эргативности представлены на уровне морфологии. Здесь целесообразно упомянуть такие из них, как морфологическая категория класса, функционирующая в синтаксически связанных с именами существительными словах (в глаголе, прилагательном и некоторых других); противопоставление форм органической и неорганической принадлежности в именной

категории притяжательности; супплетивизм так называемых «сингулярных» и «плуральных» глаголов (предполагающих соотнесенность действия с единичностью или множеством предметных денотатов); морфологическая категория способа действия в глаголе; незалоговая диатеза «диффузного» глагола, противопоставляющая его транзитивную и интранзитивную формы, и т. п.

Повторяющиеся по эргативным языкам комплексы этих структурных черт давали некоторым авторам повод искать даже отношения генетического родства между самыми различными представителями рассматриваемой типологии.

В соответствии с удельным весом в отдельно взятых эргативных языках элементов обеих сопоставляющихся с эргативностью типологических систем — активной и номинативной — эти языки с долей условности могут быть распределены по двум ареалам. В «западном» (в составе баскского, картвельских, нахско-дагестанских, некоторых древнепереднеазиатских, многих индоиранских, бурунгаски, а также некоторых тибетско-китайских) очевидно наличие целого ряда признаков номинативности. Напротив, в «восточном» (в составе папуасских, австралийских, чукотско-камчатских, эскимосско-алеутских, многих североамериканских) заметное место принадлежит характеристикам активного строя.

Имеются многочисленные основания полагать, что глагольная лексема остается структурной доминантой эргативности и в плане диахронии. Историческое развитие эргативного строя, по-видимому, прежде всего затрагивает принцип лексикализации глаголов, постепенно нейтрализующих оппозицию транзитивности — интранзитивности и группирующихся в некоторый единый класс глагольных лексем (параллельно с этим наблюдается процесс все большей формализации или даже полного снятия именной классификации). В сфере типологии предложения в логическую связь с такой тенденцией должно быть поставлено ослабление корреляции его эргативной и абсолютной конструкций. В соответствии с изменениями, протекающими на более высоких уровнях языковой структуры, наступают определенные преобразования и в морфологической системе. В глагольной морфологии засвидетельствованы смешение и последующая нейтрализация эргативного и абсолютного рядов личных аффиксов в единой функционально субъектной серии показателей лица. В именной морфологии прослеживаются факты снятия противопоставления эргативного и абсолютного падежей при параллельном формировании единого падежа подлежащего — номинатива.

Исходя из определения основных закономерностей развития эргативного строя, возникает возможность исторической квалификации этапа эргативности в каждом рассматриваемом языке.

В плане диахронии «западный» ареал распространения эргативных языков в целом противопоставляется «восточному» как зона инноваций зоне консервации. Фактический материал подсказывает вывод, что за тенденциями структурной эволюции эргативности

стоит усиление семантической детерминанты номинативного строя. Менее общим закономерностям подчинен по языкам процесс утраты различных фреквенталий эргативного строя. Такие явления, как сокращение числа «диффузных», «статических страдательных» и аффективных глаголов, а также сунплетивизма «сингулярных» и «плуральных» глагольных лексем, отмирание аффективной конструкции предложения, перестройка аспектуальных (точнее — различающих способ действия) форм глагола на темпоральные, снятие противооставления форм органической и неорганической принадлежности в посессивной флексии имен и т. п., протекают в различных языках в соответствии с частными особенностями их структуры.

На базе постулируемых тенденций развития эргативного строя в работе предлагается гипотеза, согласно которой его структура представляет собой один из закономерных результатов исторической трансформации типологически отличного состояния языка. (ранее не отграничивавшегося от эргативного) — активного строя, семантической детерминантой которого является противооставление активного («одушевленного») начала инактивному («неодушевленному»).

Свое структурное выражение эта трансформация получает в перестройке принципа лексикализации глаголов с диахотомии активность — стативность на диахотомию транзитивность — интранзитивность (в частности, за встречающимися в ряде эргативных языков классами «диффузных» и «статических страдательных» глаголов можно усмотреть пережиточное функционирование исторической оппозиции активных и стативных глаголов), в трансформации активного и инактивного классов субстантивов в формализованные группы имен, в преобразовании корреляции активной и инактивной конструкций предложения на противопоставление эргативной и абсолютной. Соответствующие изменения происходят и в сфере морфологической системы (ср. перестройку активного и инактивного рядов личных аффиксов глагола на эргативную и абсолютную серии).

Предполагаемая картина генезиса эргативного строя находит многочисленные иллюстрации в самых различных семьях рассматриваемых языков. Наиболее показательными в этом отношении представляются факты тех из них, структурный тип которых в той или иной мере оказывается промежуточным между активным и эргативным. Как и можно было ожидать, пережитки активного строя особенно ощутимым образом дают о себе знать в такой консервативной системе, как морфология, хотя нередко прослеживаются и на более высоких уровнях языка. Вместе с тем в языковой действительности не наблюдается прецедентов спонтанного формирования эргативного типа из номинативного.

Имеются основания предполагать, что в конечном счете процесс становления эргативности обусловливается постепенной смени самой семантической детерминанты языка.